

Герман АРУТЮНОВ

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Для тех, кто любит думать

Москва 2017 г.

Арутюнов Г.Р.
Вечные ценности
Москва, 2017 г.

Вечные ценности определяют образ жизни каждого из нас, хотим мы того или нет. **Они как бы опыляют нашу жизнь, как пчелы опыляют растения.** Они входят в наше сознание с детства и влияют на все наши поступки, на нашу судьбу. Это навигаторы, которые не видны, но, влияя на наше сознание, помогают ориентироваться в момент выбора или принятия решения, поддерживает нас в сложные минуты.

Мы не задумываемся об этом, но определенное количество вечных ценностей, усвоенных нами с детства, всю жизнь сохраняют для нас лестницу в небо, работают в нас как крылья, позволяющие парить над землей. Они формируют наш духовный рейтинг, наше творческое лицо. И наоборот, отказ от них поворачивает нас в сторону тьмы, заставляя больше смотреть себе под ноги и думать о выгоде.

Что собой представляют эти ценности, почему их называют вечными и как влияют на нашу жизнь? Об этом размышляет автор этой книги, не навязывая своего мнения, но предлагая задуматься. Об этом же говорит надпись на обложке книги: «Для тех, кто любит думать».

Предисловие

Как часто в жизни мы просто живем, живем обычной земной жизнью, в беспрестанных делах, заботах, а кто-то рядом с нами все время делает открытия. А мы не удивляемся этому, даже не замечаем. С одной стороны, потому что открытия делают дети, а мы, взрослые, сами открытия делать перестали. А с другой..., наверное, потому что **видеть в обычном необычное** это Божий дар, который не всем дается.

У Германа Арутюнова этот дар есть. Я тридцать пять лет выписываю журнал «Природа и человек» и в 1988 году сразу заметил в нем появление нового автора. Первая его статья «Я мыслю образами» была посвящена женщине-факиру Светлане Тим. Помню, меня тогда поразило **его открытие** — среди причин, почему хождение по острым саблям не причиняет ей вреда, он выделил мысль о единстве «поля», которая помогала факиру. Светлана представляла себе, что ее тело и сабли — это единая среда. Точно так же как йог, перед тем как выпить соляную кислоту, представляет себе, что он и кислота — это одно целое. И кислота не причиняет ему вреда.

Открытие было вроде бы не глобальным, касалось редкого, не типичного явления. Ну, в самом деле, многие ли из нас ходят по саблям, а поэтому так ли уж важно, что помогает не порезаться? И в то же время мысль о единстве «поля» ему тогда показалась интересной, пошли аналогии. Сразу вспомнились слова Маугли «*Мы с тобой одной крови, ты и я*» из «Книги джунглей» Р.Киплинга, слова, которые помогали снимать все различия, напоминая о единой природе всего и вся на этой планете. То есть узкое одиночное явление (хождение босиком по саблям) вывело на всеобщность.

Так вот и теперь, Герман пишет о вечных ценностях, вроде бы привычных для всех нас понятиях, но **в каждой главке свои открытия и в каждой один и тот же «мотор» — повторы**. Кто из нас задумывался о повторах, как о механизме преобразовании материальной энергии в духовную? Почему в компьютере повторы не рожают ничего нового, для этого нужна новая программа, а у живых существ при повторах (например, мама-волчиха учит волчат охотиться) возникают новые качества?

Оказывается, **при определенном количестве повторов происходит переход количества в качество**. Скажем, шаман, чтобы вызвать дождь, танцует вокруг костра и бьет в бубен. Сколько кругов он должен сделать и сколько раз должен ударить в бубен, чтобы пошел дождь? А это зависит от многого: его состояния (запас энергии) и настроения, состояния среды (костер, публика, музыка, погода), каких-то мелочей (удобные унты, добротная малица),

чистоты настройки на иные миры. Но, чтобы все это сработало, он должен танцевать, делая **одни и те же** движения, совершать **повторяющиеся круги** вокруг костра, Тогда на каком-то витке *«цепь замкнется, и по ней пойдет ток.»*

Так и с вечными ценностями...Сколько раз каждая из них должна прокрутиться в сознании ребенка, чтобы стать ценностью и тем более вечной, то есть превратиться в оберег? Никто не скажет. Но одно точно: если не пропускать их через себя, не осмысливать, не обсуждать, **если не включать механизм повторов, ничего не будет.**

Повторы действуют не только в священных и намоленных местах (святилищах, храмах, мемориалах), где совершаются чудеса, но и в толще самой обычной жизни, которой все мы живем. Известна общая для всех фраза, с которой обращаются к каждому из нас, и которую каждый из нас не однажды произносит: *«Сколько раз я тебе говорил (говорила), а ты только сейчас делаешь...»* Потому и делают, что сколько раз говорили...Не важно, после скольких раз доходит, важно, что без повторов дошло бы не скоро. Или вообще бы не дошло.

Почему во всех монастырях монахи по много раз переписывали священные книги? По той же причине — чтобы сработал **священный механизм повторов**. Почему в тибетских храмах монахи постоянно крутят барабаны с записанными на них изречениями мудрых? По той же причине — чтобы сработал **священный механизм повторов**. Почему последователи Хари Кришны постоянно поют одни и те же мантры? По той же причине — чтобы сработал **священный механизм повторов**. Почему я сейчас все это повторяю? По той же причине — чтобы сработал **священный механизм повторов**.

Странно, что о таких, казалось бы, очевидных вещах никто не говорит и не пишет. То есть, конечно, говорят и пишут, но, не выделяя повторы, как волшебный механизм. Это делает автор этой книги, спокойно, рассудочно, без архимедовского выскакивания голым из ванной и криков «эврика», но последовательно и, повторяясь, зная, что повторы сами сыграют свою роль.

Как в забавном ирландском лимерике (шутливом стишке):

*«Жил на свете ревнивый супруг
Запирал он супругу в сундук.
И на все возраженья,
Тихо, без раздраженья,
Говорил ей: пожалте в сундук!»*

Георгий Дьяченко,
историк, философ

То ценное, что накапливает, отбирает и передает саму жизнь

От автора

Все ищут рецепты лучшей жизни. Такой, чтобы чего-то добиться, прожить именно свою жизнь, а не чужую, реализовать свои возможности, причем, не преступным путем, а достойно, приумножая количество не врагов, а друзей. Оказывается, не надо ничего изобретать и придумывать что-то новое — все новое это хорошо забытое старое. **Нужно пропускать через себя вечные ценности.**

Правда, они, как и народный эпос, имеют свой секрет. Не попадешь в нужный ритм, самая великая ценность покажется ерундой, **с вечными ценностями нельзя обращаться бесцеремонно, с ними надо церемониться**, то есть читать про них, осмысливать их, обдумывать.

Это не фастфуд, это духовная пища, отобранная временем и потому очень концентрированная, как лекарство и даже как яд. Поэтому желательно усваивать каждую вечную ценность через обряд, ритуал, то есть ряд последовательных повторяющихся действий. Как в кино, где несколько картинок,двигающихся перед нами одна за другой (16 или 24 кадра в секунду) вдруг превращаются в живую картину.

Каждая тема в книге — описание вечной ценности. И каждая ценность (верность, вера, мечта, простая жизнь или вещи из домашнего музея), как часто **повторяющиеся** слова, так или иначе проявляется в жизни многократно, то есть **повторяется**, и тем самым как бы заключает сама себя в энергетическое кольцо.

Не случайно великий реформатор Мартин Лютер 500 лет назад, истово желая, чтобы **вечные ценности** дошли до людей, начал перекладывать слова Евангелия на стихи-псалмы, а стихи эти в свою очередь клал на музыку, надеясь, что все люди когда-нибудь будут петь эти псалмы, пропуская священные слова через свою душу. По сути своей таковы же и все молитвы, которые верующие пропевают в храме или дома. Не потому ли они верят? Повторяют одни и те же слова, неосознанно замыкая их в энергетическое кольцо, и чувствуют нечто высшее, что позволяет ощущать, что за этой жизнью стоит еще какая-то, пока не постижимая для нас.

Вечные ценности — как повторяющиеся вехи вдоль дороги жизни. Мы узнаем эти вехи с детства через рассказы взрослых и, видя их, нам легче двигаться по дороге собственной судьбы.

Человеку во все времена нужны были какие-то **ориентиры в жизни**. До письменности это были передающиеся из уст в уста негласные правила поведения, духовные ценности, помогающие жить. С появлением письменности у разных народов эти ценности сконцентрировались в виде заповедей, которые были нанесены на каменные доски — **Скрижали**.

До нас дошли 10 заповедей, которые даны Богом Моисею на горе Синай, и вошли в Ветхий Завет. Потом Христос добавил к ним ещё одну, объединив смысл предыдущих заповедей: «Да любите друг друга». 10 заповедей Ветхого Завета на скрижалях считаются основой веры.

В изобразительном искусстве знаменитые каменные доски, на которых были записаны заповеди, обычно изображают в виде раскрытой книги или ветхих плит с закруглёнными верхними углами.

Вечные ценности, записанные на скрижалях, и те, что в скрижали не вошли, но передаются из уст в уста — это как ось координат или ориентиры, которые не видны, но помогают жить, собраться в момент выбора или принятия решения, защищают от уныния и отчаяния..

Заповеди это, возможно, самые **часто повторяющиеся** вечные истины, которые люди всегда пытались передать своим детям и внукам, а те — уже своим. Причем, неоднократно повторяя. Поэтому **они заключают в себе волшебный механизм повторов**, который лежит в основе всех магических обрядов и ритуалов. **Каждый повтор как магнит** в замкнутом энергетическом кольце, придающий ускорение движущемуся по кольцу предмету.

Не случайно в нашей жизни есть такое понятие как Дежа вю (в переводе с французского означает «уже виденное»). Это **повторяющиеся** действия, когда кажется, что что-то уже было. Это психическое состояние, при котором человек, находясь в определенном месте и в определенное время, испытывает ощущение, что он уже был в подобной ситуации, и в этот момент ему кажется все знакомым..

Не случайно впечатление от Дежа вю может быть таким сильным, что воспоминания о нём могут сохраниться на годы. Потому что включаются высшие слои нашей психики, которые играют очень важную роль в жизни.

Парапсихологи объясняют Дежа вю теорией реинкарнации, то есть, если человек проживает не одну жизнь, а несколько, то он может вспоминать некоторые эпизоды одной из них.

Генетики объясняют Дежа вю проще — работой нашей генной памяти, растворенной в крови, которая хранит информацию о жизни всех наших предков, вплоть до Адама и Евы.

А мне хотелось бы обратить внимание именно на **повторы**, с которыми связано явление Дежа вю. Без повторов нет и Дежа вю. То есть потому и вспоминаются нам ситуации, в которых, кажется, мы уже были, что **повторы у нас в крови, как основной механизм жизни, превращающий материальное в духовное.**

Это происходит, поскольку человек — существо сакральное, магическое, помимо материального мира несущее в себе и духовные миры. **Повторы же это тоже нечто магическое, перекрывающее наше сознание с обыденного на сакральное.**

На повторах строится любой физический труд, который собственно наряду с речью и выделил человека из животной среды, озаряя монотонность и однообразие вспышками энергии, как озаряется трение дерева о дерево языком пламени. Тот самый физический труд, без которого невозможно никакое созидание и тем более творчество. К которому в нашем обществе раньше относились с уважением, прививали любовь, а теперь масскультура формирует к нему негласное пренебрежение, если не презрение, все теле, радио и газетные рекламы нацеливают на быстрый и легкий успех.

Не случайно в противовес умалению труда энтузиасты создали в Москве театр труда, цель которого не только вернуть уважение к труду, но и пробудить у молодежи интерес к исконно простым рабочим профессиям: кузнечному делу,

Чтобы понять
ценность жизни,
нужно хотя
бы раз взглянуть
на нее с
позиции вечности
и с позиции Бога...

плотничеству, гончарству, рукоделиям, чтобы дети вновь стали мечтать о том, чтобы стать геологами, трубочистами, врачами или пожарниками. Театр, где герои — увлеченные люди с горящими глазами,двигающие вперед свое дело, а вместе с ним мир, жизнь. Театр, где снова со сцены звучат слова о том, что высокие цели нужны прежде всего нам самим.

Любой, даже самый скучный, однообразный и монотонный труд, как обряд, магичен и сакрален, потому что несет в себе повторы. Они как круг свечей, которые зажигают по очереди, и, когда все они горят, становится виден сверкающий огненный круг — символ мировой энергии.

На повторах держится стабильность любых действий в нашем материальном мире, будь то движение планет, возникновение и исчезновение целых галактик или движение небесных тел по орбитам. Поэтому и на планете Земля все построено на повторах, начиная с восхода солнца и кончая его закатом. Собственно и **действия каждого из нас, отражая повторы в природе, тоже повторяются:** просыпание, засыпание, движение, еда, сон и так далее.

Если мы поймем, что **повторы не скучны, а часть волшебного механизма жизни,** механизма нагнетания энергии и насыщения ею пространства, пробоя рутины и воспламенения материи, то это изменит наше отношение к жизни, ко всем ее монотонным повторяющимся моментам, а также к труду, к которому можно относиться не как к тягостной обязанности, а как к источнику энергии.

Тогда талантливые люди, которые сейчас, возмущаясь монотонностью труда и жизни, уклоняются от работы, уходят в загул или идут на преступления, будут, зная, как это делается, извлекать из монотонности энергию и испытывать творческие озарения.

Тогда при монотонном труде не надо будет считать минуты, дожидаясь, чтоб только поскорее все закончилось. Как не испытывали скуки жрецы в храмах Вавилона и Древнего Египта, а также друиды, предки славян в святилищах, от монотонно однообразных, повторяющихся действий религиозных обрядов, как не испытывают скуки священнослужители сейчас, участвуя в современных монотонных обрядах, составляющих церковное богослужение..

Вечные ценности — это тоже повторы, но повторы не обычные, а выдающиеся, сакральные, повторы самого важного в жизни духовного опыта, что выделил человек за всю историю своего развития.

Неспроста ряд психологов полагает, что Дежа вю играет роль механизма нашей самозащиты. То есть **когда мы находимся в неловкой ситуации или в незнакомом нам месте, то автоматически начинаем искать повторы**, то есть какие-то знакомые вещи или предметы, чтобы поддержать свой организм в момент психологического стресса.

Вечные ценности, постоянно прокручивающиеся в нашем сознании, тоже своего рода механизм духовной самозащиты, как нечто устойчивое, в противовес изменчивому, зыбкому, сиюминутному, ненадежному. Таким образом задача перед любым обществом — изменить отношение к ним всех в целом и каждого человека, перестать видеть в них торможение и рутину, но прежде — магию повторов, воспламеняющих наше сознание.

26 моих эссе (очерков-размышлений) под рубрикой «Вечные ценности» из номера в номер в течение нескольких лет публиковались в журнале «Природа и человек. XXI век», после чего один из читателей написал, что эта тема — находка журнала, потому что,

«если еще тридцать или сорок лет назад, когда перед страной все еще стояла цель — построить коммунизм и воспитать нового человека, эта тема не сходила у нас со страниц печати и литературы, то есть она не была редкостью, то сейчас модны эгоизм, приколы, идиотизм, ирония, низведение и развенчание всех духовных и нравственных ценностей.»

Это так. Добро на первый взгляд однообразно и неинтересно. Потому и журналистам и писателям интерес-

нее писать о зле, а актерам интереснее играть злодеев. И к поговорке «От добра не ищут» прислушиваются сейчас немногие, потому что мир катится к пропасти разнообразия, размывания границ и норм. **Мы теперь стремимся одновременно ко всему**, оставляя на потом то важное, что надо сделать в жизни, забывая фразу короля Пруссии Фридриха Великого (1712-1786) *«мы хотим всем завладеть, как будто у нас есть время всем обладать»*. Так что **к добру и высоким истинам надо себя понуждать**, потому что как физические упражнения для тела, это духовные упражнения для души. **К злу мы и сами скатываемся**, причем, без всяких усилий. А вот к добру — путь в гору.

И помощниками на этом пути всегда были и есть и будут **ценности, которые принято считать общечеловеческими**. Это те ценности, которые важны во все времена и для всех людей. К ним относятся

**справедливость,
красота,
достоинство,
чувство долга,
добро,
общественная польза.**

Это те ценности, которые важны для духовно развитого человека. И во все времена, для всех наций и для всех видов обществ эти ценности были вечными.

**А еще верность и
преданность,
любовь к детям и
своим близким,
к своему народу и
Отечеству.**

Есть ценности преходящие, которые меняются в соответствии с уровнем развитием общества. Но именно **на вечных ценностях держится мир**. И чтобы в мире ни происходило, какие бы новшества ни придумывали бы, вечные ценности играют важную роль в жизни каждого человека, каждого из нас. Без них человеку не на что опираться, нечем духовно развиваться и чувствовать себя человеком. В добре, красоте и справедливости раскрывается наш духовный потенциал. Без высших ценностей **прожить жизнь достойно** трудно, если не сказать — невозможно.

А еще к привычным вечным ценностям в можно добавить темы, над которыми всегда интересно задуматься:

простая жизнь,
в поисках смысла,
круг жизни,
вера,
молитва,
песня,
источник,
старые письма.

**Вечные ценности, как любящие ладони, как атмосфера,
защищают жизнь на земле**

У всех свои Вечные ценности. Поэтому каждый, наверное, к известным и устоявшимся ценностям добавляет в течение жизни какие-то свои...

Для рода и семьи это важно — выработать свои родовые ценности, чтобы следующие поколения им следовали и по ходу собственной жизни добавляли что-то свое, обогащая память рода. Это важно, поскольку всегда будет островком здравого смысла среди духовного мусора, который постоянно накапливается вокруг нас.

Спасибо моему другу русскому художнику Юрию Сергееву за резонанс в мышлении. Наши взгляды на мир и его проблемы во многом совпадают, мы — единомышленники, поэтому некоторые картины художника — наглядные иллюстрации моих мыслей.

Вертикаль крещения

Какой будет наша жизнь?...Это во многом зависит от ее начала, от первых впечатлений, от первых настроек на окружающий мир. **Очень важно, когда жизнь начинается, эту жизнь заключить в обряд, как картину в раму.** Так делалось в советской школе, когда нас всех принимали в пионеры и комсомольцы. Так делается и сейчас в Армии, когда принимается присяга, и в медицинском институте, когда читается клятва Гиппократы.

Жизнь через обряд как бы сама втягивает людей в себя, чтобы ей было легче, чтобы слаженно работали ее механизмы: механизм Армии, механизм брака, механизм врачевания. Везде свои правила игры, соблюдая которые, вписываешься в новое для себя пространство, становишься новым винтиком хорошо отлаженной машины. Важно, чтобы везде, с приходом нового человека, машина не стала давать сбои.

Это как раз говорит о том, что жизнь волшебна, что она не только материальна, что в каждом ее ящичке работает свой волшебный механизм, и Главный Механик не хочет, чтобы кто-то эти волшебные механизмы тормозил. Ведь если все механизмы работают слаженно, то в идеале создается такая общая слаженность, что впору забыть, что за этим стоит вообще какая либо механика, а наоборот, это вся Вселенная по велению Творца дышит одним слаженным дыханием! Люди до поры до времени не видят этой возможной гармонии, и понимают необходимость подчинения только в определенном возрасте.

Отсюда вывод: когда мы с самого рождения попадаем в обряд, не только наша жизнь катится, будто смазанное колесо, но и нам потом проще жить, мы легче включаемся в игру, нам легче жить по чужим правилам.

И наоборот, если обряд проходит мимо нас, и жизнь наша тормозится и стопорится, и мы потом нигде не вписываемся. Некрещеный человек, например, в Армии требования к себе сержантов и офицеров часто принимает за придирки, а то и за личные оскорбления. А крещеному легче, он понимает, что ради общего порядка надо смириться. **А порядок — это нечто божественное.**

И тут очень важна роль церкви, которая соприкасается с человеком до Армии, до всяких принудительных институтов. И она вырабатывает смирение и терпение, чтобы не спрашивал человек, почему молитва «Отче наш» произносится именно так: *«Отче наш, иже еси на небеси. Да святится Имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя и на небеси и на земли...»*

И пусть даже тебе это кажется примитивным или неправильным, не спрашивай, почему это так. Тысячу лет люди говорят эти слова и они действуют, они работают. Почему же ты хочешь сразу сломать этот порядок, не подчинившись ему? То есть привычки к тому, что **есть некоторые вещи, которые не надо понимать и не надо объяснять, а надо просто принять и выполнять.**

Ты хочешь общаться с Богом? Так вот не будет тебе другого пути к нему, как только через смирение, через принятие того, что он дал и что сложилось в течение веков. **Пока не станешь произносить слова молитвы и совершать принятые действия без тени сомнения в них,** пока ты эти сомнения из себя не выгонишь, **ничего тебе не будет.** И крещеный человек, бывая в церкви, довольно быстро на себе убеждается, что действительно, как только все сомнения из себя выгоняешь, то сразу чувствуешь некий трепет и становится легко во все верить и принимать многое из того, что раньше отвергалось. А потом умный батюшка тебе и объясняет: *«Да, сын мой, ты потому и не слышал в себе Голос Божий, что не очищал свою душу, загрязненную сомнениями да неприятием. Бог не мог к тебе руку протянуть.»*

Древнее славянское значение слова «обряд» — одежда. Обряджать — значит одевать, то есть последовательно надевать фрагменты одежды, каждый из которых своей формой и украшениями играет свою уникальную роль. В целом же каждый обряд выражает какое-то важное понятие.

Подготовка к крещению — целый ритуал

Обряд крещения, например, — отражает как бы двойственную суть человека на земле. С одной стороны, человек несет в себе с одной стороны упорядоченность (хотя бы потому, что мать и отец зачали его и воспроизвели на свет сложившимся упорядоченным способом), а с другой стороны человек несет в себе хаос природы, первобытное начало, неподчинение никому,

Как у Пушкина:

*«Зачем крутится ветер в овраге,
Взмывает пыль и лист несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, угрюм и страшен,
На чахлый пенёк? Спроси его!
Зачем Отелло своего
Младая любит Дездемона?
Затем, что ветру, и орлу,
И сердце девы нет закона!»*

Так вот и у каждого из нас в душе есть эти дикие уголки, где нет закона. Начинается этот закон, **когда батюшка подходит к ребенку с крестом, как с наглядным и величественным символом порядка, символом обряда, ритуала, знаком того, что придется подчинять себя, когда надо.**

При подготовке к крещению (православная церковь отмечает Крещение Господне, как праздник, 19 января) человека помазывают елеем — маслом, которое предварительно благословляется, освящается. Это символ приобщения к православному миру, со всеми его таинствами и каналами связей с Божественным, но и **тоже упорядочивание, встраивание в духовную систему...**

Раньше такое упорядочивание, такое встраивание в систему духовных ценностей делала советская система воспитания, предлагая идеалы и участие в организациях (октябрята, пионеры, комсомольцы, коммунисты), формируя осознание важности общественного прежде личного. И мы выполняли свой долг — ехали на целину, на картошку, в стройотряды. Это работало. А теперь осталась одна церковь с ее воспитанием смирения, подчинения личных желаний потребностям общества, общественной важности.

В каждом из нас борются хаос и порядок, и, когда художник собирается **изобразить обряд**, то за этим намерением стоит подспудное **желание прикоснуться к порядку**, к волшебным механизмам, которые работают в любой сфере. Почему и говорят,

что жизнь — это машина, в ней масса механизмов или блоков (церковь, политика, тюрьма, спорт, досуг), а люди — это маленькие винтики, работающие в этой гигантской машине, выполняющие ритуал. **И все это работает только потому, что есть механизмы смирения.** Иначе вся машина рухнет.

Наречение ребенка (или взрослого) именем при крещении — еще одна ниточка, привязывающая человека к порядку, укрепляющая смирение, и в то же время дающая силу. Во-первых, нарекать принято было в честь святого или святой, чей день был самым близким ко дню рождения младенца. Тогда высокий покровитель, имеющий заслуги перед Богом, может помогать своему подопечному, да и человек потом может постоянно обращаться к нему, так же как и к своему ангелу-хранителю. Считалось, что если рубашку, в которой крестили первого ребенка, надевать потом на всех последующих детей, все они полюбят друг друга.

В процессе обряда крещения священник читает ряд молитв о том, чтобы эти воды получили, благодатью Святого Духа, те свойства освящения и очищения, которые когда-то, когда собирались у Иордана ученики Иоанна Крестителя и пришел к этой реке креститься в ней Сам Господь наш) были присвоены реке Иордану.

То есть произнесением одних и тех тысячекратно повторяющихся слов, относящихся к библейским временам, священник как бы вызывает эти времена, эти события, эту священную

И это мне будет защитой на всю жизнь

реку Иордан, Иоанна Крестителя с учениками и самого Христа, который пришел сюда, чтобы окреститься. Вот что такое обряд крещения!

После того как человек (или ребенок) крестился, то есть погрузился в эти воды при словах: *«Крещается раб Божий такой-то (раба Божия такая-то) во имя Отца и Сына и Святого Духа»*, — он выходит из этих вод обновленный и в знак вновь обретенной чистоты облачается в белую одежду.

Затем трижды (повторение — признак любого обряда, как бы в знак вечности) совершается шествие вокруг купели; священник идет впереди с крестом, за ним несут ребенка, а хор поет: *«Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь»*, то есть те, которые погрузились в Него, теперь как бы одеты Его чистотой.

Затем читается послание апостола Павла, где говорится о том, что мы погружаемся в эти воды для того, чтобы умереть ко всему, что чуждо и Богу, и Христу, и нам самим, и восстаем в обновленной жизни.

И, наконец, последнее действие этого обряда — миропомазание.

Миро — это особого рода масло, освящаемое раз в год патриархом вместе с епископами. Оно изготавливается и раздается всем священникам, чтобы они могли, как бы из одного источ-

**Крещение от Иоанна Крестителя —
известный евангельский сюжет**

ника, помазывать крещаемых. И это помазание символично, потому что слово Христос в переводе с греческого языка как раз и означает помазанник.

На картине художника Юрия Сергеева «Крестины» впечатления от крещения, которое у него состоялось только в 29 лет, когда он был уже взрослый. Его поразила роскошь иконостаса и величие обряда, который окружает крещение.

Да и само крещение, если задуматься, сразу возносит нас до небес — маленький человечек получает благословение и пропуск в мир на самом высоком уровне, когда включаются

Юрий Сергеев. «Крестины»

высшие, заложенные в нас Богом программы, так что потом, с такого уровня ему будет трудно опуститься до уровня невежи и вандала.

Художника поразила во время его крещения «тощая» свеча. Огромная расписная свеча, всегда стоящая у алтаря. Почти полтора метра в высоту и в ладонь толщиной она почему-то называлась тощей. Запахи свечей, ладана, величественный, последовательный, равномерный порядок движений церковнослужителей, сияющее паникадило...

Мы еще так мало знаем об обряде крещения. Как нужно держать ребенка, на вытянутых руках или прижимать к себе, высоко (на уровне души) или низко? Как батюшка должен стоять? Ведь он общается с ребенком на уровне духа. Батюшка мог бы сидеть, а ребенок — лежать. Так нет этого! **Работает дух, раз все стоят вертикально.** И вообще в нашей православной церкви все делается вертикально, душа трудится, работает дух. И службы длятся по пять-шесть часов подряд. Для католиков, которым в костеле предоставляются скамьи и скамеечки для ног, это тяжело. А нашим православным такой труд не в тягость, а если у нас скамейки, то для для больных и немощных...

Важно, что маленький человечек этой вертикалью заряжается в храме на всю жизнь, получает закалку, как раскаленный брусок, который кузнец опускает в холодную воду...

«Простая жизнь»

В некоторых историко-приключенческих фильмах показывают один и тот же кадр... Ученые спускаются в какое-то подземелье, пещеру или гробницу, находят там на стене таинственный знак-амулет, подносят к нему такой же знак из металла, накладывают, и... открывается вход в другой мир.

Мы не подозреваем, что сам человек, каждый из нас может быть таким же знаком-амулетом, открывающим дверь в другой мир. **Но что нам надо к себе приложить, чтобы эта дверь открылась?** Самое разное: сказать или пропеть какое-то слово или фразу, совершить какое-то движение, действие или несколько движений. Но самое главное — надо остановиться, притормозить тот бег по жизни, которым мы все время бежим. Только тогда в нас станет проглядывать дверь, которую можно открыть. Иногда такой дверью может стать простое сидение у костра, как на картине художника Юрия Сергеева «Простая жизнь».

Почему так называется картина? Может быть, потому что простая жизнь и состоит из таких вот простых действий, как сидение у костра, на берегу реки, у подножия горы, в

Ю. Сергеев. «Простая жизнь»

лесу у большого дерева... Мудрецы в разные времена неспроста уходили подальше от людей, на природу, чтобы время от времени иметь возможность **упроститься и становиться дверью в другой мир**. К этому стремились философы древности: и Заратустра, и Будда, и Лаоцзы, и Конфуций. **Заратустра**, например, осознав всю мудрость существующего мироустройства, произнес: **«Ничего нет лучше простой человеческой жизни»**.

Почему, например, 2,5 тысячи лет греческий философ-киник Диоген Синопский (400-325 год до нашей эры) залез в бочку? Потому что стремился к простой жизни (**чтобы в ней не было ничего лишнего**), как современные ему киники, которые **полагали высшей нравственной задачей человека максимально ограничить свои потребности и вернуться, таким образом, к своему «естественному» состоянию...**

Простая жизнь проясняет сознание. Когда Диоген переселился в бочку, к нему приходили со всей Греции, чтобы поучиться мудрости. А он им всем говорил: *«Не живите лишней жизнью. Уберите из жизни все лишнее, как я убрал, и вам станет ясно, что делать вначале, а что потом...»*

Есть легенда, что Диоген, посчитавший дом ненужной роскошью и уже перебравшийся в бочку, тем не менее сохранил для себя кое-какую утварь, в частности ковш для питья. Но когда он увидел, как мальчик пьет воду из пригоршни, отказался и от ковша.

Такой же жизнью стремился жить Сократ (470-399 г. до нашей эры). Часто, глядя на множество выставленных на продажу вещей, он говорил себе: *«Как много есть на свете вещей, без которых я могу обойтись.»* А когда его спрашивали: *«Сократ, почему ты ходишь в одном и том же хитоне, заплате на заплате?»*, он отвечал собеседнику: *«Потому что ты ходишь в 15 хитонах. И каждый раз, когда куда-то идти, ломаешь голову — какой из хитонов надеть»*. Эта фраза Сократа актуальна и сейчас — **мы тратим все больше времени своей жизни, разбираясь в том лишнем, чем себя окружили.** Мало того, это лишнее начинает засорять, замусоривать планету. От свалок уже начинают задыхаться большие города.

Нельзя сказать, чтобы человечество эта проблема не беспокоила. И раньше и сейчас появляются и отдельные сторонники простой жизни и целые сообщества, пытающиеся не только призывать жить проще, но и на практике старающиеся так жить. Например, квакеры (Англия) в 17 веке с их «Заповедями простоты» (Testimony of Simplicity), в которых говорится, что каждый человек должен жить просто. Об этом же и целая со-

временная наука Фен Шуй — чтобы ничего лишнего. Ее последователи есть уже во многих странах мира.

Последние 15 лет своей жизни, почти перестав писать художественные произведения, к упрощению постоянно призывал всех Лев Толстой. И не только призывал, но и пытался подать пример собственной жизнью — ел самую простую пищу, ходил босой и в простой холщовой рубаше, подпоясанный кушаком. *«Один простой крестьянин, — говорил он, — ценнее целого Министерства чиновников, потому что обеспечивает не только себя, но и их всех».*

Лесосад, созданный приверженцем простой жизни Робертом Хартом, представляет собой не требующую особого ухода систему выращивания еды на основе лесных экосистем, в которую входят фруктовые и ореховые деревья, кусты, травы, виноград и многолетние овощи. Харт создал лесосад на пространстве 0.12 акра (500 кв.метров) на своей ферме в Венлок-эдже, в Шропшире (Англия).

Иногда все просто — живи и радуйся

Все больше появляется туристов, которые ездят по городам мира, ходят только по музеям и галереям, но ничего не покупают: ни вещи (они вскоре будут лишними), ни сувениры (они всегда лишние). Приобретают только впечатления...

Нынче за упрощение жизни ратуют многие участники общественного экологического движения и другие борцы с несдерживаемым потребительством. Сторонники простой жизни уже

накопили практический опыт — в начале 1990-х на русский язык были переведены две книжки Элейн Сент-Джеймс «Будьте проще» и «Живите легко и просто!». Главная мысль этих книг — **перестать следовать завышенным стандартам потребления и освободить свое время для более важных дел:** общения с близкими, природой и искусством, профессионального развития, любимых увлечений. Основная стратегия — избавление от лишнего: вещей, ненужных телефонных разговоров, денежных трат, привычки еженедельно варить обед на несколько дней или раздувать свой гардероб по советам модных журналов до неуправляемых размеров.

Жилище сторонника «простой жизни» легко отличить по открытым полкам на кухне и прозрачным емкостям для бакалеи: когда все на виду, потребность в сложных способах контроля за припасами и домашней утварью отпадает.

На крохотном острове Форе (часть острова Готланд), где последние годы жил великий шведский режиссер Ингмар Бергман, открылся отель Fabriken Furillen, где в номерах установлены печки-буржуйки, разложены олени шкуры, все ткани из неокрашенного льна. Мебель грубая, даже необструганная. В некоторых номерах даже нет электричества, и постояльцы ложатся спать с заходом солнца. Еда простая и непритязательная. И, чтобы пожить такой простой жизнью, каждый год сюда приезжает множество туристов.

Мы должны говорить о простой жизни, как об оси координат, от которой человек может отклоняться. И начинается это отклонение с отклонений в голове и искаженных представлений о ценностях жизни. В том числе о лишних вещах, которые нам якобы необходимы. Но нужны ли они на самом деле? И не высшая ли мудрость — обходиться самым простым и необходимым?

Мы придумали много лишних ценностей материальных и духовных. А лихие менеджеры придумали и постоянно придумывают все новые потребности на них, **придумывают, как заставить людей захотеть эти ложные ценности.** В каждой компании целые коммерческие отделы ломают голову над тем, как пробудить в человеке желание купить то, что ему на самом деле не нужно. И эта по сути преступная и с экологической и с нравственной точки зрения деятельность не только не наказывается, но и подстегивается маячащими на горизонте будущими прибылями. Беда современного человека, что он не замечает, как обрастает кучей ненужных вещей. Дома все больше похожи на вещевые склады. Вещи в гаражах, в сараях, дома в шкафах, на дачах... У некоторых уже музеи можно создавать из

ненужных вещей... Некоторые, строя себе большой дом, уже заводят специальную комнату для вещей, которые «я не знаю, куда деть».

Кроме того, что мы обрастаем вещами, у нас еще кучи планов. И зачастую ненужных. И ненужных целей, к которым мы бежим. И ненужных привычек, ненужных дел, не нужных знакомых, ненужных связей. Как у Евгения Евтушенко:

*«Со мною вот что происходит...
Совсем не та ко мне приходит,
Мне руки на плечи кладет
И у другой меня крадет...»*

Мало того, мы за всем пытаемся уследить, все хотим успеть, догнать, получить...И не понимаем, что тем самым ускоряем время...И оно летит все быстрее и быстрее...

Сама по себе склонность к упорядочиванию, накопительству и собиранию вроде бы безобидна, но вот потом ...Как вот в Интернете, найдешь что-то интересное, оно тебе сейчас не нужно, это лишнее, но думаешь, может, потом пригодится, и складываешь в папку...Как хомяки, белки, суслики... про запас...Но, набирая это лишнее, мы не замечаем, что **уже вся жизнь уходит на обслуживание этого лишнего...** Это вообще какой-то закон жизни. Обрастание корабля ракушками... Эти ракушки-энергии оседают, цепляются, завихряются. Впрочем, почему только корабля, даже неподвижная бочка с водой со временем начинает зеленеть...

Капитализм пытается заставить нас торопиться жить, бежать по жизни, потому что, когда человек бежит, ему можно заморозить голову и «впарить» любую вещь. Потому что на скорости не сообразишь, что ценно, что не ценно. С другой стороны, когда бес овладевает человеком (а бес везде, где деньги), он все искажает, все ставит с ног на голову. Почему некоторые бизнесмены и даже олигархи кончают жизнь самоубийством? Потому что многие понятия в их голове оказываются искажены и поставлены с ног на голову.

Капитализм, в который мы все больше погружаемся, только придумывает излишества...Чем больше товаров, зрелищ, развлечений, тем больше шансов увлечь, заинтересовать, заставить купить... Придумывается новый сорт колбасы, пикантный, с ананасом и дичью...Или новый сорт печенья – с коньяком...А это все новое производство, новые составляющие, новые отходы... Вся Россия, особенно деревня, раньше жила без всяких отходов. Было безотходное производство...Как и сейчас, на картине Юрия Сергеева «Простая жизнь» герои потушат костер, уйдут, и после них ничего не останется кроме

зола...А зола, она полезная, обогащает почву азотом. Да еще очистки да остатки останутся муравьям да мышкам...Останутся только запахи, которые вскоре развеются...

С возрастом человек все больше хочет очиститься от всего лишнего, упроститься. Например, Лев Толстой, Афанасий Фет...Многие начинают чувствовать беспокойство, что много лишнего...Жизнь кончается, а многого, что хотел, не сделал... Жизнь ушла на что-то лишнее. Точка-то отсчета у каждого своя. Как бы со стороны ни казалось, что ты — величина, а сам-то себе цену лучше знаешь...

Диоген утверждал, что простая жизнь необходима для добродетели, поэтому он, мол, и живет в бочке. На самом деле Диоген, конечно, хотел жить не только ради добродетели — в своем доме-бочке он жил предельно простой жизнью. Это позволяло ему яснее осознать, как жить, что в целом он и называл добродетелью.

Как приходят в голову эти самые открытия-осознания? Кому-то надо залезть в бочку, как Диогену, а кому-то, например, художнику, начать просто обдумывать тему.

«Вначале, — рассказывает художник Юрий Сергеев, — мне просто хотелось написать картину про русскую картошку, как ее пекут и едят с большим аппетитом. Мне хотелось показать поэзию такой еды. Видите, с каким удовольствием девушка отщипывает печеную картошечку...Эта традиционно русская тема, которая почему-то не привлекла внимание художников. Мне хотелось сделать так, чтобы это было настолько же увлекательно, как в жизни, когда русскую картошку у нас повсеместно пекут в костре и едят. Это же привычное у нас и довольно распространенное приятное занятие. Сама мысль об этом у многих вызывает предвкушение удовольствия.

Но, когда уже нарисовал, стали всплывать названия более обобщенные, более философские: «Что такое счастье», «Мирная жизнь», «Простая жизнь». То есть я почувствовал, что в таком простом занятии кроется что-то глубокое. Потому что тема вроде будничная, событие простое, житейское, но за ним стоит нечто большее. Что именно? Может быть, то, что это Родина, что мы у себя на своей земле, что хорошо вот так вот быть дома, да еще на природе, когда вокруг такие просторы, такая красота.

Хотя, казалось бы, что тут значительного? Перед нами сидит простой настух, он живет простой бесхитростной жизнью, ничем не выделяется. Да, он хорошо знает свое дело, хорошо его делает, никого не предает, никуда не уезжает и не собирается уезжать. Как говорят, где родился, там и пригодился. Но вот, пожалуй, и все. И в то же время в этой простой жизни что-то есть, своя тайна, своя магия».

Художник прав, тайна действительно есть. В первую очередь — это **неспешность**. На картине никто никуда не бежит, не летит, не торопится, как сейчас большинство людей. Уже хотя бы только этим интересна простая жизнь. Она дает возможность остановиться и задуматься, как мы живем, куда бежим, а надо ли бежать дальше... Скорость жизни вроде бы помогает нам много успеть сделать, но заставляет за это платить слишком дорогую цену — обесцвечивает жизнь, размывает границы, разрушает вкус к простым явлениям жизни: восходу и закату солнца, дождю, деревьям, цветам, улыбке другого человека... То есть **скорость просто уничтожает, похищает у нас вкус к жизни**, мы перестаем ценить жизнь и утрачиваем способность радоваться самым простым радостям, тому, чему искренне радуются дети.

Во-вторых, и об этом мало кто задумывается, в простой жизни всегда заложены **архетипы привычных действий**, которые совершали люди с древнейших времен и которые с тех пор дошли до нас в неизменном виде: просто сидеть у костра, собирать дрова, хворост, ломать ветки об колено, подбрасывать в костер сучья и полешки, что-то готовить, разговаривать или просто молчать.

Скажем, мальчишка слева ломает об коленку хворост для костра. Это архидревнее движение, начиная с каменного века. Все поколения людей ломали палки и ветки об коленку. Позднее и мечи переламаывали о колено — чтобы устыдить воина, трусившего на поле боя.

Или дед в центре картины, сидит в позе пожившего на свете человека, умудренного жизнью. Держит пальцы друг к другу, это ему, наверное, помогает вспоминать. Поза воспоминаний. Может быть, он думает: «Сколько раз вот так я у костра сидел...» Это его ежедневное занятие, своего рода священнодействие, обряд. С вечностью архетипы соединяло гипнотическое действие природы: горение костра, течение реки, вытекание воды из емкости. Как у А.С.Пушкина: *«Вечно с разбитым кувшином в слезах огорченная дева застыла»*. Здесь нет времени, и человек в таком процессе навеки застывает, как муравей в отвердевшей смоле, ставшей янтарем...

Эти архетипы действий были не просто частью простой жизни, но они **закрепляли духовные ценности**, которые накапливал человек: веру, надежду, доброту, смирение. А мы удивляемся, почему сейчас падение нравов, почему из общества уходит духовность. Да потому что простые великие истины, будь они хоть тысячу раз отобраны человечеством, как ценности, как ориентиры, которым надо следовать, в нас не держатся, высы-

паясь как из дырявого решета. У нас очень много дел, очень много слов, очень много намерений. Жизнь на скорости перемалывает все это в мешанину — где тут разобрать, что важно, что не важно... Шанс что-то понять — время от времени останавливаться и раскладывать все по полочкам. Возвращаться не только к прежнему себе, но и дальше, вглубь веков, к своим предкам, от сложности к простоте. К тому же, например, сидению у костра.

Картина тысячелетней давности. Под одним и те же небом, одними и теми же звездами, люди тысячелетия вот так же вот, как на картине Ю.Сергеева «Простая жизнь», сидят у костра, ломают хворост, готовят себе еду, общаются. Это уже обряд, причем, классический обряд еды, общения.

Огонь — великое явление жизни. Наверное, как только научился человек использовать огонь, то сразу и возникли посиделки у костра. Вначале, еще до еды, до догадки, что можно поджаривать пищу, это было просто согревание от холода. Но уже тогда, наверное, человек почувствовал, что с ним что-то происходит помимо согревания — незаметное подпадание под власть огня, под его магическое воздействие. Это было открытие магии огня. **А потом уже огонь поднял человека над всем животным миром, включив в нем духовное начало.**

Это начало оживает еще и потому, что каждый из нас несет в себе гены первого человека на земле и всех последующих, которые в окружении неизменных **архетипов природы** (поле, река, лес, луг) и привычных **архетипов действий** (косьба, собирание ягод и грибов, рыбная ловля, сидение у костра) пробуждают генную энергию — приходит ощущение, что мир велик и чудесен, вся жизнь еще впереди и столько еще значительного можно сделать... Это ощущение дарит **живой огонь**.

Именно огонь определил развитие человечества, выделение его из животного мира, поставил его выше всех. Огонь, который наши предки вначале боялись, а потом, открыв в нем божественное начало, стали обожествлять. И тогда он вспыхнул внутри человека, в его сердце, рассыпая искры творчества. Конечно, это произошло не сразу. Огонь рядом, лицемерие его, вдыхание дыма от костра, все это уже сложившийся за тысячи лет ритуал, обряд, ставший вечным спутником человека.

А мы, современные люди, часто ли мы пользуемся живым огнем? Разве что когда зажигаем газовую плиту, газовую колонку (у кого она есть), закуриваем. Только разжигание огня здесь уже не походит на тот священный и торжественный обряд, который был в древности. Живой огонь стал для нас частью материальной жизни, мы перевели его из чудесного в обыденное

явление, не понимая, что, **лишив огонь духовной природы, мы лишаем духовности себя.**

Современные последователи простой жизни, например, духовоборы, до сих пор живущие общинами по всему миру, сознательно отказываясь от электричества, максимально сохраняют свое соприкосновение с живым огнем. Они жгут лучины, свечи, сидят у костра, готовят на нем пищу. А мы, городские жители, встречаемся с живым огнем все реже: используем свечи, когда у нас отключают электроэнергию или, что еще реже, когда хотим устроить волшебный ужин при свечах; зажигаем свечи в храме и стоим рядом со свечами и лампадками у икон; разводим костер, когда выезжаем на природу; молнии видим только во время грозы. Тем самым **мы все больше сужаем свое общение с живым огнем**, которой когда-то включил в нас духовные центры, пробудил веру в духовность окружающего мира.

Не случайно костер и человек у костра — это целая тема в искусстве, **тема всех времен**...как в живописи, так и в художественной литературе. У И.С.Тургенева, например, в рассказах и романах. Или на картине В. Перова «Охотники на привале». Потому что простое сидение человека у костра тормозит, останавливает его суетный бег по жизни. Потому что только когда уже никуда не надо бежать, он может ответить на вечные вопросы бытия. А, если не ответить, то хотя бы задуматься над ними...И тут не важно имущественное или социальное положение человека в обществе, все у костра оказываются как бы без социальной одежды, без имущества, без титулов и заслуг... Как есть, весь как на ладони. И только тут можно спросить: а ты счастлив?

Персонажи у костра традиционные: обязательно старшее поколение, которому есть что рассказать, и молодое, которому есть что послушать...И каждое поколение, как каждый возраст, несет свой мир, которые, сталкиваясь, обогащают друг друга.

Здесь три возраста: мальчишка, девушка, дедушка. Три границы. Три опыта жизни. Дед думает:

«Как быстро жизнь промчалась, был мальчишкой, и вот, не успел оглянуться, как уже дед. А-а, вот в чем дело, меня спрашивают как деда, вот я и дед. Когда мы мудреем? Может, именно в тот момент, когда рядом дети, два возраста. А до этого был мальчишкой. И сидел бы сейчас у костра состарившийся ребенок. Так и с каждым из нас. Любой старик — он — ребенок. Как говорила Раневская: «Смешно, я уже старуха. А мне все 18 лет... Да, не было бы рядом внуков, то сидел бы просто пожилой папушок Колька и думал: сейчас загоню коров и пойду порыбачу на закате...»

Дед держит в руке несколько веточек рябинки. Девочка, его внучка, набрала их, как букет, как цветы, и дала ему, а он говорит:

— Зачем сорвала, для рябины еще рано, она неспелая...

— Дед, это я не ягоды сорвала, а букет...

— Ну, да, ты девка, для вас это баловство... Мы-то рябину собираем не как букет, а для засолки, мариновки, чтоб мочить, сушить для чая...

Поговорили, и вот он так держит этот рябиновый букетик и думает:

«Да, баловство...а вот без баловства не проживешь...» И тут он что-то начинает вспоминать. Может быть, свою первую любовь. Неудачную...И как бы говорит себе: Ведь сколько лет я за Марьей ходил, ходил. А потом думал: Зачем ходил, ведь не любила! Третью жизни потратил, все ходил, цветы дарил, все крыльцо обтоптал и тропинку. А она все равно как не любила, так и не полюбила! До сих пор вспомнить обидно...Прибежишь за 20 км, а она: «Чего прибежал? Чего ты бегаешь?» А сама, наверное, хотела сказать: «я тебя видеть не могу...» А я так и не мог ей сказать: люблю...Мне мать говорила: «Оставь ее, видишь — не любит тебя. Ты мужик или кто? У тебя забор сломанный, а ты все свободное время к ней...За 20 км туда-обратно мотаешься. Да и Алексей, смотри, он тебя встретит, морду-то начистит. Опять пошел...

И зачем вообще люди вот так мучают друг друга? Вон, соседи у меня, Петр с Татьяной, живут уже 50 лет вместе и поедом едят друг друга. И не задаст каждый из них себе вопрос: а зачем мне это нужно?...А ведь как он ее в молодости добивался. И как она сопротивлялась. А, как поженились, сразу начали воевать. И разойтись не могут...

Сложная штука жизнь, не простая...Лишнее, да, а как без этого лишнего проживешь...С виду-то кажется, что так проще, так лучше, а жизнь иначе все расставляет...Хотя, если разобратся, сами себе придумываем разные сложности. Даже понимаемая это...Значит эти сложности нам нужны...Как и мне тогда — влюбился и ходил пять лет...»

А девчушка видит, как он теребит букет рябинок в руках, и смущенно улыбаясь, спрашивает его:

— Дед, а ты со своей первой девушкой как познакомился?

Он задумывается и начинает рассказывать...

— Да вот, Настя, так же вот за картошкой сидели. Я и не знал, как с ней заговорить. Сидим вот так, печем картошку. Что ей сказать? У меня язык к горлу прилип, спина вся мокрая, не знаю, чего сказать, е-мое. Сказать — не горячо тебе картошку-то колупать? Так глупо. Скажет: Дурак какой-то. Сам не видишь, что горячо, раз дую. Так вот целый час все думал, что ей сказать.

Иногда жизнь открывается как истина на ладони

— *А ты бы ее спросил: Вкусная, картошка-то?*

— *Да мне-то это как в голову-то не пришло. Действительно, как просто-то. Чего я у нее это не спросил? Ей было бы приятно. Она бы сказала: Да, конечно...*

Приятный такой разговор у внучки с дедом. Как всегда, говорят на тему любви. Она спрашивает, а он отвечает. Обычно-то он, как старший, подтрунивает над ней на тему, что ей кто-то нравится, есть ли у ней жених...А она стесняется, поэтому старается сама побольше расспросить.

А мальчишке стыдно все это слушать. И хочется и стыдно. И он специально хворостом шелкает, чтоб не думали, что он слушает...Тем более, что дед его уже раз спросил: «Сережка, а девчонка-то есть у тебя?» И он тоже, как и сестра, засмушался и не знал, что ответить.

Последние дни лета. Рябина уже красная. Корова еще ест сочные травы. ...И уже можно картошку печь на костре. Когда уже не жарко, и прохладно. И под эту картошку все удовольствия. И такие воспоминания выплывают...

Хотя самого деда не раскачаешь на разговор. Он все больше молчит. Пастухи вообще не очень разговорчивые. Внучка целый год к нему приставала:

— *Дед, расскажи, как ты за Марьей за 20 км бегал...*

— *Да отвязись ты, прилипало. Не хочу я рассказывать!*

— А чего тогда не бросил? Чего тогда бегал?

— Чего бегал, чего бегал. Пристала...

Дед ворчит, но добродушно. Девчонка растревожила его, заставила окунуться в прошлое, растормошила... Он уже и думать забыл о тех чувствах, а тут все опять...как заново...

А девчонка думает про себя: *«Поняла, почему Мишка ко мне ходит, потому что любит. Я-то думала, он просто дурак. Мне-то он не нравится, неужели непонятно. А он, оказывается, любит...»*

В простой жизни люди, как планеты, движутся по своим привычным орбитам, ничего не съезжает и не наезжает друг на друга. И в определенное время планеты сближаются, как вот теперь, и все становится близким, ясным и понятным.

Простая жизнь, простая пища, поле, лес, трава, как тысячи лет назад...И такое же небо, те же облака...И такой же костер и хруст ломаемого хвороста... Неизменные на протяжении тысячелетий ощущения. **И тогда вдруг в обыденном и будничном видится великое и значительное.** Вот пастух у костра и увидел всю свою жизнь, как она сложилась и как могла повернуться...

По сути к этому же приводит храм. Человек приходит туда, и все суетные мысли оставляет. И тогда он вспоминает о самом главном, о высоком, о своей жизни. Вспоминает о главном. А, когда человек по жизни бежит, ничего не помнит. Суета сует. Где еще мы можем возвращаться к смыслу жизни? В реанимации. В храме. На кладбище. При крещении. Когда кто-то приезжает, уезжает. Когда Свадьба. Отъезд. Потери.

Всем нам не хватает такой вот простой жизни. Поэтому надо чаще или хотя бы изредка выезжать на природу, на дачу. Если в гости зовут за город, ехать, чтоб походить по этим перелескам, вдоль реки, по полю, выйти к стаду, корову потрогать за мокрый нос, найти в лесу какую-нибудь одичалую яблоню... Дикое яблочко, горькое и кислое, но какие оттенки вкуса...А запах костра, запах печеной картошки...

В городе сейчас близкие люди могут жить рядом, а встречаются редко. Деду или бабушке с внуками некогда пойти погулять...Не по пыльному городу, а по лесу. По природе...Посидеть у костра, испечь простую картошку...Может, за свои 5-6 лет, городской ребенок, многое, впервые это увидит и почувствует... Поломает хворост для костра. Веточкой вытащит испекшуюся картофелину, обжигаясь и дую на пальцы, начнет ее чистить. Потом, держа ее на ладошке, повернется к деду: *«Дед, смотри, как пахнет костром, огнем, какой запах...»*

Простые вещи

Однажды художник насыпал муку на стол, чтобы что-то испечь, и вдруг удивился: в муке как будто не было объема и веса, будто это было облако. И от светящейся муки засветилось и все остальное: кувшин, сито, совочек, скалка. И он подумал: это предметы Бога, из которых можно сделать чудо (и женщина делает чудо из чего угодно, если делает с любовью). Перед сотворением мира точно так же, наверное, светилась **мука Бога — первоглина**.

Современные эзотерики нашли бы сейчас научное и вполне материальное объяснение свечению муки... Мол, с одной стороны, просеивая муку в сите, мы совершаем однообразные круговые движения, которые при пересечении магнитных силовых линий пространства (такие линии есть везде), генерируют слабый электрический ток. С другой стороны, когда **мы пользуемся одними и те же привычными вещами, совершаем с ними одни и те же привычные движения**, то есть как бы замыкаем их в одну и ту же невидимую цепь обряда, **возникает дополнительная энергия**. И с третьей — мука, просыпаясь сквозь сито, образует идеальную энергетическую форму — конус, а в конусе,

Ю. Сергеев. «Простые вещи»

**Простая вещь как дверца
к источнику энергии**

как и в пирамиде, энергия так ровно и гармонично распределяется в трехмерном пространстве, что вещество, подпитываемое созданным током и **энергией обряда**, начинает светиться. Но есть и духовное объяснение.

Свет есть любовь. И, если мука наполнена светом, она наполнена любовью. Делая что-то с любовью, мы вносим в делаемое свет. **Все, что делается с любовью, становится духовным, божественным**, потому что Бог есть свет и Бог есть любовь. Все, что становится потом духовным, светится. Дети часто такое видят. Это чисто детские воспоминания...

Утро, еще прохладно, ожидание чего-то вкусного... На столе мука горкой, которая образовалась после просеивания. От нее идет сияние. А в крынке — творог. Бабушка будет что-то печь. Может быть, ватрушки, может быть, сочни...

Есть два подхода к приготовлению пищи, два восприятия этого процесса. Одна хозяйка перед мукой стоит мрачная: вот, мол, блин, опять тесто надо месить, ватрушки эти печь, чтоб их...чего тут радоваться — ничего интересного. Она будто постылую повинность отбывает. А другая наоборот, радуется: вечером тесто поставлю, утром буду печь пироги — праздник! То есть, если первой хозяйке никто не потрудился привить вкус к жизни, **умение извлекать радость из самых простых вещей** и дей-

У каждой эпохи свои простые вещи

ствий, то второй хозяйке этот вкус привили, в том числе и вкус к страпанию, **поставили взгляд-любовь**, открыли ей тайну, состоящую в том, что работа с мукой, а потом с тестом, это прикосновение к чему-то святому, высокому, светлому, замечательному, а мука — это материал бытия, материал Бога, из него можно творить чудеса.

Вкус к простым вещам не везде прививается. И не всегда. И только сейчас мы начинаем все больше ценить простые вещи (то есть сделанные не на машине, а вручную, и не из заменителей, а из настоящих природных материалов, и не из кусочков, а из цельного куска) стараемся есть натуральные продукты без генетических добавок, спать на простых деревянных кроватях, пахнущих сосной, не гладить постельное белье, потому что, заглаженное утюгом, оно не дышит.

Простые вещи создаются естественно, как бы сами собой, то есть **без спешки, без экономии времени, спокойно и последовательно**, одними и теми же движениями, как делали деды и прадеды, как высыпается мука сквозь сито.. И **через эту предметственность, через суммирование движений всех наших предков** (ведь они те же самые) **нарабатывается духовность**, вещь уже готова обрести душу. Дети следят за этими движениями, как птенцы следят за взмахами крыльев родителей, и запоминают их, чтобы потом тоже делать **простые вещи — те самые, которые будут держать жизнь**. Как незримо держит на своих плечах жизнь неспешный, разумный и доброжелательный человек.

Да, **вещь готова обрести душу** (простые движения создали для нее форму), **но как?** Играет роль диалог с материалом, который всегда идет у хорошего мастера. Например, гончар А.Бойко из подмосковного Боровска, делает свистульки и играет на них у стен Пафнутьевского монастыря. Вылепливая каждую свистульку, он ведет диалог с глиной, разминая ее каждый раз по-новому,

Все можно усложнить...чтобы потом упростить

Простые вещи не становятся лишними, как эта гора

прислушиваясь к ней сердцем. Зато и каждая его свистулька неповторима — и внешне все разные, и отверстия разные, и расположены по-разному, так что и звук извлекается разный. Созданное же на конвейере, на скорости — бездушно, а энергетика в таких вещах, если и есть, то она непредсказуема и недобра.

Когда материал, с которым работаем, мы питаем своими светлыми мыслями, он сам потом начинает излучать свет (отражая наш свет) — идеальный диалог мастера с материалом.

Когда мука, наполняясь светом в руках хозяйки, начинает с ней общаться, пирог зависит только от нее, от ее золотых рук. **Мука — живая** и все время меняется, в зависимости от настроения человека. Простые вещи, пока в них не разрушена структура (а разрушается она при воздействии на гены, при перемалывании, при облучении), способны вести с нами диалог, принимать свет (любовь) и отдавать его.

Появляется все больше людей, живущих в техногенной среде, но желающих жить **первичной жизнью**, то есть многое делать вручную: пахать на лошадях, косить, пилить, стругать, молотить. Замечено на опыте, что нарезанное **вручную** — вкуснее. Даже черствый хлеб, нарезанный тонко-тонко.

И все больше мужчин любят готовить — со временем открывают для себя, что из простых продуктов может непредсказуемо получаться что-то вкусное. Механическая работа внешне действительно кажется тупой и совершенно неинтересной. Однако если сравнивать однообразные механические повторяющиеся

движения (например, движения рук при разминании теста) с движением проводника в магнитном поле, в результате чего в проводнике наводится электрический ток, то и **в однообразии и повторях обнаруживается свой великий смысл**. Так что и толчение воды в ступе, считавшееся до недавних пор символом бессмысленности действий, теперь кажется не таким уж и бестолковым...

Радость бытия будет в нас преобладать над унынием, если каждому поставить **правильный взгляд на простые вещи, как на возможность чуда**. Чтобы человек вместо тяги к иностранному или недостижимому восхищался тем, что рядом. Как восхищался один московский профессор в деревне, увидев в дровах необычную щепочку, похожую на старичка. Вернувшись в Москву, он поставил эту щепочку себе на подоконник возле своей кровати, каждое утро радуясь своей находке. И его можно понять — в городе простых вещей, почитай, и нет уже, кругом все больше готовое и купленное. А вот чтоб человек что-то сделал своими руками...

Простое по сути всегда оказывается самым важным и делается просто. Это подметил еще Гераклит (544-483 год до нашей эры), а талантливо обосновал Лев Толстой: *«Люди, занятые важным делом, как правило, просты, потому что у них нет времени придумывать лишнее»*.

«Стремление к простоте жизни, — говорил писатель Михаил Пришвин, — это свойство сложных душ.»

Простое — это высокая мудрость бытия. Мудрый человек всегда благодарен Богу за то, что ему дано, и потому не возносится, а внешне кажется очень простым. Гениальное всегда просто. И простое — от Бога. Почему и говорят, что **при свете все самое сложное кажется простым**.

«Всем известно, что слово «naturmort» означает «тихая жизнь» (простых предметов) — говорит художник Юрий Сергеев, — Но в простом и будничном художники стремились увидеть вечное, смысл бытия. Европейцы видели в этом смысле суету и бренность жизни. А мне хочется видеть другое: радость бытия, свет, идущий из будущего...»

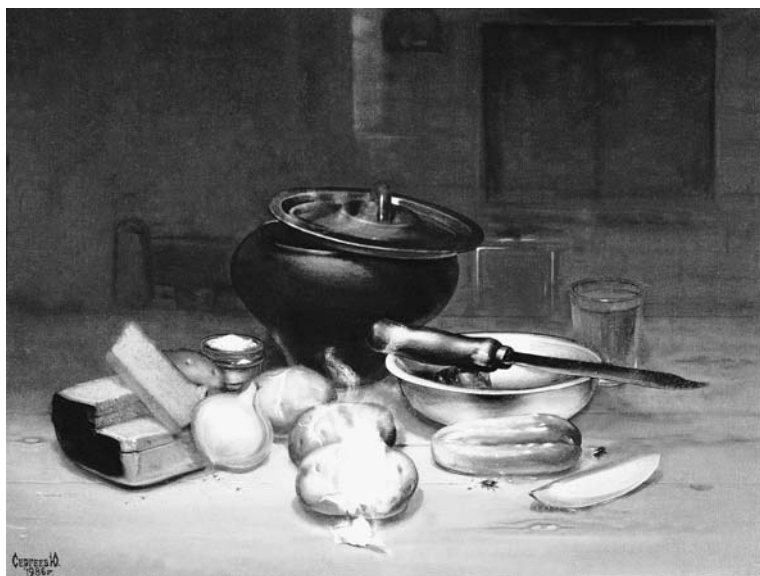

**Простая вещь, клубок ниток,
но это и клубок жизни**

Простая еда

Всегда были на земле люди, которые искали первооснову. Кто-то в словах — мол, скажешь заветное слово, и все сразу станут счастливыми. Кто-то — в растениях — Гете (1749-1832), например, искал такое растение, которое было бы первичным. Кто-то — в строении вещества — Демокрит (460-370 год до нашей эры), например, открыл, что мельчайшая частица — атом. А в еде, **есть ли такая пища, которую можно считать первичной?**

Для деревенского жителя первичным является то, что он называет «едой». Скажем, мармелад, зефир, пряники, печенье, творожные сырки, кусочек ветчины — еда? Нет, с точки зрения крестьянина, не еда, баловство. Сладкие блюда на Руси как раз и считали баловством и именовали «заедками», к которым относили все любимые сладости: мед, леденцы, варенья, кисели, пряники, сладкие пироги, орехи и фрукты. А вот каша — это еда, картошка — еда, горох — еда, гречка — еда, хлеб — тоже еда. То есть простая еда — это то, что не баловство, **то, что ты, будучи сытым, уже есть не будешь**. Или другими словами простая еда — это то, без чего человек не выживет. Без мармелада и зефира выживет, а без хлеба — нет. Если есть вода и хлеб, можно прожить мно-

Ю. Сергеев. «Простая еда»

го лет. Вон у нас старцы-отшельники в скитах ели только хлеб, запивая его водой. Все. А жили до глубокой старости.

Моему другу художнику Юрию Сергееву хотелось нарисовать такую картину, чтобы у любого русского человека возникло приятное чувство чего-то родного, именно нашего, русского, связанного с едой. Вот и нарисовалась простая еда, которая всем желанна. И никаких тут тебе деликатесов. Даже без подсолнечного масла. Это сейчас мы картошку большей частью с маслом едим, а раньше им еду сдабривали только в праздники. Не по бедности, а потому что итак было вкусно. И из посуды для такой еды подходит больше простая миска, нежели изысканная тарелка...

«Один мой деревенский знакомый Валерий Семеныч Ширишков дал мне такой рецепт, который, как он сказал, дошел до нас с далеких времен. — рассказывает художник. — Берешь буханку черствого черного хлеба, нарезаешь, натираешь каждый кусок со всех сторон чесноком, так, чтоб жегся, и ешь, запивая ледяным молоком из глиняной кружки. Горящее от чеснока небо гасится холодным молоком.

И еще один, всем известный, рецепт, уже с подсолнечным маслом. Некоторые называют это блюдо «тюрей». Надо взять черствый черный хлеб, нарезать его сантиметровыми кубиками. Измельчить репчатый лук, 3-4 головки. Все это покруче посолить. Уложить в кастрюлю с крышкой, залить подсолнечным маслом (0,5 бутылки) и как следует (подольше) потрясти, перемешивая. И давать пробовать гостям, каждому не больше столовой ложки. После этого все требуют добавки, даже те, кто вначале иронизировал и отказывался. Мало того, начинают есть прямо из кастрюли — настолько им это кажется вкусным. Видимо, эти продукты (черный хлеб с луком) хорошо друг с другом совмещаются. Хотя с другой стороны в деревне крестьяне всегда ели большей частью все отдельно: вареную свеклу, молоко, огурцы, лук, яйца...Модное сейчас раздельное питание это хорошо забытое старое, как заново открытое колесо.»

Юра прав — простая еда, отобранная временем, дошла до нас с древнейших времен. Возьмем хлеб с луком (или с чесноком).. эту пищу ели еще строители египетских пирамид...На Руси же, возможно, самым древним и простым продуктом считалась репа, раз до наших дней докатилась поговорка «проще пареной репы». Репу и сырую ели, и мороженую, и моченую, и пареную, и вареную в меду, и приготовленную еще десятком самых разных способов...

Простая еда — это то, что никогда не надоедает (когда ты хочешь есть). Но это уже зависит от программы, которая у нас в

мозгу. Японец, например, наверное, будет есть сырые морепродукты (рыбу, крабов, мидии) и будет доволен. Некоторые мастера восточных единоборств (теквондо, ушу, кеку-синкай, айкидо) в Китае довольствуются в день одной чашкой квашеных овощей (капусты, перца, моркови). А русскому нужна каша, причем, не рисовая, а гречневая.

А с другой стороны дело не только в привычке. Коровам, например, дают траву, к которой они не привыкли. Они ее не едят. Тогда применяют генную инженерию — берут гены другой, привычной коровам травы, и внедряют их в клетки незнакомой. Коровы начинают эту привитую траву есть.

Уникальность простой еды в том, что она — то, что уже не хочешь, когда сыт. То есть она — критерий истинности, естественности наших желаний. Недаром говорят: *«Прост, как правда»*. И, если наши желания в еде теряют естественность, то есть мы начинаем придумывать, что бы нам такое съесть, когда простую еду уже не хочется, **значит мы уже не едим, чтобы жить, а живем, чтобы есть.**

Мы пытаемся делать вид, что едим меньше — покупаем микропомидоры, микробананы и микропирожные.. Много потреблять уже не модно и даже несколько стыдно. Уменьшая размеры продуктов, мы делаем вид, что и не едим, а балуемся, играем в еду. Да и все диеты — разве это не игра в еду?

Но по большому счету манипулирование с продуктами — это от лукавого. Это значит человек не погружен в любимое дело, живет не на уровне своего предназначения (**когда ешь, чтобы жить, а не живешь, чтобы есть**), а вполнекала, в свое удовольствие, развлекаясь пищей. **А жить только в свое удовольствие грешно.**

Немецкий философ Эммануил Кант (1724-1804), автор «Критики чистого разума», разделял человеческие чувства на высшие (осознание, зрение, слух) и низшие (обоняние, вкус). Наверное, поэтому излишнее внимание к еде вызывало у него раздражение. Во всяком случае, сам он ел всего лишь раз в день, отдавая предпочтение привычным блюдам, а в своих трактатах доказывал бесполезность и низость пышных застолий. подчеркивая, что праздность в питании — это исключительно животная черта, которая не должна быть присуща мыслящему человеку.

Мы сейчас себя все время обманываем, в том числе и в еде. Начинаем вкус одних продуктов придавать другим: помидорам — вкус курицы или рыбы, огурцам — вкус арбуза или яблока. Это тоже все от лукавого, и в этом — гибель человечества. Как погиб Древний Рим, уже не знавший, как еще извратиться в приготовлении пищи. На пирах древнеримских патрициев были блюда,

Борщ — самое популярное у нас первое блюдо

состоявшие из сотен разных продуктов. Причем, чем сложнее и противоречивее были сочетания продуктов, тем большее одобрение такие блюда получали — римляне ценили все, что могло доставить им новые ощущения, новые удовольствия.

Многоплановая еда — это праздный бег по информации, по разным продуктам — глазами, зубами, ушами (разный звук от прикусывания), носом, вкусовыми рецепторами языка. Вообще получается, что человечество все больше разбивает свое восприятие (и свою жизнь тоже) на фрагменты.

Почему себя комфортно чувствуют монахи, которые живут в скиту, едят только хлеб и пьют только простую воду? Они получают удовольствие от этой воды и хлеба, потому что мозг не бежит, сосредоточен на одном и извлекает из этого одного целую радугу. Потому что **в каждом однообразии — бесконечное разнообразие**, множество тончайших оттенков. И, если человек ушел в скит, чтобы утончать душу, ему надо как раз спастись от обилия информации. А за богатым столом, полным разных продуктов, он вынужден защищаться от этого изобилия.

Простая еда, простая вещь, простой дом, простой человек — все это то, что без излишеств. Излишества, наверное, нужны, но как приправа, как горчица, соль и перец. Но преобладать должна простота, как нечто устойчивое, прочное, как каркас дома.

Отход от простоты губителен. Потому что итак, чтобы выжить на планете, чтобы не уничтожить ее, нам надо напрягаться. И при этом напряжении тут не до сложностей. А мы пускаемся во все сложности, не думая о том, что тем самым умножаем проблемы нашего выживания. Любая технология энергоемка, то есть любое превращение одного вещества в другое требует энергии. А где ее взять? Разрабатывать недра. Что мы и делаем.

Тем, кто это осознает, не до сложной пищи. С другой стороны простая пища и мыслить заставляет просто и ясно. Сложная пища и мыслить заставляет сложно и туманно. Говорят же йоги: мы — то, что мы едим. То есть образ наших мыслей определяет наша пища. К такому же выводу пришел французский писатель Жан Антелм Брилля-Саварен в начале 19 века, который в своем трактате о еде «Физиология вкуса» написал: «Скажи мне, как ты питаешься, и я скажу, какой ты человек». И вообще еда, как имидж, с древнейших времен характеризует человека. Не случайно французов до сих пор шутливо называют лягушатниками, украинцев — салоедами, белорусов — бульбашами, а итальянцев — макаронниками.

Сложность ослабляет тягу к жизни. Когда у нас все основательно, нам хочется жить. Ощущение незыблемых ценностей более прочное, ясное. Ясность в голове — что для чего надо. При сложной пище в мозг идут сложные сигналы, организм вырабатывает сложные ферменты (мозг в этом случае буквально в панике, не зная, что выделять), потому, наверное, соусы разные придумали с уксусом и с майонезом, чтобы в одном случае создавать преимущественно кислую среду или щелочную. Но в целом от сложной пищи и в голове все усложняется. Как с вестибулярным аппаратом, при смещении понятий в голове (у пьяного, например), нарушается и чувство равновесия. Так и с волей к жизни.

У каждого из нас есть своя простая еда, которая нам нужна. Если для русского человека «щи да каша — пища наша», то что же ближе нам?

Когда ничего нет или некогда, спасает яичница

В поисках смысла

Что для каждого из нас слово? Для многих — ничего особенного, потому что десятки и тысячи слов мы используем все, то есть по самым ничтожным поводам. И, если нам сказать, что, наполняя слова мусором, мы низводим до нуля силу, от которой падали стены городов и разверзалось море, то мы этому просто не поверим. И это логично — если от слова падали стены раньше, то должны падать и сейчас. А раз не падают, значит сейчас, в наше время, ничего в словах нет...

Действительно, бесполезно искать доказательства мощи слова в миру, разве что через магию, но и магия уже как бы не мир, а запредельность. **В миру же все стало слишком материальным, чтобы слово вдруг могло проявить свою духовную мощь.** С какой стати, если для проявления этой мощи нужно многое: и среда, и люди, и характер их действий, и соответствующее Слово...

Тем не менее, и в миру некоторые слова еще работают. Несмотря на изменение окружающей среды. Японский ученый Масару Эмото, проводил опыты с водой, воздействуя на ее структуру произнесением тех или иных слов. При этом от слов: «любовь», «красота», «мир», «радость», «истина» и подобных — вода структурировалась таким образом, так что ее молекулы приобретали вид красивых и гармоничных узоров. И, наоборот, от слов негативного характера на снимках структуры воды рисунки были хаотичные, резкие, с рваными краями. А ведь не только масса живых существ и растений, но и наше тело на большую часть состоит из воды...

Но самая благоприятная среда для Слова в храмах или монастырях. Она здесь, очищенная божественным Словом, как родниковая вода. Поэтому и тянутся сюда люди. Поэтому здесь еще происходят чудеса: плачут иконы, исцеляются люди, чудесным образом преображается жизнь...

Каждый приходит в монастырь со своим характером, со своими проблемами, со своей биографией, разной и зачастую неудачной — а иначе, зачем бы человек пришел в монастырь? Но, **придя сюда, каждый соприкасается с одним и тем же — Божественным Словом, то есть со Светом, который постепенно наполняет и его.**

Божественное слово, как крещенская вода, восстанавливает наш духовный иммунитет, вырабатывает неприятие

Ю. Сергеев. «В поисках смысла»

ко всяким мерзостям, становится нашим другом в борьбе с ними. Единственное, что от нас здесь требуется, это просто **пропускать Божественное Слово через себя**, не мешать ему. Что значит не мешать? Это значит не думать над Ним, не сомневаться в Нем, не засорять Его собственными суетными мыслями и ощущениями. Вот это как раз и трудно, потому что в нашей повседневной мирской жизни мы постоянно все критикуем, осуждаем, суем во все нос, все обдумываем и осмысливаем.

Божественное Слово — это Евангелие, которое в миру мы открываем раз в год или еще реже, а в монастыре его читают каждый день, по несколько раз. Как это происходит на картине художника Юрия Сергеева «В поисках смысла».

Три поколения монахинь (девушка, женщина и старушка) держат в руках Евангелие. И в поведении каждой можно увидеть степень восприятия Божественного слова в разном возрасте.

Юная монахиня (крайняя справа) еще не забыла соблазны мира. Любое проявление нежности или любви в

Евангелии вызывает у ней близкие ассоциации, она вспоминает нежность в своей жизни. Руку холодит сорванная веточка рябины, а к щекам приливает кровь, и они розовеют.

И вдруг к ней приходит осознание: сколько светлых минут в жизни было отравлено суетностью, грубостью, черствостью, небрежением. Сколько обид, сколько глупости, сколько злости, сколько неприязни было...А из-за чего? Да просто так...

У ней лежит сейчас на коленях Евангелие с заложенной страницей, которая ее взволновала. Страницей, где в своем втором послании к римлянам апостол Павел говорит:

«Поэтому нет у тебя извинения, о человек судящий, кто бы ты ни был, ибо, судя другого, ты себя осуждаешь; ибо делаешь то же самое, ты, судящий...»

И, держа эту книжку, она внезапно понимает, насколько в течение многих лет были у ней закрыты глаза на жизнь. Она была, эта жизнь, кипела, неслась мимо нее и увлекала с собой ее, но понимания, что происходит, не было. Оно и сейчас не пришло еще, это понимание, но на душе как-то стало спокойней. Стало ясно, что рано или поздно все откроется, все станет понятным, тогда жить будет светло и радостно. Надо только, как говорит ее духовная наставница, верить, очищать свою душу от низких помыслов, и все придет. Очищать прежде всего свою душу, а не пытаться исправить других...

Женщина, стоя читающая Евангелие (крайняя слева), уже вступила в зрелый возраст. Она привыкла теперь каждый день соприкасаться с Божественным Словом, и отчетливо понимает, что и минуту такого общения жалко терять на воспоминания, впечатления, эмоции, понимает, насколько мелко и быстротечно все это, в то время как любое Слово Евангелия вечно, хотя, может быть, и не всегда понятно на первый взгляд.

С годами к ней пришло понимание, что и не надо понимать. Точнее, не надо понимать умом, постигать смысл читаемого. А **надо просто принимать**, вот именно — **научиться принимать это к сердцу, чтобы оно, Слово Божие, стало своим**. И все.

И она читает и читает Евангелие и каждый раз ей кажется, что сегодня еще на чуть-чуть она перестает оценивать, критиковать, осмысливать. *«Будьте, как трава, как птицы небесные...»* эти слова Христа все лучше ложатся ей на душу. Хотя в борьбе с этим критическим в себе она еще

не исполнилась благодати. Но скоро она придет, эта благодать, обязательно придет...

А старая монахиня (сидя, читает) давно уже вошла в ритм соприкосновения с Евангелием. Поработает руками в монастырском саду, в огороде, и почитает. Поработает и почитает. И читает она уже истово, испытывая удовольствие от того, что Слова Писания проходят сквозь нее, как солнечные лучи. Вся душа прогревается.

И вошла уже в удивительный для себя ритм тела и души: тепло — холод, тепло — холод, тепло — холод. То есть поработает руками, тело нагреется, а душа охладится. Потом почитает Евангелие, душа нагреется, тело охладится.

Наверное, потому что от Божественного слова взлетает душа в небесные сферы, где к ней сразу подлетают ангелы — помочь, указать путь... А тело, оно уже вроде и не нужно, без души оно холодеет. Говорим же мы, когда что-то нас восхищает или трогает до слез:

«аж мороз по коже...»

К тому же к прочитанным словам Священного писания она время от времени добавляет какую-нибудь молитву, которую помнит наизусть, которая близка ей по ее жизни, по ее нраву. Чаше всего ко Пресвятой Богородице:

«Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отведи от мене, смиренной рабы Твоей уныние забвение. Неразумие, нерадение и вся сверная. Лукавая и хульная помышления от окаянного моего сердца и от помраченного ума моего; И избави мя от многих воспоминаний, и от всех действий злых свободи мя. Якоблагословенна еси от всех родов, и славится пречестное имя Твое во веки веков. Аминь.»

И снова душа парит ее под небесами, а тело где-то теряется внизу...

Как будто только теперь осознала, сколько времени было потрачено зря. Как будто с каждым утекающим мгновением жизни из ее старческого тела ей добавляется духа, так что все цепче держат ее руки Книгу Бога, все ближе ей становится каждое Божественное Слово. А жизнь-то уже кончается...

Ну, почему, чем больше мы начинаем понимать в жизни, тем тоньше ниточка, на которой висит наша собственная жизнь? Ну, почему нельзя с самого начала трудиться и читать Евангелие? Ведь в храмах и монастырях именно об этом говорят на исповеди батюшки всем прихожанам, именно об этом не устают напоминать в своих проповедях. А мы словно слепы и глухи. И в молодости говорим себе: неинтересно... А по-

чему? Не потому ли, что в миру столько грязных слов пропускаем через себя? И слов и мыслей. Просто не даем себе труда не пускать их в себя. Так откуда же Божественное слово, чистое от грязи, покажется интересным? Если нет в нас самих чистоты, чем же откликаться на чистоту Евангелия?

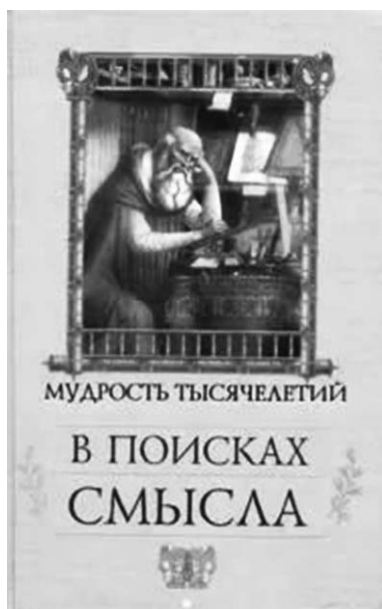
В мирской жизни людей слово большей частью угнетает и убивает, разрушает и разъединяет, опошляет и оподляет все и вся. Особенно сейчас, когда со всех сторон на нас льются потоки грязи. Когда везде человек предстает в своем худшем виде: предателем, подлецом, лжецом и даже маньяком-убийцей.

Так происходит, потому что люди хотят это слышать по радио, смотреть по телевизору. Они хотят видеть падение себе подобных. Психологически это вполне понятно — когда кто-то оказывается хуже, чем ты, то тебе приятно, потому что ты сам возвышаешься. Но это дьявольское возвышение — радоваться подлости других. **Бесовское слово наводит бесовскую суть в человеке.** Отсюда раздражение, агрессия, ненависть, раздоры, преступления, войны. А где же Божественное в нас? А оно не включилось, не включается.

А в монастыре наоборот, Слово созидает, утешает, боготворит. **Божественное Слово творит Божественную суть в человеке.** Любой послушник (а перед тем, как стать монахом, вы должны год побыть послушником), попав сюда, сразу получает в руки Евангелие и начинает работу со Словом. Именно работу. Над собой.

Проговариваешь Его, Божественное Слово, и держишь себя в руках, потому что Оно держит тебя в строгости и порядке, в ясном понимании того, что тебе надо делать, и что тебе нельзя делать.

Монахи раньше, еще в Средневековье, по много раз переписывали Евангелие от руки, и это было как чистилище. Евангелие — это букварь, который ставит нам взгляд

Одна из редких книг
на эту тему

на добро и зло. Как умный учитель, то строгий, то мягкий, указывает, что есть что. Когда напрямую говорит словами Христа, даже упрекает: *«Имеющий уши да услышит!»* А когда намеками да притчами его же устами говорит о том же самом.

Пропуская через себя Божественное Слово, человек структурируется, возвышается, выстраивается, как Иоанн Лествичник (525-606), взобравшийся по лестнице познания к небу праведности. Тот самый Лествичник, который все укорял себя, да все каялся, как будто и не святой он вовсе, а самый падший грешник... Тот самый, который не скрывал своих слабостей и страстей, но рассказывал о них, чтобы мы научились их преодолевать.

В своей знаменитой книге «Лествица» он перечисляет целый ряд страстей, подробно разбирая самые на его взгляд опасные (гнев, ложь, чревоугодие, сребролюбие, тщеславие, гордость). Он перечисляет причины возникновения страсти, ее отношение к другим недугам души, описывает тяжкие последствия укоренения страсти в душе, приводит многочисленные примеры и указывает средства, как предупредить развитие страстей, и как их уврачевать.

«Униженные да возвысятся...» Так говорит Христос. Вот почему, когда коснешься ты Божественного слова, то со временем все больше понимаешь, насколько далеко ты от него, сколько тебе еще идти до него, сколько подниматься. **И чем дальше ты от него в своем раскаянии, тем ближе ты к нему в своем движении.**

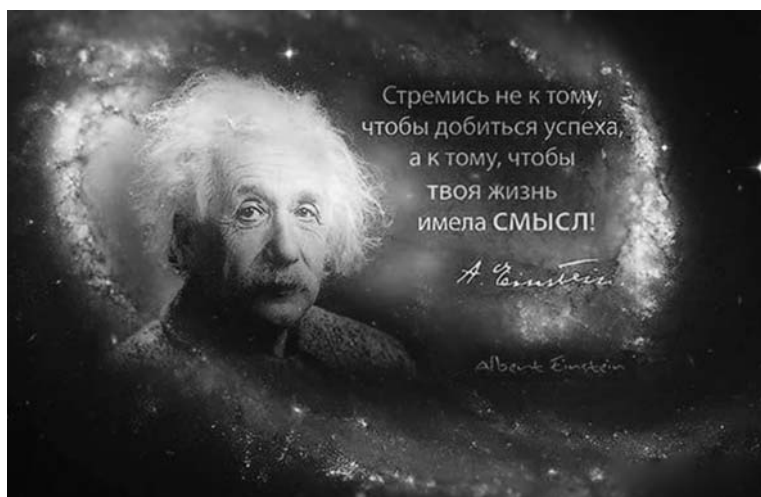
Вот почему самая старая монахиня в поклоне стоит перед лестницей у входа в храм, как перед лествицей. Все грехи жизни вроде бы уже отмолены... Ан нет, каждый новый уровень душевной чистоты открывает глаза на что-то еще неотмытое, что из-за прежней грязи не виделось. И слезы раскаяния у ней капают на дорожку сада, на ступеньки лестницы, как капает воск со свечи.

Русский философ начала XX-го века Семен Франк в своем трактате «Смысл жизни» говорит о том, что в глубине души каждого человека волнует и мучает вопрос о смысле жизни.

«Человек, — рассуждает он, — может на время, и даже на очень долгое время, совсем забыть о нём, погрузиться с головой или в будничные интересы сегодняшнего дня, в материальные заботы о сохранении жизни, о богатстве, довольстве и земных успехах, или в какие-либо сверхличные страсти и дела, но жизнь уже так устроена, что совсем и навсегда от-

махнуться от него не может и самый тупой, заплывший жиром или духовно спящий человек: неустрашимый факт приближения смерти и неизбежных её предвестников — старения и болезней, факт отмирания, скоропреходящего исчезновения, погружения в невозвратное прошлое всей нашей земной жизни со всей иллюзорной значительностью её интересов — этот факт есть для всякого человека грозное и неотвязное напоминание нерешённого, отложенного в сторону вопроса о смысле жизни...»

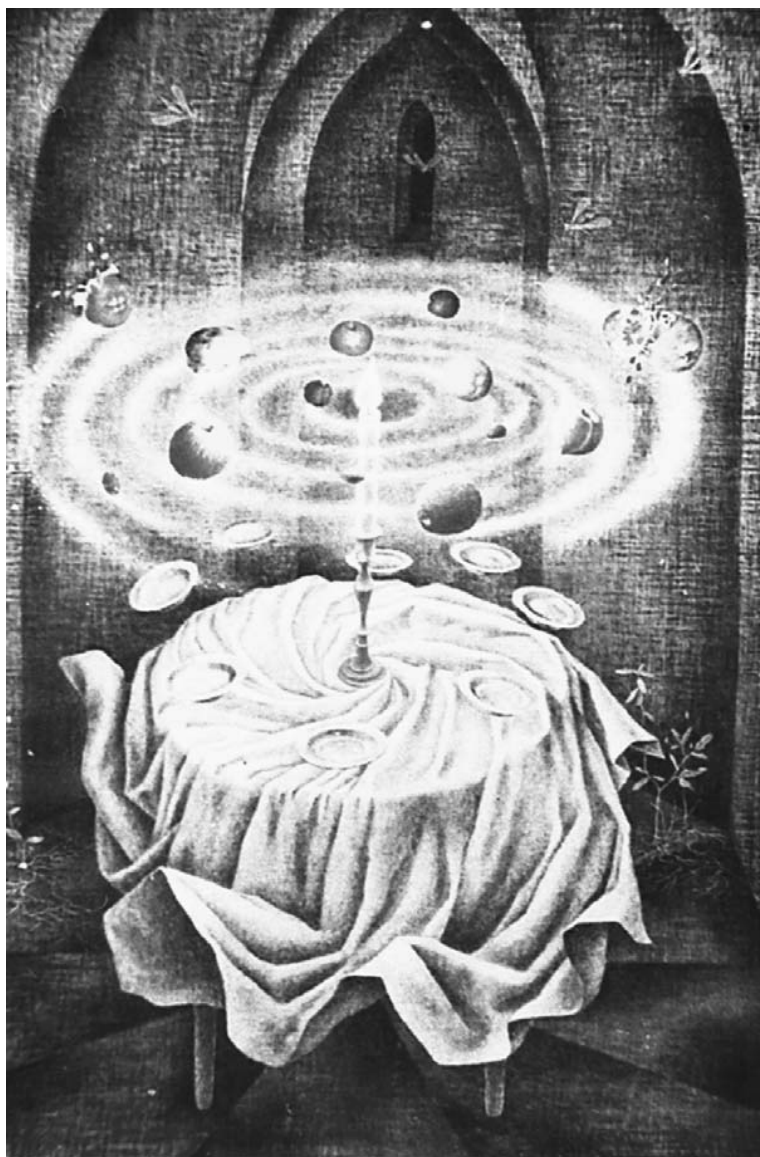
Много размышлял о смысле жизни и великий Альберт Эйнштейн (1879-1955). Например: «Жизнь отдельного человека имеет смысл лишь в той степени, насколько она помогает сделать жизни других людей красивее и благороднее».

А. Эйнштейн о смысле жизни

Божественное слово, возможно, самое действенное лекарство в поисках смысла жизни, потому что человеку хочется парить в небе, как птица, а не ползать по земле, как червяк. Высокие и чистые слова — это парус и ветер, который его наполняет, поднимает к небу, откуда открывается много смыслов. А низкие и грязные — это тяжесть, которая придавливает нас к земле, вбивает в нее с головой. Что отсюда увидишь?...

Круг жизни

Р. Варо. «Натюрморт воскресения»

Нас окружает **живая и удивительная** природа, а мы ее почти не замечаем:

ни облака невероятных форм,
ни деревья-книги,
ни ветви-мысли,
ни листья-слова,
ни лужу-зеркало на дороге,
ни воробьев-разбойников, купающихся в этой луже,
ни ворон, проявляющих острый ум, как бы что прихватить
для себя или для хозяйства,
ни галок с походкой счетовода ...

Как будто для того, чтобы мы увидели, осознали чудо окружающей нас живой природы, чтобы у нас открылись на нее глаза, нужно какое-то сверхусилие, какой-то внешний всплеск, взрыв, способный смутить наше все более отрывающееся от природы сознание. Что мешает нам *«смотреть на день, как на маленькую жизнь»*, по выражению Максима Горького?

Или мы не видим это чудо, потому что воспринимаем каждое живое существо или явление, как фрагмент, но нам никак не открывается целое — сверкающий **круг жизни**, в котором все эти существа и явления вставлены, как драгоценные камни в венец царя?

Некоторые видят и хотели бы рассказать, но как об этом расскажешь? Мексиканская художница Ремедиос Варо (1908-1963), попыталась это сделать в своей знаменитой картине «Натюрморт воскрешения», где мир представлен в виде вращающихся над столом в спиральном вихре предметов.

«В центре горит свеча, — поясняет эту картину автор вдохновенного очерка о художнице Елена Зорина, — как солнце, вокруг которого по своим орбитам вращаются планеты. И это в то же время формула жизни, зарождающейся при движении спирально вращающейся материи. Процесс контролируют духи созидания, порхающие в виде бабочек.

Созидательные вихри закручивают ткань скатерти — космической материи, и все действие разворачивается в просторе готического храма, символа духовного развития...»

Увидеть эту картину сверкающего круга жизни можно только когда душа представляет собой зеркало, в котором и отражается мир. Зеркалом же она может становиться только тогда, когда стихают душевные бури, смирятся волны страстей, разглаживается рябь раздражения на все, претензии к жизни и к людям, когда перестаем суетиться по мелочам.

Невольно приходит в голову мысль: **может, только остановив этот суетный бег по жизни, можно вновь обрести естественный**

живой взгляд на окружающий мир? Но как его остановить, когда мы, даже останавливаясь, в душе продолжаем бежать? Социологи бьют тревогу: современный человек уже не живет, а ищет выгоды. И, чем больше этих самых выгод, тем больше соблазн продолжать бежать не останавливаясь.

Что же делать? **Установить потолок желаний?** Но хватит ли сил, если вокруг тебя в самом обществе поется гимн желаниям? Хватит ли сил, если удовольствия обессиливают и приходит пресыщение, а за ним — пустота?

Наверное, только в храме или в монастыре, куда все приходят привести в порядок ум, душу и сердце, происходит временная остановка этого бега по жизни, возникают мысли о вечном: о жизни, о смерти, о бессмертии, о памяти. Здесь душа и превращается в зеркало, отражающее чудо мира.

Остановившись, вдруг замечаешь, что природа подает тебе знаки, о чем-то хочет сказать. Например, в начале октября все деревья чернеют от грачей, ветви буквально гнутся от облепивших их птиц. Это действительно похоже на чудо. И думаешь: что птицам, делать что ли нечего, чтобы вот так, праздно, расслаиваться на ветвях? Они же тоже деловые, как и мы, все время что-то делают: тащат щепочки в гнездо, червячков несут детям, всякие съестные припасы заготавливают, бурно обсуждают что-то — это тоже их дело...

И вообще, кто они такие, грачи, в птичьем сообществе по своему предназначению, если проводить аналогии? Предприниматели? Чиновники? А, может, революционеры? Нет, **грач — это вестник. Весны**, когда он прилетает из теплых стран, или **осени**, когда он собирается туда улетать. Это миссия вестника, отнюдь не рядовая роль. Как в спектакле, когда приходит голец или посланник, сообщает что-то важное и исчезает. А от этого все и закручивается, все словно включается, пробуждается от сна, начинают жить другой жизнью... Грач приносит новые мысли. Или уносит старые.

Посмотришь на него и думаешь: Как же мчится время, уже осень, грачи на юг собрались, а у меня все та же мечта — дописать диссертацию, достроить дом на даче, досадить груши в саду и доразобрать старую отцовскую библиотеку. Все недосуг, все никак не соберемся, все какие-то дела находятся. Так и вся жизнь пройдет. А грач, как стрелочка на циферблате природы, прилетел и отбил свой час, чтобы мы заметили — проходит жизнь. А для монахинь грачи — радость. Им мирская суета глаза уже на застит, теперь могут в полную силу радоваться чудесам божьего мира.

Об этом картина нашего современника художника Юрия Сергеева, которая так и называется — «Круг жизни».

Человек приходит в монастырь, чтобы найти здесь тихую пристань и в то же время, чтобы привести в порядок голову, чтобы все ценности в ней встали на свои места. Сбегает от суе-ты, от массы впечатлений и лишних эмоций, которые застила-ют его предназначенье.

Вот одна из монахинь... вне монастыря была такой же, как все — суежилась, бежала куда-то, была недовольна жизнью. А попала в монастырь, протерлись глаза, как будто прозрела... Стала открывать для себя прелесть простых движений. Как, например, послушница в трапезной режет лук кольцами. Просто режет лук и все! А смотреть на нее приятно. Или вот ее напарница подметает двор. Она вдруг как заново увидела, как красивы ее движения с метлой, как ритмично, свободно и широко движутся руки, как поворачивается спина и все тело для размаха...

Когда человек приходит в монастырь, его фрагментарное сознание собирается в одно целое. И к нему возвращается спо-собность видеть вещи целостно, **движущимися в круге жизни**. Почему в круге, потому что многие действия повторяются и

Ю. Сергеев. «Круг жизни»

тем самым как бы замыкаются в круге времени, как повторяется движение стрелки мимо одних и тех же делений на циферблате часов. И магия этого движения, этого чуда, не может не восхищать.

Повторение одних и тех же действий электризует пространство, как трение эбонитовой палочки о шерсть. И эта наэлектризованность включает в нас творческое восприятие. Смотришь на мир другими глазами. Как будто к тебе вернулся первичный вкус... Это все равно, как вновь научиться испытывать радость от вкуса просто черного хлеба, посыпанного солью, без всяких приправ...

Если задуматься, почему мы перестали испытывать радость от самых простых вещей?

Одни ученые говорят, что это от пресыщения информацией, количество которой зашкаливает, превышает все оптимальные пределы. Чего только не придумывают сейчас, чтобы поразить воображение пресыщенного информацией современного зрителя...

Другие высказывают предположение, что изощренность ума убивает простоту души, и человек становится циником. Воспитатель императора Нерона Сенека лечил свой цинизм тем, что смотрел на играющих детей.

Третьи считают, что от обычных вещей и явлений мы уже не способны испытывать каких-либо эмоций, потому что сознание рассыпано на осколки...Как в сказке Андерсена «Снежная королева», где злой Тrolls смастерил зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось, а все плохое и безобразное увеличивалось, затем он случайно разбил его, и оно разлетелось на тысячи маленьких осколков. И люди перестали видеть мир целостным, они стали его видеть каждый — в маленьком осколке, и уже не могли испытывать радость от жизни. Осколки не давали общей картины, не показывали красоты мира.

То есть, когда нет целостного «круглого» восприятия жизни, движущихся в магическом круге предметов и явлений, то какими благами тебя ни осыпай, ты, словно мальчик Кай из сказки «Снежная королева», остаешься спокоен и холоден. Сердце с вонзившимся в него осколочком, как перерезанный провод, по которому перестает течь ток — это образ осколочного мышления, оставляющего сердце холодным...Когда сознание фрагментарное, сердце — как кусок льда...

Потомок американский индейцев Денис Линн в своей книге «Исцеляющее колесо» пишет, что таким колесом его предки называли Священный круг Жизни, понимание цикличной

природы жизни. Искцеляющим, потому ощущение Священного круга жизни это — единение с природой, а утрата его означала дисгармонию и болезни. Лекарство в их понимании — это призыв

Колесо Сансары

видимых и невидимых потоков энергии, восстановление гармонии с природой.

Исцеляющее Колесо — это магический круг, заключающий в себе всю жизнь. Древние знали об этом магическом круге, уважали то, что за ним стояло, и символически вписывали в

Жизнь — это круг или спираль вращения

него все сферы своей жизни. Большая часть их жилищ была в форме круга. Круг всегда играл центральную роль в их церемониях и ритуалах. Они собирались на совет и садились кругом, чтобы мысль, усиливаясь, шла по кругу и собиралась в центре. Музыка исполнялась на круглых барабанах. В кругу и по кругу танцевали все танцы.

Круг как символ целостного восприятия проходит сквозь все мировые культуры, в том числе и через нашу, русскую. Художник Андрей Рублев был монах. У него было целостное восприятие. Поэтому он с такой любовью, с таким удовольствием написал «Троицу».

Простая трапеза, а какое чудо ... Он увидел предметы в трапезе в единой взаимосвязи, как бы в круге жизни, и изобразил этот круг, когда и предметы как бы движутся по кругу, и люди за столом составляют собой этот самый круг...Феофан Грек в сравнении с Андреем был книжником, имел вроде бы более широкий кругозор, много путешествовал, больше видел, а сознание его было фрагментарным...он не видел целостной красоты. Потому и не верил в добро. Мучился, не мог испытывать радости от красоты. Мог только устрашать — все его лики напоминают о страшном суде...

И здесь на картине на картине Юрия Сергеева «Круг жизни» тоже символически изображен круг в самых разных проявлениях.

Миллионы людей видят грачей...и не умеют этому радоваться. А монахини научились. Грачи их радуют, как вестники осени, как напоминание о том, что сделано в жизни и что не сделано, как вестники жизни, идущей по кругу..., **как напоминание, что ничего не кончается, что все повторится.** А раз так, то смерти вообще нет, а есть жизнь...

Вот он, этот круг и в человеческой жизни — тут и совсем юная девочка, и девушка постарше, и зрелая женщина, а там, на заднем плане, уже совсем древняя старушка...

«*Возраст человека — это его мышление*», как говорит французский писатель Андре Вюрмсер (1899-1983), автор целого цикла романов «Человек приходит в мир».

А с другой стороны, может быть, с появлением суетного человечества и птицы стали суетиться? И вот прилетают теперь в монастырь, чтобы тоже притормозить скорость жизни в себе, чтобы все привычные ценности в голове встали на свои места, чтобы обрести ощущение круга жизни...

Вера — доверие себе и миру

Странно мы устроены. Когда нам говорят, что золото — это абсолютная ценность, мы верим, ценим золото. Когда нам говорят о том, что и в каком количестве полезно для нашего здоровья, мы прислушиваемся и даже записываем. Если же речь идет о вере, то есть о духовном здоровье, реакция другая — равнодушие, сомнение или даже недоверие. Видимо, духовная сфера и освоение ее большинством, это будущий этап человечества. Иначе мы бы так же естественно, как золото, усваивали бы такую духовную ценность, как вера в Бога. Усваивали бы не критически, прикидывая, реально это или нет, выгодно или нет, а просто принимая как ценность, отобранную временем. И родители бы тогда учили детей относиться к вере, как к золоту, только духовному, зная, что **это — будущее душевное здоровье, будущий оптимизм, будущий светлый взгляд на жизнь и в конце-концов светлая будущая жизнь.**

Вера это тоже настройка, как и все духовные чувства. На безграничность, на абсолют, на...незнание. Ну да, то, что мы хорошо знаем, это не вера, а знание. Но знание всегда ограничено, всегда имеет границы, как всякая тема, как всякая информация о чем-либо. И знание каждого из нас, каким бы полным оно ни было, ничтожно мало, потому что не пони-

**Вера - не просто слово,
это то, что осуществляет мечты в реальность**

зывает всю нашу душу насквозь и не охватывает ее целиком. А вера и пронизывает и охватывает. **И, чем больше мы не знаем**, а верим, чем меньше у нас точек опоры (а чувство, что это так, тем не менее есть), **тем сильнее вера**. И знание своими границами отделяет нас от мира, а **вера своей безграничностью наоборот, объединяет с ним**.

Когда английский писатель Редьярд Киплинг (1865-1936) в своей книге «Маугли» сказал удивительную фразу *«мы с тобой одной крови»*, мало кто придал этому значение. Между тем, как это было **мировое открытие инструмента веры**, ключа к любому объекту (предмету, явлению жизни или живому существу). Ключа, потому что, обращаясь с этой фразой к кому угодно и чему угодно, **мы тем самым через Слово объединяемся с этим объектом**, становимся одной природы с ним. Эта фраза обезоруживает, она дает отбой нашему логическому полушарию мозга, критику внутри нас, тем невидимым бесчисленным войскам, которые любое живое существо, в том числе и человек, то есть все мы, бросает в качестве защиты на любое обращение к себе.

Можно верить или не верить, но йоги и факиры, перед тем, как выпить стакан кислоты, внутренне подстраивают себя под нее, становясь с ней единым целым. И кислота не обжигает пищевод и желудок. Впрочем, почему только йоги и факиры, все древние ритуалы, нацеленные на объединение, будь то вызов дождя, охота, сев, рыбная ловля, рубка дерева или что-то еще. **Наши предки объединялись с той средой, в которой действовали, и это приносило удачу.**

Фраза *«мы с тобой одной крови»* — почти такой же инструмент веры, как и молитва. Ведь в молитве каждая фраза идет снизу вверх, смиренно, без обычного давления, с которым мы чего-то добиваемся, даже без обычного присутствия нашего эго. Например, *«Отче наш, иже еси на небесах! Да святится Имя Твое, да будет воля Твоя, да придет царствие твое...»* То есть в молитве происходит такое же мысленное объединение с Богом, как и в вере.

Удивительно, но вера часто возникает вопреки здравому смыслу. Потому что природа ее не материальная. Она подсказывает, что есть что-то такое, что мы не можем ни осознать ни представить себе...

Эту особенность веры лучше всех, как мне кажется, выразил раннехристианский писатель и философ Тертуллиан из Карфагена (155-220), который прославился тем, что в полемике с гностами однажды изрек свою знаменитую максиму *«Credo quia absurdum est», то есть «Верую, ибо абсурдно.»*

Вера это настройка на высшее начало, объединение с ним, это взлет в небо или наполнение им себя. Как сказал Лев Толстой (1828-1910): *«Смысл веры не в том, чтобы поселиться на небесах, а в том, чтобы поселить небеса в себе.»*

Но вера — и стимул жить, творить, делать что-то ради будущего. Святой Кирилл Иерусалимский (315-386) в Православном катехизисе говорит: *«Все то, что совершается в мире, даже людьми чуждыми Церкви, совершается верою. — На вере утверждается земледелие: ибо кто не верит тому, что соберет произрастающие плоды, тот не станет сносить трудов. Вера ведет мореплавателей, когда, вверив судьбу свою малому древу, непредсказуемое стремление волн предпочитают твердеющей земле».*

Атеисты объясняют веру бессилием людей в процессе их многолетнего взаимодействия с природой. Но сила не может иметь причину в бессилии, если только бессилие превысит все мыслимые и немыслимые границы, количество перейдет в качество, и родится новое явление, более высокого порядка — материальное переплавится в духовное,

Если материальное имеет три измерения (длину, ширину и высоту), то вера, как духовное и аномальное явление, вне измерений, это явление многомерное, притягивающее знания и ощущения из таких пространств, которые мы не видим, разве что слабо предчувствуем... Поэтому на многочисленных соборах, споря о вере, первосвященники, чтобы меньше было разногласий, в IV веке обозначили границы понятия, составив и приняв Символ веры. И очень вовремя, потому что споры могли разрушить веру. Их было много.

То, что не абсурдно, а логично, это не вера, а знание. В IV веке на одном из соборов александрийский пресвитер Арий выступил с речью, в которой сказал, что не может быть двух и больше богов, что бог-сын по существу своему отличен от бога-отца и создан им во времени. Он не понимал, что его сомнения и следующие за ними размышления, это уже не вера, а знания, и он уже не верующий, не священник, а сомневающийся ученый. Значит место ему теперь не в церкви, а в науке. Но в IV веке на таком уровне никто бы не смог высказаться и принять это. Поэтому слова Ария просто признали ересью, а его самого отлучили от церкви.

Четырьмя веками раньше Фома неверующий, один из апостолов Христа, тоже не понимал, что вера и сомнение — вещи несовместимые. Когда Христов воскрес, а Фома в то время был в другом месте, и апостолы потом поведали ему об этом, он сказал, что не поверит в Его пришествие после смерти, пока самолично не вложит свои персты в Его раны... Он был логист,

все проверял логикой, а, поскольку еще и чувствовал то, что не укладывалось в прокрустово ложе собственной логики, то не доверял сам себе.

Таким образом **вера — это доверие себе, чему-то такому в себе, о чем мы сами не знаем, но догадываемся. И это доверие миру**, потому что все, что он нам подсказывает и дает почувствовать, мы принимаем. Доверять себе и миру, верить в себя и в мир...это очень важно, настолько, что с верой человек может творить чудеса, а без нее — лишается этой способности.

Об этом российский фильм 2003 года «Четвертое желание», где герой перестает быть волшебником, как только теряет веру в свои силы, в то, что людям нужны чудеса, вера в чудо. Трогательная новогодняя сказка о доброте и любви. О том, что **в современном мире все ещё могут происходить чудеса, если только поверить в чудо!**

Вера — это доверие себе и миру еще и потому, что мы созданы по образу и подобию Божию. И, не веря в Бога, мы не доверяем себе и миру, мы не верим во все лучшее в себе и в мире. То есть значит в нас пока еще недостаточно этого лучшего, чтобы оно откликнулось на Бога (на это лучшее), и мы поверили. Или мы не позволяем этому лучшему в себе жить и откликаться на божественное.

Почему один человек верит в Бога, а другой нет? Потому что первый видел что-то или что-то почувствовал. Что нужно, чтобы второй, с его логическим складом ума, тоже поверил? Чтобы факты проявления Бога перед ним вдруг предстали в цепочке, один за другим или одновременно. Но есть люди, которым достаточно просто сказать, что Бог есть, что Бог это Свет, что Бог это Любовь, и они поверят.

Это тоже дар — легкость веры. Как правило, легкая вера — не страстная и истовая, как у протопопа Аввакума или боярыни Морозовой, а домашняя, как привычка, воспитанная в семье. **Так верят дети.** Но у ней, у этой веры, тоже есть стержень, как прямога девушки на картине художника Юрия Сергеева «Вера», как ее наивность, убежденность, как свет и любовь...

Вера — опора человеку и в геенне огненной.

Особенно, если это истовая мощная вера, такая, какая была в древности. Именно оттуда, наверное, пришел к нам Символ веры:

«Верую во Единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.

И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Изже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша.

Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечивша.

Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна.

И воскресшаго в третий день по Писанием.

И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца.

И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящего, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и славима, глаголавшаго пророки.

Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых. И жизни будущего века. Аминь.»

С такой верой можно и в огонь. Вот три отрока вместе с пророком Даниилом и вошли в огненную печь.

А первые христиане, без страха выходявшие на арену римского Колизея навстречу диким зверям, умиравшие с пением на устах...

А первые апостолы...Когда Петр стал тонуть, Христос сказал ему: *«Ты усомнился, малoverный!»* То есть потому тонешь, что усомнился...Вера в данном случае была твердью...

А старообрядцы, которые после раскола заживо сжигали себя в деревянных церквях целыми общинами — уходили в огонь, в Свет.

Та же боярыня Морозова эту старообрядческую веру своим жизненным упорством и, можно сказать, подвигом, превратила в символ стойкости и верности. Сколько людей, ее современников, заглушили в себе голос протеста и стали креститься тремя перстами и читать православные книги, написанные по-новому. И ей говорили, увещевали ее многократно: *«Ну, смипись, ну что тебе стоит, прояви послушание и покорность, крестись троеперстием!»* Нет. Не смирилась. Не отказалась от старой веры, которую впитывала с пеленок...Что это, упрямство или высший взлет человеческого духа, трамплином к которому стала вера?

А тот же протопоп Аввакум (1620-1682), который ради старой веры, старых канонов, старых книг и двоеперстия не побоился перечить царю и патриарху и пошел на костер...Да и сам костер он, вдохновленный верой, не считал пыткой или казнью, но радостью, освобождение души:

«А в огне том здесь небольшое время терпеть, — аки оком мигнуть, так и душа выскочит. Боишься печи той? Дерзай, плюнь на нее, не бойся! До печи той страх; а егда в нее вошел, тогда и забыл вся. Егда же загорится, а ты увидишь Христа и ангельские силы с

Ним, емлют душу ту от телес, да и приносят ко Христу: а Он-Надежда благославляет и силу ей дает божественную, не уже к тому бывает, но яко восперенна, туды же со ангелы летает, равно яко птичка попархивает, — рада, из темницы той вылетела...

А православные священники в сталинских концлагерях, кротко сносившие все издевательства над собой, укреплявшие себя мыслью, что и среди тьмы должен быть Свет, так от кого же, как не от них? И каждая мука для них — новая точка опоры. Вот что значит вера!

Атеисты скажут, что вера — это просто усилие воли, затуманивание мозгов, зашоренное сознание и так далее... Или предложат материальное понимание веры, как какую-то цель, которая вдохновляет. И отчасти они правы насчет затуманивания мозгов, потому что вера отключает в нас критическое начало, отключает логику. И как раз именно это освобождает в нас творчество. Исчезают границы, спадают оковы, появляются крылья.

И тогда **вера** — уже не только духовное явление, акт воли или чувство. Это уже и физическое явление, материальная сила, **это механизм привлечения Света**. Ведь сам человек — своего рода атомная станция, чувствительный и мощный приемник и передатчик любых сил и любых энергий. Может идти к нам Свет, а может и тьма. А переключают диапазон приема наша мысль, желание, настрой. Стоит только сказать нам *«Господи, помоги!»*, и все светлые духовные силы, невидимые, но мощные, устремляются к тебе.

Человек сорвался в пропасть, но не упал, уцепившись за тоненькую веточку какого-то растения. Потом неверующие приходили на это место, смотрели, повесили на веточку груз в полкилограмма, она оборвалась. *«Не могла, — говорят они, — удерживать она человека весом в 70 кг. Не могла и все тут. Врет он.»* И не могут понять, что когда сказал человек *«Господи, помоги!»*, тут веточка и стала стальным канатом, способным выдержать и в сто раз больший вес. А надобность исчезла, спасся человек, и веточка стала обычной веточкой, такой, какой была.

Есть масса людей верящих во что-то, но не верующих. Вот герои гоголевских «Мертвых душ», верящие каждый во что-то свое. И у каждого своя правда, свои аргументы. Не примитивные, но основанные на воспитании, на знаниях, на собственном опыте. У Гоголя в «Мертвых душах» собрана целая коллекция вер, забавных, но искренних и истовых.

У Манилова вера — это наивность и приятность. Он верит, что все люди — хорошие, А еще он верит в будущее, в свои меч-

ты. Он говорит жене: *«А из Москвы к нам, дорогая, будет проложен мост, И мы по нему будем ходить, гулять. Правда, дорогая?»* «Да, дорогой» Они оба искренне верят. Или о людях он говорит с восхищением и только хорошее: *«Обаятельнейший человек, милейший человек»* И ты его не столкнешь.

Как и Собакевича, искренне считающего всех мошенниками, то есть людьми, которые легко меняют свои мнения, если это выгодно. В этом его вера. А противопоставляет этой изменчивости он то, что прочно и не меняется, что может служить опорой: здоровую еду, прочные вещи, прочные мысли. И его тоже с его прочного мировоззрения не сдвинешь.

Плюшкин тоже верит в нечто прочное. Но эту прочность он видит в незыблемости только вещей и их абсолютной ценности, поэтому собирает все, что увидит, даже выброшенное на помойку. Пусть у других вещи обесцениваются, у него нет, ведь они есть, значит никуда не денутся. Гниют, разрушаются? Так это уже не его вина, это естественные процессы. А он все сохраняет и бережет.

У Чичикова вера — бизнес, он считает, что из всего можно извлечь выгоду. Надо только изучить предмет, и увидеть слабые места, где можно копнуть. Да еще поддать личного обаяния, да подпустить похвалы какие, потрафить ближнему ради будущей пользы. Эта деловой расчет, на который работает все, в том числе и эмоции.

А здесь, на картине Юрия Сергеева, вера духовная — она в несогласии, как у суриковской «Боярыни Морозовой», только не конфликтном, не гневном, не отчаянном, а доброжелательным и спокойным.

Эта девушка как обычно, в очередной раз пошла в церковь, но вернулась уже другим человеком. До этого она была послушным покорным ребенком, хотя ей уже 18, и ходила в храм формально, заодно с родителями, потому что так принято, потому что привыкла слушаться. И в этот день в разговоре с отцом, который сказал, что она пойдет замуж за человека солидного, имеющего положение в обществе, она слушала и молчала. Хотя ей вовсе не хотелось идти за человека не по любви. Хотела возразить, но испугалась. Она увидела умоляющее и испуганное лицо матери. И этот страх стал препятствием между

ней и отцом, между ней и матерью. Страх как будто затемнил ее сознание, ей даже показалось, что она не любит отца, не любит и мать, за ее покорность и согласие с отцом во всем...

А тут в храме что-то с ней произошло. Она смотрела на лик Богоматери и думала: *«Попрошу, чтобы она спасла меня от этого брака, чтоб я заболела или чтобы заболел жених, или чтобы заболел отец...»*

Ю. Сергеев. «Вера»

И, продолжая смотреть на лик, вдруг почти физически ощутила, как Богоматери тяжело, какую ответственность она на себя взвалила, став заступницей всех обиженных, сколько нищоток веры протянуто к ней от миллионов женщин, которые, так же как она сейчас, что-то у ней просят, на что-то надеются. А она, Богоматерь, для всех находит любовь...

И она подумала: *«Но разве во мне нет любви к родителям? А раз есть, почему же мне трудно сказать «нет»?»* И она почувствовала, что теперь нетрудно. И поняла, что это Богородица дала ей любовь, дала ей силы.

Она вернулась домой, зажгла свечу себе в помощь, вышла к родителям и сказала: *«Я уже взрослая, имею право сама решать, что мне делать»*.

В доме до сих пор все смотрели в рот отцу и делали все, как он скажет. Беспрекословно. А тут вдруг, начиная с нее, теперь все меняется. Она сказала: «Я решила». Сказала без злобы, без страха, без раздражения. И отец был бессилен, он понял, что она стала взрослой — у ней появилась твердость, какой-то жизненный стержень.

Но отчего появляется у верующего человека этот самый стержень? Если ты от природы слаб духовно, не имеешь достаточно силы характера, чтобы отстоять свое, откуда возьмется эта сила? От Бога, у которого нет недостатка ни в чем. От Бога, который един во всех своих обличьях, хоть это Яхве, Аллах, Иегова или Христос. И, если ты полагаешься на Него, веря, что он тебя не оставит, он приходит на помощь.

Большинство людей, обращаясь к Богу, чувствуют, что что-то меняется, в них нарастает уверенность. И это понятно — если мы считаем, что Бог это самое лучшее из всего, что мы знаем о жизни, то, будучи такой светоносной сущностью, он не может не откликаться на обращенную к нему просьбу. **Слабый лучик света, посылаемый нами на огромное зеркало, возвращается к нам мощным световым потоком.** Свет не может отвергать свет. Подобное откликается на подобное. Подобное усиливает подобное, как свеча — наши чаяния.

Другое дело, что «настройка» на Бога, как на зеркало света, должна быть точная, тогда мы получим отклик. И зависит такая настройка от чистоты нашего посыла. Чем искреннее мы верим в Бога, как высшее начало, как концентрацию всего самого лучшего, как абсолютное добро, как абсолютный свет, тем точнее настройка, тем больше шансов, что нас услышат.

Вот датская принцесса Дагмар (1847-1928), в 19 лет приехавшая в Россию невестой цесаревича Александра, и ставшая затем императрицей Марией Федоровной, женой императора

Александра III. Те, кто не знал ее, говорили, что она хитра и практична, раз со всеми находит общий язык и вскоре превращает человека в своего союзника. На самом деле она просто искренне верила в Бога, в абсолютный свет, к которому, как она усвоила с детства, всем надо стремиться. И она стремилась, с детства борясь со своими недостатками, стараясь быть лучшей, делать все наилучшим образом. И она делала все, что могла, а, если не могла что-то сделать для человека, то дарила ему улыбку или сочувствие. Вот почему ее все любили, от слуг до генералов.

Некоторым казалось странным, что она знала все калибры пушек, кавалерийские термины, хорошо ездила на лошади. Но ведь все видели только то, что бросалось в глаза. На самом деле тут не было ничего странного, она знала и много других вещей и умела многое (есть масса свидетельств), потому что всем интересовалась и все делала хорошо. Она просто верила в Бога как в свет, и пыталась добавить света каждым своим помыслом и действием. Она говорила себе: *«Если ты веришь в Бога, то ты добровольно и сознательно даешь обет: я буду придерживатьсь только хорошего, ко всему относиться с любовью. И стараешься потом это делать. В этом вера.»*

Вот почему немецкий монах Мартин Лютер (1483-1546) еще 500 лет назад сказал слова, которые многие сразу не поняли: *«Важны не добрые дела, а вера в Бога»*. Иначе говоря, если есть вера в Бога (то есть во все светлое и хорошее), то и дела могут быть только добрые.

Но тогда ни одного злого человека нельзя назвать верующим. Нельзя назвать верующим и священника, который преисполнен гневом, даже если этот гнев справедлив. Бога в нем в этот момент нет, он забыл о нем. Наоборот, впустил в себя дьявола. Гнев — это тьма, говорят же о человеке, одержимом гневом, что «Он ничего не видит от гнева». Но, если веришь в свет, разве так трудно им же защититься от тьмы?

И дело твое, в кого верить и какую веру выбрать, ледяную, громкую и фанатичную, как у протопопы Аввакума и боярыни Морозовой, или ласковую и тихую, как у Сергия Радонежского... С фанатичной верой будешь парить над жизнью и мучиться от того, что жизнь никак под себя не подтянешь. А с тихой верой будешь среди людей, никому не мешая и чувствуя ко всем любовь...

Со многим, здесь сказанным тут, наверное, можно спорить, но одно очевидно — верующим легче и радостнее жить.

Бог и время

Мы знаем о Нем все и почти ничего.

Бог — это незнание, потому что знания имеют границы, а Бог — безграничен. Но именно его безграничность, когда мы к ней обращаемся, переключает нас с трехмерного пространства на многомерное, где невозможно сравнивать и нет опоры гордыне, подзуживающей быть выше чего-то или кого-то. И как можно быть выше в пространстве, где нет меры? И тогда приходит смирение, которое и нужно для общения с бесконечностью.

Бог — одно сплошное время, потому что бесконечен и существует во всех временах. Значит, выходя на него, мы оказываемся перед временем, то есть получаем ключи к собственной жизни. Не к отрезкам ее, а ко всей нашей жизни целиком. Говорить о том, что Бог — вне времени, нет смысла, потому что нет времени и нас нет.

И, как и время, Он — цикличен, то есть повторяем, как движение по кругу, и поэтому общение с Ним это обряд, хотим мы того или нет. Если хотим с Ним общаться, то это возможно только через обряд, то есть одни и те же неизменяемые повторяющиеся действия и слова. Так же как с молитвой. Поворачивайся лицом к образу и произноси слова, отобранные временем. Например, «Отче наш».

Согласно Библии, Бог является первоначальной и предшествующей миру сущностью, то есть символом бесконечности. Это признают многие философы, например, Бенедикт Спиноза писал: *«под Богом я разумею существо абсолютно бесконечное»*. Но что такое бесконечность? Это все равно, что пустота, а пустота — все равно что ничего.

Важно другое. Когда мы думаем о Боге, наши мысли взлетают высоко к облакам (как говорил А.С.Пушкин *«чтоб сердцем взлетать во области заочны»*), в те области нашего сознания, где нет грязи, низких мыслей и чувств. Это и включает в нас центры высоких энергий, поднимает наше сознание почти до абсолюта, до высоких помыслов, то есть до смысла жизни, до нашего высокого предназначения. Высокого, потому что есть и низкое, в которое мы, обладая свободой воли можем свергнуть нашу жизнь.

Православное понимание Бога основано на его полной непостижимости, о чём писали все отцы церкви, в частности Василий Великий (*«сущность Божья для природы человеческой недомыслима и совершенно не изреченна»*). Но раз мы сами,

люди, приняли это, найдя слово Бог для всего самого высшего, лучшего и хорошего, то глупо было бы Его отрицать. Это все равно, что отрицать правила уличного движения. Отрицайте, пожалуйста, но попадете под машину. Мы просто не знаем устройство и законы духовного мира, его еще не изучают в школах и ВУЗах (разве что в духовных Академиях и духовных Университетах), видимо, пока время не пришло.

О непознаваемости Бога говорится и в Библии («Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле» (3 Царств 8, 12)). Об этом же говорит в своем трактате «Об искании Бога» немецкий мыслитель эпохи Возрождения Николай Кузанский (1401-1464):

«Он постигается через наслаждение от пребывания в истине, и не находится в сфере интеллекта по той причине,

Бог — это не природа. Она — только часть его

что превосходит всякое человеческое представление о нем. Он может открыться нам, когда мы ощутим, что прикоснулись к чему-то нетленному».

То есть то высокое и светлое вне нас и в нас, оно не конкретно, и выйти на него можно только отрешившись от конкретного и суетного в нас, от того, что имеет форму и суживает нас до нас самих, до тех узких представлений о мире, которыми мы живем.

Кто-то сказал, что *«если бы Бога не было, человек бы все равно придумал его»*. На самом деле человек не придумал Бога, а скорее постепенно, в течение тысячелетий осторожно нащупывал его, вначале в себе, потом в мире, определял его силу и сферу обитания внутри себя и в мире. Тем более, что, будучи созданным по образу и подобию Божию, не трудно ощущать в себе Его природу, Его Влияние. А, если таких ощущений нет, их просто надо включить.

Поэтому, если хотите быть в Боге, поднимайтесь над своими конкретными мыслями и чувствами и расширяйтесь до Вселенной или даже до бесконечности. **Как только придет ощущение безграничности, непознанности, значит близка граница соприкосновения с Ним**, значит можно общаться и каяться, прощать и формулировать желания и вопросы. И именно на таком уровне можно ждать ответов.

Хотя, впрочем, после такого «сеанса общения» ответ может придти и через конкретного человека. Ведь Бог не имеет ни облика, ни формы, но действует через явления или через людей.

Миллиарды людей, живших до нас, узнавали это слово Бог, признавали его и строили по нему свою жизнь. **Это не результат коварных действий небольшой группы людей, придумавших Бога, чтобы удерживать власть. Это реальность, возникшая с появлением человечества.** Или существовавшая и до него, не важно. Важно, что Бог нам нужен как свет, освещающий путь, как светофор, показывающий, когда можно двигаться, а когда надо подождать.

Талантливые люди, то есть те, у кого с детства развито одно из чувств восприятия (зрение, слух или вкус), чувствуют Бога. Это как ощущение того, что за границами материального. Скажем, мы слышим звуки от 16 до 20 тысяч герц. За границами этого коридора уже не слышим. Но все равно чувствуем эти звуки. И видим тоже в определенном диапазоне нанометров, между инфракрасным сектором и ультрафиолевым. Есть диапазоны и у обоняния, и у вкуса, и у осязания, но они пока не обозначены, не исследованы.

Бог не конкретен, потому что он включает в себя все лучшее в нашем обозримом мире. И этого лучшего так много, что его не объять одним словом, фразой или даже несколькими предложениями.

Лучше всех, как мне кажется, это удалось нашему российскому поэту, предшественнику А.С.Пушкина Гаврииле Державину (1743-1816), Он так и назвал свое стихотворение: «Бог».

*«О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движенъи вещества,
Теченьем времени Превечный,
Без лиц, в трех Лицах Божества!
Дух всюду Суций и Единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог.
Измерить океан глубокий,
Сочестъ пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, -
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает,
В Твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.
Себя Собою составляя,
Собою из Себя сияя,
Ты Свет, откуда свет истек.
Создавший все единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь век!
Ты цепь существ в Себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь...
А я перед Тобой — ничто.
Ничто! — Но Ты во мне сияешь
Величеством Твоих доброт;
Во мне Себя изображаешь...
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:*

*Я есть — конечно, есть и Ты!
Ты есть! — природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;...
Отец! — в бессмертие Твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почитать,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.»*

Саваоф

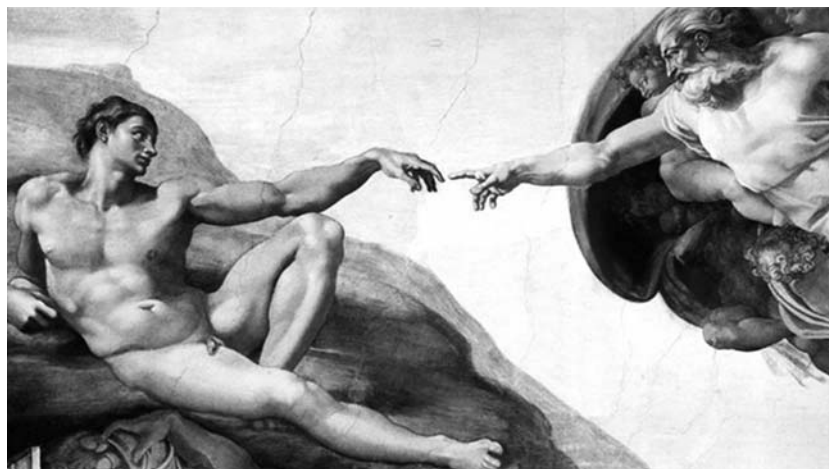
Дело не в точности слов, которые нашел поэт. Они, конечно, не точны и относительно в одиночку, но **в целом, когда все эти слова стоят рядом, характеризуют одно и то же явление, происходит перестройка нашего восприятия.** Державин перестраивает нас на высокий лад. При этом, не унижая, а наоборот, возвышая, поскольку находит в себе, в каждом из нас божественную природу: «я...черта начальна Божества...»

Как настраиваться на Бога, как включить в себе то божественное, что в нас есть? **Любое обращение к Богу – уже включение в нас божественного начала.** Ведь мы созданы по образу и подобию Божию. Достаточно просто произнести вслух слово «Господи», и сразу что-то включит нас в единую сеть мира. Такая у Слова сила. Такая его Божественная природа (*«В начале было Слово, Слово было у Бога, и Слово было Бог» Иоанн, 1-1*). А мощь этого включения будет зависеть от того, что мы позволим себе вообразить, почувствовать при звучании этого слова.

Если это изображение Г.Державина, то включается вся Вселенная, когда он произносит:

*«Создавший все единым Словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!»*

Но кто мешает любому человеку, каждому из нас, обращаясь к Богу, представлять себе какие угодно масштабы. Чем больше, тем мощнее резонанс. А еще лучше свое во-

Микельанджело. Сикстинская капелла. Сотворение Адама

ображение вывести за пределы трехмерного пространства. Это сразу выключает критика внутри нас, для которого границы понятий и явления, как точки опоры для нападения.

Конечно, когда живешь в мире, все мелкое и низкое нас мельчит и суживает, а конкретные дела втягивают нас, как в бутылку или в клетку, в прокрустово ложе узких, потому что удобных для нас действий. Где уж тут включать в себя и других, тех, из-за которых твоя польза, твоя выгода сойдет на нет? Где уж тут почувствовать мощное державинское *«Я средоточие живущих, черта начальна Божества...»*?

Поэтому уходили все будущие наши святые и старцы в скиты и в пустыни, подальше от мира, в природу, где над тобой не потолок клетки-дома, а все небо, где жизнь-выживание суживает только твое тело, но не дух, где к Богу обращаться легко и благостно.

Конечно, у каждого из нас свой Бог. У Феофана Грека (1340-1410) Бог был злым, страшным и карающим, у Андрея Рублева (1360-1430), наоборот, добрым, мягким и прощающим. Все зависит от самого человека, его мировоззрения, характера, знаний, опыта. Но от того, какого мы Бога выбираем, какого представляем себе, зависит наша жизнь, те сферы, которые мы привлекаем к себе, на которые настраиваемся....

Если же человек не верит ни во что, ни в Бога ни в черта, то он закрывает для себя духовный мир. И с умершим телом закончится и его духовный путь. Тьма и больше ничего.

Потому что Бог дал нам свободу воли. И раз не веришь и не хочешь для себя духовной жизни после смерти тела, то ничего и не получишь.

И наоборот, если Бог для тебя — сверкающая бесконечность, то именно в это пространство ты определяешь свою бессмертную душу, и именно туда она устремится, освободившись из плена отжившего тела...

Почему один человек верит в Бога, а другой нет? Потому что первый видел или чувствовал проявления Бога. Чтобы второй тоже поверил, надо, чтобы факты проявления Бога перед ним вдруг предстали в цепочке, одновременно. Но есть люди, которым достаточно просто сказать, что Бог есть, что Бог это Свет, что Бог это Любовь, и они поверят. Это тоже дар — легкость веры. Как правило, легкая вера — не истовая, как у боярыни Морозовой, а домашняя, как привычка, воспитанная в семье. **Так верят дети.** Но у ней, у

этой веры, тоже есть стержень, это — наивность, убежденность, что главное — свет и любовь...

Вера — опора человеку и в геенне огненной.

Если ты веришь в Бога, то ты добровольно и сознательно даешь обет: я буду придерживаться только хорошего, ко всему относиться с любовью. В этом вера. Вот почему немецкий монах Мартин Лютер еще 500 лет назад сказал слова, которые многие сразу не поняли: *«Важны не добрые дела, а вера в Бога»*. Иначе говоря, если есть вера в Бога (то есть во все светлое и хорошее), то и дела могут быть только добрые.

А к кому еще пойти человеку?

Храм — корабль спасения

Храм Покрова на Нерли (Владимирская область). XII век.

Спасение души для верующего человека всегда было самой высшей духовной ценностью. А, если учесть, что до XVIII века (века просвещения) большинство людей верили в Бога, то эта ценность была самой важной почти для всего человечества. Символом такого спасения всегда считался храм — корабль в океане суетной греховной жизни.

Сейчас с распространением атеизма, конечно, ситуация иная. Но до сих пор для верующих, независимо от конфессии, идея спасения имеет важное значение.

Кто-то может сказать: *«А зачем меня спасать? Меня спасать не надо. Я не тоню»*. На самом деле спасение — это не гарантированное место в раю в будущей жизни и не спасение от смерти, но **спасение от многого другого:**

от рутины, от бытовой скоростной жизни, которая притупляет все природные чувства и требует развлечений,

от тоски, уныния, и пессимизма,

от низких мыслей и чувств, в которые мы впадаем и которые пробуждают зверя внутри нас.

Спасение храмом — это полет души, создающий ощущение праздника жизни, света, который видишь открывшимися глазами.

Храм это всё может подарить и, как правило, дарит.

И дело даже не только в том, что любой храм по форме похож на корабль, плывущий по волнам житейского моря, а корабль во всех мифах народов мира всегда был символом путешествия души в мир иной, перехода из мира дольного в мир горний. И не только в том, что на куполах сияют кресты, осеняющие светом все, что делается в нем.

Храм — это чудесный механизм волшебных часов, в которых, кажется, незримо тикает не время, а совесть, **в которых все делали работают по раз и навсегда отлаженным правилам и всегда одинаково ровно и размеренно.**

В храме все устремлено вверх — и столпы, поддерживающие свод, и пылающие свечи, и росписи стен, и голоса хора во время службы, и возвышение алтаря, и купол над ним, из которого льется свет. Высота физическая порождает высоту духовную. Высокие потолки храма, взлетающие ввысь купола, вытянутые вверх стройные тела Христа, Богородицы, апостолов, святых... **все это вытягивает нашу душу, выпрямляет, выстраивает.** А в самом верхе под куполом лик Спасителя, зовущего к себе. Человек невольно подчиняется этому высшему порядку, душа устремляется к свету. И возникает канал связи человека с Богом.

А много ли у нас высокого в наших домах? Что там нас может вытягивать и выпрямлять, выстраивать и звать?

С купола нисходит свет физический и духовный

А часто ли мы говорим о высоком? Когда кто-то из близких умирает. Когда кто-то рождается. Когда кому-то плохо и надо поддержать. Когда охватывает чувство гордости за страну, за свой народ, за свой город... Все это бывает не часто. А в храме всегда, каждый день, каждый час. Все вокруг для этого и существует.

Можно подробно не рассказывать об устройстве храма, иконостаса... всё это известно и об этом можно подробно прочитать в Интернете, в книгах, в словарях. Главное все это действует, именно все вместе, с каждым нашим шагом в храме, независимо от того, с чем мы пришли.

Строя храм, древние мастера создавали священное пространство, в котором происходит встреча человека с Божественным. Не случайно выбирали особые места для храмов — по берегам водных путей, на возвышениях. Они делали так, чтобы храмы были хорошо видны, как маяки для путников.

По своему внешнему виду храм значительно отличается от обычных зданий. Часто он строился в виде корабля, который, по образу Ноева ковчега, ведет людей по бурному морю жизненных испытаний к высшей цели, к Свету. Здание храма завершается сверху куполом, символизирующим небо, бесконечность пространства.

Как и в любом священном пространстве, в храме есть центр, границы, порог, разделяющий два пространства, два образа жизни: мирского и религиозного. **Место, где мир обыденного может перейти в мир священного.** Почему и говорят, что в храм не следует входить сразу, без подготовки. Перед входом в храм всегда останавливались — троекратно крестились, клали земной поклон, тем самым очищаясь от всех обыденных проблем, настраивая душу на восприятие непознанного, божественного и отдачу всего лучшего, ценного, что хранится в собственном сердце.

Сам храм и все, что в нем, **воздействует на все наши чувства**, независимо от того, что-то мы активно делаем в храме (исповедуемся, причащаемся, проходим соборование, молимся, оставляем дары, ставим свечи, пишем записки) или пассивны, то есть просто стоим, наблюдая и слушая службу.

Это **образы** в куполе и по стенам, в алтаре и на иконостасе, мягко и человеколюбиво взирающие на нас со стенных фресок и икон.

Это **звуки** молитв, проповедей, православий, песнопений и смиренных светлых речей, звучащие во время служб и между ними.

Это **запахи** ладана, меда и воска негорящих и горящих восковых свечей, горячего лампадного масла и душистого дерева иконных окладов.

Это **вкус** постных сухих и пропитанных во время причастия вином просфор, церковного вина, кусочков артоса.

Это **прикосновение** губ к руке батюшки на исповеди и накрывающей твою голову плата-епитрахили, губ к кресту или иконе, масла ко лбу во время соборования, капелек воды с кисти в руке священника, когда он кропит святой водой собравшихся...

Все пять наших чувств настраиваются на высокое, на светлое, на доброе, все пять наших чувств очищаются от мелочности и скверны, которая налипает на них за жизнь. И душа, как очищенный от ракушек корабль, летит на всех парусах вперед и вверх, как будто на крыльях....

Мы **не просто видим** образы Христа, Богоматери, апостолов, святых, смотрящие на нас из-под купола, со стен и с икон, **мы** в момент лицезрения всей душой, всем существом своим **выстраиваемся в духе этого образа**, уподобляемся ему, присоединяемся к нему, как бы получаем от него благословение, так что и сами становимся отчасти такой же природы...

Мы **не просто слышим** слова Священного Писания, Псалтыри, но даже самые простые слова, например, имена людей, ко-

торым заказаны записочки о здравии, произносимые в храме, звучат особенно, ровно, как горение свечи. **Благостная волна Божественного Слова**, и просто упомянутого в храме по имени человека **проплывает мимо нас и сквозь нас**, чинно, светло, праведно, осеняя нас своим проговоренным светом и себя светом от нас...

«Храмы, — говорил отец Иоанн Кронштадский, — это небо земное, царство Бога на Земле, где мы освящаемся посредством молитвы и Таинств, где мы сами делаемся живыми храмами божими, сами делаемся Божественными через приобщение Божественных тайн...»

Храм — это машина времени, в которой мы путешествуем по разным временам, прикасаясь к свету этих времен. Этот свет в каждом святом, который смотрит на нас со стен, с икон. И пусть все они из разных эпох, их объединяет одно — их светлая духовная сила, собранная ими за всю их жизнь, как пчела собирает нектар, облетая тысячи цветков. И, когда мы смотрим на них, без эго, со смирением, чтобы настройка была чистой, они дарят нам этот свет, силу этого света. От них к нам протягиваются светоносные лучи.

И путь к храму может стать чудом. Может и становится. Скажем, захотел городской человек в своей бывшей деревне восстановить храм. И было это совершенно нереальным делом — не денег, ни рабочих рук, ни паствы. И помощи вроде ждать неоткуда. Но потихонечку. Постепенно, все как будто само появляется в нужный момент...И вот уже возник как бы из ниоткуда храм — плод многих усилий, светлых мыслей и добрых дел...

Как говорят священники в своих проповедях: *«Ковчег, спасший людей от Всемирного Потопа, был построен Ноем по повелению Бога. Церковь — это тоже ковчег, корабль спасения, но построенный Самим Богом, сошедшим для этого на землю. По Божьей милости мы с вами плывем на этом корабле по бурному житейскому морю.*

Море зла окружает нас. Как спастись в нем на нашем корабле? Из чего он построен? Что дает крепость ему? **Он построен из нас с вами**, дорогие братья и сестры, **а крепость дает ему любовь**, которую мы имеем к Богу и друг к другу.

Ссоры, обиды, злословие — любое проявление неприязни — это все трещины в нашем корабле. Всякий, кто имеет злобу к ближнему своему, топит наш корабль, разрушает Церковь. Всякий, кто проявляет любовь к ближнему — строит, создает Церковь. Все очень просто...»

Иконостас московского храма Симеона Столпника

Авва- кум	Изе- кииль	Иона	Ие- ремия	Дани- ил	Исайя	Илья	Моисей	Да- вид	Бого- мать Знаме- ние	Соло- мон	Заха- рия	Са- муил	
Св. Григорий Богосл.	Св. Иоанн Златоуст	Св. Васи- лий Вел.	Ев. Марк	Ев. Лука	Ев. Иоанн	Ап. Петр	Арх. Михаил	Бого- ма- терь	Спас в силах	Иоанн Предтеча	Арх. Гавриил	Ап. Павел	Ев. Матфей
Рож- дство Бо- городицы	Вве- дение во храм	ДВЕРНОЙ проем в Покровский храм			Бла- гове- ще- ние	Сре- те- ние	Бого- явле- ние	Вход в Иеру- салим	Сень высо- та 44 см	Со- шест- вие во ад	Воз- несе- ние	Успе- ние	
?					Великому- ченик Димитрий	Ал- тар- ные врата	Бого- ма- терь Одиги- рия	Цар- ские врата	Отечество со страстями			Нико- ла с жи- ти- ем	

Иерархия иконостаса

Действительно, все просто. И добавить к этому можно то, что не только вся православная церковь целиком, но и каждый храм может являться кораблем для спасения людей, «тонущих» в житейской суете, которые смогут в любой момент, придя сюда, очистить свою душу и измениться к лучшему.

Потому что, в отличие от суетного житейского мира, здесь, в храме, люди невольно следуют негласному правилу: не давать ход низким мыслям, думать только о светлом и высоком. И вести себя также — скромно, смиренно, доброжелательно.

Казалось бы, как просто — вести себя так же в миру, и весь мир будет как храм, высок, чист и полон достоинства. Но нет, за пределами храма мы снимаем с себя все запреты и пускаемся во все тяжкие...А почему в храме не снимаем?

В храме помимо высоких помыслов и чувств незримо присутствует смирение. Оно и в полукруглых склоняющихся арках, и в ровно и мягко горящих свечах, и в покорно склоненных головах святых и великомучеников на стенах, и всегда наклоненной к младенцу Богородице, и в склоненных в мире и согласии ангелах в Троице. Оно и в смиренно читающим Евангелие священнослужителе, и в смиренно склоненных молящихся прихожанах. Даже два воинственных архангела в Иконостасе — Михаил и Гавриил — стоящих во главе небесного воинства, и те склоняют голову в смирении.

Почему? Потому что **без смирения нет согласия и любви**, а есть разделение и свое «я». А тогда и нет превращения всех собравшихся в храме во имя Христа в одно целое, нет объединения всех в одно молящееся существо, в одно тело храма, и нет объединения этого тела со всеми молящимися на Земле.

Видимо, об этом думал поэт Александр Блок (1880-1921), когда писал:

*«Люблю высокие соборы,
Душой смираясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.»*

Смирение помогает нам растворяться во всех других и, теряя себя, обретать весь мир, вливая в него себя, как маленькую частичку. Как зерно, умирая для себя, рождается вновь уже в другом качестве и для всех...

Храм, как часослов, тоже книга, только каменная. И храм, как часослов, и внешним и внутренним своим обликом привязан ко времени, потому что весь состоит из **прошлого, настоящего и будущего, существующих одновременно**. Ведь его внутреннее пространство делится на три части —

Сразу за входом — притвор,
Затем идет средняя часть храма, и, наконец,
алтарь, отделённый иконостасом.

И храм в этом смысле можно воспринять как символ продвижения человека к духовности.

Вначале мы, войдя в храм, оказываемся в притворе. Это как бы степень нашего воцерковления — и грехи не дают дальше идти (их тяжесть делает ноги свинцовыми), да и человеку на этом уровне греховности самому не хочется идти дальше. Собственная тяжелая пока природа не пускает. Неуютно, холодновато, как-то не по себе. Это, если мы движемся вперед, как бы **наше прошлое**.

Потом, при движении к середине храма начинается проникновение в нас света, и материального — сверху из купола и боковых окон, и духовного — от звучащих молитв, слов Евангелия, икон, ликов со стен, горящих свечей. И, наполняясь светом, мы начинаем сами тянуться к нему — узнавать все, что не знаем (что есть Бог, что есть вера, есть храм, как вести себя в нем, учимся читать Библию, духовные книги). То есть, посещая храм, мы двигаемся к его середине, по мере своего светления. Это **наше настоящее**.

Алтарь же настолько светлое, легкое и разреженное пространство, что в нем нам при жизни не быть. В нем место

только Богу. Священнослужители и алтарники могут сюда заходить и выходить, но только во время службы, как живые механизмы Богослужения. Так же как батюшка, принимающий исповедь, на время перестает быть живым грешным человеком и становится проводником Бога.

Что касается всех нас, грешных, то кто же знает, насколько мы можем быть ближе к алтарю? Это зависит от того, сколько уже в нас света, крохотная точка в окружении сплошной тьмы, маленький огонечек, уже отодвигающий тьму от себя, или уже заметный светильник, на свет которого и другие могут притянуться... Нет, пожалуй, только после нашей смерти можно будет сказать, какую мы прожили жизнь, темную или светлую. Даже если светлую, даже если кто-то будет канонизирован церковью, как святой, и уже обретен право попасть в алтарь, это будет после нас. Но, если мы стремимся к Богу, тянемся к светлому и доброму, то алтарь — это **наше будущее**. Вот что такое храм...

Наконец, есть такое понятие как малая Родина. Оно складывается в детстве, когда какие-то незабываемые моменты и образы остаются в памяти навсегда и помогают потом во взрослой жизни. Это может быть и сруб колодца с журавлем над ним возле бабушкиного дома в деревне, и стог желтого и пахнущего летом сена, и такой родной дым, никогда не устающий виться из трубы соседского дома, и празднично-красный наряд старой яблони, достоявший до самых холодов, и засыпанная снегом длинная картофельная грядка, на которой столько потов с тебя сошло, и шпиль двухсотлетней колокольни местного храма, куда тебя принесла бабушка крестить...

Конечно, в храм надо ходить. Если нет привычки делать это регулярно, то хотя изредка. Это как физические упражнения — не хочется делать, но, чтобы не ожиреть, мы себя принуждаем. Также и духовно надо себя принуждать, пока не открылся постоянный канал, и общение с Богом, с этим пространством света, добра и любви, не стало праздником. Но можно создать у себя дома прообраз храма — божницу, то есть молитвенный уголок, где будет несколько любимых икон, Евангелие, молитвослов, псалтырь, жития любимых святых, лампадка, ладан, свечи.

Душа — птица в клетке нашего тела. Храм и все, что в нем, дает ей духовную пищу. Почему мы в первую очередь думаем о клетке, а о птице в последнюю очередь? И, когда клетка рассыплется, будут ли у птицы силы взлететь высоко, к самым облакам?

«Икона — свет изнутри»

Картина или книга должны учить мыслить и понимать жизнь, а икона? Включая в нас духовные центры, она может не просто чему-то научить, но приближает нас к Богу, как бы **выстраивает душу**...

Человек подошел к иконе, у него в голове был хаос, о том думал, о сем...А посмотрел, и как будто душевное небо очистилось от туч. Значит, икона выводит тебя на такой светлый уровень в себе, на который раньше ты не выходил, эта часть души как бы спала...

«Моя бабушка Анна, — вспоминает художник Юрий Сергеев, — всегда день начинала с иконы. Встанет, перекрестится и идет в угол к Образу. Встанет, покрестится и приговаривает: «Господи, благослови!» И только после этого начинает деловой обряд дня. Я перечитал много литературы о том, как гармонично планировать день, чтобы он всегда был успешным. И увидел, что на благополучие влияет духовный настрой. В данном случае — слова молитвы. Мне, например, помогает молитва, которую я написал фломастером на стене своей мастерской: «Господи, какой у меня сегодня счастливый день. Господи, благодарю тебя!»

Иконы дома могут быть разные. Но главное должна быть мерная икона, которая сопровождает человека всю жизнь.

Человек с древнейших времен был связан со временем. Солнце всходит — мы просыпаемся, заходит — засыпаем. Человек как антенна, он настроен на прием различных волн. Мы настроены на время. Мы носим на руке часы. Мы планы свои строим в соответствии со временем. **Мы как бы — приемник времени.**

Но получается странная вещь. Настраиваемся мы на текущие события (куда пойти, что сделать), то есть настраиваемся на мелкие события и детали своей жизни, **а вот на высокий смысл своей жизни не настраиваемся.** То есть не включаем в себе центры высоких энергий, работающие на максимальную реализацию нашего творческого потенциала. Не настраиваемся на высокие духовные ценности.

Между тем как в каждой религии такие настройки всегда были. В православии, например, такая настройка воплотилась **в мерной иконе**, которую крестные дарили ребенку в день крещения. Мерная, потому что она была размером с младенца (от 48 до 52 см). На ней изображал-

ся святой, день рождения которого ближе к рождению ребенка, то есть ангел-хранитель. Его день — это День ангела, который мы празднуем и сейчас.

Икона вешалась над кроватью ребенка, чтобы она могла все время работать, общаться с ним, держать с ним невидимую связь, между ребенком и его ангелом-хранителем.

Держать связь и выстраивать его судьбу в соответствии с его способностями, с его предназначением. Кто как не ангел-хранитель знает своего хранимого? И он начинает незаметно направлять человека с первых его шагов по жизни. **Это первая настройка на духовный мир.** Таким образом человек имеет шанс прожить не бытовую обывательскую жизнь, а творческую, интересную, духовную и выполнить свое предназначение.

Духовная жизнь, она хоть и не видна, но она есть. Это как волна в приемнике. Мы ее не слышим, но включаем приемник и слышим. Откуда она берется? Из вакуума, из пустоты, где места сколько угодно, потому что там нет трехмерности, там — многомерность. Не включаем приемник. И как бы ничего нет. Как для атеистов, не включают они в себе настройку на божественное, для них ничего нет, и они говорят: *«Нет никакого Бога»*. А у православных много настроек. Помимо молитв, Евангелия, Псалтыри, житий святых, мерной иконы это другие иконы (Богоматери, Родовые иконы, семейные, отдельных святых),

Эти все настройки очень важные. Это как вода для растения. Если его не поливать, оно засохнет. Если мы не ухаживаем за свое душой, то со временем можем превратиться в злобного обывателя, который только жалуется, всех во всем обвиняет и видит вокруг себя только плохое. А почему? Потому что бес быстрее к нам долетает, чем Бог. Почему? Потому что **Бог нам дает свободу воли, а сам идет нам навстречу, только когда мы его просим, когда к нему обращаемся, а бес сам лезет в любую щель и по любому поводу.**

Икона — это частица вечного, образ горнего мира. Что останется после нас нашим детям? Вещи, мебель, бытовая

Мерная икона у каждого своя

техника придут в негодность и выйдут из моды, автомобиль превратится в металлолом... Но, **собирая иконы, можно зародить семейную традицию, создать духовный мост, который будет связывать невидимой нитью поколения.** Каждая из семейных икон будет жить очень долго и помогать многим поколениям. И, глядя на икону Спасителя, которой на протяжении многих лет благословлялись на брак все мужчины в роду, или на семейную икону своих прабабушек и прадедушек, наши потомки будут поминать своих родственников в молитве перед этими иконами, даже если никто не рассказывал им про них.

Православного человека икона сопровождала везде и всегда. Помимо традиционных икон Спасителя, Богоматери, Николая угодника есть иконы святых – покровители профессии. Есть те, кто помогает при разных заболеваниях. Есть и такие, которые помогают при разных жизненных обстоятельствах.

В купеческих домах был обычай. Заходя в дом, гость

всегда искал глазами красный угол с иконами, и, перекрестившись произносил: *«Мир дому сему!»*. Хозяева же отвечали: *«С миром принимаем!»*. Таким образом, все просили благословения и покровительства у святых. И только после этого приступали к разговору.

Среди православных до сих пор принято дарить иконы практически на все случаи жизни. **Мерную икону** дарят при рождении. Икону можно подарить целой семье, — такая икона станет семейной, на ней пишутся святые покровители всех членов семьи вместе. Самой распространённой **семейной иконой** является **собор**

Владимирская икона Божией Матери

святых — изображение всех покровителей членов семьи. Они молятся об этом роде, об этом семействе. Среди них могут быть и святые покровители уже ушедших из жизни родителей — основателей рода. Другой вариант семейной иконы **Дейсус**, то есть композиция, на которой святые покровители семьи перед Иисусом Христом или перед Пресвятой Богородицей. В эпоху Возрождения такие иконы были в семейных церквях в виде створок алтаря (например, знаменитый Гентский алтарь).

Есть **иконы именные**, на которой изображен святой тезка-покровитель. **Венчальную икону** Вседержителя и Пресвятой Богородицы, дарят к таинству Венчания.

Икона — это, в первую очередь, образ Бога или святого покровителя, которому следует молиться, а не оберег, амулет или талисман, который сам по себе, одним фактом существования должен оберегать человека. То есть не обр-аз работает, а с этим образом надо работать. Это как с ангелом-хранителем, он — не бес, если ты его не вызываешь, он тихо сидит у нас за правым плечом и ждет, когда он нам понадобится.

Поскольку икона — окно в мир света, то иконам свойственна светоносность. Она достигается за счет золотого фона, свечения ликов и сияния вокруг головы святого — нимба. Иконописцы добиваются такого свечения многослойным наложением красочных слоев. И тогда все в иконе пронизано светом — он падает на лики, руки, на складки одежд, отражается на предметах и архитектуре.

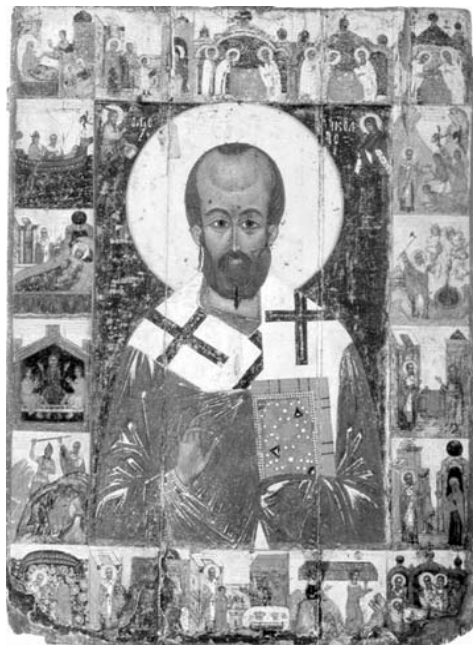
Икона — цикличное явление, поскольку все наши действия по отношению к ней повторяются, как движение по кругу. Да, в отношениях с иконой мы все делаем, как всегда. Наше поведение по отношению к иконе не может быть непредсказуемым, как это бывает в наших отношениях с людьми. Подходя к иконе, мы уже даже в мыслях своих стараемся быть лучше, чище, светлее, смиренней. Стараемся, чтобы осела душевная муть, которая у нас постоянно во взболтанном состоянии. Мы зажигаем свечку или лампадку и пробуем молиться.

Не важно, по канону ли или своими словами, долго ли коротко ли. Важно, что слова повторяются, как бы идут по кругу. Это все равно как лепет слов «мама», «Боже», «Господи», когда нам плохо... Это не ум, а нечто вечное говорит в нас этими словами. Важно, что не выгода тут нами движет, не расчет, не долг, а нечто другое — всплеск души, который по сути кроме Бога никому больше не

нужен. Люди еще готовы слушать что-то дельное, но никому не хочется упираться в тупики, слышать безысходность, беспросветность. И только Богу мы можем крикнуть в рыданиях: *«Господи, прости, что я такой! Господи, помоги!»*

И этот бессмысленный крик и бессмысленная просьба — как дверь в четвертое измерение в трехмерной комнате. То есть в трехмерном пространстве нет выхода, а в многомерном — сколько угодно. Отсутствие смысла в нашем крике как раз и выключает логику, наше критическое полушарие мозга. Обращение к Богу через икону приводит к объединению с Богом и с миром, и там, где был тупик, уже брезжит свет.

Это связано и со временем, потому что икона поднимает нас, как на крыльях, над конкретным днем, месяцем, годом. Ведь и на самой иконе практически нет времени. Все (черты лица, жесты, одежда, позы, строения, пейзаж) передается иначе чем в реальности. Икона как бы подвешена в вечности. И нас она поднимает на некоторую высоту.

Икона Николая Чудотворца с житием

Икона — инструмент обряда, потому что цикличность наших повторяющихся по отношению к ней действий похожа на замкнутую электрическую цепь, по которой рано или поздно пойдет ток.

Вот почему иногда иконы с житием так и изображают, как бы в круге, когда по периметру, как по циферблату часов идут сцены жизни. В большинстве икон скрыт круг жизни, который обычно мы не видим. А, если б видели, возможно, жили бы иначе. Говорим же в конце жизни: *«Если б знал, что так будет, никогда бы...»*. Так вот тебе икона с кругом жизни, вот и смотри...упреждайся!

А здесь мы видим все сцены жизни, всю нашу жизнь, здесь она нам предстает одновременно. Точно так же всплывают перед иконой в нашем сознании все наши грехи. Вот что значит очищение от грязи. Когда в нас меньше грязи, мы эту грязь лучше видим.

Икона — это и наставление. Не живое и разболтанное, как живой человек со всеми его слабостями и сильными сторонами, а строгое, назидательное, серьезное... с напоминанием о лучшем, чтобы к нему стремиться ...

Икона — это духовное явление. Она **напоминает, какое духовное богатство сосредоточено внутри каждого из нас**, не меньшее, чем у таких подвижников духа, как старцы. Просто у них это богатство все время в действии, все время работает (ведь житейские хлопоты уже не мешают заниматься душой), а у нас оно за семью запорами, на самом дне души.

Но, раз **икона обладает такой силой, что освещает нас изнутри**, так что мы начинаем видеть то, что не видели, то какой же силой должен обладать иконописец, чтобы написать ее? Чтобы накопить эту силу, обет ли молчания он должен принять на целый год, как Андрей Рублев в 1408 году перед написанием «Троицы»? Или месяц, два, три перебирать и рассматривать старые иконы, как это делает иконописец на картине, набираясь этого крепкого духа, воспитанного суровой жизнью, этой истовой веры и стойкости, как у протопopa Аввакума? Или переписать Евангелие, может быть, и не один раз, как это делали в XI веке ученики первого нашего иконописца Киевско-Печерской Лавры Алимпия?

До тех пор, пока открывшийся Божественный Свет не свергнет душу в трепет... **Вот этот трепет-то и нужен для написания иконы**. Потому что только тогда и будешь писать ее не собственной рукой и не кистью, а десницей самого Бога, чей замысел только в таком состоянии и прочитаешь. А состояние это таково, что у некоторых иконописцев, когда писали распятие, даже раны открывались на ладонях...

С другой стороны нельзя писать икону и без душевного смирения. До какой степени? Вплоть до ощущения, что недостойн писать. Духовный человек чище. А когда ты чист, то грязные пятна выделяются. Когда же ты весь погруз в грехах, тебе кажется, что ты чист.

Скромность — от смирения. Кто унижен, тот возвысится. Чем я ниже, тем выше. Старцы вот не имеют благ,

живут на хлебе и воде. И говорят о себе: я самый большой грешник. **Это не чувство вины, а смирение, чувство малости своей...** В каждом веке степень смирения была разная. Например, в XIV веке у Феофана Грека все лики гневные, страшные...Он и сам понимал, что не по чину берет на себя роль Творца, Вседержителя и Верховного Судии, но гордыня мешала смириться. А у Андрея Рублева уже все

Юрий Сергеев. «Иконописец»

мягкое, нежное, уступчивое. Поднялся человек до смирения, справился с собой...

Почему икону трудно писать без душевного смирения? Потому что **икона** — не портрет человека с его земными страстями, но **духовный образ** (например, облик святого), **сосредоточение того лучшего, что есть в каждом из нас**. Разве может этот образ выглядеть гневным или расслабленным, сытым или неряшливым? Даже сами по себе эти слова рядом со словом «икона» звучат странно — они из нашей ежедневной бытовой жизни, к духовному миру не имеющие отношения. Поэтому, когда в XVII веке иконописцы стали писать иконы на светский манер, то против этого восстал неистовый протопоп Аввакум, который жизнью заплатил за свою правоту.

«Умножилось в русской земле, — писал он, — иконного письма неподобного. Изографы пишут, а власти благоволяют им, и все грядут в область погибели, друг за друга уцепившиеся. Пишут Спасов образ — лицо одутловато, уста червонные, волосы кудрявые, руки и мышцы толстые... Старые добрые изографы писали не так подобие святых: лицо и руки и все чувства отончали, измождали от поста и труда и всякие скорби. А вы ныне подобие их изменили, пишете таковых же, каковы сами.»

Кто-то может не согласиться с протопопом Аввакумом, сказав, что, мол, раз икона — духовный образ, то и страсти человеческие должны изображаться, потому как они передают движения души. А изможденные *«от поста и труда и всяких скорбей»* лики — не сам духовный образ, а скорее путь к этому образу, как бывает с человеком, который, желая похудеть, укрощает все свои потребности, усмиряет желания, зато потом, помолодев и ощутив в себе прилив новых сил, сияет словно солнце...

Что тут возразить? **Икона — это дверь в такой огромный духовный мир**, до сих пор малоисследованный, что о ней можно говорить и спорить до бесконечности, открывая новые и новые горизонты. Но многое прояснится, если прочитать написанную почти сто лет назад книгу князя Евгения Трубецкого *«Три очерка о русской иконе»*, лучшее из всего, написанного об иконе.

Видя в ней *«праобраз грядущего храмового человечества»*, который пока *«невидим в нынешних грешных людях, а только угадываем»*, Трубецкой задает вопрос: *«что означает в этом изображении истонченная телесность»*? И сам же отвечает:

«Это резко выраженное отрицание того биологизма, который возводит насыщение плоти в высшую и безусловную заповедь. Ведь именно этой заповедью оправдывается не только жестокое отношение человека к низшей твари, но и право каждого народа на расправу с другими народами, пренебрегающими его насыщению. Изможденные лики святых на иконах противопоставляют этому кровавому царству самодовлеющей и сытой плоти не только истонченные чувства, но прежде всего — новую норму жизненных отношений... Воздержание от еды, смирение плоти служит непременным условием одухотворения человеческого облика».

Как будто в наши дни заглядывает князь, как будто из своего далекого 1915 года видит, как насыщение плоти по всему миру уже едва ли не на государственном уровне провозглашается целью жизни!

Бесстрастность икон — это взлет над земными страстями, над бесконечной и повсеместной гонкой за удовольствиями. Жесты крест-накрест сложенных рук. Спокойные позы. Гармония, разлитая во всем. Это — мост в горний мир, свободный от низменных стремлений. **Икона призвана поднять человека наверх, оторвать его от низких мыслей.** Это очень непросто... Даже когда он сам приходит на исповедь и просит:

«Батюшка, помогите перестать испытывать зависть. Когда у соседа что-то новое появится, я прямо-таки изнываю — или убить мне его хочется или отнять».

А батюшка говорит ему: *«Смотри на икону».*

Тот смотрит, потом говорит: *«Смотрю батюшка, но все равно завидую...»*

А батюшка ему: *«Ты в себя смотришь, а не на икону. Посмотри еще раз, разве там есть жадность, зависть, гнев?»*

...Иконописец вглядывается в старую икону, то приближая, то отдаляя ее от глаз. Наконец, находит такое положение, когда он вдруг чувствует, что что-то изменилось. То он смотрел на икону, ожидая, что она что-то подскажет, чем-то поможет, наведет на какие-то мысли. И это было пустое занятие. Икона не открывалась и ничего не хотела говорить. Но вот сейчас, когда он забылся и как будто даже задремал, **забыв о том, что что-то хотел** от иконы, от нее как будто пошел свет, ровное тихое сияние, стоящее над иконой. И он понял, что бег его по жизни почти остановился, раз он увидел это сияние. Сияние тишины.

Феномен молитвы

Молитва — это настройка на свет, добро и любовь, поэтому она обладает чудодейственной силой. Об этом говорит тысячелетний религиозный опыт человечества. Но почему нам необходима эта настройка? Разве нельзя раз и навсегда настроиться на свет, добро и любовь, так чтобы они окружали нас всю жизнь? Разве человек, каждый из нас — не антенна, принимающая энергию от солнца? Все так, если бы только нам не мешали мысли, постоянно сбивающие нас с желанных настроек. Но как они могут мешать и **что такое вообще мысли?**

Для природы это нечто инородное, не вписывающееся в гармоничное природное пространство, некие абстрактные конструкции. А мы, люди, именно этими абстракциями живем, именно по ним строим и свою жизнь и свои отношения с природой.

Представим себе картину, райский сад, в природе — полная гармония, все цветет, растет, благоухает. Как на картине «Мысли» художника Ю. Сергеева. Но вот в этом саду появилась молодая женщина и привнесла с собой...свои мысли...

Внешне дама благополучна, не голодна, хорошо одета, у ней прекрасная собака, но на сердце у нее «скребут мыши». То есть, даже если все хорошо, человек думает и вследствие этого может быть озабочен, обеспокоен, чем-то недоволен. Как у Ж.Б.Мольера(1622-1673):

*«Довольства полного никто достичь не может
Нас все равно чего-то вечно гложет.
И груз наверняка каких-нибудь забот
Довольству нашему дорогу перейдет».*

Или как размышлял Иммануил Кант (1724-1804): *«Дайте человеку все, что он желает, и в ту же минуту он почувствует, что это не есть все...»*

Не потому ли выгнал Господь Адама и Еву из Рая? Кто им мешал там жить спокойно, наслаждаться райской жизнью, растворяться в ней? Но вкусили яблоко познания, яблоко добра и зла, и сразу стали не просто жить на свете, а захотелось им все осмысливать, осознавать. И сразу жизнь стала непростой, полной вопросов, каждый из которых рождает новые.

Начав думать, Адам и Ева тем самым как бы отгородились от природы мысленным забором, потому что **в природе нет осмысления, а есть только ощущения и действия...** Начав думать,

Адам и Ева перестали ощущать природу, как часть себя, в голове у них появилась масса придуманных проблем...Засорили, весь райский сад своими мыслями.

Здесь, на картине художника Юрия Сергеева «Мысли» дама сидит, и ломает голову над самыми разными вещами (в голове у каждого из нас всегда какие-то проблемы), вместо того, чтобы просто радоваться солнцу, теплу, зелени, пению птиц.

Конечно, все твари в природе не с утра до вечера радуются солнцу, теплу и прочим благам. У них тоже масса своих забот. Кто строит жилище, кто-то исследует новую местность, кто-то ищет себе пару, кто-то заботится о потомстве. **Но все существа кроме человека не выпадают из лона природы, потому что не обладают такой страшной разрушительной силой, как мысль. Мысль — нечто искусственное, что вначале, видимо, и Бог не планировал, создавая человека.**

Ведь суть мысли — это осознание, именно с него начинается мысль, мышление. Зачем Богу нужно было, чтобы все создаваемое им стало осознавать себя? Если мы строим дом и обустроиваем его, разве нам нужно, чтобы дом и вещи в нем стали осознавать себя, чтобы они стали мыслить? Представьте себе, что в вашей комнате все вещи мыслят, и вам станет страшно.

Видимо, и Бог, увидев, что человек начал мыслить, почувствовал, что эксперимент выходит из-под контроля. Мир, который он создал и в котором так ладно все было устроено вначале, в котором все было взаимосвязано, **все представляло собой еди-**

Ю. Сергеев. «Мысли»

ную цепь превращений, перехода одного в другое, в котором каждое действие звучало, как песня, и это пение сливалось в общий славящий Творца хор, вдруг затрещал по всем швам ...

Молитва, как пламя свечи, стремится к небу

Бог увидел, что человек вдруг стал прятаться от него, стесняться своей наготы. И эта «пауза» в стройном хоре общих действий тянула за собой новые и новые «паузы». Бог посмотрел и в будущее и увидел, что если, даже, человек и найдет, чем прикрыться, он не прикроется сразу, а начнет думать, хорошо ли это, прилично ли, будет ли тепло, надолго ли этого одеяния хватит, надо ли иногда будет его снимать, а, если надо, то как часто, и так далее... То есть **одна мысль, как раковая клетка, тут же начинала катастрофически делиться, и этому делению не было конца и края.**

Собственно, и в Его божественном мире разлад начался именно с мысли. Когда Денница, один из лучших его ангелов, вдруг осознал себя. Это было начало конфликта и преддверие бунта. Потому что он стал думать, что лучше других и потому заслуживает больших почестей. А, если заслуживает, то каких? И, если почести эти будут ему воздавать другие, то от кого что надо требовать? И здесь мысль, как чума, с такой же убийственной быстротой разрушала созданный Творцом простой и гармоничный мир.

Помня, что Денница взбунтовался, требуя себе больших благ и почестей, и, изгнанный из Рая, превратился в его злейшего врага — сатану, Бог стал думать, что сделать с человеком, чтобы он не повторил путь сатаны. Но и в нем самом, в Боге, мысль уже творила свою страшную работу — она стала делиться, и за каждой новой шла следующая. Как хорошо ни о чем не думать, а просто создавать мир, когда одно следует за другим, и все становится общим, гармонично вливаясь в целое... В конце-концов, Бог устал прокручивать варианты и просто решил изгнать человека из рая, так

же, как он изгнал когда-то Денницу.

А что стал делать человек? Осознание привело его:

к мыслям об избранности;

к выделению себя из ряда живущих на земле других существ;

к сравнению, к желанию иметь больше, подчинять себе других,

к разделению,

к захвату территорий и благ,

к войнам и страданиям...

И при всех этих мыслях очень редко человек думал о чем-то светлом, хорошем и спокойном, чувствуя единство с окружающим миром, когда его мысли вплетались в хор уже поющих тварей и вещей. Мир его мыслей теперь мог быть не только далеким от жизни, но и вообще опровергать саму жизнь. Сама природа мысли противоречива, в поисках равновесия ей нужны противовесы. Поэтому, как говорил Кант: *«Человек редко думает при свете о темноте, в счастье — о беде, в довольстве — о страданиях. И наоборот, в темноте он всегда думает о свете, в беде — о счастье, в нищете — о достатке».*

Представим, о чем думает эта женщина на картине «Мысли». Ее муж, состоятельный человек, покончил с собой из-за долгов. Как в пьесе Артура Миллера «Коммивояжер». Жизнь ее, как ей кажется, кончена. Она думает о том, что и муж все время был занят своим бизнесом, все свободные деньги тут же вкладывались в дело, и она подчинила свою жизнь этому бизнесу, перспективам, с ним связанным, и ожиданию будущей счастливой жизни. И состояние их вроде бы увеличивалось, но реально на их жизни это почти не отражалось... Хотели отправить дочь учиться за границу, но не смогли вытащить из бизнеса нужную сумму, потому что заказали очередную партию товаров и надо было оплачивать... А потом возник соблазн вложить деньги в акции известной нефтяной компании. Продали многое, влезли в долги и вложили. А тут процесс над генеральным директором, и акции компании стали падать в цене. За один день муж стал банкротом, да еще образовался огромный долг. И он бросился вниз со своего офиса на 30 этаже... Теперь надо тайком все распродавать и бежать куда угодно...

Такой вот внутренний монолог. Пожалуй, только в фильме со счастливым концом героиня может прозреть, осознать, что до сих пор она жила не так, что жизнь ее отнюдь не кончена, что теперь как раз и можно начать жить простой жизнью, ни у кого ничего не отхватывая, довольствуясь маленькими скромными радостями частной жизни. **В конце-концов, все что происходит, это урок, это напоминание, что надо что-то менять в этой жизни.**

А в реальности она начнет так мыслить только тогда, когда и общество начнет мыслить иначе. Когда осознает пагубность все больше отрывающего нас от природы техногенного пути развития... Но это случится, возможно, тогда, когда мы уничтожим всю природу, вырубим леса, загадим почву отходами, отравим реки, моря и океаны, даже сам воздух планеты.

Такова разрушительная сила мысли. Многократно делясь в нашей голове, она строит собственные искусственные конструкции, оторванные от реальной жизни.

Что же делать? Дождаться тишины, такой, как солнечная тишина этой зеленой лужайки, и слышать не шум цивилизации, а пение птиц... Ведь пение — это не мысль, а часть гармоничного целостного мира, который создал Бог...

Или сотворить молитву.

«Молитва, — говорит византийский философ, игумен синайского монастыря преподобный Иоанн Лествичник (525-606), — есть соединение человека с Богом, мост для переходящего искушений, стена, защищающая от скорбей, бесконечное делание, источник добродетелей, виновница дарований, пища души, просвещение ума, укрощение гнева, указание надежды...»

Молитва совершает чудеса.

В Киево-Печерской лавре после настойчивых молитв прозрела ослепшая девушка Елена Мельниченко. У ней бесследно исчезла опухоль зрительного нерва. Исцеление произошло возле чудотворной иконы Пресвятой Богородицы «Всецарица» в храме Всех Преподобных Отцов Печерских. Израильские и украинские врачи, безуспешно лечившие Елену, подтвердили факт исцеления.

Другой пример. У одного священника вдруг начались боли в спине. Обращался к врачам, пробовал разные травы — ничего не помогало. Но в один прекрасный день вошел во Владимирский собор в Киеве и начал истово молиться у иконы «Нечаянная радость». И чудо свершилось: после очередной молитвы боли в спине прошли так же внезапно, как и появились.

Скептики могут сказать: *«Ну и что? Просто совпадение, вошел человек в храм — и все прошло. Исцелиться мог и в другом месте, а молитва тут ни при чем.»* Однако чудес, происходящих после молитв, слишком много для простых совпадений...

Сегодня научные объяснения феномена молитвы пытаются найти ученые в разных странах мира. Исследования показали, что есть связь между молитвой и тем, что происходит в этот момент в человеческом мозгу.

Какую силу высвобождает в нас молитва и в чем ее природа?

Известно, что наш мозг может функционировать в разных диапазонах. Основных режимов работы пять:

альфа-ритм

бета-ритм

гамма-ритм

дельта-ритм

и тета-ритм

В каком случае мозг переключается с одного режима на другой?

Когда мы о чем-то спокойно размышляем, ведем задушевную беседу, слушаем плавную музыку или звуки природы (в общем, находимся в режиме спокойного бодрствования), наш мозг работает в **альфа-ритме**;

Активное бодрствование, выполнение социальных ролей — это **бета-ритм**;

При решении задач, требующих максимальной степени концентрации, мозг включает **гамма-ритм**;

Когда мы находимся в состоянии глубокого сна, мозг работает в **дельта-ритме**.

Самый энергоэкономичный и гармоничный из всех режимов — **тета-ритм**. На такой частоте, как ни странно, работает детский мозг (примерно до 3-х лет).

Состояние тета-ритма идеально для суперобучения. В этом диапазоне мозг без труда усваивает огромные массивы информации и компактно укладывает ее в ячейки долговременной памяти.

Когда мы переводим свой мозг в режим тета-ритма, обостряется наша интуиция — и мы неизвестно откуда начинаем получать отчетливые сведения. Другими словами, мозг, работающий в тета-ритме, получает доступ к информации, до которой наша логика никогда бы не добралась.

Оказывается, **мозг в тета-режим переключает молитва**.

В 1986 году российский нейрофизиолог Валерий Слезин впервые записал энцефалограмму мозга молящихся священнослужителей. Выяснилось, что при молитве фактически ис-

чезает активность мозга, она снижается в десятки раз. Мозг взрослого человека в состоянии бодрствования работает с частотой примерно в 12 гц. А время молитвы в лаборатории прибор зафиксировал активность всего в 3 гц. С этой же частотой в 3 гц работает сознание младенца.

«Будьте как дети и спасетесь» — эти слова 2 000 лет назад сказал Иисус Христос. **Молитва возвращает мозг взрослого человека в состояние младенчества к первичной, первозданной частоте, к единству с Богом.**

Сродни молитве телеграммы и поздравительные открытки, которые мы посылаем друг другу к праздникам. Там нет мыслей, нет критики, только пожелания добра, света, любви, всего хорошего. И кто знает, скольких людей спасли от многих несчастий и неприятностей эти простые, бесхитростные послания...

Врачи удивляются: каким это таким необъяснимым образом молитвы могут исцелять пациентов? Еще не так давно в научном мире случаи чудесного исцеления молитвой считались вымыслом. Но недавно американские ученые из Герцогского университета в Дареме (штат Северная Каролина) пригласили монахов и священников, чтобы они помолились за 700 пациентов местного госпиталя, которые страдали сердечными недугами. У 500 пациентов благодаря молитвам процесс выздоровления ускорился!

Оранта (молящаяся) в храме Софии киевской

Молитва убивает враждебные бактерии в человеческом организме и чудодейственно влияет на зараженную воду. Те же ученые брали пробы из различных водоемов: рек, озер, колодцев, в которых содержалась кишечная палочка, и читали молитву «Отче наш». Количество болезнетворных бактерий в воде уменьшалось почти в 100 раз.

Канадские невропатологи параллельно проводили свои исследования и убедились, что во время молитвы у людей проходят сердечные боли, нормализуется давление, уходит состояние стресса, что те, кто молится, меньше испытывают нервных расстройств и срывов, переживают по поводу больших и малых жизненных неудач, не озлобляются и чувствуют себя защищенными. В результате живут дольше, и болеют меньше.

Масса исторических случаев, когда средневековые монахи молились днями и ночами, по много дней, обходясь без пищи и сна. *«Бесконечное делание»*, как говорил Иоанн Лествичник. Масса случаев, когда в сталинских концлагерях русские священнослужители, оставленные на ночь в карцере при тридцатиградусном морозе, молились и доживали до утра, даже не заболевая. Значит молитва — это действительно канал связи с Богом, через который идут свет, энергия, тепло, сила.

Говорят: *«Бог услышал молитву»*. Это не просто часто повторяемые слова. Ведь все мы, наш организм, вся Вселенная — это ритм. Пульс, дыхание, движение вод и ветров, планет и Солнца. Пульсируют звезды, кометы и галактики идут по своим путям. И искренняя молитва, ее ритм, озвученный и посланный во Вселенную, не исчезает, она звучит и звучит, достигая Того, кто дал человеку этот дар — дар речи.

Библия говорит: *«В начале было Слово...»* И глубинный смысл этой фразы мы теперь начинаем постигать.

Молитва это гимн Богу (лучшему и высшему в жизни), и за это Бог (высшее и лучшее в жизни) откликается тем же. То есть **что мы посылаем, то к нам и возвращается**. И, чем выше наш посыл, тем сильнее отклик. Потому что все учитывается. Как зеркало отражает то, что видит, так и мы получаем то, что заслуживаем.

Нас во взрослой жизни спасает детство. В критические минуты память вытаскивает картинки детства. Организм извлекает резервы духовной памяти, когда в сознании — смятение. Пытается вернуть тета-ритм, чтобы в критической ситуации мозг мог принять самое оптимальное решение.

В будущем, возможно, мы будем контролировать свое пребывание на этом уровне тета-ритма, как контролируем лишний вес. На практике это сейчас удается только мастерам восточ-

ных практик, йогам. Ими разработана целая система специальных упражнений для успокоения сознания, настраивания его до частоты тета-ритма.

А у нас есть молитва. Она быстрее, чем медитация позволяет изменить частоту работы мозга, настроить его на частоту тета-ритма. Атеисты в это не верят, они говорят: *«если б в нас это было, мы бы летали, совершали чудеса...»* Но включить эту частоту, это усилие, духовная работа. Зато потом на этой частоте происходит невероятное. На этом и построены все чудеса...

Например, приезжает батюшка в умирающую деревню с разрушенным храмом. И ему говорят: *«Куда ты едешь? Там уже ничего не возродишь. Никого не осталось...»* И действительно, с точки зрения здравого смысла, да, бесполезно. Но вопреки здравому смыслу уже на первую службу в развалинах храма (даже без крыши) собирается десять человек, а на следующую, через месяц, уже тридцать. И пошло и пошло. Кто-то привез дрова, кто-то — кровельное железо...кто-то еще что-то...Таким же вот образом актер Валерий Золотухин построил в своей деревне часовню. Вопреки здравому смыслу. Что произошло? Он молился, и чудо свешилось. Это настройка...

И у каждого есть возможность обращаться к своему ангелу-хранителю, то есть святому, имя которого мы носим и день рождения которого в календаре ближе всего к нашему дню рождения. Это молитва-обращение звучит так:

«Моли Бога обо мне, святой угодниче Божий (называем имя святого, например, Герман), яко аз усердно к тебе прибегаю, скорому помощнику и молитвеннику о душе моей...»

Когда мы читаем молитву, неважно какую, идет настройка. Хотя каждому из нас подходит определенный порядок слов. И как избушке нужны волшебные слова (*«Стань ко мне передом, к лесу задом»*), так и каждому из нас нужны определенные слова. Поэтому одному человеку важна молитва «Отче наш», именно она ложится ему на сердце, а другому больше подходит «Богородица». А третьему — «Верую», четвертому — еще что-то...И не важно кто и как ее читает, батюшка или ты сам. Важен выбор.

Если молитва твоя, это будет твой уровень, твой ритм. Главное — почувствовать, что это твое. Тогда молитва будет работать. И будет притягивать все светлое и хорошее к тебе, к твоему роду. И начнет корректировать, подстраивать, подсказывать, что делать...не только для себя, но и для своего рода...Ведь мы не знаем не только линию своего рода, но и свое место в ней...в этой цепи...Мы можем не помнить многих в роду, можем не знать, но подсознательно знаем, потому что в правом полушарии, в подсознании

**За кого-то молимся мы,
а кто-то молится за нас**

— вся информация... Вся родовая информация передается через кровь... Частички крови переносят родовую информацию как фотоны света. Это и есть генетическая память...

Таким образом, найдя свою молитву, выбрав ее, можно обрести молитву для всей своей жизни и

получать от нее удовольствие. Механизм молитвы у нас внутри, он просто не работает, потому что не включен. А включиться, и в нас будет поступать свет.

Если все это не включено, то и при достатке человеку жизнь может быть не в радость. И есть все, а встречаешь его: *«Ну, как жизнь?»* А он махает: *«Да разве это жизнь?»* А у другого и достатка такого нет, а он доволен. Как в рассказе Солженицына «Один день Ивана Денисовича» всем все ужасно, а Алешка-баптист радуется. И его даже считали блаженным. Почему? У него тета-ритм работал, он был на светлой волне. Почему? Потому что молился. И притягивал свет и отдавал его... С удовольствием брался за любую работу.. Философия при этом такая — **что Бог ни дает, пусть даже все тяжелое и труднопереносимое, это испытание, возможность подняться на еще одну ступеньку вверх...**

Когда слушаешь знаменитое «Верую» Шаляпина, вдруг задумываешься над тем, кто на каком уровне веры или в каком пространстве веры пребывает. У каждого — свое. У Шаляпина вера мощная, могучая. И Шаляпин притягивал к себе таких же мощных людей, которые так же жили. А у кого-то тихая, нежная, потайная, как лампадка... Такова и молитва, для каждого — своя.

В конце-концов задача каждого из нас подняться на вершину. Не общую какую-то, а вершину **своего** духа. Не потому что надо всех опередить. Нет, это не спорт, где для побед на высоком уровне нужна предрасположенность, особое строение тела, бойцовский характер... В вере же у каждого из нас своя вершина. И здесь можно **стать чемпионом себя** — вот что важно. То есть максимально включить в себе все духовные центры, которые у нас есть.

Большинство из нас, как считают йоги, живут, не поднимаясь до пятого энергетического центра, не включая его. То есть живут первыми четырьмя: манипурой, сватхистаной, мулатхарой, и анахатой. А пятый (вишудха), шестой (аджна) и самый высший, седьмой (сахасрара) выключены и почти никогда не включаются. Реже включается вишудха — на уровне мыслей. А выше — только у продвинутых. Почему? Не заработал человек, не заслужил, или уровень его рода еще недостаточно высокий. А, может, просто надо отрабатывать... Но, когда появляется шанс, надо воспользоваться...

Но какой критерий, что включены духовные центры? А это в зависимости от того, что преобладает, чем мы живем, о чем думаем. О том, надо ли нам в прачечную сходить или пирог поставить в духовку... или надо на кладбище сходить к близким, помянуть их в церкви... Вот это и есть критерий...

А.С. Пушкин не раз думал о том, что бы он хотел попросить у Бога. И в конце-концов сформулировал собственную молитву, взяв за основу привлечшие его внимание и понравившиеся ему слова молитвы святого Ефрема Сирина (306-373):

*«Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
«Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о божие, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.»*

Когда что-то просишь в молитве, не по жизни, а просто так, не конкретно, а вообще, например, «Господи, помоги научиться прощать, помоги, больше любви иметь в сердце и великодушия...», то сразу переносишься на духовный уровень, выше и выше, ближе к Богу. Потому что когда это просто так, это уже почти на уровне Бога, до которого мы все иногда пытаемся достучаться...

Почему многие волонтеры такие светлые. Открывают себе радость бескорыстного служения... Почему им приятно работать бескорыстно? Волна света и добра, на которую вышли, стала притягивать такую же энергию...

Тайные механизмы Евангелия

Евангелие, как и часослов, — это фактически годовой циферблат невидимых часов, которые рассчитаны на весь календарный год. Если читать каждый день по главе из Евангелия и по две главы из деяния Апостолов (они обычно всегда включаются в одну книгу вместе с Евангелием), то примерно в одно и то же время завершается весь круг чтения Нового Завета.

И в христианском богослужении — Божественной Литургии, чтение Евангелия является основой первой ее части, которую иногда называют «Литургией Слова». При этом сами Евангелия (все четыре) поделены на чтения таким образом, чтобы за год были прочитаны все четыре книги.

Почему в храмах священники и в своих проповедях и на исповеди советуют прихожанам и даже увещевают читать Евангелие? Наверное, потому что, как говорят, есть намоленное место, а тут, только представьте себе — намоленное Слово! И вот это **намоленное Слово, высокое, усиленное ритмом, хочешь ты или не хочешь, входит в тебя, проходит сквозь тебя и что-то меняет в тебе...**

Многие батюшки советуют прихожанам читать Евангелие сердцем, то есть не пытаться понять, а скорее почувствовать что-то для себя. И это правильно, потому что мозг всегда анализирует, а это значит и оценивает и сравнивает. И это, как ни странно, и убивает Евангельский текст. Потому что **оценка и критика, как правило, нацелены на разрушение**, как отношение ребенка к игрушке, когда он хочет посмотреть, что у нее внутри.

Искать в Евангелии интерес, значит уподобиться хирургу, который вскрыл череп мертвого человека, чтобы посмотреть, есть ли в мозгу ум. **Но при выключении критического отношения и познавательного интереса Евангелие может начать открываться с самых разных сторон.** И на вопросы, которые сразу или не сразу возникают при чтении, никогда ответы не приходят немедленно. А, если приходят, то не логически и последовательно, но иносказательно, ассоциативно, наводя на какие-то новые мысли и чувства.

Во всяких пояснительных книгах к Евангелию подчеркивается, что для правильного восприятия, следует внимательно относиться к повторяющимся словам, выражениям, образам. Такие повторения не только создают свой ритм, превращающий чтение в обряд, но и позволяют читать Евангелие вслух, что и предполагалось при написании этой книги. Ведь Евангелие

Открыв Евангелие

создавалось в период поголовной неграмотности и как раз и предназначалось для передачи из уст в уста.

Мы, представители современной **письменной и печатной** европейской цивилизации, привыкли избегать одинаковых слов, заменяя их синонимами. Но для **духовных процессов повторения чрезвычайно важны** — ища смысл в повторениях, ум его не находит и отключается, уступая подсознанию. А наше подсознание это аномальный канал приема и передачи информации, соединяющий нас с Ноосферой, с всемирным банком информации, с Богом.

Вот почему все духовные тексты, например, молитвы, полны повторений. И, когда мы читаем молитву, она нас не раздражает, потому что мы отключаем сканер мозга, его критический отдел, не оцениваем и не сравниваем. Просто повторяем одни и те же знакомые слова, растворяясь в произнесении одних и тех же знакомых слов. Поэтому мы можем несколько раз подряд читать одну и ту же молитву, несколько не раздражаясь. В обыденной жизни такое однообразие давно бы вызвало внутренний умственный бунт.

Типичный пример — стихи. В них повтор создают рифмы, в которых повторяются одни и те же сочетания звуков. Вот почему Даниил Андреев (он пишет об этом в своей книге «Роза

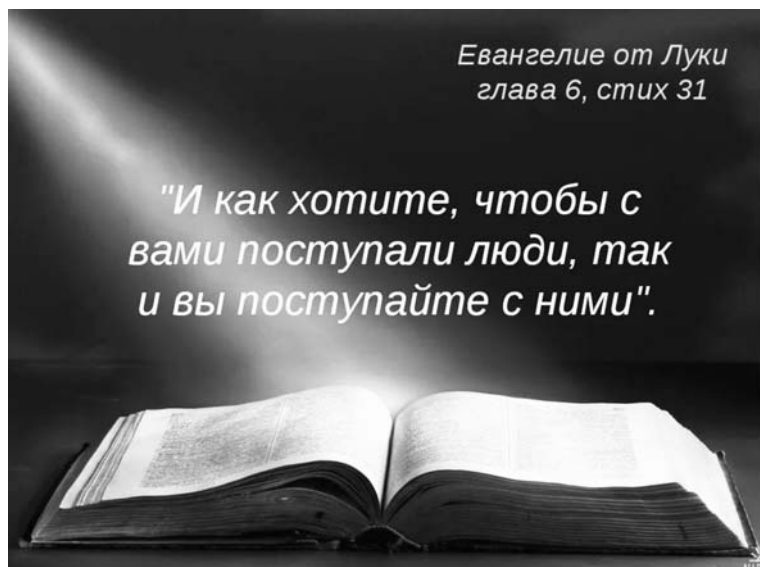
мира»), когда ему было особенно плохо в сталинском концлагере, он начинал про себя читать стихи. И ему не только становилось легче, он просто воспарял душой к небесам, забывая и про лагерь, и про голод, и про издевательства охранников.

Такую же магическую роль играют песни. Мы поем их, когда нас переполняют чувства, когда хочется чего-то большего, чем обычная жизнь, когда, как говорят, *«душа под парусом, наполненным ветром перемен»*. Мало того, что в песнях работают стихи с их рифмами, но здесь есть еще и припев, который несколько раз повторяется.

Преподобный Серафим Саровский говорил, что нужно так обучить свой ум, чтобы он буквально плавал в словах Священного Писания, в словах Евангельских. И он носил Евангелие в котомке за плечами и в течение недели прочитывал весь Новый Завет. То есть в день по Евангелисту, и в оставшиеся дни — Деяния, Послания и Апокалипсис.

«При чтении Евангелия не ищи наслаждения, не ищи восторгов, не ищи блестящих мыслей... — говорит святитель Игнатий Брянчанинов, — Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия. Старайся исполнять его заповедания, читай его делами...»

Почему обязательно в храмах во время службы постоянно звучат те или иные главы Евангелия? Почему по православному радиоканалу «Радонеж» постоянно идут библейские

и евангельские чтения? Почему говорят батюшки прихожанам не только на исповеди, но при любом общении: *«Читай-те Евангелие...хоть по главке в день, перед сном. Почему перед сном? Потому что к вечеру суета дневная в душе, как муть, оседает, и сознание проясняется, как очищается поле для новых семян.»*

Раньше я думал, что библейские фразы с повторами своя-твоя, это просто примитивность текста, его древность, когда народ был не изощрен в уме, и язык его таким и был, простоватым и примитивно повторяющимся. Например, в одной из заповедей: *«Почитай отца **твоего** и мать **твою**, чтобы продлились дни **твои** на земле, которую Господь, Бог **твой**, дает тебе...»* А теперь вижу, что эти местоимения, кажущиеся лишними, **это обращение к читателю, как к близкому человеку**. И в то же время это плавное завершение фразы, чтобы в целом текст был певучим и равномерным, как стихи, как повторяющиеся в них рифмы. Стихи ведь трудно воспринимать обыденным сознанием, только высоким настроением души. Так и Священное Писание.

Это те же настрои и мерности, которые, как камертон держит строй музыки, так чтение Евангелия, ее притчевый, почти стихотворный ритм, равномерность, пафос (возвышенный строй), ее повторы одних и тех же слов (твоя, своя), упоминаемые чудеса...все это держат наш духовный настрой, нацеливает, на высокое, светлое и хорошее...подстраивает струны нашей души, переводит наш переключатель режимов души на духовное, где чудеса — такая же реальность, как и жизнь.

Сдвигается переключатель, и не то что мы слепо начинаем верить в то, во что раньше не верили, но начинаем чувствовать нечто, видеть и слышать то, что раньше не видели и не слышали. А с непонятным уже не будешь вести себя так, как с очевидным, и не поспоришь с таким неистовством, потому что душа в смятении. С непонятным уже хочется понять, разобраться, согласиться, что, по крайней мере, пусть оно будет, непонятное.

Да и не должно быть все понятно во все время познаваемом мире. Ведь, пока мы что-то новое осознаем, пока идет процесс осознания, это новое знание открывает новые области непознанного. **Смущение перед непонятным должно перейти в смирение, тогда спокойствие души будет сохранять зеркало души чистым, что позволит четко видеть в нем новые истины.**

Отдельные эпизоды Нового Завета — это **архетипы повторяющихся явлений нашей жизни и нашей реакции на жизнь**.

Например, **Благовещение** — это ожидание благой вести, через которое за всю нашу жизнь не раз проходит каждый из нас.

Или **Сретенье** — это долгожданная встреча, которую заслуживаешь своим ожиданием и после которой что-то может кардинально измениться в нашей жизни.

Или **Поклонение волхвов** — это тема поклонения, которая означает одновременно и смирение и движение вверх духа, вслед за Тем, кому поклоняешься.

Или **Возвращение блудного сына** — это позднее раскаяние и прощение, которых можно ждать годы и не всегда дожидаться.

Эти повторяющиеся явления жизни и наша реакция на них, запечатленные в Евангелии, входя в нас, уже сами по себе поднимают нас над нашими мелкими повседневными делами. Но, кроме этого, они так преподносятся в Евангелии, они так пронизаны смирением, что объединяют нас с миром и с Богом. И через свою архетипность (миллионы людей проходят через это, переживают это же самое) и через усмирение всех бурь в душе. Так что душа становится зеркалом и в нем, уже чистом от эгоизма и низких помыслов, ты видишь Бога.

Даже просто читать про то, как должно поступать — уже настройка. *«Отдай все свое имущество бедным и будь, как птицы небесные, Потому что все, что наживаем в этом мире, может мгновенно исчезнуть, быть отнято, разрушено, украдено...А то, что отдал бедным, навеки с тобой останется...»* Вот чему учит Священное Писание.

Абсурдно, понимать это как буквальное руководство к действиям...Не идиоты же все. Но читается, как-то входит в сознание и осветляет его...

В некоторых главах Евангелия скрыты истины, которые выражают нашу главную душевную потребность, хотя зачастую мы даже себе в ней не признаемся. Это **желание, чтоб хоть кто-то заинтересовался нами, захотел узнать, о чем мы думаем, что чувствуем, захотел нас послушать**. А мы вместо этого хлопочем, что-то обустроиваем, потому что нам кажется, что это важнее. Между тем как это шелуха жизни, а не ее суть.

Как в главе Евангелия от Луки (гл.10,п.38) рассказывается: «В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у неё была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала:

«Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне.»

Иисус же сказал ей в ответ:

«Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у неё.»

«Остромирово Евангелие» – первая сохранившаяся рукописная книга

«Читайте Евангелие и нехотя, — советовал святой праведный Иоанн Кронштадтский (1829-1908). — «Иные говорят: «Мы Евангелие прочитали и знаем его, зачем же еще читать?» или «В церкви все читают, священнодействуют, поют одно и то же, а одно и то же наскучивает...»

Чтение Евангелия, благоговейно совершаемое, укрощает страсти, очищает грехи с верой и покаянием молящихся, препоясует силой свыше, соединяет с ангелами и с самим Богом...»

Столько картин Средневековья и Возрождения на библейские темы. Все великие художники разных времен писали картины на темы Троицы, Сретения, Благовещения, Поклонения волхвов, Введения во храм, Возвращения блудного сына, Тайной вечери, поцелуя Иуды, Успения, Воскресения.

Потому и писали художники картины на библейские сюжеты, что сюжеты эти отобраны временем, что они включают в нас высокое начало, вплоть до предназначения, включают духовные волны разных времен, палитру чувств и поступков всех поколений наших предков, в то время как в обычной жизни у нас в руках только палитра нашей одной маленькой жизни и все. Вот и сравни тут, с какой палитрой какую картину напишешь...

Какие фрагменты Евангелия можно включать в домашний, семейный или родовой часослов? Те, которые ложатся на серд-

це, которые оказались или показались близки кому-то в роду, которые как-то повлияли на чью-то жизнь. И, если представить себе наше родовое древо волшебной арфой, которая звучит от прикосновения всех поколений, то неважно, из какого времени и каких струн этой арфы, мы касаемся. Важно, что она звучит, и ее музыка держит родовой строй...

**Евангелие — сокровище не только духовное, но и материальное.
(Переплет часто украшают золотом и драгоценными камнями)**

Домашняя книга деда Каширина

Есть вещи, которые вроде бы у нас под боком, совсем рядом, а мы их не замечаем, как бы в упор не видим. Даже, если это вещи абсолютной ценности, такие, которые отбирает само время. Приобщение к ним может повернуть жизнь, преобразить ее...

Речь идет о Псалтыри, книге, без которой не обходится ни один православный верующий, и которая теперь свободно продается в любом храме. Но современный горожанин в храм как правило не ходит и о Псалтыри практически ничего не знает.

Еще в XIX веке, во времена Пушкина, Гоголя и Тургенева Псалтырь была самой домашней и самой распространенной книгой среди населения. У Василия Васильевича Каширина, деда Горького, например, она была настольной и единственной. Не только потому, что поэтически выстроенную молитву, созданную не просто для прочтения, но и для пропевания, читать легче и приятнее, чем обычную. Не только потому, что псалмы — самая ритмическая часть Библии, они сложены по правилам поэзии и иногда достигают мощной красоты и силы. Но это **фактически молитвы на все случаи жизни**: в одиночестве, в скорби, в безысходности, в боязни, в бедствиях, в слезах покаяния и в радости после полученного утешения, в потребности благодарения и в вознесении восторженной хвалы Творцу.

Не случайно Дед Каширин учил своего внука Алешу читать по Псалтыри.

Один из великих латинских учителей церкви Святой Амвросий Медиоланский из Милана (340-397) пишет: *«Во всем Писании дышит благодать Божия, но более всего — в сладкой песне псалмов.»*

Свое название Псалтырь получила от греческого слова «псало» что значит бряцать на струнах, играть. Царь Давид первый начал записывать тексты и сопровождать пение составленных им боговдохновенных молитв игрой на музыкальном инструменте, именуемом «псалтырион», похожем на арфу. Со временем сложилась священная книга псалмов, или Божественных гимнов, записанных Царем Давидом. У евреев книга Псалмов называется «Тегиллим», что значит «хваление».

Способ молиться по Псалтыри гораздо древнее, чем Иисусова молитва и «Отче наш». В Средние века на Руси было принято читать Псалтырь наизусть, а в некоторые монастыри в монахи принимали лишь тех, кто знал на память всю Псалтырь.

Псалтырь была важной книгой в древнем русском образовании, необходимой не только для церковнослужителей, но и для всех слоев населения. Она формировала целый пласт русской культуры. Сочинения Феодосия Печерского, митрополита Иллариона, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, Владимира Мономаха полны ссылок на псалмы и изречений из них. Отрывки из псалмов вошли в народные пословицы.

Псалмы переосмысливались почти всеми нашими поэтами, в XVIII-м веке — Ломоносовым, Тредьяковским, Сумароковым, Херасковым, Эминым, Державиным; в XIX-м — Жуковским, Языковым, Баратынским, Хомяковым, Языковым, в XX-м — Блоком, Брюсовым, Сологубом, Бальмонтом, Пастернаком и другими.

Псалтырь оказывает благородное и благостное влияние на читателя и есть смысл его читать, особенно руководителям, уже только потому, что выстрадавший и составивший эту книгу Царь Давид был хорошим человеком, талантливым поэтом и почти идеальным правителем. Теперь можно так сказать, сравнивая Давида с другими царями и королями разных времен и народов. **А содержание псалмов тесно связано с его жизнью — с жизнью человека, которого потом назвали праведным.** Такое ведь бывает не часто, чтобы царем стал простой человек, прошедший все этапы движения по социальной лестнице, видевший все уровни жизни и сумевший сохранить хорошие душевные качества.

Псалтырь царя Давида

Давид, родившись в Вифлееме за тысячу лет до Рождества Христова, был младшим сыном бедного и многодетного пастуха Иессея. Еще в раннем юношестве, будучи пастухом, он начал сочинять вдохновенные молитвы Творцу. Когда посланный Богом пророк Самуил вошел в дом Иессея, чтобы помазать будущего царя для Израиля, то пророк хотел помазать одного из старших сыновей. Но Бог открыл ему, что помазать надо младшего сына, еще отрока, Давида, потому что именно он избран для этого высокого служения. Тогда, повинаясь Богу, Самуил возливает на главу младшего сына священный елей, совершая этим помазание на царство. С этого времени Давид становится помазанником Божиим.

Но до царствования еще далеко. Ему предстоит еще долгий путь испытаний и несправедливых гонений со стороны правящего тогда царя Саула, возненавидевшего Давида. Причиной ненависти была зависть, так как отрок Давид малым камнем сразил филистимлянского великана Голиафа и этим подарил победу еврейскому войску. Как бы там ни было, Давид смог перенести все преследования и опасности, которым он в течение пятнадцати лет подвергался со стороны Саула и его слуг. Скитаясь месяцами в дикой пустыне, он изливал свою скорбь Богу во вдохновенных псалмах (псалмы 7, 12, 13, 16, 17, 21, 39, 51, 53, 56, 58). То есть нет худа без добра — не было бы скитаний, наверное, не было бы и давидовских псалмов.

Заняв престол в Иерусалиме после смерти Саула, **Давид стал самым выдающимся царем всех времен и народов.** Он сочетал в себе многие ценные качества хорошего царя: любовь к людям, справедливость, мудрость, мужество и веру в Бога. **Прежде, чем решать какой-либо государственный вопрос, он взывал к Богу, прося вразумления.** Управляя царством, Давид заботился о том, чтобы богослужение в храме проходило благопристойно, и для служб составлял псалмы, которые исполнялись хором в сопровождении музыкальных инструментов. Нередко сам Давид возглавлял религиозные праздники, воспевая псалмы вместе с хором.

Будучи царем и пророком, поэтом и певцом, а отчасти и священником, именно царь Давид положил начало роду, из которого потом вышел Христос, потомок Давида по плоти. Личный опыт царя Давида, а также поэтический дар, которым он обладал, дали ему возможность видеть сквозь время, так что в целом ряде псалмов он смог пророчески предвидеть Христа: о пришествии Мессии (псалмы 17, 49, 67, 95-97), о Царстве Мессии (псалмы 2, 17, 19, 20, 44, 65, 71, 109, 131), о страданиях, смерти и воскресении Христа (псалмы 15, 21, 30, 39, 40, 65, 68, 98), о его вознесении (псалмы 23, 67).

Худовская псалтырь. IX век. Разворот

В Псалтыри есть много размышлений, обращений к своей душе, много наставлений и слов утешения. Не удивительно поэтому исключительно широкое применение Псалтыри при молитве. **Ни одно богослужение, еще с ветхозаветных времен, не обходится без псалмов.** Давид ввел музыкальное сопровождение псалмов струнными, духовыми и ударными инструментами (гусями, тимпанами, псалтырионами, кимвалами, трубами).

Псалтырь за несколько столетий настолько вошла в жизнь иудеев, что Иисус Христос молился словами псалмов. А затем уже по его примеру вслед за апостолами в первых христианских храмах Псалтырь стала использоваться для молитвы.

Замечательные слова о Псалтири можно найти у учителей христианской церкви. Один из греческих отцов церкви Афанасий Великий из Александрии (298-373) писал, что в Псалтири объята вся человеческая жизнь, все состояния души и все движения мысли.

Каппадокийский церковный писатель и богослов Василий Великий (330-379) в своем слове о Псалтири пишет: *«Чему не научишься из псалмов? Не познаешь ли отсюда величие мужества, строгость справедливости, честность целомудрия, совершенство благоразумия, образ покаяния и всякое из благ, какое не наименуешь?»*.

Хорошо высказался о роли псалтыри в воспитании детей знаменитый хирург, профессор медицины, духовный писатель, архиепископ Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий, 1877-1961). На фразу «заниматься псалмами — это дело монахов и стариков, а детям нужны веселье и радость», он сказал: *«А помните слова Тихона Задонского о том, что «малое деревце, куда наклонить его, туда и будет расти; новый сосуд будет издавать тот запах, каким напитаете вы его, вливая в него или смрадную жидкость или ароматную и чистую». Вот и, если в душу малого ребенка вливать всякий смрад, она станет смрадной. Если вливать аромат, будут ваши дети благоухать перед людьми, будут радостью и утехой для вас...»*

Сейчас все православное богослужение пронизано отдельными стихами псалмов, в виде прокименов, аллилуариев, стихов на «Бог Господь», припевов к стихирам и других кратких обращений, просительных, покаянных, хвалебных. Христианские молитвы, составленные в Новом Завете, часто заимствуют выражения из псалмов. Некоторые из псалмов читаются несколько раз в течение одного богослужебного дня.

Псалтырь, частично или полностью могла входить в часословы, но могла издаваться и в виде отдельных книг, тоже богато украшенных рисунками, литерами и каллиграфическим узорчатым текстом.

Переложенные на стихи, а затем и на музыку, некоторые псалмы стали распеваться в храмах многократно и на разный лад (например, Псалмы 44, 68, 95, 118). И понятно, почему. Например, Псалом 68 актуален в любое время, в любую эпоху, потому что выражает тяжелое душевное состояние человека, ищущего выхода:

*«Спаси меня, Боже, ибо воды дошли до души моей.
Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать;
вошел во глубину вод,
и быстрое течение их увлекает меня.
Я изнемог от вопля, засохла гортань моя,
истомились глаза мои от ожидания Бога моего.
Ненавидящих меня без вины больше,
нежели волос на голове моей;
враги мои, преследующие меня несправедливо, усилились;
чего я не отнимал, то должен отдать.
Боже! Ты знаешь безумие мое,
и грехи мои не сокрыты от Тебя...
Чужим стал я для братьев моих
и посторонним для сынов матери моей,
и плачу, постыжась душою моею,
и это ставят в поношение мне;...*

*А я с молитвою моею к Тебе, Господи;
во время благоугодное, Боже,
по великой благости Твоей
услышь меня в истине спасения Твоего;
извлеки меня из тины,
чтобы не погрязнуть мне;
да избавлюсь от ненавидящих меня
и от глубоких вод;
да не увлечет меня стремление вод,
да не поглотит меня пучина,
да не затворит надо мною пропасть зева своего.
Услышь меня, Господи,
ибо блага милость Твоя;
по множеству щедрот Твоих
призри на меня...»*

И разве не подходят слова этого псалма для душевного крика, который рвется из груди у нас, а не выплескивается, не находит выхода и потому лежит на сердце как мельничный жернов?

Точно также как слова знаменитого псалма 101, который еще называют «молитва страждущего»:

*«Господи! услышь молитву мою,
и вопль мой да придет к Тебе.
Не скрывай лица Твоего от меня;
в день скорби моей приклони ко мне ухо Твое;
в день, когда воззову к Тебе, скоро услышь меня;
ибо исчезли, как дым, дни мои,
и кости мои обожжены, как головня;
сердце мое поражено, и иссохло, как трава,
так что я забываю есть хлеб мой;
от голоса стенания моего
кости мои прильнули к плоти моей.
Я уподобился пеликану в пустыне;
я стал как филин на развалинах;
не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле...»*

И, если человек не привык ходить в церковь, не привык даже просто откровенно разговаривать о наболевшем не только со своими близкими, но даже с самим собой, то тут он может просто прочесть вслух этот или другой псалом или отрывок из них (то, что понравится, что покажется душевно близким), и станет легче на душе, рассыплется, растает этот тяжелый мельничный жернов тяжелых чувств и мыслей. **Псалом-молитва, как свеча может осветить нас изнутри и станет светлее снаружи.**

Точно также своевременен и псалом 118, потому что не меняется человек уже на протяжении нескольких тысяч лет, и те проблемы, которые волновали три тысячи лет назад библейского царя Давида, волнуют и сейчас многих. Вот отрывок из этого псалма:

*«Ты заповедал повеления Твои
хранить твердо.
О, если бы направлялись пути мои
к соблюдению уставов Твоих!
Тогда я не постыдился бы,
взирая на все заповеди Твои:
я славил бы Тебя в правоте сердца,
поучаясь судам правды Твоей.
Буду хранить уставы Твои;
не оставляй меня совсем.
Как юноше содержать в чистоте путь свой?
— Хранением себя по слову Твоему.
Всем сердцем моим ищу Тебя;
не дай мне уклониться от заповедей Твоих.
В сердце моем сокрыл я слово Твое,
чтобы не грешить пред Тобою.
Благословен Ты, Господи!
научи меня уставам Твоим...»*

Мощь и образность псалмов такова, что на протяжении столетий отдельные стихи из них были положены на музыку композиторами разных стран, что привело к рождению новых музыкальных жанров — антема, фобурдона, хорала, мотета. Примеров воплощения отдельных псалмовых стихов в профессиональной музыке позднего Средневековья, Возрождения и барокко тысячи. Сочинения на тексты псалмов или с использованием их мелодий создали композиторы Джованни Палестрина, Орландо Лассо, Генрих Шютц, Джованни Габриели, Клаудио Монтеверди, Иоганн Себастьян Бах, Антонио Вивальди.

Не обязательно заставлять себя читать всю Псалтырь, только из уважения к тому, что это великая книга и надо приобщаться к мировой культуре. Но, как в классической музыке, даже если вы ее не слушаете и не любите, всегда можно выбрать что-то, что понравится, так и в Псалтыри можно найти свой псалом, свою молитву, свою интонацию — все то, что вам покажется близким и понятным. Это и сделает Псалтырь вашей, вы нащупаете свою волну в Псалтыри, свою частоту и будете на нее выходить. И тогда Псалтырь будет раскрываться перед вами все больше.

Не обязательно включать в домашний Часослов всю Псалтырь, достаточно несколько псалмов, которые легли на сердце, или которые как-то связаны с историей вашей семьи и рода. Ведь, чтобы открыть доступ света, не надо сносить крышу дома, можно просто отдернуть занавеску...

Псалтырь Людовика IX, Франция, 1256 г.

Открывшийся мир

У каждого из нас случаются в жизни открытия. Они были всегда и всегда будут, потому что человек сотворен по образу и подобию Божию, значит в нас скрыт Творец и в любом из нас теплится огонечек творчества, который должен вспыхивать и время от времени вспыхивает ярким пламенем. А уж у творческих людей вспыхивает постоянно. Казалось бы, можно было бы уже привыкнуть, но нет, ощущение себя Творцом, пусть даже на мгновенье, настолько потрясающе, что человек в эйфории преисполняется энергией как вулкан.

Как гласит легенда, знаменитый грек Архимед (287-212 гг. до нашей эры) сделав открытие в ванной, с криком «Эврика» выпрыгнул из нее и голым побежал прямо по улице. Итальянский художник Джотто (1266-1337) за обедом в монастырской трапезной как бы воочию увидел сюжет будущей фрески и, забыв про еду, поспешил на леса — работать. Наш великий Михайло Ломоносов (1711-1765), открыв для себя звездное небо, написал знаменитое стихотворение:

*«Открылась бездна. Звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна!»*

То есть открытия приходят в голову людям где угодно и в каких угодно обстоятельствах. На качелях, на лыжах, в храме под пение хора, в художественной галерее перед картиной, в поле или в лесу перед красотой природы... И тогда мы забываем обо всех своих статусах, титулах и обязанностях и радуемся, как дети новому открывшемуся перед нами миру или какому-то своему новому видению этого мира.

По идее **мы должны постоянно открывать для себя мир**, потому что человек — сосуд Божий или, говоря техническим языком, антенна, на которую все время приходит новая информация. Сверху, снизу, справа, слева, спереди, сзади. Но зачастую мы как бы не видим эту информацию, духовно находясь в плену — в узких коридорах своих мыслей. Мы, как загнанные крысы, в этих коридорах. Не случайно говорят: *«Ход мыслей»*. Именно ход, коридор...своего рода меч, обрубаящий всю постороннюю информацию. Почему еще говорят: *«суженное сознание»*.

Миры открываются, когда мы впадаем, как говорят эзотерики, *«в состояние расширенного сознания»*. Такое часто бывает у нас в детстве, когда воображение еще не придавлено умом и бытовыми проблемами, и ребенок еще не научился бродить по коридорам умозаключений, сомнений и проблем, и потому проточен как полый тростник. Не случайно французский философ

Для каждого из нас есть своя дверь в мир открытий

Блез Паскаль (1623-1662) говорил, что надо подавлять внутреннее это вплоть до ненависти к собственному Я, что надо познавать истину не разумом, но сердцем, что человек это тростник Бога (образ «мыслящего тростника», *roseau pensant*), и он должен быть пустым, чтобы Бог мог играть на нем свою мелодию.

Поэтому самые великие первооткрыватели — своего рода дети. Но ведь и каждый взрослый, каждый из нас — внутри ребенок. Нужен только толчок, сильная эмоция: восторг, стресс, эйфория, чтобы сбросить внешнюю налипшую с годами на душу шелуху. Взрослым это состояние испытать сложнее, потому с возрастом ребенок (тот, кем мы были в детстве), все глубже в нас, все дальше, до него все труднее добраться, как до пустоты тростника, которая может звучать. В тибетских монастырях взрослых учат находить в себе хоть кусочек пустоты, фиксировать на нем внимание, пытаться удержать, а потом расширять и расширять до полного заполнения этой пустотой всего тебя. Это путь тростника.

Но стоит помнить, что **это состояние тростника всегда при нас**, надо только остановить в себе этот поверхностный непрекращающийся бег по жизни, эту нашу постоянную озабоченность за бесконечные дела: то надо сделать, потом это, поехать сюда, слетать туда, купить это, убрать или выкинуть то... Это шумы, мешающие услышать небесную музыку. Это дымовая завеса от жизни, от ослепительно сверкающего прекрасного мира, который нас окружает. И иногда просто необходимо рассеять эту завесу, сорвать ее хоть на мгновение, чтобы снова ощутить и вспомнить, что жизнь прекрасна и удивительна, несмотря ни на что...

И тогда окажется, что все прежде раздражавшее может радовать, мало того — может быть уникальным инструментом познания, который только и позволяет посмотреть на мир под единственным и неповторимым углом зрения. Например, вы любите свою работу. И слава Богу. А, если нет? Не беда, посмотрите на мир сквозь призму своей профессии. Да. **Профессия иногда и оказывается волшебной линзой, сквозь которую мир кажется очень необычным.**

Сотрудник ГАИ, например, может смотреть на мир через движение машин и людей, и даже неподвижные предметы у него как бы движутся, потому что он постоянно мысленно определяет тысячи самых разных расстояний между ними, подсознательно страхуясь от возможных столкновений. Любой человек, оказываясь на такой работе, волей-неволей начинает мысленно работать с движущимися объектами, будь машина, дерево, дом, человек или животное. И открывающийся ему мир полон трассами возможных пересечений. Это причудливая геометрия, тригонометрия, это поединки объемов и форм, их встречи и расставания, трагические встречи и радостные нестолкновения. Это невидимая музыка пересекающихся жизненных путей и едва не пересекшихся счастливых и трагических судеб.

Учитель литературы волей неволей время от времени видит вокруг себя образы героев из прочитанных художественных произведений, их дома, обстановку, их одежду, их характеры, походку, жесты, мимику. И невольно сравнивает все это с живыми людьми. Разница в том, что любой литературный образ в его сознании связывается с его судьбой, его жизненным путем, с тем, кем он станет и как закончит жизнь. В реальной жизни же учитель литературы, конечно, не может заглянуть в судьбу каждого реального человека. Но невольно подсознательно достраивает судьбу каждого, как бы подставляя квадратики из жизни в готовую схему. В итоге ему может открыться новый мир — судьба человека. И это попадание может быть точнее, чем предсказание гадалки!

Геолог, привыкнув по скоплениям породы на поверхностных срезах земли делать выводы о залежах минералов на глубине, может, подсознательно, не замечая, отслеживать какие-то невидимые связи между поверхностью и глубиной всего, что попадает на глаза, смотрит ли он на клумбу с цветами, старый автомобиль, новый торговый центр или причудливые прожилки вен на руке собеседника. А потом вдруг, как открытие, может увидеть его внутренний мир!

Поэт, живущий в мире ритмов и размеров, объемов и форм, их невообразимых сочетаний, со временем начина-

ет воспринимать их как целые планеты, каждая не похожа на другую, в каждой — свои необыкновенные обитатели. Например, советскому поэту Николаю Заболоцкому (1900-1958) вдруг однажды совершенно необычно открылись человеческие лица и он написал стихотворение «О красоте человеческих лиц»:

*«Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица — подобию жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мертвые лица
Закрыты решетками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живет и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка ее на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица — подобию ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот,
Составлена песня небесных высот.»*

Художник в отличие от поэта привык обращать внимание уже на другое: на необычные сочетания цветов, еле уловимые оттенки красок, тончайшие переходы теней... Творческие люди как-то умудряются сохранять в себе детскую способность открывать для себя мир и удивляться этому.

Как художники смотрят на мир? Они могут запомнить какое-то свое впечатление (как Врубель в свое время восхитился сиянием алмазов и стал вносить это сияние во все свои картины), и потом под этим впечатлением могут долго ходить, чтобы рано или поздно что-то перенести на полотно. Большей частью художник черпает свои впечатления из природы. Или из того, что произвело сильное воздействие. Скажем, выставка какого-то художника... Как они говорят: *«Походил по ней и потом полчаса ходишь под впечатлением мира этого художника, Босх ли это, Брейгель ли, Тициан или Климт...»*

А с другой стороны художники склонны чуть-чуть изменять, наклонять что ли, мир в своем восприятии, как бы глядя на него под некоторым углом. И если он не изменяется и не наклоняется сам собой, они придумывают, с помощью чего можно это сделать. Например, испанский художник, грек по происхождению, Эль Греко (1541-1614) смотрел на лица людей через стеклянную бутылку или надевал очки с искажающими

линзами и так писал. Лица, естественно, виделись ему искаженными, чуть вытянутыми и изломанными... Зато он создал собственный ни на что не похожий художественный мир.

Чуть позже испанский художник Диего Веласкес (1599-1660), переехав из родной Севильи в Мадрид, увидел мир как бы через зеркало. Его «Менины» нарисованы как будто вы заглянули в огромное зеркало, в котором отразились те, кто этого совсем не ждал...

Почти в это же время в нидерландском городе Дельфте местный художник Ян Вермеер (1632-1675) увидел ползущий свет на поверхности (земли, моря, домов, предметов), и стал писать этот свет, пытаясь передать ощущение, как он ползет, постоянно преобразая все, на что падает.

Наш соотечественник русский художник К.Петров-Водкин (1878-1939) однажды, взбираясь на холм в окрестностях родного приволжского города Хвалынска, споткнулся и, падая, неожиданно открыл для себя новый мир — планетарный.

«Я увидел землю как планету... — пишет он в своем дневнике, — Я очутился как бы в чаше, накрытой трехчетвертьшаром небесного свода. Неожиданная, совершенно новая сферичность обняла меня на этом затоновском холме...»

Опираясь на это свое открытие, Петров-Водкин потом разработал собственный творческий метод, положив в его основу **идею сферической перспективы или наклонных прямых.**

Ученик Петрова-Водкина петербуржец Леонид Чупатов (1890-1941) продолжил эксперименты учителя по видению мира. **«Раз человек может видеть мир под самыми разными углами зрения, — писал он в своем реферате «Путь подлинного реализма в живописи», — значит, и на картинах это должно быть отражено».** Его деревья на картине «Верхушки сосен» увиденны человеком, запрокинувшим голову и наклонившим ее набок, а яйца в «Белом натюрморте» увиденны сверху, глазами, параллельными плоскости стола. Простые табуретки на полу изображены у него как предметы, зависшие в невесомости. То есть в реальности так люди видеть не могут, им неудобно.

«Живопись только тогда получит правильную и здоровую жизнь, — писал Чупатов в том же реферате, — когда в основу развития ее будет положен, в первую очередь, закон движения, затем закон относительного смотрения...» Свою теорию этот художник-экспериментатор пытался воплотить в картинах — рвется к горизонту стремительный «Поезд», могучим водоворотом утекает куда-то в бездну «Лестница», преодолевают закон всемирного тяготения повернутые ножками вверх его «Табуретки».

И уже сравнительно недавно почти наш современник испанец (Может быть, эта нация вообще самая рисковая?) Сальватор Дали (1904-1989) специально мял руками целлофановую пленку и через нее смотрел на разложенные на столе под натюрморт фрукты и овощи...Получался изломанный необычный фон, который он тут же переносил на полотно...

Всё это примеры отдельных известных значительных открытий мира разными художниками. На самом деле **любой художник по-новому открывает для себя мир с каждой хорошей картиной**. Собственно, и картина-то становится неординарной именно в силу открытия художника.

Например, русский художник Юрий Сергеев, будучи еще студентом, однажды столько времени потратил на копирование гипсовых слепков и изучение рисунков с этих слепков великих мастеров разных эпох, что в один прекрасный момент, увидев рисунок Тициана, вдруг открыл для себя мир свечения объемов. *«После Тициана, — вспоминает он, — я увидел фигурно-гипсовое свечение лиц и рук. То есть это его изобретение. А я им просто заразился...»*

В другой раз, прочитав в какой-то книге фразу «с земли ничего куда не исчезает», он вдруг стал видеть в обычной толпе на улице людей представителей разных времен и народов. *«Мне на глаза попадались, — рассказывает он, — и первобытные люди, и финноугры, и варяги, и колдуньи, и лешие, и привидения, и жрецы, и мудрецы, и древние греки, и палачи, и библейские персонажи, и французы 1812 года...»*

Художник столько раз по-новому открывал для себя мир, что в конце-концов сама собой родилась тема картины «Открывшийся мир». А, поскольку чаще всего новые миры открываются нам в детстве, ему и пришел на память эпизод из собственного детства.

«Мне хотелось показать в картине детскую способность открывать мир. — вспоминает он, — Это не какое-то там выдающееся событие, а самая обычная бытовая сценка, будничная ситуация, как у Яна Вермеера. Конечно, здесь на картине дети пошли не мир открывать, а просто на лыжную прогулку. Но, как часто и бывает, неожиданно произошло чудо...Ворона взлетела, посыпался снег, и вдруг все открылось...

Такое бывает еще и после монотонности. Шли, шли, три километра, может быть, пять. А вокруг лес и лес, стволы, стволы, стволы. И вдруг открытое пространство — поляна. Это как граница между разными мирами, закрытым и открытым. Как свет после тьмы...

Как это подействовало? На всех по-разному. Кто на спине лежит, кто к дереву прислонился, а кто нос задрал.

Девочка даже упала на колени, увидев открывшийся перед нею мир как на гигантском экране... А что там, на экране? Может быть, это лес-пароход, лес-поезд или лес-море. А, может быть, медведь...

Другая девочка в красненьком платочке (на переднем плане справа) смотрит на пенек, необычный, сказочный, как голова лесного тролля, с длинным носом... А, может быть, он ей кажется похожим на сердитого соседа, который всегда всем недоволен и только ругается. И она вспоминает слова бабушки о том, что злые люди потом превращаются в пни, как заживо закопанные в землю преступники. Они злобно смотрят на все вокруг, а сделать ничего не могут, только шипят: «...А-а-а, незванны-непрошенны, опять пришли в наш лес...»

За ней (правее ее) девочка постарше, которая голову задрав, увидела дятла. А он занят делом: три раза стукнет, отдыхает, три раза стукнет, отдыхает... У него своя система... И девочка считает удары, с интересом ждет: неужели опять все повторит?

А двое мальчишек, бросив лыжи, просто упали на спину, прямо на снег. Лыжи они отбросили как наказы матери. Например, та-кой: «Придешь опять со рваными штанами, пеняй на себя» Или: «смотри ноги не замочи, а то получишь» Не только мы, взрослые, но и наши дети все в инструкциях, в функциях. Хотя забот у них, конечно, меньше. Но, чтобы открылся мир, нужно все отбросить, что они здесь и сделали. Что они там увидели в кронах деревьев? Кроны так причудливо соединились, что получился рисунок на небе: то ли это чайник, то ли свеча, то ли сердце... Или это ка-

Ю. Сергеев. «Открывшийся мир»

кая-то птица... Не важно, что видится каждому, образы могут казаться чем угодно (в зависимости от воображения, кругозора, опыта и так далее), главное — это дает толчок воображению, начинается творческий процесс...

Интересны и тени на снегу... На что все они похожи, тут надо разбираться... целый театр теней... Солнце на деревьях падает с разных сторон и под разными углами. В итоге все тени разные, и по размеру и по форме... Это можно сравнить с нашей жизнью. Каждый из нас живет, и каждый день нам что-то приносит, каждый день как бы отбрасывает какую-то тень... То, как нас каждый день проявляет жизнь, это как тень от солнца... Дерево не может это фиксировать, а мы можем. Это делают художники, писатели, поэты...

А с другой стороны, может быть, это отношения между деревьями. Так мы эти их отношения не видим, а посмотрели на тени и увидели. Постоянно же идет обмен энергиями: красной (сексуальной), желтой (жизнеобеспечение), зеленой (знания, интересы), голубой (мысли). Внешне это не видно, а тени об этом говорят. Получается, если судить по этим теням, что самое сильная связь, это мысли. То есть тени от деревьев — это энергетический снимок их отношений, картина их связей между собой. Солнце всходит, появляются тени и рассказывают нам, какие отношения между деревьями...»

Рассказанное художником говорит о том, что ему, как и в детстве, так и сейчас постоянно открываются новые миры, когда он в привычном и, на первый взгляд, обыденном, видит что-то интересное.

Но почему миры открываются только детям и творческим людям, почему не открываются всем остальным? Ведь такое творческое видение мира очень ценно. Оно не только уникально и по сути отличает нас от других, но и является основой творческого потенциала человека, его способности видеть что-то новое и конструктивное... То есть, раз это такая ценность, надо что-то делать, чтобы не растерять это качество, но что?

Казалось бы яснее ясного — это связано с нашим воображением, поэтому надо поощрять и поддерживать фантазию в ребенке, начиная с первых проявлений, развивать ее. К сожалению, все делается наоборот — у нас воображение детей ограничивают, начиная с семьи и кончая школой. Когда дети начинают что-то фантазировать, родители, как и потом учителя, раздражаются: «Хватит ерунду молоть!» или «Увидел он в облаках битву богатыря со Змеем Горынычем... иди лучше уроки делай, чем придумывать невесту чего...»

Между тем как воображение делает нас свободными и духовно сильными. У Джека Лондона есть роман «Смирительная рубашка или путешественник по звездам». Человека приговорили к смерти и перед казнью посадили в страшную тюрьму, откуда невозможно сбежать, да еще держат в смирительной рубашке, а он в своем воображении путешествует по миру. Да можно ли после этого лишить свободы человека, если в своем сознании он свободен и никакими тюремными стенами ты его не ограничишь?

Открывшийся мир — это **духовное включение**, освобождение из плена привычной замыленной роботизированной механической жизни, в которую нас затягивает быстрый и поверхностный городской ритм, когда все делается походя, на скорости и функционально. Такая жизнь как карусель, с которой очень трудно соскочить. А тут требуется то, что делает всегда ребенок — остановиться, посмотреть, удивиться... То есть включить те самые природные созерцательные чувства, которые взрослая (и особенно городская) жизнь в нас подавляет.

Ребенка одергивают, а если фантазию и удивление проявляет взрослый, это может вызвать и насмешку: *«Ишь ты, игривый узор он на березе заметил! ты бы лучше на жене игривый узор искал, искатель ты наш...»*

Взрослые не видят открывающийся мир, когда запрограммированы на какую-то цель, задачу, функцию, и они в плену этой функциональности, как в закрытом тоннеле. Вначале

Откроешь книгу — откроется мир

надо это, потом то, потом третье, потом четвертое. Они как в шорах, где шоры — это наши дела и заботы. **То есть человек в городе — это своего рода лошадь в шорах.** Или комод с ящиками, как на картине у Сальватора Дали. Есть у него такая картина, где изображен человек-комод с множеством ящичков, и это все функции, дела... Такой человек может не видеть открывающийся мир в упор, хоть он сто раз открывайся.

Лишая себя открытий, мы добровольно отказываемся от Вселенной, которая может открыться, как открылась когда-то Ломоносову:

*«Открылась бездна, звезд полна.
Звездам числа нет, бездне — дна.»*

Когда нет открытий, мы и не вспоминаем о своей великой космической миссии, как об этом сказано у поэта Арсения Тарковского:

*«Я — человек, я — посередине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною — мириады звезд,
Я между ними лег во весь свой рост,
Грядущего связующее море,
Два космоса соединивший мост...»*

Когда нет открытий, мы забываем о словах итальянского поэта, художника, архитектора и философа Пьетро ди Гонзага (1751-1831): *«Человека Бог создал для соединения звезд мыслью».*

Открывающийся мир — это сама по себе великая ценность, потому что показывает, насколько мы способны быть детьми, насколько каждый способен стать не только Паскалевским полым тростником Бога, но и его зеркалом, чтобы отразить то, что он создал Творец. Поэтому говорит Господь словами Христа: *«Будьте как дети, и попадете в царствие небесное!»*

А еще важна вера в чудо, вера в открытия. Дети ждут чудо, настроены на него, и оно приходит — им открывается мир. Как говорят: «Стучащему да откроется!» А взрослые, искушенные опытом, охлажденные трезвым умом и испорченные цинизмом, ничего не ждут, ни на что не настроены, и им ничего не открывается. Как говорят: «Да будет вам по вере вашей!»

Открывающийся мир доказывает нам, что мир духовен, что он смотрит на нас, слушает нас, внимает нам, и сразу откликается на наши ожидания. Надо только освободить в себе ребенка, услышать внутри себя тишину, смирив душевные страсти и мелкие мысли, стать зеркалом Бога, чтобы он мог заглянуть в него...

В край белых облаков

Мы начинаем думать о свободе, когда ее теряем. Или когда чувствуем, что ее теряем. Или когда жизнь начинает напоминать тесную клетку, из которой хочется вырваться. Или замкнутое кольцо, по которому мчишься, а развилки или поворота нет и нет.

И тогда мы смиряемся.

Или наоборот, не соглашаемся и придумываем себе красивую сказку о далеких краях, где бродят невиданные звери, как придумал сто лет назад петербургский поэт Николай Гумилев (1886-1921):

*«Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.
Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только Луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.
Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.
Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.
И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав.
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.»*

Или в нашем сознании начинают вдруг звучать слова знаменитой песни Бориса Гребенщикова, и кажется, что эти слова не услышал где-то, а всегда знал:

*«Под небом голубым есть город золотой.
С прозрачными воротами и яркою звездой.
А в городе том — сад, все травы, да цветы
Гуляют там животные невиданной красоты.
Одно, как желтый огнегривый лев,
Другое — вол исполненный очей.
С ними золотой орел небесный
Чей так светел взор незабываемый...»*

Ю. Сергеев. «В край белых облаков»

Поэты, мечтая о свободе, придумывают сказки, а художники пишут **картины, где душе просторно, и никто ее не ущемляет.** Причем, замысел иногда возникает внезапно, из глубины подсознания, как нечто неосознанное, но, видимо, желанное. Как у художника Юрия Сергеева.

«Однажды, — рассказывает он, — Я смотрел на понравившийся пейзаж, и я не знал, какую мысль открыть. В любом пейзаже всегда есть скрытая мысль, но видят ее не все.

Было голубое небо, зелено-салатовый луг. Было жарко. И вдруг в сознании забрезжила река. Такая, что по ней уже хотелось плыть. И пошла фантазия. Как раз был июнь — время цветения Иван-чая. И вдруг меня осенило: а что если по лугу вдруг потечет река из этих цветов?

Мне это вдохновило, и я подумал: а почему бы в качестве входа в картину не нарисовать «танцующую елку»? Вот у ней лапы... Есть нос, рука левая, рука правая... И жезл в левой руке.

Потом мне захотелось нарисовать двух девушек. Одну — девушку-ветер, а другую — девушку-земля. Одну целуют ветер, солнце, воздух, она свободна, как ветер, а другая тоже свободна, но ее привлекает не ветер странствий, а сила Земли, в которой она черпает энергию.

И подумалось о том, как свободны облака, как они все время принимают разные причудливые образы, такие, как им захочется. Одно, например, похоже на летящего коня, другое напоминает козерога, с копытами и хвостом... Третье как мягкий кот, который плывет...

*Вот и получилось, что будничное событие (девушки выехали на природу отдохнуть от города) потянуло за собой большую тему — свободы. Тема важная для всего человечества, ведь везде клетки городов... **А картины художников должны учить мыслить и понимать жизнь.***

Когда в мае выходишь на природу, в лес или в поле, снимаешь с себя верхнюю одежду, чтобы открытый ветерок тебя обдувал, и вдруг как будто впервые видишь это небо, этот лес, это поле... Как будто за зиму ты оскудел чувствами и как бы обнулился, и теперь набираться природных впечатлений и восторгаться природой можно снова с нуля, как бы заново открывать для себя мир. Так бывает, когда долго что-то не ешь или не пьешь, и потом, когда снова пробуешь, будто впервые... И это чаще бывает с женщинами, потому что они острее чувствуют природу, чем мужчины... И эти две девушки олицетворяют собой два начала, земное и небесное.

*Одна девушка, та, которая справа лежит в цветах, она земная и при первом удобном случае мечтает опуститься в траву или в цветы, раскинуть руки и ноги и блаженно лежать, затихнув, слушая природу, дыхание земли, вдыхая все природные запахи, в том числе и запах земли, пытаясь почувствовать ее природу, ее мягкость и твердость одновременно... Ей нужна земная энергия, ее влажность, ее пряность... Она и лежит на земле, раскинувшись, максимально благодарно соприкасаясь с ней. **В идеале человек должен быть в Боге, то есть в свете, добре, любви, должен любить жизнь, людей и радоваться жизни и благодарить Бога за все....**как эта девушка, которая лежит, радуется и благодарит...*

*А вторая, которая стоит, она воздушная, она — ветер, она берет энергию из воздуха, из солнца, поэтому и подставляет свое тело прямым солнечным лучам. У ней характер легкий, как у этой вот березки, у которой листочки такие воздушные... Ей нужна энергия воздуха, теплых лучей... Она поэтому повернулась к солнышку... Дает себя потрогать лучам, поправляя волосы... Ей хочется чтобы ветерок ее обдувал, ласкал, наполнял собой, чтоб она, как парус, наполнилась ветром... **И тогда вдруг стало бы ясно, куда хочется лететь....***

*Под стать девушкам женской получилась и вся природа: молоденькие березки (вдали), елочки (поближе), цветы (везде). Здесь и поле женское, и небо женское, и женская река из Иван-чая до самого горизонта... Нет ничего мужского: ни проложенной дороги, ни пахотного поля... И это еще не испорченная цивилизацией среда — живая, она все видит, за всем наблюдает... **Это в городе живой наблюдающей за нами природы уже почти нет, а та что есть, не живет, не наблюдает, а только терпит...***

Хотя, чтобы попасть в мир живой природы, где можно почувствовать себя свободным, не надо отправляться за тридевять земель. Девушки отъехали от ближайшего жилья недалеко... А дальше лес, на сто километров, можно не встретить ни одного человека... И это не где-нибудь, такова сейчас вся наша средняя полоса: Владимирская область, Тверская, Ярославская.... Где раньше были деревни, люди, теперь лес, поле и тишина... И там, где нет людей, можно отдаться природе, довериться ей, почувствовать себя частью ее...»

В каждом состоянии есть своя поза, которая проявляет наше Я... Люди в каждом состоянии движутся и замирают так, как ближе их природе, как им привычней, комфортней. Кто лежит, кто сидит, кто стоит, кто идет, кто прыгает, кто бежит, кто летит. Так и здесь, в состоянии свободы, для кого-то лучшее состояние — упасть в траву и лежать, а для кого-то — прогнуться и стоять в напряжении, как тетива натянутого лука... И, если девушку попросить упасть в траву, она скажет: *«Я не хочу... Тут сыро, холодно»*. И та, которая лежит, если поднять, подставив солнцу и ветру, она скажет: *«Нет, я не хочу, тут беспокойно, слишком открыто.»*

Люди, если понаблюдать, и загорают по-разному: одни лежа, другие сидя, третьи стоя... Поэтому и здесь, на картине художника одна (та, что стоит) хочет чувствовать солнце всем телом, а другая (та, что лежит) — лицом и ладонями...

Живя в городе, можешь так никогда и не узнать, **что для тебя природа, как ты ее чувствуешь**, потому что в городе все в рамках: и дорога (асфальт), и дома (бетон), и одежда (синтетика), и вещи (пластик, пластмасса, паролон), и даже еда (упаковки). В тесных квартирах городских домов и чувства становятся рамочными, и сама жизнь становится рамкой, функцией.

Чем люди занимаются в городе? Большинство сидят за компьютерами, следят за цифрами, за их перемещением, переставляют их с места на место, пересылают их на другой конец планеты. А в свободное время смотрят в телевизор, переживая искусственные чувства по искусственным героям.

А здесь, в свободной от человека природе, никто никому не мешает, все едино и все настоящее... **В это настоящее при первой возможности сам человек и бежит из города**, который его же усилиями становится все в большей степени враждебной для него средой.

Город не случайно иногда сравнивают с драконом, пожирающим людей. С области, когда к городу подъезжаешь, видишь: над землей стоит такой горячий столб, качающийся горячий воздух... Он даже виден уже издали, особенно зимой. И, когда

въезжаешь в него, город на тебя, как дракон, выдыхает: «Ха!» И думаешь: насколько далеко надо отъехать от этого «дракона», от этого нездорового скопления людей, чтобы уже не ощущать, чтобы уже не чувствовать жар этого скопища?...

Как американский певец Вилли Токарев поет в одной из своих городских песенок:

*«Небоскребы, небоскребы,
А я маленький такой...
То мне страшно, то мне грустно,
То теряю свой покой.
Ни товарища, ни друга,
Растворились, как в воде,
И никто здесь не поможет,
Если, скажем, ты в беде.»*

Это раньше было только про Америку, а теперь уже и про нас. У нас в любой мегаполис, как подъезжаешь со стороны области, то сразу на тебя почти падают справа и слева высотные дома...И, действительно, чтобы почувствовать себя человеком, надо отъехать из города на десятки километров, чтобы из пасти дракона выскочить...Туда, где люди не живут..

Трассы информации в городе прокалывают тебя со всех сторон, как спицы — клубок шерсти. И мы таким образом живем все в энергетических дырах, проколотые ненужной нам информацией. Главным образом с телеэкрана, который у многих вообще не выключается. Через радио. Через рекламу. Через газеты. Даже когда спим, нас пронизывает круглосуточный информационный поток, живущий, уже кажется, без своих источников, сам по себе. Некоторых передач в радио и телеэфире уже нет, а волны с ними продолжаютноситься в пространстве, пронизывая нас насквозь и днем и ночью.

Информационные потоки и скопления везде. Мы говорим, что природа все медленнее рассасывает производственный и бытовой мусор, который остается после людей. А как быстро она рассасывает информационный и энергетический мусор, который остается от наших стиснутых городом мыслей, чувств? Ведь после человека, когда он уже даже давно покинул место, где находился, все равно некоторое время остается какая-то остаточная информация. Как одесский писатель-сатирик Михаил Жванецкий говорит: *«Вы тут на меня выплеснули, а я теперь во всем этом стою...И кто пришел, тоже во всем этом какое-то время стоит.»* Как долго все это рассеяно в воздухе, которым мы дышим? Этого мы пока не знаем...Но можем чувствовать.

Возможно, и эти две девушки отъехали на 25-30 км, и только решили остановиться, как одна сказала: «Знаешь, давай еще отъедем, а то тут мне как-то не нравится». То есть почувствовала, что и здесь побывали люди...Стояла деревня, был колхоз или хутор. А, может быть, несколько лет назад здесь был погост. Или место отдыха, и здесь устраивали пикник. То есть остатки информации все еще висят в воздухе. Да и на какое вообще расстояние от человеческого жилья нужно уехать, чтобы почувствовать себя свободным?

Наша жизнь переполнена тем, что мы всю жизнь на кого-то что-то выплескиваем. Чаще на своих близких или на друзей. Разве что в по-настоящему интеллигентных и в православных семьях меньше выплескивают. Почему? Сдерживают себя, Терпят, запрещают себе. Это все равно как не мусорить, как не плевать и не сморкаться на землю. Культура и вера — это запреты.

Так что уехать в страну белых облаков из этого городского прагматичного мира, который мы сами же себе и сотворили — мечта. Уехать как можно дальше. Потому что в городе уже почти не осталось той естественной жизни, которой жила и живет вся природа без человека. Мы уже и еду всю едим с приправами, со всякими специями и соусами...Раньше у нас на прилавках место для приправ было скромным: черный перец в горошек, горчица, соль. А сейчас 100 приправ. И еда у нас все больше искусственная и все более сложная, и одежда трещит от электричества.

Вот и стремимся мы иногда **освободиться от пластиковых пут цивилизации, вырваться из этого искусственного мира**, из коридора жизни, из замкнутого круга, где приходится бежать как крыса, только вперед...Человек в городе по сути как загнанная крыса или какой-то подопытный зверек...Бежит по заданному направлению: дом, работа, магазины, дом...Придумывает все это кто-то над нами, чтоб мы вот так бежали, или сама жизнь так выстраивается... мы этого не знаем.

Коридоры — это социальные роли, которые нам отведены или нами самими выбраны, и от которых периодически накапливается душевная усталость....Быть мужем или женой, отцом, матерью, бабушкой, дедушкой...сыном, дочерью, внуком...братом, сестрой...крестным...Не всегда такая роль — удовольствие и отрада, иногда — тяжкий, уже почти невыносимый груз, а вывернуться из-под него почти невозможно...

Мы сами создаем эти коридоры, **начиная движение**. Это как в жизни, вначале когда человек начинает жить, коридора никакого нет, но чуть прошел, и уже начало коридора. Еще чуть прошел, уже полкоридора! Еще прошел — почти уже коридор. А в начале

пути коридора ни у кого нету, свободен, иди куда хочешь...Да и коридор вначале не виден. Даже, если тебя жизнь уже держит в цепких коготках, ты вначале этого не ощущаешь. Ощутишь, когда захочешь освободиться. И в один прекрасный день мы хотим вырваться. Тогда, когда вдруг ощущаем, что жизнь впустую проходит... Это попытка изменить жизнь, может, начать ее заново...Поэтому народ и уезжает, сдает свою городскую квартиру и снимает жилье за городом...вырывается в деревню, пусть даже там полно дел: копать, полоть, колотить, дрова рубить, лишь бы не быть в коридоре чужих целей и чужих ролей...

Так получилось, что одна из главных бед нашего общества — в том, что **труд сейчас мы воспринимаем как тяжелую необходимость**, как признак некультурности, неразвитости, тупоумия. Детям говорили, да и сейчас еще говорим: *«Не будешь учиться — будешь ямы копать!»* Как будто ничего нет хуже физической работы. Поэтому молодежь труд не любит. А наши деды и бабки вспоминают, что на заре Советской власти работали героически, с патриотизмом, с удовольствием, с песней, хотя и холодно было и голодно. **Идея высокая была, вера в то, что я работаю для будущей счастливой жизни, для будущего человечества!** Была коллективная вера в то, что у нас самая лучшая, самая свободная и самая справедливая страна, в мире. Как в песне:

Из детских снов

*«Я нигде такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...»*

Работали с мыслью, что если все так будут работать, то вскоре мы построим коммунистическое человеческое счастье и, глядя на нас, и другие страны станут так жить... Многие верили: построим рай на земле...И, веря, думали: каждым своим движением приближаю это счастье...

Получается, что дело не в самом труде, а в том, чем мы наполняем каждое свое действие. Тогда труд становится праздником. Лев Толстой всю жизнь любил физическую работу, зная, что она человеку необходима, особенно людям умственного труда. И в конце жизни, перестав писать книги, стал заниматься простыми ремеслами — копал землю, шел за плугом, ухаживал за пчелами, шил обувь.

А сейчас получается, что физический труд мы уже почти презираем. И эта болезнь идет из города, оторвавшего человека от земли, так что он почти уже утратил представление о вечных ценностях жизни. Посадить дерево, построить дом, вырастить ребенка — это уже не ценности, которые прививают детям родители, а так, какая-то программа-минимум, которую хочешь выполнять, хочешь не выполняй, все равно никто потом с тебя не спросит, не перед кем в этом отчитываться. Разве что перед собой, перед предками, перед каким-то эхом в душе. Учат детей идти в престижные ВУЗы, чтоб потом иметь денежную работу, чтоб хорошо зарабатывать.

Учат бизнесу, суть которого делать деньги. Но что такое деньги? Ценность, но условная (как и все в городе), за которой нет живого человека, который эту ценность создал.

И эта ценность вытеснила в городе все другие ценности, превратив город в бездушную машину. А человеку остается либо, утратив все природное, стать частью этой искусственной паразитической среды или бежать куда глаза глядят...От этого всеобщего денежного помешательства, от этой индустрии развлечений, от всеобщего желания поменьше делать и побольше получать...

Горожане **привыкли к хаосу информации, который незаметно смешивает все ценности в голове.** Нам стало комфортно, что все время что-то мельтешит. Как подтанцовки при поющем певце...Как фоном работающий телевизор...под который можно говорить, есть, спать...Как итог привычным местом досуга молодежи стал ночной клуб. Фактически сумасшедший дом. Фон — непрекращающиеся шум и грохот. Под них и общаются. А еще под пиво или коктейль. И уже не так страшно остаться наедине с человеком.

Нет, городскому жителю уже не нужны тишина, красота и гармония. Ему нужны грохот, сумасшедший дом, уродство, гиперсдвиги, юродство (как они говорят: «клевый прикид» или «прикольно»). А человеку, не отравленному городом, в ночном клубе плохо. От грохота, от визга, от вихляющих походок и развратных усталых взглядов, от мелькания и трясения, от голых девок у шестов...Хотя для прибалдения нормально...Потому что прибалдевшему сознанию уже нормальное пресно...Ему нужны приправы...Как горожанам для еды нужны стимуляторы: для желудка, для поджелудочной, для печени...

Человек — объемное существо. Ему нужно не только зрительное пространство, но и звуковое, и обонятельное, и вкусовое и осязательное... Мы и переедаем-то, потому что теряем ощущение границ...Причем, в городе размывание границ вкуса начинается в детстве, когда мать или бабушка стоят над душой, заставляя ребенка есть, когда есть он не хочет...Орут, угрожают, даже бьют...Вплоть до того, что хватают, разжимают рот и силой вталкивают кашу или бутерброд, вливают чай или сок...Как в книге и фильме Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом»...Бабушка-садист буквально пытается внука, заставляя есть, обзывает последними словами, бьет... «Прессует»...это городское слово. Значит заставить чего-то делать...В природе такого быть не может, потому что это не город, где некуда скрыться друг от друга, в природе есть куда бежать...

Когда привычные ощущения границ размыты, то и все наши желания, в том числе и зрение, нарушаются. Ребенок и видеть начинает не так, так что к пяти годам некоторые дети уже ходят в детский сад в очках. И слышать начинают хуже от постоянного ора между родителями. И есть начинают, когда не хочется, то есть не нужно...Или продолжают есть, когда уже не нужно...А осязание...в транспорте едешь, кто-то тебе на шею нажмет краем шляпы, кто-то в грудь упрется спиной, кто-то на ногу наступит, а сбоку воткнет в бок острый угол портфеля...

Начинается в городе этот пресс зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса у нас у всех в детстве, когда у взрослых от того же самого агрессия, и потом эту агрессию и привычку защищаться в этом прессованном информационном пространстве дети выносят во взрослую жизнь...Пусть это и не коммуналка, а отдельная квартира, где живут родственники. Почему Булгаков и написал в книге «Мастер и Маргарита»: «Всех испортил квартирный вопрос...»

Мы говорим, что каково бойлерным цыплятам, которые растут прямо в клетках-ячейках и никогда не гуляют...И превращаются в кусок мяса...А сами по сути те же бойлеры...в границах пространства, зрения, слуха, вкуса, обоняния. осязания...Угрожаем друг другу: *«Ты у меня по одной половине будешь ходить...»*

В городе, где всем теперь правит прибыль, и атмосфера большая, нездоровая — люди друг к другу плохо, презрительно относятся. Спроси сейчас на вскидку сто человек про гаишника, начнут сразу говорить: и взяточник, и подонок, и дармоед, и хапуга...За глаза, не зная человека. И точно также про многих: про депутатов, про бизнесменов, про чиновников, про таможенников, про полицию. Такие фразы *«у них все куплено», «им все дозволено», «это мафия»*, они типичны для города...Хотя произносятся они как правило огульно...Словесные злобные коридоры...

Как спасается от них мир капитализма? Учатся создавать внутри себя пустоту. Есть американские курсы по расширению сознания. Цель ощутить в себе пустоту, придти к пустоте, освободить голову от всех мыслей, чтобы ничего не было...Попытка превращение сознания в чистый лист бумаги...То есть город превращает нашу душу, наше сознание в мусорную свалку, а психоаналитики при помощи разных методик потом эту свалку разгребают.

Два контраста: коридоры городской мусорной жизни, из которых хочется вырваться на свободу и природный коридор — река Иван-чая, которая наоборот, течет в манящую бесконечность. И небо над головой...Оно есть и в городе. Но там его как будто и не видишь. Носишься со своими проблемами, не поднимая головы...

По сути эта девочка на картине, которая тянется к солнцу, это **городской клеточный житель**, который вырвался на свободу...И она сейчас радуется жизни, как слепая, которую после нескольких лет пребывания в больницы палате без окон вывезли на свежий воздух...

Путь в край белых облаков — это символ освобождения, Во многих сказках говорится, что мы — пленники жизни, а свободны только белые облака, которые летят куда хотят, как птицы...как корабли в свободном плаваньи и никому не мешают, ни друг другу, никому...

Любому человеку, больному городом и проколотому догмами и социальными связями, нужно время от времени выздоравливать, выбираясь в край белых облаков...

И тогда даже в наше прогородское загазованное время можно будет вздохнуть полной грудью и запеть красивые слова песни Валерия Кипелова, такие, например, как поет один из героев недавнего фильма «Там где-то на окраине»:

*«Я свободен словно птица в небесах.
Я свободен, я забыл, что значит страх.
Я свободен с диким ветром наравне
Я свободен наяву, а не во сне. »*

Лестница желаний в краю белых облаков

Два взгляда, два мира

У моего любимого поэта Арсения Тарковского (1907-1989) есть стихотворение, в котором он возносит человека до неба и им, человеком, соединяет небо с землей:

*«Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост.
Грядущего связующее море,
Два космоса соединивший мост...»*

Но, если у человека такая колоссальная роль в мироздании, такое высокое предназначение, почему же мы в массе своей живем обычной бытовой жизнью и разве что только в юности замахиваемся на высокое?

Потому что найти, нащупать свою волну, свою высокую вибрацию (а потом, уточняя и сохраняя настройку, жить в таком режиме), очень непросто. Нужно не только особое состояние души и внутренней тишины что ли, но и такое место, где суетность и **круговерть жизни вокруг затихает**, в душе воцаряется покой, оседает вся житейская муть и, как сквозь прозрачное стекло, **вдруг открывается твое предназначенье**. Неправда, что только избранным, любимцам Богов, суждено находить себя, попадать в себя и жить в резонанс со своим предназначеньем. Каждый из нас может так жить, только надо хотеть реализоваться, постоянно (или хотя время от времени) нащупывать в себе нужный настрой, искать и находить такое место и такое окружение (и людьми и предметами), где этот настрой заработает.

Это как с картиной художника. Висит она, пусть даже и великая, в роскошном зале музея, среди других великих картин, а не потрясает. А однажды взяли ее на выставку в другую страну, повесили одну на пустую стену в небольшой зале, а кроме нее еще всего две-три картины, а она преобразилась, стала потрясать и удивлять. То есть вышла на свое максимальное звучание, на свою волну. В другом пространстве и другом окружении она молчала, а здесь вдруг заговорила, зазвучала.

Точно также с человеком, с каждым из нас. Нет смысла говорить о людях, которые ничего не хотят и не напрягают мир, не «искривляют» его (а именно искривление, как тетива лука, создает напряжение и потенциал для реализации), своим желанием. Но и те, кто искривляет и напрягает, не всегда реализуются. И им еще надо найти свой настрой, место и окружение, чтобы зазвучать.

Два взгляда — две вселенные

Важно и окружение, потому что именно те, кто рядом, то есть близкие люди и друзья зачастую мешают друг другу жить по предназначенью, каждый обычно, даже не сознавая этого, пытается навязать свое: виденье мира, привычки, навыки (они говорят: «Ведь удобнее делать именно так, это же очевидно!»).

Когда такое место и такое окружение находятся, и человек начинает звучать, то у него как бы появляется архимедов рычаг, с помощью которого он может, как ему кажется, перевернуть мир. Не факт, что перевернет. Но ощущение такое появляется.

Конечно, это место у каждого свое и может каждый раз быть разным, в зависимости от состояния души. А, чтобы это совпало, нужно многое, поэтому зачастую так и проживается жизнь только в поисках этого совпадения. И все-таки есть в природе знаковые объекты, как бы заряженные на чудо, на преображение, на волшебство. Прежде всего это береза, березовый лес.

Летом береза — символ русской природы и в то же время женского начала, наши предки славяне ей поклонялись, многие древние обряды связаны именно с березой. А зимой березы как бы нет, она сливается со снегом. И только черненькие пятнышки выдают ее величие, как знаки царского достоинства на королевской мантии. Но и этого достаточно, чтобы березу воспринимали как символ зимы... Так что иностранцы даже говорят иногда о России: *«У вас очень красивая зима, березовая!»*

Береза вообще уникальна. Милая, простая, а загадочная. Тысячи лет ее изучаем, а все равно узнаем что-то новое. Она как бы говорит: *«Зимой я летняя, а летом я и летняя, но и зимняя, как снегом покрытая...»* Это самый древний и вечно новый русский идеал красоты...

«Березы ведь практически не видны зимой. — говорит художник Юрий Сергеев, — Потому что они белые и почти сливаются со снегом... В марте художники говорят о чуде мартовских теней. Но эти самые тени в любое время года играют и на березах... Есть светлое, есть темное, светлое — темное, светлое-темное... Березка всегда несет в себе чудо мартовских теней на снегу...»

Художники профессионально наблюдательны и подмечают то, что не всякий заметит. Но береза не только красива. Когда человек ищет это самое **уникальное место обзора**, единственную точку, с которой для него открывается новое видение, **береза ему помогает найти эту точку...**

Когда мы попадаем в березовый лес, этот лес многое в нас проясняет. Потому что береза — духовное, ясное и светлое дерево. Если солнечный свет, это — любовь, то береза собирает в себе солнечный свет, она полна любви. И дарит эту любовь всему живому. Поэтому в фильме «Калина красная» герой Шукшина Егор Прокудин, вор и рецидивист, у которого после тюрьмы в душе осталось мало света, а потребность в нем есть у каждого из нас, увидев в поле березы, подходит к ним, обнимает и говорит: «Ах, вы мои хорошие, невестушки мои, заждались...»

Вот и эти две девушки на картине художника Юрия Сергеева «Два взгляда, два мира», две сестры **пришли в свой любимый березовый лес, чтобы обрести себя**. Дома их контролируют старшие, да и они сами, как и многие близкие люди, **невольны опекают друг друга**, стараются все делать так, как им кажется правильным, выполняют свой долг, не замечая, что навязывают друг другу свое видение мира и понимание вещей, пытаются переделать друг друга. Они знают, что любят друг друга и в то же время чувствуют, что мешают друг другу и раздражают друг друга, и каждая не может понять, что нужно другой. А бесконечное выяснение отношений не только обесточивает и ожесточает, но и просто закрывает для человека взгляд на мир, как на чудо. Мы перестаем замечать, как удивительна и интересна жизнь. Как у того же Арсения Тарковского:

*«Пока мы тратим время, спора
На двух враждебных языках,
По стенам катятся впотьмах
Колеса радуг в коридоре...»*

А вот сюда, в березовый лес сестры любят приходить, потому что здесь кончаются их обязанности, которые их держат в напряжении, в беличьем колесе жизни, когда над тобой постоянное чувство, что должен одно, другое, третье, все и всем должен, и некогда подумать о себе, о том, что хочется...Здесь нет клеток-комнат, где то одна то другая невольно, но постоянно нарушают границы заповедных зон друг друга, так что нет необходимости защищать свою территорию, отстаивать право на нее. Здесь они становятся собой. И ... успокаиваются.

Одна сразу уходит вперед, навстречу солнцу — смотреть за горизонт, любоваться восходами и закатами, снежной равниной, воображаемыми гриновскими далекими парусами, мечтать о своем, **о высоком и недостижимом.**

А другая наоборот, **мыслит достижимым.** Она никуда не идет, ей никуда и не надо идти, потому что ее душевный покой здесь. Она садится под деревом, выбирает себе себе-седника — маленькую елочку, потом надевает на ее макушку красную варежку, похожую на ее любимую куклу, и смотрит на эту варежку, фантазируя какую-то свою сказку, радуется присевшей на варежку синичке. Природа в виде синички ее понимает и ей подыгрывает.

Здесь обе сестры как бы оказываются в просторном дворце и расходятся по своим комнатам, каждая находит свой

Ю.Сергеев. «Два взгляда два мира»

настрой, свое пространство. Здесь они друг друга не подавляют. Живая природа это не город, где люди стиснуты в клетках-квартирах или клетках-офисах, как звери в зоопарке, и деваться друг от друга зачастую некуда. Ведь у **любого живого существа для полной жизни (то есть для полной реализации) должно быть определенное пространство**. Если оно стиснуто, душа, вместо того чтобы быть открытой миру, тоже как бы сворачивается и разве что время от времени выглядывает, как улитка из раковины. А здесь, на природе, всем достаточно места для творческой ориентации, инициативы, для душевной тишины, для прислушивания к себе, для правильного выбора своего места в жизни и своего пути.

«У меня была родственница, — рассказывает художник, — которая, когда оказывалась в лесу, становилась человеком, который раньше жил в природе. По остроте ощущений: зрению, слуху, обонянию, когда все эмоции раскрепощаются. Она могла и дерево обнять и поговорить с ним. Со стороны это выглядит загадочно-необычно, а для души как раз то что надо. Много ли мы себе даем воли отдаться мгновенному желанию души, ощущению мира, много ли даем шансов прислушаться к себе...Да, конечно, она и раньше выезжала на природу, но всегда с компанией, и времени совсем нет побыть с собой. Там готовят ужин на природе. Мужчины разводят костер, женщины, режут, варят, пекут...По сути та же суета, как и в городе. А ей хотелось упасть лицом в траву и почувствовать запахи земли...Или обнять дерево, прижаться к нему как можно крепче...То есть сбросить с себя все наносное, городское, то напряженное должеествование, когда одно за другим надо все время делать какие-то дела ...В компании, в постоянном присутствии рядом людей, невидимых связей между тобой и всеми, напряжение не исчезает...»

«Так вот и у меня, — продолжает художник, — когда дел и деланий накопилось с целый снежный ком, когда не знаешь уже и за что хвататься и что делать сначала, а что потом, я как-то вышел за огород и передо мной открылась дорога, а по бокам кукуруза, с рост человека...И я пошел по ней и шел, наверное, десять километров, не спеша. И не заметил как...А потом просто лег на землю и глядел на облака...Может быть, минут сорок, может, больше — потерял представление о времени...Как будто нашел себе отдельную комнату...»

Потерял представление о времени...Мы смотрим на рыбачков, скучающих, как нам кажется, или полуспящих с удочкой на берегу реки, пруда, озера. Смотрим и иногда думаем: как им не скучно, целыми часами сидеть вот так, глядя

на воду и поплавок...А им не скучно. Они, так же как художник, теряют представление о времени...

Точно также, наверное, и другие, те, кто любит рыбалку и охоту, море и горы, грибы и ягоды, шахматы в парке...Дело не в рыбалке и охоте, не в море и горах, не в грибах и ягодах, не в шахматах в парке, а **в походе за собой**. Все они ходят туда, чтобы вот это беличье колесо жизни, наконец, остановилось, и они могли осмотреться...Часто ведь и не только великий или публичный, но и самый обычный человек, который живет самой обычной жизнью, и он тоже иногда кричит про себя: *«Когда ж вы, наконец, все оставите меня в покое?!»*...чтоб придти в себя, чтоб хоть подумать о чем-то стоящем, значительном...как вот сейчас, когда у тебя вдруг что-то мелькнуло в голове, и ты понимаешь, что это настоящее, а все остальное — это какой-то эрзац, обыденность, пустота...

То есть и в обычном человеке, **в каждом из нас, сидит художник, и он время от времени вопиет, требуя себе внимания и свободного пространства как духовной пищи**. Его крики остановиться, чтобы осознать, почувствовать и оценить увиденную красоту, мы и слышим время от времени, несясь в колесе жизни. Но зачастую не реагируем. Думаем: надо бы, но потом, не сейчас. Не получая ответа, он еще кричит и возмущается, но все тише, тише. И, наконец, затихает совсем, умирает, оставляя нас без позывов к творчеству, по сути — обывателем.

Художники же к внутреннему голосу, к Творцу внутри себя (это, кстати, и делает человека художником) чутки и внимательны. Какой-то образ, случайно пришедший извне, они фиксируют, присматриваются к нему, прикасаются и так и эдак, так что он запоминается, западает в память. Ведь это непредсказуемо, потом именно с него может начаться картина.

«Я рисовал вход в картину. — рассказывает художник, — Это момент, когда девочка (на переднем плане) увидела птичку, потом куст с птицами.. Но основная мысль — во второй девочке, в той, которая глядит вдаль. Она — главное в картине...Это самые высокие девичьи мечты. Ведь она на солнце смотрит, а не куда-нибудь... Ехала на лыжах, вышла из леса на опушку, и увидела до горизонта снежное море...Мы его не видим, а она видит!»

Она смотрит как бы сквозь подзор, то есть кисею, свисающую с кровати. Так маленький ребенок, залезши под кровать с кисеей, смотрит из-под кровати через нее...И мир кажется

ся ему волшебной сказкой. А здесь...роль кисеи играет снежное кружево...Свисают нитки узора...смотреть сквозь них все равно как через хрустальные стеклышки, которые мерцают на закате солнца.

Так наш художник Михаил Врубель (1856-1910) когда-то придумал «стеклянную алмазную живопись». В Оружейной палате он увидел алмазы на черном бархате и потом не раз пытался передать их колючую стеклянность. Так же как и австрийский художник Густав Климт (1862-1918) увидел тряпочки, лоскутки, ткани у жены-портнихи...К ней домой постоянно приходили элегантные элитные женщины и мерили множество платьев. И он видел сотни тряпочек и тканей на полу, и создал «тряпочную живопись»...

Так и эта девочка смотрит на варежку как бы через опустившееся ниточное ажурное вологодское или голландское кружево.

И та и эта девушка — по-своему поэты. И каждая отошла, чтоб не мешать другой, не навязывать свое. Эта свой мир нашла, а та — свой.

Люди вообще любят навязывать друг другу свои интересы и вкусы. Зовут: «Иди водку пить, а то остынет (или выдохнется) .» А я пока не хочу. Или вообще не хочу. Или зовут: «Пошли на футбол» А я не хочу. Я, может, поехал бы в лес елку разглядывать. Или мне хочется сесть в траву, смотреть вокруг себя. На траву, например, или на елку, какие у ней лапы, какие иголки...

Жизнь сама постоянно подсказывает нам, что мы — разные! Овны, например, ненавидят ходить по тропинкам. Им нужен только дикий бурелом.

Я родился в апреле. Мне, например, нравится хворост собирать, чтоб трещали все сучки, когда иду. Продираюсь как лось сквозь бурелом. Мне в этот момент не нужна компания, собеседники. Ищу причину оторваться и ломлюсь напрямик через папоротник, маленькие сосенки, елочки...Ветви хлещут меня по лицу, а я вдохновляюсь, у меня прямо кипят все мозги. Кто родился в апреле и в августе, они такие. В глуши им не нужен провожатый, сами ищут дорогу. А вот тем, кто родился в ноябре, например, свое не так важно, им нравится преодоление. Поэтому для них, чем больше рутинной работы, тем лучше. Вначале капризничают, а потом у них начинается кураж...И их даже не надо контролировать.

Мы всем навязываем свое, свою волю, свое нереализованное эго, но и сами поэтому вынуждены терпеть навязываемое нам... Так и все друг другу что-то навязывают... И вообще все

отношения между людьми это сплошное навязывание чего-то своего... В отдыхе, в работе, в увлечениях...

Как эти птицы слева сидят на кусте и трещат. Орут, стараясь перекричать друг друга, навязывая, каждая, что-то свое... Одна синичка улетела и теперь спокойно сидит на верхушке елочки, там, где ей нравится. Но таких мало. Большинство сгрудилось в одно место и гнобят друг друга... как это делают люди в городах...»

То, что приходит в голову художнику, беспокоило и беспокоит многих. Об этом говорил еще 2500 лет назад древнегреческий философ Диоген Синопский (412-323 гг. до нашей эры), который поселился в бочке и жил в ней, чтобы никому не подчиняться и никому не мешать.

Об этом не раз напоминал Французский просветитель Жан Жак Руссо (1712-1778), который подверг критике цивилизацию, с ее все убыстряющимся ритмом жизни, жадной потребления, комфорта и новых удовольствий, противопоставляя ей *«естественное состояние»*, где люди были свободны, не зная власти общества с его системой принудительных законов.

Об этом писал более ста лет назад еще Лев Толстой, начав свой роман «Воскресение» такими словами: *«Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, — весна была весною даже и в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки; галки, воробьи и голубы по-весеннему радостно готовили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем. Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучить себя и друг друга. Люди считали, что свяшенно и важно не это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ, — красота, располагающая к миру, согласию и любви, а свяшенно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом...»*

Видимо, понимание, что нельзя быть свободным за счет свободы другого человека никак не входит в наше сознание, несмотря на самые передовые педагогические систе-

мы. Это понимание еще не стало пока частью общественного сознания. Поэтому **нам самим, каждому из нас, надо постоянно повторять себе, что мы разные** и помогать друг другу понять, что мы разные, чтоб мы не подавляли в другом эту разность, не диктовали, не мучили, не требовали: иди со мной, делай, как я (как я хочу), а наоборот, **помогали другим быть разными.**

Быть разными, оставаться разными трудно и семейным парам, когда у мужа и жены разное понимание и разное ощущение единства. Женщине, например, хочется, чтоб мужчина все время был рядом и делал что-то вместе с ней. А, если он делает что-то свое, в ее понимании это значит, что он не хочет быть с ней. Раньше-то ведь, когда добивался, все время хотел быть вместе, каждую минуту праздновал, как праздник. А сейчас, раз не стремится, значит не хочет...

Но дело не в том, что он не хочет. Просто мужчина всегда стремится к какой-то цели. Когда добивался, была такая цель, добился, возникла другая... **А единство...оно не в пребывании все время быть рядом, а в готовности быть рядом, когда другому нужно.**

«Это место в березовом лесу, — продолжает художник, — из моего детства. Я по этому леску постоянно, зимой, летом и осенью ходил...И сам также, как эта девочка впереди, смотрел на то поле, похожее на море. Там на горизонте село Ильинское (мы его не видим, оно скрыто деревьями). Тут по рельефу местности как бы две горы, и, когда стоишь на одной, а на горизонте видишь другую. И солнышко заходит.

На ближнем плане — это вид из моего окна. В деревне леса нет, но возле окна такой же куст с птицами растет...И мы с

ДВА ВЗГЛЯДА НА МИР:

ВОКРУГ ЦВЕТЫ И БЛАГОУХАНИЕ

КРУГОМ ГРЯЗЬ И ПОМОЙКИ

мамой каждый день на него смотрели...Куст этот мне очень нравился. И, может быть, уже тогда возникло неосознанное желание его нарисовать...И я его вписал в этот лес, как будто он в этом лесу и был...

Все детство я мысленно ходил по этому лесу и все вот так романтически разглядывал...Не снимая даже лыж с ног. Иначе провалишься в снег...такой он глубокий...Так и эта девочка. Она на лыжах, как на мостике стоит...Такое состояние созерцания, невероятное, фантастическое...когда на море сидишь и наблюдаешь, смотришь вдаль, за горизонт ...

Да, эти две девчонки ушли в лес от суеты...или тесноты... Понятно, они живут в окружении людей, и нет времени, чтобы уединяться...А им нужна тишина и свобода, им нужна сказка...»

Если задуматься, то все наши сказки — это выход в пространство себя. Скажем, сказка «Двенадцать месяцев». Мачеха с дочкой ругали падчерицу и послали за подснежниками зимой. Какие зимой подснежники? А на самом деле эта бедная девочка из своего привычного беличьего колеса жизни вдруг выпала в пустоту. Ни постирать, ни помыть посуду или пол, ни поштопать одежду. И пошли чудеса — она встретила двенадцать братьев-месяцев. Но чудо произошло не только с ней, но и с братьями-месяцами. Они, сами того не желая, пошли на смену порядка. Зимние уступили место летним. Такого у них никогда не было...Даже у них, в их волшебном мире, тоже свой привычный круг бытия, свое беличье колесо жизни, из которого им тоже хочется вырваться.

Когда мы крутимся в привычном круге жизни, мы часто, может, и делаем правильные вещи, но зачастую не для себя, не для своего предназначенья...А, чтоб для себя, надо, как легендарный барон Мюнхгаузен, вытянуть себя за волосы из болота. Это образ, но точный, потому что невероятно трудно подняться над бытом, суетой, обыденностью. Мюнхгаузен, как, кстати, и его реальный прототип Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен (1720-1797) как раз и создавал постоянно некий сдвиг реальности, открывающий лазейку для прорыва в другое пространство.

Важна и оценка. Когда что-то положительно оценивается, **все вокруг превращается из угнетающего в дающее**, оно переводится на другой уровень. Скажем, поехал отдыхать в деревню, встал утром, вышел порубить дрова. Рубишь криво, но тебе удобно, хорошо, в ритм попал, все свистит, организм поет. Вышла хозяйка: *«Ой, чего-то ты скособочился. Да и рубишь-то не так. Так разве рубят?»* У тебя все настроение пропало, и от-

дых весь уже испорчен. Думаешь: *«Отдыхать называется приехал... рублю дрова для этой бабы, так она еще и недовольна... Уеду сегодня же вечером!»* А, сказала бы что-то одобряющее, было бы все совсем по-другому. Скажем, вышла бы соседка хозяйки, молодуха. Посмотрела бы на тебя и сказала: *«Ух ты, ловкий-то какой! Наверное, и в любви такой же горячий. Одно слово — мужик!»* У тебя после таких слов все поет...

Вот что такое одобрение, хорошая оценка. Нам-то со стороны кажется, что счастливым людям везет, что они нашли друг друга, и потому счастливы. На самом деле, если приглядеться, такие люди, находясь в одном пространстве, не критикуют и не переделывают друг друга, а одобряют. Почему и прожить дня друг без друга не могут. Очень важно, когда близкий человек тебе все время дает положительную оценку, в то время как другие это же самое твое действие критикуют: *«Ты не то делаешь и не так, и вообще у тебя руки не из того места растут...»* Если человек в своей семье такое слышит, он и в семью неохотно возвращается. Так и норовит куда-нибудь сбежать...

Каждый из нас невольно стремится туда, где любовь, где его любят, ценят.. Потому что так получается, что при нетерпимости к иному, вокруг каждого человека враждебное пространство, которое переводит любое твое действие в негатив, любой твой плюс в глазах других людей превращается в минус. А любящий человек наоборот, любой наш минус превращает в плюс.

Так вот и на картине Ю. Сергеева *«Два взгляда — два мира»* в березовом волшебном лесу всегда царит любовь, и все минусы здесь превращаются в плюсы. Эти два типа разной ментальности, два разных взгляда на жизнь, два разных мира девушек, нетерпимо сталкивающиеся в обычной жизни, здесь перестают быть антиподами. Каждый начинает формировать свой мир, развивать его. **Главное — не за счет другого.** Одна девушка — романтик духа, ей хочется мечтать. А другая — романтик души, она сама создает себе романтику жизни и говорит: *«Зачем для этого надо куда-то ехать и бежать?»* Чудеса и так все время рядом, под боком...

Как-то при мне одного пожилого человека, выглядящего намного моложе своих лет, спросили: *«Как вы до таких лет сохранили оптимизм, такой светлый взгляд на мир?»* А он сказал: *«Наверное, потому что я, куда ни прихожу, везде ищу (и иногда нахожу) такое место, где могу увидеть какую-то перспективу, увидеть что-то завораживающее, найти какое-то очарование...»*

То есть такой человек везде пытается найти и находит свой березовый лес, а там — либо свою елочку с красной ва-режкой на макушке, либо открывающееся сквозь алмазную снежную кисею безбрежное ледяное море на горизонте... И ничего, что рядом суетный мир (куст с шумными галдящими птицами, как панельный гудящий дом), здесь же, как раз на границе двух березок, прямо за ними начинается волшебство. Зачастую не где-нибудь в тридевятом царстве-государстве, а в самом обычном месте, на границе с бытовым, суетным миром.

Но как миры обыденности и чуда сосуществуют рядом, так и мир каждого из нас должен выживать рядом с другими такими же мирами, не теряя своей неповторимости и уникальности. И, хотя общество пока не ставит перед собой такую цель (не до того, есть более насущные проблемы), но мы к этому идем.

Несколько лет назад в Москве открылся ресторан для слепых «В темноте», куда приходят не только слепые, но самые обычные люди. В зале без света, даже без свечей, клиентов обслуживают «невидимые» официанты, которых можно только потрогать или услышать. Это робкая попытка дать возможность людям попробовать перестроить свой аппарат восприятия с привычной, деловой, практичной и скоростной оценки людей и ситуации, с намерением переделать человека под себя, на более глубокую — непривычную, неспешную, неприбыльную. Для чего? Для того, чтобы понять другого человека, другой взгляд на мир, другой мир...

Далеко-далеко

Мы, взрослые, в душе всегда дети. Даже, если хорошо представляем, как устроен мир, много видели, и все обо всем знаем, и будем знать еще больше, и взрослых обязанностей у нас достаточно, чтобы чувствовать себя взрослыми, но, все равно **в душе остаемся детьми, мечтающими о чуде**, о том, чего у нас нет. Так уж устроен человек — **внешне он всегда хочет иметь то, чего у него нет**, то, что он еще не знает, им движет стремление к новому, к тому, что манит. А **внутренне, не признаваясь себе, он хочет, чтобы у него было что-то недостижимое, о чем можно было бы мечтать**. Это и есть понятие «далеко-далеко».

Во всех сказках мира герои отправляются за счастьем далеко-далеко, за тридевять земель в тридесятое царство. Потому что наше воображение бежит впереди действительности. Да что там бежит, летит белым лебедем. Туда к белоснежным облакам, к заоблачным вершинам, к солнцу.

Художники мыслят образами, поэтому «далеко-далеко» в их сознании может выглядеть как море, равнина или восходящее солнце. У художника Юрия Сергеева это лыжня, этакий символ уходящего вдаль пространства, дорога в будущее, без конца и края. Даже не данная даль, а то новое, что постоянно возникает впереди.

Ю. Сергеев. «Далеко-далеко»

А с другой стороны лыжня — это некая жизненная колея, по которой каждый из нас едет, не имея возможности с нее ни свернуть ни сойти. Вырваться из этого плена — подсознательная мечта каждого человека. Что и сделал мальчишка — бросил лыжи, упал в снег рядом и лежит в восторге.

Мы все — дети, независимо от возраста, положения, обеспеченности и титулов. Мужчины покупают виллы, заводы, автомобили (те же игрушки — играть, бибикать и хвастаться: «*У меня вот что, а у тебя нет*»), женщин, а женщины покупают себе наряды, салоны красоты, побрякушки (те же игрушки — надевать, красоваться и хвастаться), рожают детей и возятся с ними как с куклами. О взрослости же своей мы вспоминаем, когда на нас наваливается ответственность, обязанности, обязательства, долг, когда натягиваются все нити взаимосвязей, которыми каждый из нас обрastaет с возрастом...

Художнику и захотелось нарисовать **возвращение в детство**, то есть передать ощущение полной свободы, когда у тебя нет никаких обязанностей и долгов, только счастье созерцания, тихий восторг души, удовольствие познания мира. Они, обязанности, и в детстве, конечно, никуда не деваются, но в детстве о них легко забываешь, их как бы и нет. В детстве переход из одного состояния в другое происходит быстро: то ты был обычным, даже хмурым, чем-то озабоченным, а пришла в голову хорошая идея или что-то приятное вспомнил, и все, ты доволен, даже счастлив. Тем более, если эта идея разрастается, развивается, открывает новые горизонты... Это уже потом, когда становишься взрослым, все переходы даются тяжелее, сложнее, мешают разные соображения, осторожность жизненного опыта, нарастающие вместе с опытом комплексы. А в детстве все легко...

Вот она, лестница счастья — цепочка следов от лыжни. Это мальчишка скинул тяжелые лыжи с ног, и ноги без лыж стали как пушинки, как будто из пенопласта. Они сами так и норовят бежать, лететь впереди тебя. И поэтому даже просто уже не держат, так что падаешь в снег. Ну и пусть, зато свобода. Бежал по колее, и вдруг ррраз и выпрыгнул с колеи в снег. Упал на спину, а тут перед глазами, прямо над тобой разверзлось небо. Вот, оказывается, мир какой необъятный. Лети, как птица, в любую сторону...

Да и природа твоему душевному состоянию подыгрывает — на дворе март. Недаром говорят, что природа всегда подыгрывает человеку. Когда у него на душе буря, она разворачивается и вокруг человека. Природа — зеркало наших мыслей и эмоций. Поэтому, если у нас на душе солнышко, то оно вскоре даже в ненастную погоду вылезает.

Отсюда и этот прыжок мальчишки с лыжни к свободе, не в темноту, а к свету, навстречу солнцу. Или солнце само вышло навстречу. Неужели это все для меня, ради меня? Ты лежишь в блаженстве, залитый солнечным светом, и тебе кажется, что ничего невозможного уже нет, что жизнь чудесна, и всегда теперь будет такой, и всегда будет такое вот весеннее настроение. И лежать какое-то время на этом веселом мартовском снегу, уже подтаивающем и почти затвердевшем, вполне можно — не простудишься...

Две его сестрички, слева, рядом, они тоже свободны, но иначе. Женское воображение подвижнее и больше склонно мечтать, создавать целый мир грез, чем предполагать действие. Только что оно было тут, и вот уже далеко-далеко, белой птицей сливается с облаками. Поэтому обе заморожено смотрят вдаль, старшая что-то говорит младшей, а та слушает. И они уже там, на горизонте, на острие своей мечты и своего взгляда. Они мечтают красиво, романтично, будто специально, даже намеренно, думают о том, что, мечтая, надо выглядеть прилично, чтобы это смотрелось. На самом деле не намеренно, конечно, не специально, одно слово — женщины. Не то что мальчишка, которому наплевать, как он смотрится. **Главное — небо над ним.**

А собака наоборот — никуда не стремится, ни в даль ни в небо. Она — символ покоя и в то же время символ дома (ясно, что деревня рядом, потому что собаки дальше чем на 100 метров от деревни не убегают, если их хозяин не уведит, да и с маленьким ребенком далеко от деревни не отойдешь). Собака как бы придает покой всей картине. Когда все «близко-близко», человек все время чего-то делает, суетится, копошится. А здесь, когда все «далеко-далеко», то расстояние между делами больше, все становится медленнее. И собака здесь не носится туда-сюда, а лежит и думает. Покой, идиллия, солнечное марево...

Состояние философии и созерцания. И лыжи замерли. И дорога. И ветра нет. Как бы пауза. Все условия для осознания этого возникшего вдруг ощущения «далеко-далеко», для осмысления этого состояния.

«Далеко-далеко» — это пауза. В обыденной жизни, в суете паузы возникают, чтоб мы могли подумать. Это как изменение хода наших мыслей на кладбище — приходим туда взмысленные, еще живущие по деловым часам, но прошли за ограду, и накатывает умиротворение, **как будто все умершие для нас за-служили нам это состояние, подарили нам его.** Но на кладбище надо специально идти. А тут простор и тишина прямо рядом с деревней. **Возможность взять паузу...**

Раньше, еще каких-нибудь сто лет назад, это не было так важно, а теперь стало. Теперь, когда везде несущиеся куда-то потоки людей: на улице, на эскалаторе в метро, на лестницах подземных переходов. Остановись на секунду, на тебя сразу кто-то наткнется.. А кто-то и крикнет: *«Чего стал? Уснул что ли?»*. Теперь, когда даже за столом говорят: *«Пьем скорей, а то водка остынет»*. Или говорят: *«между первой и второй промежуток небольшой...»*. И дальше: *«Давай еще по малой»*. Теперь, когда все живут торопливо, да еще торопят друг друга. Экономят время. Ужимают программы в образовании. Даже в храмах батюшки сокращают службы, пытаются идти навстречу ускоряющемуся ритму современной жизни.

Выходит, что **от состояния «далеко-далеко» мы отходим все дальше**, хотя оно не где-то там, вдали, а рядом с нами. Как вот сейчас на картине у детей — отошли от дома, и вдруг нахлынуло ощущение такой беспредельности... На контрасте — то было тесно-тесно, плотно-плотно, а тут вдруг простор...

Откуда взялась теснота? Сами же и создали в своем стремлении к комфорту. Мы ведь так удобно обустроились в этой жизни, что даже в деревне (в городе тем более) все рядом, «близко-близко». Вышел из дома, а рядом другие дома, один за другим, один за другим. Но, если дом на окраине, и отойти чуть в сторону, то вдруг бах ...и пустота! Наверху — пустота неба, а справа и слева — пустота снежной равнины. И возникает недоумение, удивление, странное ощущение, что что-то не так. Потому что происходит этакая **несостыковка со сменой пространств, со сменой событий**.

То есть **повседневная чередой событий или времен** (утром встал, надо умыться, потом поесть, потом одеться и идти на работу и так далее) **у нас в сознании обычно совпадает с чередой пространств** (тут дом, перед домом палисадник, за домом — другой, затем улица или дорога, потом поворот, потом телеграфный столб, деревья и так далее). Как события по времени идут одно за другим, так и предметы в пространстве идут один за другим — время в нашем сознании как-то соотносится с пространством. Чем плотнее пространство (в городе, тем более в мегаполисе), тем плотнее, скоростнее и напряженнее жизнь. И наоборот, разреженность расстояний определяет и редкость событий. Например, у чукчей, живущих в тундре, или у арабов-кочевников, живущих в Саудовской пустыне, пространство — одна сплошная пауза, как и события в их жизни происходят с большими промежутками. Поэтому, наверное, и мыслят они паузами и говорят редко и неторопливо.

Взять Кавказ, почему там люди мудрые? Потому что живут в горах. А горы — это небо, так что волей-неволей будешь смотреть вверх. И **горы — это паузы**, как лежащий полицейский на дороге, так что волей-неволей притормозишь. Вот и возникает привычка смотреть в небо и притормаживать, поспешать медленно. Они куда и не торопятся. А куда спешить, если перед глазами у тебя ничего не мельтешит, а наоборот, примеры устойчивости и надежности? И тосты там произносят медленно, с паузами. И видимого пространства там много, за одними вершинами видятся другие. Преобладающее ощущение «далеко-далеко».

А здесь дети из насыщенного пространства деревни чуть отошли от дома, череда событий в их головах еще прежняя (одно за другим), а череды пространств уже нет — перед ними снежная равнина, пустота, пауза, ничего нет. И в их сознании возникает пауза, пустота, их охватывает оцепенение.

Так вот у нас и бывает, когда **открывается вдруг что-то протяженное (пустыня, море или степь), и сразу возникает странное чувство нереальности**. Потому что мы привыкли, что во времени у нас пауз почти нет, все время одно событие сменяет другое. Так же и в пространстве, особенно в городе. А тут — пауза! И растерянность — нет ничего. Для горожан такой резкий переход из плотности в разреженность сродни выходу в открытый космос.

Так бывает, когда после долгого беличьего колеса городской жизни из Москвы за город выберешься, чтоб на лыжах прокатиться. В голове еще все мельтешит. А зрительно вдруг перед глазами снежная равнина. И в ушах — пронзительная тишина. И вопрос: а куда все делось? Или у моря утром вышел, море еще тихое, не плещет, поверхность гладкая, как равнина. И обалдеваешь. Или пляж пустой...на много километров. Или степь как в Аркаиме. И **рушится привычное представление о мире. Все мельтешило, и вдруг — тишина, покой, пустота...Шок...**

Современная скорость и плотность жизни, множество всяких дел и событий, предметов комфорта, которыми мы себя окружаем, не позволяют нам включать в себе состояние «далеко-далеко». Жизнь крутится, одно сменяет другое, так что все сливается в одно сплошное колесо жизни, и как бы без перспективы. А тут вышел в чисто поле...и...гуляй душа! Как в грустном рассказе Максима Горького «Страсти-мордасти», где двенадцатилетний Ленька, маленький, без ног, мальчишка-инвалид, жил в подвале и мечтал: *«Вырасту большой, сделает мамка тележку мне, буду по улицам ползать, милостинку просить. Попрошу и выведу в чистое поле. Гуляй душа!»*

И действительно, после детства ощущение и даже понятие «далеко-далеко» у нас почти не имеет право на жизнь. И чем, дальше, тем больше. Как говорится, «куда ни плюнь», нигде нет «далеко-далеко», везде все привязано, приземлено, реально, везде — «близко-близко»...

Выйдешь в городе из дома — нету далека. Тут дом, там дом. Все близко. Все — одна большая клетка. И морально так же. Куча всяких дел, причем, не по главному в нашей жизни, а так, по суете, по заботам и прихотям, по сути-то пустопорожних, создаваемых стремлением к комфорту. Туда-сюда съездить, купить что-то для дома, кому-то позвонить. Чтобы было удобнее, комфортнее, приятнее. Сделать что-то для кого-то, чтобы с ним было удобнее, комфортнее, приятнее. Или чтобы он с тобой вел себя удобнее, комфортнее, приятнее.

А удобство мы понимаем, когда все недалеко, все рядом, все под боком. Так и говорят: в городе **все недалеко, это удобно**. И все хотят, чтобы все было недалеко, все рядом, все под боком. **И не замечаем, как в обустройстве, в добывании этого «недалеко», этого «удобно», мельчает душа, уходит из нее то высокое «далеко-далеко», что было в детстве, из нас уходит та жизнь, которой живет вся природа...**

Потому что в плотном и несущемся куда-то городском мире все наши чувства (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание) перестраиваются и приспособляются среди хаоса изобилия информации находить нужное, выискивать нужное. Это особенность плотной скоростной городской жизни. Наши зрение или слух становятся похожими на меняющийся фокус объектив. **И в нас закладывается механизм — меняться в зависимости от окружающей среды.** И частая смена состояний и настроек приводит к относительности всех наших суждений и понятий. И мы уже готовы легко отказаться от того, что раньше считали правильным и ценным.

Скажем, смотрим, на картине Пабло Пикассо (1881-1973) на женщину с тремя грудями и повторяем за искусствоведами: *«О да, это высокое искусство, шедевр! Это не грудь, а символ троичности мира, его трехмерности»*. И не замечаем, как перестаем верить собственным глазам, как утрачиваем собственное мнение, как отказываемся от усвоенных истин, правил и ценностей. А самое страшное — не замечаем, что детский, естественный взгляд на мир после слишком частых перемен уже почти невозможен. И потому некому сказать, как ребенку в сказке Ганса Христиана Андерсена «Платье ко-роля»: *«А король-то голый!»*.

Потерять ориентиры, потерять себя — такую опасность духовные люди чувствовали всегда, во все времена, поэтому в критический момент уходили из уплотнившегося пространства и скопления людей в неосвоенные человеком места: мудрецы — в горы, отшельники — в пустыни, святые — в леса. Только там в голове все понятия, как вещи на полке, снова расставлялись по своим местам, мир вновь представлялся ясным и понятным, снова открывалось над головой высокое небо, и приходило осознание, как жить, что делать дальше...

Еще один способ включить в себе состояние «далеко-далеко» — путешествие. Не случайно путешественники, геологи, летчики и моряки — почти все романтики, они смотрят вдаль и преодолевают большие расстояния. Не случайно во всех сказках и мифах герои, чтобы обрести счастье, отправляются в путешествие за тридевять земель в тридевятое царство. Дело не только в новых впечатлениях, но главным образом в том, что начинаешь смотреть уже не только себе под ноги, а по сторонам, вверх и вдаль.

На картине Ю. Сергеева «Далеко-далеко» половина пространства занимает лес, деревья. Дерево, хотя и встречается нам часто и может стоять совсем рядом с нами, тем не менее это едва ли не самый глубокий символ пространства «далеко-далеко». Ведь, **если оно и упадет на землю, то и тогда будет работать на пространство «далеко-далеко», потому что возникнет колея, дорога, путь или мост. А когда оно живое и стоит, то показывает путь вверх, соединяет небо с землей.** Поэтому мы и говорим: *«лес — наше богатство»*.

Россия — страна огромных пространств, и они играют свою роль в формировании души народа, широкой, даже просторной, так что состояние «далеко-далеко» стало частью этой души и включается как бы само собой при первой же возможности. Благо, что стимулов в российской природе достаточно — наши бескрайние леса, реки, озера, наша просторная российская природа...

В отличие от города, в деревне комфорта и удобств меньше, но рядом она, природа, в которой много пауз и потому «далеко-далеко» рядом. И оно все время включает наше внутреннее дальновидение, небеса над нами. За околицу вышел, и прямо впереди оно, это самое «далеко-далеко». Никого нет, ни человека, ни строения, как всех ветром сдуло или даже как будто никогда никого и не было. И перед глазами открытое пространство. Вплоть до закругляющегося на горизонте неба... **Вечное в нас включается от вечного, от пустоты, тишины, от зеркала Бога, на котором еще ничего не отразилось...**

Далеко-далеко — это пауза

Как у Федора Тютчева:

*«Когда придет последний день природы,
Состав вещей разрушится земных,
Все зримое тогда покроют воды,
И Божий лик отобразится в них!»*

Почему и говорят психологи своим пациентам, приходящим к ним лечиться от суетности, беспричинной тревожности, постоянного лишнего беспокойства души: *«Думайте о высоком и беспредельном — о песке, о снеге, о море, о небе, чтобы поверхность вашей души стала ровной, спокойной, как зеркало. И тогда в этом зеркале будут отражаться не ваши и чужие страхи, а мир, добро, свет, Бог...»*

Люди, которые включают в себе состояние «далеко-далеко», оптимистичны, перед ними открывается бесконечное будущее, они видят перспективу во всем. И наоборот, почему подростки кончают жизнь самоубийством? Философия состояния «близко-близко». Не видят перспективы. Их спрашивают в больнице, после того, как вытащат из петли: *«Ты почему хотел себя убить?»* Отвечают: *«А мне некуда было деваться...»* У одного в сибирской деревне дядя живет, не знает, где время взять и помощников. Куча дел... Узнал, что племянник хотел руки на себя наложить, говорит: *«Забираю его. Увезу к себе под Новосибирск. Там он будет знать, что делать: косить, молотить, боронить, строить дома.»* Забрал, увез. Через три года у подростка и смысл жизни появился, и дела, и перспективы...

Это вопрос не расстояния, а головы. Когда у тебя все «близко-близко», то ты и сам себе проблема и другим проблема. И наоборот, если у тебя в голове все «далеко-далеко», то ты и сам себе не проблема, так еще и проблемы других решаешь, разгребашь, потому что у тебя места много, все далеко, все возможно!

То есть обилие дел и забот, когда их много, и они без пауз, рожают в душе опустошение. Как мелькающие спицы велоси-

педа зрительно видятся как пустота. И наоборот, когда «близко-близко» чередуется с «далеко-далеко», когда «далеко-далеко» можно все время приблизить, то мир раздвигается до бесконечности. И весь принадлежит тебе.

Иногда слышишь, как некоторые художники говорят: *«Сейчас кризис, нечего рисовать...»* И действительно, смотришь — человек в тупике и рисует квадрат Малевича. То есть «далеко-далеко» в голове исчезло, цель — тоже, и пришло «близко-близко».

А художник Юрий Сергеев как бы говорит: *«далеко-далеко — это умение видеть небо»*. И положив на картину мальчишку на спину, показывает, что надо делать. То есть иллюстрирует великую истину — **надо уметь видеть небо**. Мол, ложись на спину и смотри. И не ной.

Обычная прогулка. Снежное поле, лес... Тысячи людей так гуляют. И не видят неба... И на спину не ложатся... Выходят в поле, и там им тесно... Она чего-то ему говорит, а он хватается за голову и стонет: *«как ты меня достала...»* Это в открытом-то поле...

Здесь самое большое удовольствие — увидеть небо. Для чего спина-то нам дана? Большинству она нужна, чтобы горбиться (ну и что же что грудь впалая, зато спина колесом!) да чесать ее, да поворачиваться ею к ближнему, когда он что-то просит. А кому-то — чтобы лечь на нее и увидеть небо. Вот счастливая способность! Кто об этом думал — не о терпимости спины, ее способности сносить боль, быть опорой (как говорят: спина широкая, и не то еще выдержит), но о таком величии спины? Чтобы с ее помощью увидеть небо...

А много ли мы смотрим на небо? Да почти никогда, все больше вперед или по сторонам, а то и себе под ноги. А откуда же тогда небу взяться в душе? Кто же тогда мысленно будет осенью улетать в теплые края вместе с журавлями? Кто же тогда ночами будет смотреть на звезды? Но Бог ведь ничего не создавал впустую. Как говорил Маяковский: *«Если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно?!»* Раз есть небо, значит должны быть и зрители. А, если они исчезнут, то зачем тогда и небо? **Своим погружением в корысть и в суету жизни мы ставим под сомнение существование этого мира...**

Греческий мыслитель Фалес (625-545 гг. до нашей эры), один из семи великих мудрецов древности, как раз и знаменит тем, что любил смотреть вверх — на небо, на облака или на звезды. Настолько был увлечен этим процессом, что однажды упал в колодезь. Может, это и анекдот, но все не случайно. Значит действительно человек мысленно летал, летел за облаками и звездами, а в итоге стал мудрым человеком.

То же самое можно сказать и об одном из сподвижников Петра первого, ученом шотландце Якове Брюсе (1669-1735), который в своем подмосковном имении Глинки на крыше дома разместил площадку, на которой установил телескоп, для тех времен один из мощнейших в Европе. И ночами наблюдал за звездами.

Итальянский философ, архитектор, художник и писатель Пьетро ди Гонзага (1751-1831) сказал, что человек призван на Землю, с одной стороны — чтобы соединять звезды своей мыслью, а с другой — для оценки. **Вся природа до человека не могла себя оценить, а человек оценивает.** Если это действительно так, то в этом смысле понятие «далеко-далеко» без человека не имеет смысла. Именно человек все измеряет и прикидывает, далеко или недалеко, просторно или тесно, высоко или низко. Человек как линейка, как метроном, как мерило всего. Но, если человек живет только в состоянии «близко-близко», то есть смотрит себе только под ноги, он не может ничего оценивать и значит не выполняет своего предназначения на Земле.

И, если мы только в детстве смотрим на небо и оцениваем красоту окружающего мира, а потом в круговороте жизни почти утрачиваем эту способность, значит надо во что бы то ни стало возвращаться в детство, вспоминать это свое состояние, чтобы вновь включать в себе волшебное ощущение «далеко-далеко»...

Далеко-далеко — это еще и перспектива

Дорога к родовому дому

Мы думаем, что мы — это то, что есть. На самом деле мы, каждый из нас, это все наше родовое древо, на котором каждый — веточка или даже листик. И дерево это, как и все деревья в природе, одного типа, одной породы: либо это дуб, либо ясень, либо клен. То есть налицо какая-то черта, которая про-

Наша семья. Аракел и Мариам с детьми. 1897 г.

низывает все древо. Узнать, что это за черта, значит найти себя, понять, продолжателем чего ты живешь и что, учитывая это, надо в жизни делать, чтобы не зачеркнуть своими делами все, что твои предки делали до тебя.

Но как узнать что-то о своем роде, если старшее поколение все уже ушло, да и записей никаких не осталось... Может быть, поездка туда, где родился дед, где жил прадед, что-то прояснит... Ведь никакая информация не исчезает бесследно. Сам воздух записывает протекающую жизнь... Не сразу я это осознал, хотя давно собирался побывать на Родине предков... Но раньше просто так, из любопытства, а теперь захотелось осознанно.

Почему собрался только теперь, когда уже большая часть жизни позади? Дело, конечно, не в деньгах и не в пришедшей моде на прошлое. Для чего-то надо созреть: для первой драки, для первой ненависти, для первой любви, для первого страдания. Никогда ничего не происходит случайно и не во время. Всегда не случайно и всегда в самое оптимальное для этого события время. То есть, раз я именно сейчас еду в маленький (около 20 тысяч жителей) город Степанаван, на Северо-Запад Армении, на **Родину предков**, значит пришло ощущение (или осознание), что это нужно. Наверное, нужно не только мне, но и всему нашему роду, который как грибница, как дерево, а каждый человек — как отросточек, веточка. И в определенное время каждый делает то, что нужно роду. Только не подозревает, что делает это для всех, проявляя себя, как часть всего древа.

Кроме того, **чтобы что-то сделать, надо духовно дорасти, дотянуться до этого**. Так вот и здесь, раз собрался ехать, значит дорос до понимания ценности прошлого, до уважения предков, осознал, насколько важно посмотреть на родовой дом, окружающие его горы и долины, ландшафт, проникнуться этой атмосферой, подышать этим воздухом.

Если признать, что **на формирование облика народа влияет территория и все, что вокруг**, то, наверное, и на формирование облика рода тоже влияет территория, место, где ты появляешься на свет, бегаешь ребенком, смотришь во все свои детские глаза, слышишь первые звуки. А что, разве трава растет везде одинаково? И птицы, наверное, поют везде по-разному. И листья на деревьях шелестят везде по-своему.

И **облик родного родового дома** тоже влияет на наше детское восприятие. Длинные были ли его комнаты или короткие, широкие или узкие, свободные ли от мебели или наоборот, заставленные? А какие были потолки, высокие или низкие? А окна, цельные или с переплетами? А терраса, просторная или тес-

ная? А крыльцо, высокое или низкое, с козырьком или без? А труба над домом, высоченная или маленькая?

Всё это важно, потому что **это — размеры мира, в который тыходишь в детстве**. И либо он начинает расширяться и разбегаться, потому что шел конусом из точки, либо так и идет узким коридором нашего восприятия, поскольку оно сразу было ограничено кем-то: родителями, детским садом, школой...

Важно и то, прочный он, твой родовой дом или хлипкий. Это даже не внешнее ощущение, а внутреннее, энергетическое. И оно зависит не только от количества камней в фундаменте, но и от того, какая была вложена энергия при строительстве, какая накапливалась при обживании дома...

И еще важно, чтобы рядом с домом были могилы предков, как было раньше в родовых поместьях и в деревнях. Например, абхазы, как пишет писатель Анатолий Приставкин в своей повести «Ночевала тучка золотая», *«выше всего ценили могилы своих предков, могильные камни, настолько, что, переезжая, даже брали их с собой»*. Почему, потому что прах предков — это не просто пепел или кости, а могильная плита — не просто камень, **это прибежище души, куда она всегда может вернуться, чтобы посмотреть, как живут потомки**. А, если нет могилы или камня, куда ей придти?

А приходиться надо, потому что **родовая энергия должна течь из прошлого в будущее, потому что наши предки, как и мы, держат жизнь рода**. Эту невидимую территориальную связь с прошлым люди чувствовали во все времена и поддерживали тем, что вспоминали, приходили к могилам, приводили их в порядок. Недаром в православном календаре есть такой день — «родительская суббота» — когда отдается эта дань памяти, хотя по максимуму каждую субботу мы должны почитать своих родителей. Сейчас в больших городах из-за занятости и отдаленности кладбищ многие посещают родственников раз в год или даже в несколько лет.

Почему все это важно именно сейчас? Потому что наша устойчивость в жизни, наш духовный иммунитет зависят от того родового начала, которое стоит за нами, от тех корней, которые уходят глубоко в прошлое, потому что, если в пространстве, внешне каждый из нас — существо независимое, способное перемещаться, то духовно **человек — растение времени, дерево истории**. На поверхности XXI век, а корни уходят в XX и дальше, вглубь. Оттуда идет наша высота, кривизна, особенности ветвей и листьев. Потом мы погружаемся в землю, и тоже становимся корнями для следующего поколения.

А современная жизнь нас постепенно превращает в пере-кати-поле. Мы легко покидаем свою малую родину и детей настраиваем стремиться туда, где выгодней, лучше, интересней. В итоге для нас не остается ничего святого, мерилом всего становится выгода и комфорт. Это логика потребителя. И рано или поздно эта логика уничтожит нашу голубую планету. **Спасение — в возрождении традиций.**

Род, то есть родовое древо, идет обычно от какой-то одной пары выдающихся людей. Не в смысле каких-то там достижений, но обладающих мощной энергией или, как сейчас говорят, харизмой. Именно у таких людей хватает сил, терпения, терпимости вести долгую, полную испытаний жизнь, все успевать и все обустраивать. У нас в роду со стороны моего отца это Аракел (1840-1915) и Мариам (1845-1953), мои прадед и прабабушка. У них родилось 16 детей, 8 умерло, 8 осталось, в том числе и самый младший, Армен, мой дед (1896-1942). Поэтому мне не просто интересно увидеть дом, в котором родились и жили мой дед, его братья и сестры, но и оказаться в этом про-странстве, а значит и в этом времени.

Аракел и Мариам приехали в Степанаван примерно в семидесятые годы XIX века, точно сейчас никто не скажет — не осталось документов и тем более очевидцев. Хотя в каких-то церковных книгах, возможно, есть сведения. Бог даст, мы их найдем. Но дом уже был, потому что Аракел его купил. То есть дому сейчас не меньше 150 лет. Как-то он выглядит? Каким чудом не разрушился после землетрясения 1988 года, эпицентром которого был расположенный неподалеку Спитак? Вообще сельские дома живут дольше городских. Наверное, потому что жизнь среди природы медленнее, не так все стешивает, изнашивает... Это не скоростная Москва, где некоторые девятиэтажки, построенные в шестидесятые годы, уже требуют сноса...

Но кроме мысли увидеть малую Родину, мне было интересно и пообщаться с родственниками. В Ереване еще, слава Богу, живут двоюродный брат моего отца Эдик (82 года) и двоюродная сестра отца Арменуи (91 год). Моего прадеда Аракела они не застали (он погиб в геноцид в 1915 году), а вот с Мариам, с моей прабабушкой, прожившей 108 лет, могли общаться, как и с моим дедом Арменом, их дядей и другими своими дядями и тетями.

Перед поездкой заглянул в Интернет, что я теперь всегда делаю, когда куда-то собираюсь. Оказывается, Степанаван сейчас считается выдающимся горноклиматическим курортом (1400 метров над уровнем моря), славящимся окрестными (в пяти-десяти км от города) пансионатами (например, «Анаит») с ароматным сосновым воздухом, который лечит легкие и гор-

ло. В получасе езды — дендропарк (более 700 пород деревьев), где растут уникальные секвойи с оранжевыми стволами, вековые платаны, клены и ели, из шишек которых варят единственное в мире варенье-бальзам «шишковый мед». Туристы мгновенно его раскупают, потому что оно лечит бронхи.

В 36 километрах от Степанавана знаменитый Пушкинский перевал, где в 1829 году на пути в Арзрум (Эрзерум) Александр Сергеевич встретил арбу с телом убитого в Персии Александра Грибоедова. Сюда постоянно привозят школьников из Гюмри (Ленинакана), ну, и конечно, всех туристов, прибывающих со всех концов света. И приезжим есть на что посмотреть и что узнать...

Интересна история района Лори, центром которого является Степанаван.

Три тысячи лет тому назад здесь, к северо-западу от озера Севан, была древняя свободолюбивая страна Эрах (Эрриах), куда совершал походы урартский царь Сардури II (760-730 гг. до нашей эры). Жившие здесь горные народы постоянно воевали с урартами, защищая свою независимость.

Здесь проходил **древнейший караванный путь** из Ирана (Персии) и Турции в Тифлис (Тбилиси) и дальше, в Россию. Поэтому здесь строили крепости. Самая известная, остатки которой и сейчас можно еще видеть в пяти километрах от Степанавана, Лори-берд, построенная в II веке Давидом Анхохином (то есть безземельным), царем (989-1048) из династии Багратидов. Вскоре, в годы правления его сына Кирюке I (1048-1090), крепость стала столицей Ташир-Дзорагетского царства. В 1238 году город и крепость разрушили монголы хана Чахата. Из построек тех времен до сих пор сохранились церковь, бани, руины цитадели (стены, ворота, остатки башен).

После присоединения Восточной Армении к России в 1828 году русские и казаки, используя важность места, возвели здесь форт и разместили гарнизон.

Вокруг форта вновь возникло поселение с постоянными дворами, домами офицеров, казаков, купцов и разных ремесленников. Жизнь города того времени можно представить себе по повести М. Лермонтова «Белла». Здесь бывали Денис Давыдов, генерал Раевский... Сюда потом из Гюмри (Ленинакана) и переехал в семидесятые годы XIX века мой прадед Аракел, владевший ремеслом шорника (хомуты, дуги, уздечки, другая упряжь, седла, колеса) со своим старшим братом Акопом, плотником.

Последний период истории города — революционный. Центральная площадь, школа № 1, Дом культуры — все теперь

носит имя Степана Шаумяна, одного из 26 бакинских комиссаров. Его имя до недавнего времени носила и главная улица города (сейчас, правда, ей вернули старое название — Миллионная). Здесь он жил некоторое время, здесь в 1899 году организовал первый марксистский кружок.

При советской власти, до землетрясения 1988 года и перестройки, в городе было много предприятий: заводы (высококачественного оборудования, пивоваренный, маслосыророботный), фабрики (чулочная, ковровая, швейная, мебельная), зооветеринарный совхоз-техникум. Осталось ли от всего этого что-нибудь?

Многое, в том числе и это, хотелось мне узнать, и я полетел.

Уже в самолете возникла типично русская атмосфера — мои попутчики по креслам, армянин и молдаванин, заспорили, *«Куда идет страна, то есть Армения?»* Пока мы летели, они так и не выяснили, куда — мнения расходились. Зато сошлись на одном: «не туда». Этим «не туда» армяне похожи на нас. Впрочем, что же удивляться — еще недавно мы были одним государством, которое называлось «Советский Союз».

Ереван вроде и совсем не изменился за 20 лет — тот же мощный памятник Давиду Сосунскому, то же розовое здание пра-

Моя тетя Арменуи и в 91 год помнит больше молодых

вительства в центре, те же наклоном уходящие вверх прямо от тротуаров горы на окраинах. И в то же время вот они фантастические строения новых армян: целые дворцы в древнегреческом и древнеримском, мавританском и андалузском стиле. А моя тетя Арменуи, как в Тбилиси жила в районе Сабуртало, рабочем квартале, с бетонными коробками однотипных домов

Сельский Степанаван таким был и 150 лет назад

Вход в наш родовой дом

и прямо от подъезда склоном уходящей вверх горы и теснящимися на ней, ступеньками, курятниками, так и теперь, в Ереване, живет на улице Молдавакан, такой же рабочий квартал и та же картина... Удивительно! Разве что этаж вместо пятого теперь девятый...

После смерти бабушки в 1967 году я несколько лет подряд (до Армии и в годы учебы в МГУ) в августе про-

должал приезжать в Тбилиси, но уже к тете Армен (Арменуи) и гостил у ней месяц. Тете уже за 90, но за эти годы она почти не изменилась не только внутренне (те же жизнелюбие, оптимизм и невероятное чувство юмора), но и внешне. Видимо, любовь к жизни — взаимное чувство. А теперь она живет в Ереване, и место почти то же, и она почти та же!

Хотя давно уже сама ничего не печет (это хлопотно, а поскольку голова кружится и ноги быстро устают, то и тяжело), но в честь моего приезда испекла хачапури (слоеный пирог с сыром), так хотела меня порадовать, приготовила аджап-санда (тушеные баклажаны, кабачки, помидоры и другие овощи в соусе), наверное, самое типичное для любого армянского стола кушанье. Это, видимо, наша родовая черта — сердечность, доброта, желание сделать для человека что-то приятное. Такие были и мои прадед и прабабушка Аракел с Мариам, такими же были их дети (Софья, Лида, Сатеник, Гоар, Тауи, Степа, Армен) и их внуки (Арменуи, Эдик, мой отец Рафаэль, Люся, Эмма, Юра, Людвиг, многие другие). Забота друг о друге тоже может передаваться по наследству, когда взрослые так поступают, а дети видят и делают то же самое.

Помню, когда к кому ни придешь, спрашивают: *«Балик-джан, кушать хочешь?»* Это не глупый вопрос, а формула заботы о человеке, полнота этой заботы, наполненность ею. Вот и Арменуи, меня то и дело спрашивает: *«Скажи, кушать еще не хочешь, нет?»* При этом улыбается, потому что видит, что мне это забавно слышать.

И вот мы с ней сидим за семейным альбомом, перебираем старые фотографии, некоторые аж XIX века. Дочь Лиды (1895–1933), Арменуи (мы все ее зовем «Армен») — единственная, кто из всей нашей многочисленной родни (а от восьми детей Аракела и Мариам родилось 20 внуков и 30 правнуков) помнит, кто когда родился, когда умер, кто чья жена и кто чей муж, у кого какие дети. Кажется, **невероятная память**. А я думаю, **это от любви**. Не просто от привычного внимания и интереса к близким людям, но от сердечного тепла, которое, видимо, излучается до сих пор от Аракела и Мариам. Так, наверное, и идет — **родоначальники родового древа, как солнце, от них идет свет на много лет вперед** через детей, внуков, правнуков и дальше, в будущее.

Вот и Эдик, брат Арменуи, несмотря на свои почти 82 года, узнав, что я в Ереване, тут же примчался на такси и повез меня в Ечмиадзин (18 километров от Еревана) — показать резиденцию главы армянской христианской церкви, католикоса, исторически святое место, такое же, как у нас Троице-Сергиева

Лавра, чем все армяне гордятся. Потому и привозят гостей в первую очередь именно сюда, что, побывав здесь, как бы получаешь духовное благословение на дальнейшее знакомство с Арменией.

Эчмиадзин — это не только дворец католикоса с парком, главный кафедральный собор, не только церкви святой Рипсиме и святой Гаянэ и учебные богословские институты и колледжи вокруг, но и целый город вокруг «Лавры» с маленькими улочками, одно-двухэтажными домиками и бесконечными крохотными магазинчиками и кафе. То есть, если кто приезжает в это святое место помолиться о здравии или упокоении близких, поставить свечку, приложиться к святыням, то в городе может и остановиться и отдохнуть.

Конечно, зашли к родственникам (а где у армян их нет?) — Ламаре, сестре Кимы, жены Эдика. Они, как и Эдик, для гостей — все лучшее. Накрыли стол. Муж Ламары Виктор достал с дальней полки редкий коньяк десятилетней выдержки. Крепкий (45 градусов), но удивительно мягкий, так что пьешь и совсем не чувствуешь крепости. Сын Ламары и Виктора — где-то за границей, зарабатывает на семью, а его жена и пятилетняя дочь здесь, у родителей. Присылает деньги, и на них вся семья живет. **Так живет сейчас вся Армения — дети, выучившись, уезжают за границу и оттуда обеспечивают семью**, потому что, кроме строительства и торговли, в Армении работы нет, большинство предприятий бывшего СССР, как и в России, стоят.

На следующий день Эдик хотел показать мне Матенадаран, главное хранилище древнейших армянских рукописей, но там был выходной. Зато прошлись пешком по проспекту Месропа Маштотца, создавшего еще в 4 веке армянский алфавит. Прямой как стрела проспект поднимается прямо к Матенадарану, у входа в который сидит похожий на Карла Маркса каменный Маштотц. Подъем этот как символ духовного восхождения к вершинам знаний. Светлая голова была у продумавшего все это архитектора...

Зашли к Эдику пообедать. Армянский обед — это всегда что-то национальное, почти всегда острое и с баклажанами. Если не аджап-санда, то долма (голубцы в виноградных листьях), если не долма, то еще что-то. На этот раз Кима, жена Эдика, приготовила икру из зеленых тушеных баклажан, ткемали (кислый острый соус из слив) и тушеную индейку с картошкой. К чаю — бисквит и гата (песочные пирожные с творогом).

Кима — умная армянская жена. То есть обо всем у ней всегда есть свое мнение, но она каждый раз чувствует, когда его можно высказать, а когда лучше промолчать. У них с Эдиком двое

детей, дочь Гаянэ и сын Артур, мои троюродные сестра и брат. Артур — экономист, собирается в Иран, будет работать в посольстве советником по экономике. Гаянэ — врач, работает в больнице. Когда у Эдика печет в груди и он начинает задыхаться, она тут же кладет его в больницу на обследование. Когда тебе за 80, свой врач под боком, это успокаивает. С бабушкой и дедушкой живет и старший внук, тоже Эдик, с семьей (с женой и дочкой).

За столом возник интересный разговор. Я спросил, чем сейчас в Армении все живут, за счет чего, если большинство предприятий не работает. Оказывается (многие так считают), власть в стране контролируют олигархи, нахватав собственности еще в 90е годы. И держат все в руках, потому что везде у них свои люди, в том числе и родственники: и в правительстве, и в Думе, и на местах. Все успевают отслеживать, никакую выгоду для себя не упустят. То есть оперативного ума с избытком, а вот ума государственного им не хватает. Может, им и не наплевать на свою Родину Армению, но власть для них важнее. А, чтобы поднимать промышленность и сельское хозяйство...не видно, чтобы они к этому стремились. Тут надо несколько лет подряд вкладывать деньги, не ожидая скорых прибылей. То есть **нужен государственный подход, а пока преобладает ситуативный, мелкокапиталистический, то есть с расчетом на скорую прибыль.** Да, в магазинах все есть, но это все (кроме овощей и фруктов) привозится из-за границы. Помогает армянская диаспора (объединения армян в разных странах), охватывающая практически весь мир.

На следующее утро я уезжал в Степанаван с автовокзала. 150 км — это 1500 драмм (примерно 150 рублей). Одно дело проехать такое сравнительно небольшое расстояние по Московской области и совсем другое по горам. Четыре часа езды мне показались далеким путешествием в другую страну. И хотя за окном плыли типичные матовые желто-сиреневые армянские пейзажи, как будто сошедшие с полотен Сарьяна, но в дребезжащей маршрутке, сидя на жесткой табуретке, покрытой овчиной, я так напрыгался при каждой встряске машины на горной дороге, что не раз жалел, что не поехал на такси, в мягкой иномарке, с комфортом. Правда, тогда мне поездка обошлась бы в 10 раз дороже. В маршрутке мне еще повезло, что сидящий рядом крестьянин вез с собой два тюка овечьей шерсти, и можно было иногда за них держаться или на них облокачиваться. А то наверняка набил бы себе шишек на разных местах.

Что значит страна перестала жить за счет собственного сельского хозяйства — по дороге встретилось всего несколько

пасек с пчелами (а должны быть в каждом селе), изредка попадались отары овец, небольшие, в 30-50 голов, еще реже стада коров, и всего два раза — табуны лошадей. Население Армении, к сожалению, как и в России, постепенно перемещается из деревень и сел в города. Это общемировой процесс, ничего с этим не сделаешь. Чтобы его повернуть, надо менять психологию людей, их мировоззрение. Правда, Армения — не Россия, где немерено жирной плодородной земли, лугов и лесов. Здесь же почва большей частью скудная, сухая, каменистая, зелени вообще мало, потому что на такой земле мало чего приживается. И только за арзрумским или, как его называют теперь, «пушкинским» перевалом пошли заросли кустов, небольшие рощи и сады. Это означало, что мы въехали в район Лори, обладающий более богатыми почвами, и тут до Степанавана уже рукой подать.

Степанаван не кажется городом в полном смысле этого слова. Точнее, город — только в центре, с центральной площадью, рынком, почтамтом, музеем Шаумяна, административным зданием, магазинами, парикмахерскими, гостиницами и каменными (деревя здесь практически нет, строят из камня, кирпича или местного розового пористого туфа) 2-3-этажными домами, даже несколькими высотками. А окраины — типичная деревня с узкими улочками, одноэтажными сельскими домиками, утопающими в зелени садов. Но из-за сурового климата (1,5 км над уровнем моря, все-таки горы) растут только яблоки, груши и сливы, которые плодоносят аж в октябре.

Родовой дом, где жил мой прадед, стоял на улице Шаумяна. Спрашиваю: *«как ее найти?»* у сидящего на лавочке в парке местного жителя, пожилого армянина с печальными глазами (кто-то сказал про армян, что *«это самая мудрая и печальная нация»*). Его зовут Миша.

«Вот это она и есть.» — улыбается Миша и показывает рукой мимо себя и в свою очередь спрашивает — *«А кого вы ищите?»*.

Фамилия моего прадеда собеседнику почти ни о чем не говорит. Арутюн по- армянски «воскресение, возрождение», Арутюнов то же что и Воскресенский. Не очень распространенная фамилия, но и не уникальная. Тем более, что в таких небольших городках, как Степанаван, людей с одной фамилией было много. Другое дело — род занятий. Мой прадед Аракел был шорником, то есть делал ременную упряжь для лошадей: хомуты, седла и так далее, сто лет назад человек в небольшой городе, конечно, известный. Но сейчас прадеда, конечно, уже никто не помнит — тем, кто мог его видеть в 1915 году, в год

его смерти, сейчас было бы больше ста лет. Из ныне живущих никого и не осталось. А вот сына его Степана, брата моего деда, часовых дел мастера, жившего здесь до конца сороковых годов, кто-то еще, возможно, помнит или что-то слышал про него от родителей.

Я говорю о прадеде, о дяде Степе, называю нашу фамилию, говорю о нашем доме, мы разговариваем. Оказывается, этой самой улице Шаумяна, о которой мы говорим, идущей от площади и считающейся главной в городе, власти вернули прежнее название — Миллионная (здесь до революции жили в основном богатые люди), но народ по старой памяти упорно продолжает именовать ее по-прежнему — Шаумяна. Переименовывают и другие улицы, например, Джапаридзе — в улицу Вардана Мамиконяна, великого средневекового армянского военачальника. Хотели переименовать и сам Степанаван, но коммунисты, имеющие вес в городе, отстояли старое название. Как когда-то Степан Шаумян при царском режиме проводил тайные сходки, коммунисты Степанавана до сих пор собираются на свои собрания, спорят, устраивают митинги, расклеивают лозунги и листовки. Одно слово «демократия» — никто их теперь не хватает и не сажает, но и государство их теперь не поддерживает, как и популярностью особой среди населения они не пользуются.

А дом «часовщика Степана» Миша знал, оказывается, он совсем рядом, в двухстах метрах. Они похожи, все эти дома на этой улице, как две капли воды — маленькие, одноэтажные, с террасой на улицу и уходящие в глубину, в сторону сада. Я знаю, что в нашем родовом доме сейчас другие хозяева (в 1952 году родственники наш дом продали), но рядом до сих пор живет наш дальний родственник (троюродный брат моего отца) Арам. Мой прадед Аракел в 70е годы XIX века приехал в Степанаван на постоянное жительство не один, а со своим старшим братом Акопом. Решив жить рядом, братья и купили два дома рядом. Так и стали жить и дружили семьями. Из детей Акопа в Степанаване остался сын Ерванд, отец Арама, остальные разъехались. Мой отец Рафаэль в 1986 году, когда был в Ереване, заезжал в Степанаван и останавливался у Арама (Ерванда уже не было в живых).

Сейчас Араму уже как будто за 70, на пенсии, должен быть дома. Так и есть. Узнав, что я — сын Рафаэля, заулыбался: *«Рафик сюда приезжал, целый день у меня был...»* Конечно, он не отпустил меня ни в какую гостиницу (там, кстати, номера в сутки стоят от 1500 рублей) и буквально затащил к себе. Сели с ним пить чай. Достал коньяк, сделал яичницу. Потом пошли гулять

— Арам показывал мне город. Все предприятия были разрушены землетрясением 1988 года, и их не стали восстанавливать, теперь одни руины.

Спустились к реке Дзорагет. Историческая река. В честь ее в Средние века получило свое название знаменитое Ташир-Дзорагетское царство. Сто лет назад речка была кристально чистой. Теперь нет: на дне ржавые железяки, вдоль берегов плавают полиэтиленовые пакеты, автопокрышки, тряпки с бензином, так что вода в цветных разводах. Вот тебе и знаменитая река. Вряд ли на ней сейчас можно проводить этноисторические праздники, как это бывает у нас в России, на реках Великая под Псковом, на Нерли под Владимиром или на Волхове под Старой Ладогой... В Армении туризм, если и развивается, то пока только по освоенным историческим маршрутам: Ереван — Гарни — Ечмиадзин — Двин... Если коснутся туристские планы и этих мест, начнется их обустройство, волей-неволей обратят внимание и на экологию, глядишь, и река Дзорагет снова станет чистой.

Прибыль от туризма могла бы помочь и возрождению местной промышленности и сельского хозяйства, которые сейчас, похоже, в плачевном состоянии. Это заметно по сплошь разрушенным предприятиям и учебным заведениям. Скажем, на месте вот этих развалин был радиозавод, на месте тех — чулочная фабрика, на месте уникального агротехникума-совхоза, где студенты постоянно проходили практику на местной земле, теперь остатки греческих колонн и барочных украшений, посколку техникум строился как храм науки.

Осматривая окрестности, мы с Арамом остановились, например, около рыжего пятна в зеленом холме. Это залежи местной глины, из которой можно лепить кирпичи и черепицу. Что и делалось здесь с начала XIX века, когда сюда после 1812 года приехал пленный французский офицер (душевный генерал Ицков, начальник А.С.Пушкина собирал под своим крылом пленных французов, чтобы облегчить их участь), у которого во Франции был свой черепичный заводик. Он-то, увидев залежи глины, выходящие на поверхность, и затеял развернуть кирпично-черепичное производство. После крушения социализма и распада СССР, здесь тоже руины.

Временный упадок и в культуре. Дом культуры в городском парке, в котором сто лет назад был самобытный народный театр, теперь в строительных лесах. Его, кажется, переделывают под автомагазин или еще под что-то коммерческое, что должно приносить прибыль. Соседний Дом культуры напротив, через дорогу, поменьше размером, превращен в мебельный салон.

Арам на пороге своего дома, как две капли воды похожего на наш

Спуск к реке Дзорогет был точно таким же и 100 лет назад

Воспоминания о советской культуре пока еще навевает музей Шаумяна, расположенный прямо в центре города, который одновременно является и краеведческим музеем. Я хотел было поговорить с женщиной-смотрительницей, сидящей в зале возле выставленных предметов, но Арам с раздражением настойчиво тянул меня за руку со словами *«о чем с ней разговаривать, кому это интересно, она все равно ничего не знает...»* То есть человек не верит, что кого-то здесь что-то может интересовать, что кто-то может задуматься о будущем Степанавана... На все мои вопросы Арам отвечал одно и то же: *«А кого это волнует? Слушай, ну, кому это интересно?»*

Уже потом, в Ереване, когда я рассказал Эдику о таком поведении Арама, он, улыбнувшись, высказал свою версию на этот счет: *«Понимаешь, у каждого армянина гонор, убеждение, что он прав. Многие сейчас живут не духовными интересами, а самыми обыденными, думают о куске хлеба. Поэтому Араму было тяжело на все твои вопросы отвечать «не знаю». И он от защиты как бы переходил к нападению: «А кого это интересует? Разве кому-то это интересно!» И роли менялись — не он уже не знал то, что ты спрашивал, а именно ты не знал то, что всем и каждому известно — никого это не интересует. А, если бы и ты это знал, не задавал бы дурацких вопросов.»* Ну, что тут сделаешь? В чужой монастырь, как говорят, со своим уставом не ходят.

В какой-то степени мне повезло, потому что вечером к Араму пришли друзья: директор местной музыкальной школы величественный Альберт, грустный музыкант-трубач из Еревана Феликс и еще двое — Виктор и Александр, простые работяги, слесарь и грузчик. Раз в месяц они все собираются у Арама на шашлыки, пьют водку, разговаривают. Как выяснилось, у всех дети уехали на заработки, кто — в Москву, кто — в Калугу, кто — в Зеленоград, а кто — за границу. И кто устроился хорошо, помогает родителям. Это сто лет назад, во времена Аракела, когда ездили по грунтовым дорогам верхом на лошадях, арбах, бричках или экипажах (в Грузии и Армении их называли «фазтонами»), за граница была далеко, тем более Москва, до которой было страшно далеко, три с лишним тысячи километров. Надо было ехать месяц и больше. Даже письма шли неделями. А сейчас 2,5 часа лету на самолете, а по мобильнику можно позвонить кому угодно хоть на другой конец Земли.

Поразительно, но когда мы с Арамом ходили в магазин за продуктами и я разговаривал с продавцом арбузов, тот сказал мне, что его сын в Москве работает продавцом на тушинском вещевом рынке, то есть две остановки на метро от моего дома! Насколько мир стал тесен...

А Арам и его друзья готовили мангал, нанизывали на шампуры помидоры, баклажаны, лук, мясо. Потом произносили тосты, пили, ели. Говорили о своих детях, об их семьях, их проблемах. Видимо, потому что в собственной жизни не видели ничего нового или заслуживающего внимания. Мол, что тут, в этом забытом Богом захолустье, может быть нового? Правда, когда я стал спрашивать о местных достопримечательностях, а Арам снова начал раздраженно вскрикивать *«а кого это волнует, кому это интересно?»*, Альберт вспомнил историю про того самого пленного француза, затеявшего черепичное производство, а Феликс сказал, что у него есть знакомый краевед и взял у меня визитку — мол, как что-то узнает, напишет.

Вечером, когда стемнело, гости ушли, родовой дом осматривать было уже поздно, и Арам мне стал показывать спутниковую «тарелку» (ему ее поставили за 120 долларов, без абонентной платы) и несколько десятков каналов, которые ловятся через спутник (в основном — боевики, спорт, мода, эротика), местные каналы на армянском языке.

Зато следующий день можно было посвятить главной цели моего путешествия в Армению — осмотру родового дома. Ему лет 150, не меньше, наверное, столько же, сколько и соседнему. Они действительно похожи, эти два дома, как два брата — одна

**Арам с друзьями поднимает тост за родовое древо
и за всех родственников**

и та же терраса, выходящая на улицу, идущие в глубину сада комнаты, и как продолжение дома, всякие хозяйственные постройки. Братья так и хотели, видимо, всю жизнь жить рядом, дружить семьями.

И вот он, сам, наш родовой дом. Сейчас там никого. Люди, купившие его у наших родственников в 1952 году, вначале тут жили, потом дом перешел к их детям, которые переехали в Ереван, а сюда лишь приезжали наездами. Последние несколько лет даже не приезжают, так что Араму (они оставили ему ключи) приходится следить за домом и садом. Арам открыл калитку, и оставил меня наедине с моим родовым родом.

Никакого ощущения ветхости. Правда, черепичную крышу, возможно перекрывали. Но могли и не перекрывать — черепица может и 300 лет лежать и ничего ей не сделается. Слева внизу, у самого фундамента — трещина, видимо, с 1988 года, когда было землетрясение, часть зданий в Степанаване была разрушена. А дом устоял. Удивительно! Возможно, **именно духовное единство семьи и укрепило дом** настолько, что он выстоял во время подземных толчков. У дома тоже есть душа, как и у человека. Не случайно говорят, что если из дома уезжают люди, он вскоре умирает и начинает быстро разрушаться.

А семья наша была не просто дружная, это был единый организм. Как мне рассказывала Арменуи, все друг о друге заботились, даже став взрослыми, друг другу помогали, материально и духовно. Братья и сестры, женившись и выйдя замуж, постоянно встречались. Кто из сестер умел шить, обшивал других. Кто из братьев осваивал новое ремесло, например, ремонт часов, то учил ему других. Если кто-то обедал, обязательно у него обедал кто-то из сестер или братьев. Все жили друг для друга. Насколько, что чья-то беда — моя беда. Так, когда после многих лет стало ясно, что одна из сестер Такуи, не сможет иметь детей, и это было такой трагедией для нее, что даже руки на себя хотела наложить, ее сестра Лида, мама Арменуи, отдала Такуи своего сына Эдика. Тот вырос в новой семье и долгое время даже не догадывался, что Такуи ему не родная мать.

Чувство долга в нашем роду было не какой-то там высокой истиной, понимая которую человек заставляет себя что-то делать, но частью души, сердца, того, что не осмысливается и не обсуждается, а просто делается, потому что это кому-то нужно. Так жили взрослые, а дети, глядя на них, это усваивали, как неписаное правило жизни. Почему, например, в 1915 году, когда начался геноцид, Аракел отправил семью в Ростов на Дону к родственникам, а сам, несмотря на свои 75 лет, пошел в ополчение? Да потому что и не представлял себе, как может быть иначе.

И было еще в нашем роду некое равновесие, которое все поддерживали. Когда что-то было не в порядке, энергия рода концентрировалась на решении проблемы. Так, когда мой дед Армен, уйдя в 1915 году на войну, вскоре попал в плен, то его брат Степан в 1918 году поехал его искать. Деньги зарабатывал на ходу, открывая там, где останавливался, часовую мастерскую, благо все инструменты — в дорожном чемоданчике. Так, остановившись в Молдавии, он купил постоянный двор (маленькую домашнюю гостиницу) и в ней тоже открыл часовую мастерскую. Слухами земля полнится — пока он искал брата, Армен, освободившись из плена, нашел его сам. Степан так был счастлив увидеть его живым, что подарил все имущество молдавским друзьям (а у него везде заводились друзья, врагов не было, всем он помогал, давал в долг), простил всем, кто ему был должен, и вместе с обретенным братом заспешил домой, в Степанаван. Местные потом вспоминали Степана: *«это тот самый армянин, который, уезжая, всем все раздавал...»*

Но энергия рода концентрировалась (впрочем, почему концентрировалась, концентрируется!) не только на решении проблем. Думаю, что и в проявлении тех или иных способностей, того или иного таланта. Мой дед Армен, например, в юности увлекся велосипедом, новым тогда видом спорта. И, видимо, такие сразу проявил способности, что то ли спортивное общество, то ли меценаты купили ему велосипед и форму, что было в то время совсем недешево и полагалось только перспективным спортсменам. Он стал одним из лучших гонщиков на Кавказе, участвовал в российских велопробегах, например, пробеге Ереван-Тбилиси-Нальчик-Ставрополь-Ростов-на-Дону, позже и в международных пробегах, например, в пробеге Россия-Германия-Австрия-Турция-Бельгия-Румыния и мечтал совершить велопробег вокруг света по примеру знаменитого русского спортсмена Онисима Панкратова. И, если б не война, наверняка бы осуществил эту свою мечту..

Спортсмен, мечта, ну и что? Мало ли людей спортом занимаются и еще больше мечтают? Однако все зависит от силы, от энергии, от глубины. Мечта — это выход этой силы и энергии. И, видимо, таковы они были у моего деда, что меняли психологию людей. А иначе как объяснить, что, попав в плен к немцам, Армен вскоре обрел там друзей и даже подруг, получил режим свободного передвижения, а потом (еще до конца войны) и вовсе освободился. Может быть, он нашел там, среди немцев своих бывших соперников по велоспорту, может, по принадлежности к элитному спорту был определен в спортроту, сейчас уже это трудно выяснить, но допустить, что такое могло быть,

почему бы нет? Спорт поднимает человека над агрессией (не случайно в Древней Греции во время Олимпиад прекращались все войны), пробуждает высокие чувства: справедливости, благородства, великодушия. А потом брат Армена Степан, который нашел его в Молдавии, назвал своего сына Людвигом

Любовь к велосипеду сделала моего деда знаменитым. 1915 г.

в честь немца, ставшего Армену другом и много сделавшего, чтобы он освободился из плена и вернулся домой... И за этим за всем тоже стоит энергия рода.

Я смотрю на террасу нашего родового дома и удивляюсь: насколько же она похожа на террасу квартиры в Тбилиси, куда потом все переехали, когда продали дом в Степанаван. Как будто одна и та же терраса переместилась из Степанаван в Тбилиси и ожила там! Как будто бы для того, чтобы точно так же как здесь, потом там, в Тбилиси, на террасе так же точно играли в нарды, в карты, в лото, обедали, разговаривали, смотрели на улицу... Конечно, все объясняется проще — дядя Степа (1887-1960), к которому после смерти Аракела постепенно как бы перешло старшинство в роду, а также заботы обо всех, когда выбирал в Тбилиси новое место для жилья, возможно, именно по похожести террасы и выбрал новое жилье в Тбилиси... Но **вот так и осуществляются духовные связи между поколениями — через сознание людей.** Образы вещей и предметов, запечатлевшиеся в памяти детей или внуков, их же усилиями обретают те же формы и тем самым держат невидимую основу рода, как бы его каркас, потому что передаются из поколения в поколение.

А вот сад из Степанаван в Тбилиси, к сожалению, перенести не удалось, потому что в городе мало места для садов. Здесь, в Степанаван, он был огромный, уходил далеко вглубь двора, пересекаемый пополам ручьем, который детям казался целой рекой, этакая своя маленькая река микро Дзорагет, с камушками, рыбками-мальками и нависающими над водой яблонями и грушами, так что можно было раскинуться на их ветвях прямо над водой. Как на летней фотографии 1946-го года, названной в шутку «Русалки» (на ней ставшие подругами — моя мама, когда, будучи уже женой отца, впервые приехала в Степанаван, и Эмма, его двоюродная сестра). Иду по саду и вижу, какой он густой и роскошный, целый зеленый мир растений, до 1946 года — целая зеленая вселенная. Почему до 1946, потому что, как рассказал Арам, в конце 1946-го года две третьих участка за ручьем местные власти просто отобрали.

В дом я войти не могу, он все-таки чужой, но я подхожу к окнам террасы и, прижавшись лбом к стеклам, всматриваюсь вглубь дома. Какой простор, какие большие длинные комнаты, сколько места! Даже и для часовой мастерской, которая была в передней комнате, окно которой выходило на террасу. Летом, оно, видимо, было открыто, и с улицы можно было видеть дядю Степу в белой куртке, нарукавниках и моноклем в глазу, чтобы рассматривать мелкие детали часов. Его лицо я не то чтобы помню хорошо, но оно почему-то в любой момент, стоит

мне только вспомнить его, возникает перед глазами, как будто он только что был и отошел на минуточку. Интересно, в этот момент, когда я его вот так отчетливо вижу, видит ли он меня...

Память о нас — это продолжение нас во времени, это степень нашего участия в чужих делах, это наша бескорыстная помощь другим, наше участие, сочувствие, сопереживание. Если кто-то больше всех и заботился о других, делал все что мог для других прежде чем для себя, то это дядя Степа. Может быть, и мой прадед Аракел был такой, да, наверное, родовые черты-то передаются, но я родился через 35 лет после смерти прадеда. А дядю Степу я знаю, я его хорошо помню.

Я присаживаюсь на перилла террасы и, глядя на темные окна нашего родового дома, за которыми когда-то была жизнь, тихо плачу. Вода, слезы — это связь, канал информации, соединение с прошлым и будущим. Я плачу и думаю. Я мысленно иду вдоль ствола нашего родового древа, назад, в прошлое, и мгновенно переношусь в наше время. Когда можно обозреть сразу пять поколений, видишь общую картину и начинаешь догадываться, как идет жизнь.

Когда кто переехал в Ереван, кто — в Тбилиси, у всех появились свои семьи, в Тбилиси дом дяди Степы был главным, у него все стали собираться. У него всегда останавливались родственники, приезжавшие из деревень или других городов. Именно он вставал чуть свет и шел за свежим хлебом, маслом, белым сыром. Чтобы к чаю в доме всегда были белый свежий хлеб, масло и сыр. **Это был обряд, азбука вечных истин, слишком простых, чтобы их ценить и им удивляться.** Как посадить дерево. Кто этому удивляется? И только потом, когда человека не стало, мы можем вспомнить, что это он его посадил. А можем и не вспомнить.

Пять поколений уже растет родовое древо Аракела и Мариам, моего прадеда и прабабушки. И можно как бы сверху увидеть, **что** мы все делали, какими частями этого древа мы все, несколько поколений древа, были.

Первое поколение — Аракел и Мариам. Они приехали в Степанаван, чтобы жить здесь и никуда уже не уезжать. Простые, погруженные в жизнь люди, но знавшие **главные истины: надо осесть где-то на одном месте, создать семью, иметь дело, которое позволяет всех кормить.** Тому, что умею я, научу детей. Надо учиться, учись здесь — вот как понимали они учебу. Идеал: где родился, там и пригодился. Это было близко к оси координат начинающегося рода и экологично, потому что нет бесполезных перемещений в поисках лучшего, но все на одном месте, не вширь, а вглубь. И в то же время кроме сада и огорода при

доме у них уже не было крестьянской земли для посевов, на которой они могли бы трудиться и выращивать продукты. Аракел был шорник и сапожник, а Мариам — домашняя хозяйка.

Второе поколение — восемь их детей: Софья, Ованес, Сатеник, Такуи, Степан, Гоар, Лида и Армен, мой дед. Родители хотели иметь родовой дом, а у детей уже не было такой сильной привязки к нему. Может быть, если б не геноцид 1915 года, не бегство всех жителей Степанаван, не смерть отца, может, никто никуда бы и не уезжал. А так, после смерти отца все переехали в начале в Ростов, а потом в Тбилиси, женились, повыходили замуж, пошли учиться, работать. И хотя собирались в семье дяди Степы, но жили уже все в разных местах. Это был большой город, жизнь усложнилась, появилось много соблазнов, **главной мыслью и ценностью стало желание учиться, на что родители и стали нацеливать своих детей**, причем, на учебу в Москве. И у этого поколения тоже не было своей земли, и никто уже ничего не производил, кто работал чиновником, кто — бухгалтером, кто — учителем, кто — часовщиком, кто — служащим...

Третье поколение — 20 внуков Аракела и Мариам, большая часть из них уже родились в городе. Среди них и мой отец — Рафаэль (1923 — 1994). **Они учились в Ростове и в Тбилиси, а стремились в Москву.** И часть их переехало в Москву. Основным местом встреч всех наших родственников в Москве, стали Черемушки, на улице Гримау, в семье Эммы (1922 — 1998), дочери дяди Степы. Это поколение было уже целиком городским, без земли.

Четвертое поколение — более 30 правнуков, в том числе и я. География обитания охватила уже весь мир, Степа, сын Эммы, уехал в США, а за ним и родители, кто-то — в другие страны. Место, где можно было бы постоянно собираться всем потомкам, уже не существует. **Но в этом поколении уже появилось осознание ценности рода, родовой памяти, родовых связей, необходимости иметь родовой дом, где можно было бы всем собираться и поддерживать традиции.** Я, например, уже не только об этом думаю, но и разговариваю об этом с другими и нахожу понимание. Видимо, только на таком расстоянии от истоков — в 100 — 120 лет — и начинаешь понимать истинные ценности жизни.

Пятое поколение — а это более 40 праправнуков, в том числе и моя дочь Инна. На нем, возможно, и начнется обратное движение к оси координат. И уже на другом уровне, с компьютером, Интернетом, со всеми знаниями нашего времени и всеми соблазнами цивилизованного мира, из-за которых человек вообще может отказаться от семьи и традиционных ценностей. И

в то же время с пониманием, что **Земля уже не выдерживает неуемных желаний человека (его интересов, поисков, перемещений), каждое из которых требует много энергии.** Ехать, лететь, ломать и строить новое — все это требует энергии. У моего прадеда и прабабушки были один парадный костюм и одно парадное платье на всю жизнь и по две-три пары башмаков. Сейчас у каждого шкафы одежды и обуви и тысячи самых разных предметов в доме...И полно всякой домашней электро и радиотехники, которая постоянно обновляется. То же и с человечеством.

Видимо, так и развивается цивилизация — от нуля к бесконечности, то есть от аскетизма к гедонизму, от минимума потребностей и желаний к радуге желаний и возможностей, как количество телепрограмм, когда уже можно все забросить и только щелкать пультом, просматривая разные каналы...**Обилие желаний и возможностей и губит мир.** Так погиб Древний Рим...А потом все опять начинается с нуля...

Это схема развития жизни. Мы дошли до предела и находимся на краю пропасти. И, если мы не обуздаем свою познавательность и свои желания, мы погибнем. Чтобы качающийся маятник наших желаний, от сдержанности к безудержности, качнулся обратно к оси координат, надо, чтобы уже мои дети, то есть пятое поколение, стало жить идеей родового дома, своей земли, на которой можно жить в гармонии с природой...

Говорят: *«Если в доме долго никто не живет, он или разрушается или ждет новых хозяев.»* Наш родовой дом пока не разрушается, значит ждет новых хозяев? Если так, то все просто — нам, всем родственникам, надо сбрасываться и выкупать наш родовой дом. Нас всех уже больше ста человек. Кто-то из пожилых людей наверняка захочет здесь поселиться постоянно. А остальные будут приезжать в гости, привозить сюда своих детей, внуков...

С этой мыслью — выкупить наш родовой дом — я покидал Степанаван. Как мир начинался с Адама и Евы, а потом, после Потопа — с семьи Ноя, так и здесь, **если люди начнут выкупать свои родовые дома и возвращаться на землю своих предков, заработают коридоры времени, прошлое соединится с будущим через настоящее, то есть через нас.**

Мы сетуем, что мир теряет духовность. А что такое духовность? Это когда все наработанное предыдущими поколениями живет в нас, живет, как память, как традиции, обычаи. И, если род разбрасывает по всей земле, как он может оставаться родом? Хотя бы наши мысли должны иметь пристань, куда они могут приставать...

Москва — Ереван — Степанаван — Москва

Малая Родина

У всех есть своя малая Родина.

«Большая беда, — пишет русский философ Иван Ильин, — оторванность человека от корней. Люди блуждают, носимые ветром судьбы, как блеклые листья, нигде не закрепляясь, ни с чем не срастаясь, нигде не оседая, нигде не становятся верными. И как часто лишенные корней, теряют чувство Отечества, ибо Отечество — это «страна отцов».

К счастью, многие, покинув родное гнездо когда-то, **потом памятью постоянно туда возвращаются**, помнят каждый скрип двери, всплеск воды в колодце от опущенного ведра, запахи сухих листьев в опустевшем осеннем саду...

Пишем письма родным и друзьям и в них клянемся своей малой Родине в любви, говорим, что хочется приехать, а то и вообще все бросить и вернуться домой навсегда. Но на самом деле все это только разговоры. Кто-то тоскует по Ярославлю, а сам дачу покупает, скажем, в Подмосковье и там живет... Кто-то уже обосновался в Екатеринбурге, шьет там (свое ателье), а тоскует по Перми. Но что мешает продать свою новую квартиру в Екатеринбурге и купить в Перми? Бизнес? связи? Пер-

Малая Родина иногда так велика, что захватывает дух

спективы? Или там, где «денежный кран», там и Родина? Наверное, все-таки не в этом только дело. А в чем еще?

Не всегда то, что нам хочется, это желание. Иногда это желание-мечта, причем, настолько призрачная, что приятнее мечтать, чем какими-то действиями приближать эту мечту. Поэтому **малая Родина** здесь, наверное, **как прекрасная Дама, которая должна быть где-то далеко, о которой надо мечтать, потому что это нужно для души...** Некий идеал, который немного приподнимает нас над обыденностью...Мы уезжаем, чтобы понять себя и реализоваться, уезжаем иногда за тридевять земель, как Иван-царевич за счастьем, а малая Родина остается единственным критерием, как бы точкой отсчета, с которой сверяются все новые и новые впечатления...

В словаре бизнесмена и других современных книгах о том, как быстро достичь жизненного успеха, можно прочесть, что *«для предприимчивого человека малая Родина — там, где его дело»*. Но при капитализме всем правит выгода — сегодня тебе выгодно заниматься этим, завтра — чем-то другим, послезавтра — третьим. Какая уж там малая Родина...Дела, бизнес, капитал... все это материальные ценности, которые меняются, а малая Родина остается в сердце на всю жизнь. **Это ценность духовная, которая не может исчезнуть как деньги или имущество.** Другое дело, что вспоминаем мы о ней не часто. Разве что тогда, когда: увидим какой-то предмет, так похожий на вещь из детства, увидим человека, чем-то напоминающего кого-то из детства, услышим чей-то голос, так похожий на знакомый голос из детства, увидим перелетных птиц, за которыми хочется следить долгом взглядом...

Или вдруг прозвучит старая песня о перелетных птицах:

*«Летят перелетные птицы
Заветную землю искать,
Летят они в дальние страны,
А я не хочу улетать.
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона,
Не надо мне солнце чужое
Чужая страна не нужна.»*

И когда вспоминаем мы о малой Родине, происходит чудо: в душу врываются картинки детства. Некоторые такие дальние, казалось бы совсем забыл про них, выходит нет, не забыл, хранятся в памяти и встают перед тобой, как будто это было вчера...

Вот бежит перед тобой тропинка к реке, и ты сам ранним утром бежишь по ней босиком с удочкой в одной руке и консервной банкой с червями в другой. А по бокам тропинки чего только не растет, в том числе и крапива. Стреканет по ноге, аж подпрыгнешь, а чуть пробежал, выскочил на берег, увидел, как вода будто под паром стоит, а в ней мальки играют, а то и толстая спинка плотвы пройдет, и забыл, будто ничего и не было. Или мама-утка привела купаться утят. Идут за ней, смешно переваливаясь и одинаково заноса то вправо то влево толстые хвостики. Плюх в воду, и заскользили по глади, как маленькие кораблики. Вслед за мамой, строго по порядку, будто долго тренировались...

Или поздней осенью, когда уже все яблоки собрали, прибежишь в сад, чтобы найти самое редкое — прозрачное, случайно спрятавшееся на ветке, чудом сохранившееся, почему-то никто его до сих пор не замечал. Как это могло произойти...А вкусное какое — холодное, медовое, из другого мира...Что значит детство...

А у кого-то щемит сердце и вспоминается старый сарай и покосившийся плетень

Все мы — откуда-то, каждый из нас где-то родился, но почему-то немногие открыто гордятся своей малой Родиной, не стремятся о ней рассказывать, как будто это запретная тема.

Картина художника Юрия Сергеева «Малая родина» — напоминание о детстве.

Как в стихах поэта Сергея Смолича:

*«Как хорошо, что есть родимый дом,
Что в нем еще не прохудилась крыша.
И словно в детстве, печка хлебом дышит.
И в доме пахнет теплым молоком.»*

Когда уходит любовь к малой Родине, это трагедия. Потому что Родина у нас одна, другой не дано.

Но ведь говорят, что есть вещи незабываемые, которые остаются в памяти навеки. **И, если человек, покинув Родину, ее забывает то только потому, что не встречает больше ничего, что напоминало бы о ней.** Это может быть

Ю. Сергеев. «Малая Родина»

и сруб колодца с журавлем над ним,
и стог желтого и пахнувшего летом сена,
и шпиль двухсотлетней колокольни,
и такой родной дым, никогда не устающий виться из трубы
соседского дома,

и празднично-красный наряд старой яблони, достоявший
до самых холодов,

и засыпанная снегом длинная картофельная грядка, на ко-
торой столько потов с тебя сошло...

Увидишь что-то подобное и защемит сердце, и до боли захо-
чется в места, где прошло твое детство...

И вот ведь что странно...**В детстве мир фактически очень маленький**, ну, сколько там места занимает родная деревня, за день несколько раз ее пересечешь вдоль и поперек, **а кажется этот мир огромным. А во взрослой нашей жизни мы перемещаемся на огромные расстояния, а мир наш сужается до квартиры**, где живем. Как будто в детстве мир расширился, разворачивался, а с возрастом стал сужаться, сворачиваться...

Или это мыслить мы начинаем уже не образно и безгранич-
но, а материально, предметно, узко, конкретно, приземленно?

Не случайно, когда оказываемся мы на грани жизни и смер-
ти, начинают мелькать в сознании картинки детства:

солнечный зеленый луг с клевером, ромашками и василь-
ками,

теплый парной березовый лес с подосиновиками и подбе-
резовиками, шершавые губы коровы, который протягиваешь
половинку яблока,

капли росы на яблоках, нападавших за ночь на стол в саду...

Детство — это тоже наша малая Родина, только не в про-
странстве, а во времени, заповедная страна, где и небо было
выше, и земля мягче, и хлеб вкуснее, когда радуешься самой
малости. Как лекарство на всю жизнь.

Здравствуй, Масленица

Этот веселый славянский праздник не уходит из нашей жизни, да и вряд ли когда-нибудь уйдет — по крайней мере, пока весна будет следовать за зимою. Не случайно Масляница по времени раньше была привязана не к Великому посту и Пасхе (она сейчас начинается в феврале или в марте, за восемь дней до Великого поста), а ко дню весеннего равноденствия, к проводам зимы и встрече весны.

Кажется, как не надоедало нашим предкам праздновать Масленицу две недели подряд? Столько раньше она продолжалась, пока в конце XVII века патриарх Адриан не сократил ее до недели. Нет, не надоедало — когда человек привыкает к жизни, как к **непрерывному процессу**, без пауз, когда одно дело сменяется другим, то и усталости не ощущается, да и однообразные с виду движения, не кажутся нудными. Но тогда и **заунывность народных песен это не скука, а та же непрерывность, перетекание одного слова в другое**, одного куплета в другой. Нам же, горожанам, утратившим ощущение жизни, как непрерывного труда, непрерывность кажется скучной, нам нужны паузы, чтобы душевно отдохнуть...

И идем тогда в солнечное февральское воскресенье на площадь или в парк, зная, что на Масленицу здесь обязательно будет какое-то действо. И вот оно начинается — появляются мужики и бабы, одетые в валенки, в кафтаны и армяки, сарафаны

Масленица — время для игр, конкурсов и розыгрышей

и душегреи, с бубнами и балалайками, гармошками и трещотками. С ними двое ряженных в виде чудо-коровы. Все они идут, приплясывая, притопывая валенками, слегка поворачиваясь вправо и влево, распевая:

*«А мы Масленицу дожидали,
В окошечко выглядали,
На горюшку выходили,
Сыра-масла выносили,
Да на горку поливали,
Чтоб гора была катливая!
Масленица — блиноедка,
Масленица — обируха,
Масленица — обмануха,
Обманула, довела
До Великого поста,
Нет ни хлебушка куска,
Только редькин хвост
На Великий пост!»*

В этом распевании и расплясывании как будто нет ни начала ни конца, одна распевка сменяется другой, потом они чередуются с частушками. Например:

*«На дворе стоит телега
И подсолнухи грызет,
А корова губы дует:
Никто замуж не берет!»*

Или вот еще:

*«Вышел леший из болота,
Все обломаны рога.
Подошла к нему молодка:
На-ко, леший, пирога.»*

Масленица это ведь сплошное угощение, сплошные гости: родители — к детям, дети — к родителям, зятя — к тещам, невестки — к золовкам. Из семи дней масляничной недели некоторые так и называются «тещины вечерки» (пятница) или «золовкины посиделки» (суббота). Вот и проигрываются эти походы в гости прямо в хороводе, иногда даже без слов, в прохождении мимо друг друга, в демонстрации нарядов, в узнавании родичей, подмигивании и в подталкивании друг друга, в шутливых характеристиках близких типа:

*«Мой миленок встать не может —
Обессилел от трудов.
Показала штоф с горилкой,
Снова праздновать готов!»*

Ю. Сергеев. «На тройке в Масленицу»

И, конечно, Масленица это катание на тройках. В России эта традиция, слава Богу, пока еще не изжила себя.

«У меня с детства, — рассказывает художник Юрий Сергеев, — осталось воспоминание. На Масленицу лошади едут из деревень (Головина, Некромо-

на, Адамова, Григорева, Юрькова, Подольца, Вески, Симы, Беляницина, Пьянцина, Ненашевского) в город через все село (село Красное в километре от города Юрьев-Польской Владимирской области), и на звук колокольчиков на дороге выбегают дети, спрашивая: «Вы чьи, головинские?». Впрочем, почему только на Масленицу? Во все праздники

Масляничный блин — не только главное угощение на Масленицу, но и образ солнца

по деревне раскатывали на тройках. Всегда ехало две, а то и три тройки, на улицу всегда высыпал народ. Ямщики кричали: «Эх, прокачу!»

Тройка — интересное явление. В Греции и в древнем Риме были колесницы, запряженные четверкой лошадей. А тройку, наверное, изобрели в России, больше нигде такого нет. Впереди ставили жеребца, а по бокам двух кобыл, чтобы они его подзадоривали. Не случайно Гоголь видел Россию в виде тройки-птицы, в которой резвые, бешеные кони и пьяный ямщик. Тройка действительно похожа на птицу: передний жеребец с вытянутой шеей — голова, а две кобылы — два крыла. Поэтому когда женщины говорят, что хотели бы покататься на тройке, это не просто каприз, а неосознанное желание приобщиться к чему-то высокому... Полетать на тройке...

Тройка — это именно русский феномен. Это и свобода, и скорость, и хулиганство, и непредсказуемость. На западе лошади, запряженные в тележку или карету, это что-то чинное, а у нас вихрь, ураган. Колокольчики, как музыка для лошадей, как музыка к этой лихости. Даже в песне поется *«Ямщик, не гони лошадей»*... Ямщик и сидит, потому что иначе вылетишь из саней, такая у них скорость...да еще сани виляют, так что захватывает дух...

Почему тройка в сознании художника ассоциируется с Масленицей? Потому что **празднование Масленицы всегда сопровождалось обрядами, прославляющими Солнце, причем, не неподвижное, а движущееся.** Поэтому в Масленицу все приходит в движение, ведь Масленица — это кукла с лицом, похожим на желтый или красный блин (образ солнца) и ее возят по деревне, поэтому Масленица — это всегда катания: на тройках, на санках и санях, на коньках, на всем, что может кататься. Катание и по ровной поверхности, и с горок. По деревням разъезжали на разукрашенных лошадях (гривы расчесаны, сбруя сверкает медными бляшками), запряженных в разряженные сани (ковры, яркие подушки), под дугой звенят колокольчики. Наряжались целые санные поезда,двигающиеся с шумом, гамом, различными проделками и выдумками, с ряжеными и скоморохами, представлениями и кулачными боями.

Но главная тема картины — сельский зимний праздник, как единство человека и природы, когда **все гуляет, все радуется,** и составляет один оркестр: легкий веселый морозец, играет на солнце; снег, хруст снега под полозьями саней, когда мимо мчится тройка; радостный и светлый колокольный звон; праздная баба с ведром стоит, разинув рот; смех заговорившихся девушек; хохот ребятишек, катающихся с горок; спор детей,

мимо которых мчится тройка (один говорит: *у меня отец тоже, как запряжет...* а другой говорит: *что там у вас, вот у нас...*); лай собаки; карканье вороны (она тоже зритель). И все это западает в душу, становится ее частью, которая потом **держит человека**, помогает ему выстоять в трудные минуты жизни. Вот, наверное, почему не раз восклицал русский художник А.Саврасов: «*Прославляйте жизнь!*»

Олицетворение праздника — чучело Масленицы, символ плодородия и плодovitости. Ритуалы его проводов должны были сообщить это плодородие земле — не случайно пепел от сожженного чучела раскидывали по полям.

Для крестьянина плодородие земли было особенно важно весной, когда земля пробуждается от зимнего сна и начинает плодоносить. **Сожжение чучела Масленицы дает толчок для нового возрождения плодотворных сил.**

А с плодородием земли и плодovitостью скота в народном сознании была неразрывно связана плодovitость людей. Поэтому многие обряды Масленицы, такие как смотры молодожёнов, их гостевания, катания с гор и на тройках, шуточные преследования холостых, — связаны с молодожёнами и неженатой молодёжью.

Со стимуляцией плодородия связана и еще одна сторона Масленицы — поминальная. Ушедшие предки, по представлениям славян, находились одновременно и в ином мире,

Это не только игры и гулянья, но и шутливые поединки

и в земле, а значит, могли влиять на её плодородие. Поэтому крайне важным было не гневить предков и почтить их своим вниманием. Для этого в Масленице и существует поминальная обрядность: кулачные бои, игры, скачки, посещение кладбищ, обильные трапезы, обязательно включавшие блины, главный атрибут Масленицы.

В масляничные дни происходили смотрины невест. Все масленичные обряды, по сути, сводились к сватовству, для того, чтобы после Великого поста, на Красную горку, сыграть свадьбу. С утра молодые люди приглашались кататься с гор, поесть блинов. Звали родных и знакомых. Для зазывания Масленицы произносили слова: *«У нас горы снежные готовы и блины напечены — просим жаловать!»*.

На весь год западал в память и последний воскресный день Масленицы — «поцелуйный», когда вместе с уходящей зимой принято было отпускать все обиды, накопившиеся за год, просить друг у друга прощения и в знак примирения целоваться. И называлось это воскресенье «прощеным». Прощение всех объединяло — россияне становились в этот день как бы одной большой семьей.

Священнослужители относятся к масленице по-разному. Есть противники (их, кстати, немного), которые считают, что *«поскольку сжигание чучела масленицы и залезание на столб — чисто языческие пережитки к христианству никакого отношения не имеют, то на эти народные гулянья православному человеку не стоит и ходить»*.

Но сторонников больше. Они смотрят на этот праздник как на часть нашей отечественной культуры. Вот несколько высказываний...

Архимандрит Тихон Шевкунов, наместник московского Сретенского монастыря: *«Для меня масленица всегда воспринималась как долгожданное и очень радостное время. А то, что люди в эти дни встречаются, устраивают застолья — не вижу в этом особой беды и греха»*.

Застолье, блины — это ведь тоже неспроста! Смысл масленицы, конечно, не в разгульных гуляниях и бесчинствах. Особый смысл масленицы в совсем еще недавние времена, когда не было ни телефонов, ни электронной почты, был в том, чтобы люди в течение недели, предшествующей Прощеному воскресенью и Великому посту, успели съездить и сходить к своим близким и дальним знакомым и родным, попросить друг у друга прощения. А примирившись, испросив прощения, как не сесть за пир?»

Протоиерей Артемий Владимиров, настоятель московского храма в честь Всех святых б. Алексеевского монастыря, что

в Красном Селе: *«Масленица с ее русским гостеприимством и дает нам возможность потрудиться в деятельном милосердии. Общая трапеза имеет свойство смягчать и примирять сердца. А ведь не случайно последнее воскресенье перед Великим постом именуется прощеньем! Будем готовиться к нему, взаимно прощая и утешая всех ближних и дальних во славу Божию!»*

Игумен Петр Еремеев, ректор Российского православного университета, настоятель Иоанно-Богословского храма — Патриаршего подворья в Китай-городе:

«Церковное празднование масленицы имеет колоссальный миссионерский и просветительский потенциал. Почти 80 лет воинствующего материализма в нашей стране ударили и по православной духовности и по народной культуре. И если во времена дореволюционные мы действительно наблюдали, как отдельные церковные праздники в быту переплетались с порой дикими народными традициями, имевшими связь с языческим прошлым славянских племен, то сейчас об этом говорить не приходится.

Плохо, что у наших соотечественников практически стерта историческая память, совершенно утеряна традиция. Но именно это позволяет нам сегодня воцерковить реконструируемые практически на голом месте народные традиции и обычаи, используя огромный культурный потенциал Православия.

Масленица — это замечательная неделя. Общение с родственниками и друзьями за праздничным столом никому не повредит: есть возможность встретиться, постараться понять другого, с кем-то примириться, чтобы вступить в пост с чистой душой и чистой совестью. Масленица предоставляет родителям замечательную возможность подарить детям радость праздника. Праздник на улице — это вообще прекрасная возможность выйти из своих квартир, познакомиться, наконец, со своими соседями, ощутить себя членом большой человеческой семьи.

Убежден, что сейчас мы, священники, должны сделать все для того, чтобы центром празднования масленицы стал храм, соборная площадь. Сегодня во многих городах уже так и происходит. Сегодня, по большому счету, кроме Церкви и некому организовать народный праздник так, чтобы он получился не вульгарным, не примитивным. Если мы этого не сделаем, если Церковь в лице духовенства и активных мирян не начнет заниматься тематикой народных обычаев и традиций, то это сделают какие-нибудь неоязычники...»

Праздник на то и праздник, чтобы успевать замечать божественное, то, что Бог рассыпал для человека, для его глаз, ушей, обоняния... Серые технологии (те, которые отрывают человека

от живой природы, превращают его в машину, в инструмент) так ускоряют все процессы, что человек уже не успевает служить Богу, вкушая его дары (это тоже служение), чтобы быть благодарным... Бог постепенно вообще исчезает из жизни — закрученный суетой человек его красот уже почти не видит — некогда.

С другой стороны **праздник проявляет характер русского человека**. Раз здесь тройки, раз здесь катание с горок, то обязательно это борьба самолюбий, какие-то единоборства: А спорим, что съеду? А слабо?... Отсюда идет русская бесшабашность и надежда на авось, когда съехать с горки в 10 лет может тебе казаться самым важным событием, потому что этим что-то доказываешь на всю жизнь и себе и другим

Что формирует нашу душу? То, что запоминается. И не обязательно это серьезные глубокие воспоминания, это может быть и что-то мимолетное и даже грубое, может, даже какие-то ощущения тела. Запоминаются и **впечатления, связанные с обычаями, приметами**. Например, на картине Ю. Сергеева навстречу тройке идет женщина с ведром (если она была с полным ведром, то это к счастью).

А с другой стороны в праздник грех было работать и заниматься делами. Так что эта женщина, вышедшая по делу (за водой), может, потом вспомнила, что нехорошо делами в праздник заниматься, и с пустым ведром повернула домой. А тут навстречу тройка.

Идеально, когда картина через волнение пробуждает в нас родовую память. Важно, чтобы этот сельский сюжет всколыхнул в душе какие-то его **собственные воспоминания**. Картина — маленькое зеркальце России, потому что каждый помнит из детства подобный эпизод: кто-то катался с горки, кто-то смотрел на проезжающую тройку, кто-то стоял у храма и смотрел на колокольню, с которой лился малиновый звон...

Еще одна тема — сохранение того, чего уже нет. В центре картины — колокольня, которую «уронили» еще во времена коммуны, ее уже нет, а она всегда была главной доминантой в этом селе, своего рода точкой отсчета. Художник как бы сделал ее реконструкцию и показывает, как село выглядело с этим зданием, как гармонично оно вписывалось в пейзаж ...

Подобная картина как витамин для здоровья. Картина, которая весело работает, как деревенский праздник, когда все движется и во всем кипит веселая энергия.

Город тоже может кипеть такой веселой энергией, но там нет природы, нет этакой созерцательности и свободного пространства. Это, если сравнивать живое яблоко и

яблочную жевательную резинку, такое же количество калорий, а живого природного в яблоке полно, а в таблетке вообще нет.

Какой образ может быть таким яблоком? Слепок с неких вечных образов человеческой жизни (**образов-архетипов**): работа в поле (пахота, косьба) или в саду (сбор яблок, винограда), трапеза всей семьей, отдых на природе. **Архетип укрепляет в сознании зрителя некие вечные истины**, то, что люди веками наработывали, **в архетипе сосредотачивается энергия всех предыдущих поколений**. Скажем, застолье, во все времена люди садились за стол, и все предметы, и мебель, и люди мало чем менялись за столетия. Застолье — безусловно архетип, причем, с самым разным подтекстом. «Тайняя вечеря» ведь тоже застолье, а какой глубокий смысл...

Город с его сугубо практической жизнью, без созерцательности, стирает архетипы. Это происходит, когда человек в угоду выгоде и изменяющейся на рынке ситуации все время меняет форму деятельности, а в душе ничего не остается. И внешне вроде все есть, достаток, блага, а в душе пустота и вообще вкус к жизни исчезает. И пускается человек в развлечения, а после них та же душевная пустота. Потому что нет основы, а все новое, ни на что не нанизываясь, рассыпается. Люди рвутся на дачу. И, даже понимая, что экономически невыгодно копаться в земле, тратить массу времени, выращивая овощи и фрукты к столу, дешевле, учитывая дорогу и хлопоты, купить все это в магазине или на рынке. Но едут, потому что тянет. А почему тянет? Душа «тянется» за архетипами, просто мы этого не сознаем... Охота, рыбалка, грибалка... все это **природные архетипы**, укрепляющие чувство соразмерности в душе.

Таковыми же, только **социальными архетипами** являются цирк, зоопарк, планетарий, музеи, выставки, картинные галереи. Архетипами являются самые обычные действия, которые, повторяясь, становятся ритуалом: **умывание мужчины** (отца, мужа, сына) после работы, когда женщина (дочь, жена, мать), улыбаясь (ей нравится, как он умывается, ей приятно, что он пришел домой) подает ему полотенце (хотя он и сам в силах взять полотенце, и многие так и делают, не понимая, что лишаются чего-то очень важного), а дети это видят; это **семейная трапеза**, обед или ужин, когда мать разливает суп, а все ждут; это **семейный поход куда-нибудь** все вместе — за покупками, на стадион или на природу. И надо воспитывать у молодежи понимание ценности архетипов, тогда и они потом будут ходить в театры, музеи, на выставки и в картинные галереи, тогда начнут обращать внимание, какое удовольствие может доставлять

самое обычное действие, когда понимаешь, что это архетип...В жизни нам очень надо, чтобы некоторые вещи повторялись, чтобы это стало традицией, **тогда будет чем жить**.

Архетип — как батарея, как силовой трансформатор или силовая станция, **которая духовно заряжает человека**, чтобы он мог двигаться дальше. В городе архетипов мало, поэтому у горожан наблюдается упадок сил, ранняя утомляемость, депрессия. У многих американцев уже личные психоаналитики, без них не могут, не хватает энергии. В то время как деревенские жители в психоаналитиках не нуждаются. В деревне все держат традиции, а когда они перестают соблюдаться, все разваливается.

Почему родовое древо начинается с какой-то пары, а потом на каких-то парах умирает? Потому что эта первая пара, в отличие от других пар начинает держать традиции и передает их своим детям. Дети, которые продолжают традиции, держат на своих плечах **родовое древо**. И оно **будет жить до тех пор, пока традиции будут соблюдаться**. Неважно, какие, вытирать ли всегда ноги в прихожей и надевать тапочки, говорить одни и те же слова приветствия или на прощанье. Важно, чтобы все это делалось и всеми соблюдалось.

Если просто говорить, что это надо делать, детям это скучно. А, если объяснять, **что это держит жизнь**...другое дело. Когда вяжут носок, вначале делают сеточку для пятки, иначе он на второй день расползется. Скульптор, когда начинает лепить скульптуру, вначале делает каркас, а на него уже лепит глину.

А главное здесь это **образ деревенского праздника, который может стать частью духовного богатства человека, частью нашей духовной и душевной прочности**. Ни в одной нашей школе нет такого предмета как «Вечные ценности», нигде у нас не учат, что помимо материального еще более важен духовный капитал, что **впечатления надо копить с детства, как деньги, потому что в отличие от денег они при трате не исчезают, а остаются с нами на всю жизнь...**

Иванов день

Мы не видим сквозь время. Поэтому то, что до нас доходит из прошлого и становится фоном нашей жизни, зачастую кажется нам одним, а это совсем другое, целым, а это, может быть, всего лишь какая-то маленькая часть этого целого, как часть айсберга, больший объем которого находится под водой. А каким оно было, это прошлое, как связано с нами, что нам может дать, этого мы не знаем...

В городе искать истоки чего бы то ни было бесполезно, потому что здесь настолько быстрая жизнь, так незаметно и неслышно быстро все развивается, так много изменений, что все стирается. А вот в деревне, где жизнь неспешная, и изменений мало, прошлое может дойти до нас в большем объеме, сохраняя свои краски, ритм, тон...Дойти и чему-то научить.

Особенно ценны события, которые праздновали с древнейших времен наши предки. С одной стороны, потому что праздник — это веха в жизни народа, страница истории, необычный день. С другой особый день в календаре — это и в природе совпадение самых разных явлений, например, солнцестояние, максимальная энергия зеленой массы, активность насекомых, рыб, птиц, животных, какой-то временной стык. А главное — за тысячелетия у людей к каждому празднику сложился обряд, то есть череда определенных действий, которые придают событию сакральный характер, материальное наполняют духовным, а обычную жизнь делают необыкновенной.

Праздники-то до нас дошли, а вот обряды с ними связанные, затерялись в глубине истории. Тем интереснее совершить своего рода **духовные археологические раскопки**, то есть посмотреть какой-то конкретный праздник, как его сейчас празднуют, а потом по самым разным фактам да приметам понять, каким был праздник и сложившийся вокруг него обряд, что в нем важно и сейчас.

Например, Купайла, Иван Купала, Иван-травник или Иванов день, который с древнейших времен и по сей день на Руси празднуют 7 июля (23 июня по старому стилю). Обычно купальские обряды, совершаемые в канун праздника (ночь накануне Ивана Купалы) это: сбор трав и цветов, плетение венков, разжигание костров, перепрыгивание через костер, обливание водой, гадания, ночные бесчинства, поиск таинственного цветка папоротника.

А еще в ночь накануне Ивана Купала девушки опускали на речные волны венки с зажжёнными лучинками или свечками,

Обряд с венками в ночь на Ивана Купала

Хоровод вокруг костра — тоже традиция

вили венки из цветков Иван-да-Марьи, из лопуха, богородицыной травы и медвежьего ушка. Если венок тонет сразу, значит, суженый разлюбил и замуж за него не выйти. У кого венок дольше всех проплывет, та будет всех счастливее.

Еще одна особенность купальской ночи — очищающие костры. Вокруг них плясали, водили хороводы, через них прыгали — кто удачнее и выше прыгнет, тот будет счастливее. В некоторых местах через купальский огонь прогоняли домашнюю скотину для защиты её от мора. В купальских кострах матери сжигали снятые с больных детей сорочки, чтобы вместе с этим бельём сгорели и болезни. Молодёжь и дети, напрыгавшись через костры, устраивали шумные весёлые игры и бег наперегонки. Обязательно играли в горелки, в горящие лучины. У кого лучинка дольше погорит, та проживет долгую-предолгую жизнь!

Но были празднования Иванова дня и другие, от которых, к сожалению, осталось так мало сведений, что сейчас они нам кажутся местными и нетрадиционными. Между тем как в них есть нечто очень важное и ценное для нашего времени. Своеобразно празднуют Иванов день во Владимирской области в районе города Юрьев-Польской, где живет художник Юрий Сергеев. Этому событию и посвятил он свою картину «Иванов день».

«У нас в трех селах (Березники, Некрамоново и Красное), — рассказывает он, — праздник Ивана Купала или Иванов день каждый справлял в своем огороде или на овраге. В других селах — другие праздники. Скажем, не в эти три села, а в какое соседнее, например, Ильинское. Придет кто посмотреть на этот праздник, а ему скажут: «Ивана Купала? Нет, это не наш праздник, вы в Красное село идите.» А мы будем справлять праздник Ильи-пророка в Ильин день, то есть 2 августа. А придет кто в Ильин день справлять этот праздник к нам в Красное село, никакого праздника тут не увидит, а ильинские возмутятся: «Вы что, идите к нам!»

Как у нас в России празднуют Иванов день? Обычно везде это ночное купание, прыжки через костер, влюбленные парочки. А у нас не традиционно, не так, чтобы все было связано с огнем или с водой, хотя есть и места для костров, и водоемы, и родники. У нас это скатерть-самобранка.

Что значит скатерть-самобранка? Как все это выглядит? Выбирается красивое место, чтоб всем нравилось. Находят маленькую красивую березку, и возле нее расстилается скатерть. Если березки поблизости нет, то ее все равно где-то находят, рубают и ставят возле скатерти.

Когда место выбрано, березка поставлена, а скатерть растелена, все садятся по кругу. И выставляются первые продукты с огорода, кто что принес: молодой лук, молодая картошка, черный хлеб, соль, кусочки сала, свежие, вареные вкрутую яйца, яичница, крошку, молодой чеснок, огурцы. Самогон на травах, кисель, квас, чтоб выпить и запить.

Что делают? Ходят босиком по траве и по земле. Лежат на траве-мураве. Выпивают, закусывают. Общаются, поют сельские песни, все, кто какие знает. Например:

*«При лужке, при лужке,
При знакомом доле,
При знакомом табуне
Конь гулял на воле...»*

Такая песня очень даже ложится на этот луг. Он от нее весь как будто гудит...

А когда выпьют, поедят, наговорятся, напоятся, то все идут собирать травы: например, купальницу (она похожа на бубенчик на дуге лошади). Сбор этой самой купальницы — у меня в центре картины «Иванов день», потому что только в этот день чествуют этот цветок.

Собирают и другие лекарственные травы. Одна — медуницу, вторая — шалфей, третья — жабную траву (с желтенькими цветочками) — от кашля, от горла, четвертая — Иван-чай, розовенький. Кто-то собирает цикорий, от него в этот день все вокруг фиолетовое. Вяжут веники и вплетают в них июльские цветы, чтобы был дополнительный душистый запах.

Человека в деревне всегда со всех сторон окружают травы. Проснешься, в окно заглядывает черемуха. В чуланах с балок свешивались связки лука, чеснока, разных трав: мяты, Melissa, череды. Запах шел от сена. Даже циновка на полу соломенная. В щах, борщах, супах — петрушка, укроп, сельдерей. В чашке — чай из разных трав. В углу стоит веник из веточек проса. Вокруг иконки — веточки вербы. А в городе трав в чистом виде уже и не осталось — все настолько переработано, что сломана молекулярная структура, то есть программа, так что это уже не трава, а нечто другое.

Я нарисовал то, что запомнил с детства, что на этом празднике повторяется постоянно, превратившись как бы в символы этого праздника. Молодая березка, наряженная бантиками. Завивание кос на березке. Заготовка березовых веников для бани, потому что в это время уже у березы свежие и особенно клейкие листья.

Когда приходишь в лес или в поле, сняв обувь, скинув пиджаки и куртки, ложишься на траву, то оказываешься в детстве, когда

у тебя нет долгов и ты всю ответственность с себя скинул... Это свобода, праздник души, праздник духа. И люди сейчас приходят на скатерть-самобранку именно с такими мыслями.

Я хотел показать этнографический обряд, о котором мы уже почти ничего не знаем, а то, что от него осталось, это только крохотная часть. А иначе, как объяснить, почему этот обряд празднуют только в трех селах, где есть родниковые ключи. И проходит праздник в березовой роще у воды... Значит с этими ключами и с водой были связаны какие-то действия. Это очевидный фрагмент, остатки прежнего старого языческого обряда, культа воды: гадания на ручье, умыкания невесты от ручья или славянские игры, после которых традиционно накрывается стол — скатерть-самобранка. Сам обряд не исчез, а осталось его завершающее последнее звено ... И почему участвуют в этом обряде в основном женщины, а мужчин почти и нет? Этакая совместная бабья пирушка, бабья братчина, праздник баб и девок...

Я сам был на этих праздниках. Сколько себя помню, много лет они не вытравляются ничем.... И хотя в этот же день в храмах празднуют день Иоанна предтечи, то есть заметный двенадесятый церковный праздник, который, казалось бы, должен отодвинуть на задний план остатки более древнего праздника, но нет, не отодвинул — народ утром идет на службу, а потом в огороды, расстилать скатерть-самобранку и сидеть, петь любимые старые песни...

О чем все говорят за столом-скатертью? Обязательно о празднике, вспоминают прошлогодний: «вот в прошлом году было то-то и то-то...» Молодежь спрашивает бабушек, как раньше справляли этот праздник, И бабушки рассказывают. Вспоминают, что им рассказывали их бабушки. Еще когда жили при помещиках.

Говорят о бытовых проблемах. О том, например, что этим летом одолели комары, замучились от них спастись. Пока кто-то не догадался ставить в комнате кувшин со стеблями полыни. Комаров как след простыл. А кто-то, чтоб чистое белье пахло по-особому, в шкаф положил пряно-душистые стебли полыни.

Кто-то рассказывает, как какие травы собирает, и как какие сушит. Скажем, вот эти сушат только в тени от бани. А вот эти подвешивают в чулане. Кто что из трав делает, скажем, из укропа — заготовку для рассола, из клевера — варенье, а из ревеня — компот. Говорят о том, что когда можно сеять, а когда — нельзя. Скажем 26 июня, в День Акулины, нельзя сеять огурцы — не успеют вызреть. Кто-то рассказывает, как из крапивы варит борщ.

Говорят и о том, какой травой кто что и как лечит. Тут эту тему все подхватывают, и каждый что-то вспоминает...О том, например, какая трава помогает от бесплодия, какая — от веснушек, какая — от заикания. Кто чем лечится, когда десны кровоточат, кто чем — когда отечность. Да мало ли у кого каких болезней да недугований.

Говорят о чудодействии разных трав — мол, стоит приложить к губам зверобой, вдохнуть ее запах и вскоре встретишь суженого.

Говорят о том, когда какую траву собирать. Скажем. 7 июля — с 4 утра до полпятого, как сказала бабушка, собираем медуницу, с полпятого — чабрец, а с пяти — Иван-чай. Почему? А потому, что каждая трава имеет свое время. «Она тогда в росе, вся клеккая, живая, в ней вся сила. А позже она подсохнет и потеряет часть своей силы, будет как веник. Хотя и веник тоже надо собирать в нужное для него время...»

Одна из женщин у меня на картине (слева) так и делает — прикладывает и вдыхает... Она нарвала бубенчиков, сейчас будет плести венки...И девочка делает себе веночек, точно так же как бабушка рассказывает, и примеряет его на себе...А другая (спиной к нам) слушает, какой был праздник Иван-травник раньше, как завивали березку (двое справа здесь завивают)...Девочки спрашивают: «как это, завивали?» «А вот, — отвечает бабушка, — прямо наклоняли (как на картине), брали несколько веточек и из них заплетали косу.» Девочка не отстает от бабушки: «А женщины плели венки?» «Нет, — отвечает та, — замужние не плели, им нельзя, только кто замужем не был...И надевали веночки на голову только незамужние...»

Бабушка, отвечая на вопросы лежащей молодухи, вспоминает, как Иван-травник раньше у них проходил... как собирали травы, которые «так и пахли медом», как венки плели...Бабушка, как древний волхв с посохом, всех ведет, всем глаза открывает. Она рассказывает: «Мы одевали чистые платочки, сарафанчик, летние наряды и шли по травы...Это ведь лето, танец цветов... Почему и говорят: «Сколько ты лет прожил?» Не сколько зим, а сколько лет...сколько таких дней Ивана Купала...сколько таких райских дней видел...столько раз видел рай...»

Собирать травы, вдыхать их запахи, поражаясь разнообразию, оттенкам, изучать...бабушка должна этим девчонкам передать то, что знает. А они не знают, что делать среди этого рая. Хотя уже хорошо, что девчонка в оранжевой юбочке ловит каждое бабушкино слово. Та ведь не только учит, как и что делать. Она еще и передает духовное — говорит, что с растениями надо общаться, разговаривать, слушать, понимать. «Травники,

— говорит она, — вон, когда травы собирают, с каждой травой разговаривают. Обращаются уважительно (травы-матушка), читают молитву».

Солнце, краски, запахи, звуки, воспоминания... Две женщины лежат, одурманенные блаженством от такого райского дня... от такого лета, от звуков, от запахов, от великолепия природы... С самой зимы ждут, такого рая, чтоб вот так плюхнуться в траву, раскинуться, руки-ноги вытянуть... и млесть, зная, что в Иванов день, в Травень-день, от трав, их особо сегодня плещущей энергии они молодеют, становятся красивее, неотразимее...

Они делятся друг с другом секретами травяной косметики, рассказывают, как убирают морщины такие-то настои и отвары, как снимают усталость, какие надо маски на лицо и тело делать, из чего, в каких составах... Тут целая наука со своими тонкостями и опытом наблюдений...

Мужчина рядом не встречается в эти бабьи разговоры. Знай себе махает топором. Ему это все мелочи. Мужичий ум, он должен существенней проблемы решать. Его вот позвали березку срубить, да веников березовых для бани наготовить.

Баня-то совсем другое дело... Вопрос жизни, как заново родиться, как впервые на свет являешься. Тут тоже свои травяные секреты... От того, какие травы заварить, когда какой отвар на камни плеснуть, да венчик в них окунуть, многое зависит...»

Можно ли среди наших древних обычаев, традиций и обрядов найти тот, остатки которого дошли до нас в виде скатерти-самобранки, что до сих пор раскидывают на Иванов день жители трех сел в районе Юрьево-Польского? Если полистать сборники народных обычаев и этнографических обрядов, то ближе всего по описанию подходит к обряду, о котором говорит художник, праздник Троицы. Ему посвящает целую главу в своей книге о русских обрядах и обычаях, вышедшей в 1913 году, известный отечественный писатель-этнограф Сергей Васильевич Максимов (1831-1901).

«В народной традиции, — пишет он, — праздник Троицы, 23 июля, связывался с почитанием растительности, расцвет которой приходился как раз на это время. Символом праздника, главным атрибутом многих обрядовых действий была береза. На растущих березах обычно «завивали» ветви, переплетая их друг с другом, с травой, цветами, лентами, полотенцами.»

Вот, оказывается, почему «скатерть-самобранку» расстилают до сих пор именно возле березы, а, если ее нет, то ее срубают и приносят.

Писатель рассказывает, что в ряде мест на Руси березы не только срубали и ставили, как культовый символ, возле кото-

рого расстилалась «скатерть-самобранка», но и украшали, рядили в девичью или женскую одежду, совершали с ними обходы засеянных полей, лугов, деревень, изб, возле берез устраивали трапезы. **Участники трапез, проходивших около берез, проводили ритуальное «кормление» дерева.** Девушки кумились с березой и называли ее в течение праздника «кумой». Использовали березу и в гаданиях.

Почему считалась христианская Троица в народе праздником женским, девичьим или «бабьим»? Потому что этот праздник в народном сознании ассоциировался с женским началом, границей девического созревания, готовности быть женщиной, способность рожать. Тем самым **женщина отождествлялась с землей, ее щедростью, с самой природой,** фантастически обильно и разнообразно наполняющей мир растениями, насекомыми, рыбами, птицами, животными, людьми. Поэтому каменные бабы, до сих пор встречающиеся в самых разных уголках земли, это отголоски культа одновременно и женщине и земле и природе. Вот почему, видимо, мужчины как правило не допускались к этому культу точно так же, как в языческие времена в храмах, посвященных богиням-женщинам, служили только женщины.

Кроме того **в мифологическом творчестве русского народа береза выступает как Мировое древо,** которое является центром мироздания, универсальной моделью Вселенной, родовой богиней-деревом. Культ этого дерева уходит корнями в глубь времен, ему поклонялись еще угрофинны. Цветы, тряпочки и ленточки, вплетаемые в ветви дерева и в березовые венки, должны были, по представлению наших предков, способствовать зачатию, то есть превращению девушки в женщину. Поэтому девушки, плетя венки, надевали их на голову и носили, надеясь скоро выйти замуж и стать матерью.

По народным представлениям, береза и ее ветви обладают особой растительной силой, что связано с природными свойствами растения — на березе листья появляются раньше, чем на других деревьях. В период начала расцвета природы дерево тщательно оберегалось: повсеместно существовал запрет «колошить» (ломать) березу. Он соблюдался до праздников Семик-Троица, которые в народном сознании связаны с моментом наиболее бурного роста зелени, когда возникала возможность передать силу дерева земле (полям), что является жизненно необходимым людям.

С этой целью совершали ряд обрядовых действий с березой: ее выбирали, завивали, вырубали, украшали, обносили вокруг полей, деревень, домов, вносили и устанавливали в

поселениях и домах, оставляли в полях, бросали в водоемы. Действия с березой должны были обеспечить поля рождающей силой и влагой (будущим дождем), необходимой для всхода и роста посевов. При этом исполнялись песни, которые носили характер магического заклинания на урожай.

К живительной силе березы приобщались и через березовые венки: в Троицу их носили в основном девушки и молодые женщины, в некоторых местах их надевали и на животных.

В весенне-летних обрядах, также как в поверьях, фольклорных текстах, береза является символом женского начала. В это время девушки и женщины относились к ней, как к своей покровительнице — просили у нее доли, кормили ее, посвящали в свои тайны, обращались к ней с пожеланиями, умывались ее соком для красоты и здоровья.

Например, в Костромской губернии девушки верили, что, если сесть в тень Троицкой, то есть украшенной березки, загадав желание, — оно обязательно исполнится, а если сесть первой в тень завитой березы, то выйдешь замуж в текущем году. В образе березы женщины и девушки обращались к божеству-прародительнице, которое обладает силой наделять их потомством.

На Троицу девушки надевали самые лучшие наряды, нередко сшитые специально для троицких гуляний. Повсеместно головы украшали венками из свежей зелени. К этому дню были приурочены ритуальные действия, совершаемые образующимися в весенне-летний период временными объединениями девушек и молодых: начальный или финальный этап кумуления, крещения и похорон кукушки, ряд обрядов с березой, коллективный сбор лекарственных трав.

И все эти девичьи ритуалы непременно сопровождала трапеза, которая предполагала коллективный сбор продуктов: в складчину или по домам односельчан. Главными блюдами были яйца и яичница — символ не только женского созревания, но и жизни вообще. А использование зелени в праздничных ритуалах связано с народным представлением об особой магической силе растений в период их наивысшего роста и созревания, приобщение к которой должно было способствовать получению урожая и дальнейшему благополучию.

Для изготовления троицкой березки дерево обычно выбирали заранее. Девушки шли в лес и присматривали молодую, кудрявую березу с длинными ветками или с двумя вершинами. Иногда ее отмечали каким-либо памятным знаком, например, «заламывали» верхушку, то есть надламывали. В на-

значенный день отмеченное дерево срубали или выкапывали с корнем. По обычаю рубкой обрядового деревца занимались парни, а девушки только присутствовали при этом.

Срубленную березку тут же в лесу, в роще, на близлежащих полянах и лужайках, или, после перенесения в поселение, на улице или в чьем-нибудь доме украшали. Украшениями служили предметы девичьего костюма: ленты, платки, пояса, бисер, бусы, косники, венки, снятые иногда непосредственно с участниц, а также заготовленные заранее нитки, лоскуты, травы, цветы, конфеты. Все это девушки вешали на дерево или привязывали к его ветвям и к стволу.

Около троицкой березки устраивали и ритуальную трапезу, основным блюдом которой были яйца и яичница...

Об обычае ритуального кормления троицкого деревца упоминается в челобитной нижегородских священников: «жены и девицы приносили в жертву березам пироги, каши и яичницы». В Шарьинском районе Костромской области первую ложку каши давали березе, а потом ели сами, также поступали с яичницей и пирогами.

Венки прямо на деревьях делали девушки и молодые женщины — выбирали молодую березу, ветви которой заплетали в виде кольца, завивали сообща один на всех или парами, а также индивидуально: каждая для себя... Украшали и скрепляли венки живыми цветами и травами, лентами и полотенцами. Потом эти венки использовались в обрядах (кумления, крещения, похороны кукушки). Через венки девушки попарно целовались, обменивались подарками...

Что-то из древних обычаев уходит, что-то остается. Что именно?

Култ — это всегда поклонение чему-то: Богу, природному явлению, дереву, человеку, животному. В Белоруссии от культа дереву остался обычай, который встречается и сейчас. Накануне Иванова дня по солнечному заходе вбивают кол в землю; обкладывают его соломой и коноплей, а на самый верх тоже кладут пук соломы, называемой Купалою; лишь только стемнеет, зажигают солому, подбрасывают в этот импровизированный костер березовых сучьев, и начинаются игры и потехи.

Иногда древний обряд преобразуется в шуточный култ в духе современной рокпопкультуры. В некоторых местах, где современные славянские общины проводят свои собрания и праздники, на Иванов день, выбрав из своей среды самую красивую девушку, подруги раздевают ее донага, опутывают с ног до головы венками и цветами, завязывают

глаза и ведут в лес, где она, получившая на этот раз прозвище «дзевко-купало», раздает заранее приготовленные венки, в то время как веселый хоровод двигается вокруг нее. Кому попал свежий венок, та будет жить богатою и счастливою жизнью, замужем, а которой достался увядший венок, той счастья не видать.

Истоки современного праздника Иванова дня в трех селах возле Юрьева-Польского можно найти и в православном праздновании дня жен-мироносиц, отмечаемом еще сто лет назад в разных районах России в третье воскресенье после Пасхи. Этот день тоже почитался за бабий праздник, когда все женщины — именинницы. Поэтому в одном месте (в Нижегородской губернии) его называли бабьей братчиной, в другом (в Кологривском уезде Костромской губернии) — бабьей неделей, в третьем (в Курской губернии) — маргосками, то есть кокетками. Приметы и традиции те же: завивание берез, плетение венков, кумление, обрядовая еда — готовилась общая девичья или бабья яичница, затем пели весенние песни.

То есть получается, что стихийно отмечаемый в наше время праздник в силу самых разных причин, как лоскутное

Ю. Сергеев. «Иванов день»

одеяло, вбирает в себя праздники из самых разных времен: и христианских и языческих, но в нем остается и доходит до нас главное — какое-то важное соответствие, соотношение человеческого и природного, человека и дерева. И это интуитивно выразил художник на картине «Иванов день».

Все из чего рождается жизнь — это женское начало, поэтому женского рода такие слова, как природа, земля, женщина, вода. Само рождение живого — это чудо. И момент способности к рождению, который рано или поздно наступает, поэтому тоже очень важен. В воде, в земле, в природе показать этот момент сложно, проще — на женщине. На картине «Иванов день» этот момент и запечатлен.

Перед нами четыре возраста женщины: девочка (две девочки рядом с бабушкой в центре картины), девушка (двое справа завивают березку, еще одна рядом вяжет веники для бани), женщина (двое слева лежат, одна между ними вдыхает букет купальниц) и старуха (одна на переднем плане с посохом и букетиком цветов, другая спиной к нам собирает лечебные травы). И каждый возраст — это последовательно то или иное состояние природы, которые неизменно сменяют друг друга, как после зимы (старуха), приходит весна (девочка), ее сменяет лето (девушка), а затем наступает осень (женщина).

Но здесь, на картине, выхвачено самое фантастическое состояние природы — девическое, когда она обретает способность к рождению.

С древнейших времен люди пытались передать и закрепить это состояние творчески — рисуя женщин с большим животом на камнях и на стенах пещер, вырезая такие же фигурки из камня, лепя их из глины, создавая сложные обряды с ритуальными действиями и песнями. Кусочек одного из таких обрядов, сильно видоизменившись, дошел до наших дней. И художник его нарисовал.

Какая польза нам смотреть на современное празднование Ивана Купалы, Иванова дня, Ивана-травника? На этот вопрос отвечает картина художника с ее главным ощущением, что все вокруг нас живое, а живое — это вода, воздух, деревья, трава, цветы, солнце. Все живое — это природа, ее храм, в котором если вести себя как в храме, то есть благоговейно, смиренно и почтительно, то и храм будет стоять. А жрицами в этом храме суждено быть женщинам, потому что они, как и природа, как и деревья, дают жизнь. Но кто будет напоминать нам о том, что природа — это — храм, а не мастерская и тем более не хлев? Конечно, они, жрицы. А, если не будет жриц, не будет и храмов...

Праздник урожая

Славянское слово «обряд» само по себе означает «наряд», «одежда», то есть украшение и облачение в форму действий наших предков, без которой раньше ничего не делалось. К действию как бы пристраивалось духовное начало, что можно сравнить с символическим процессом вдыхания Богом души в созданного им человека. **Обряд был как бы волшебной машиной, переводящей с помощью определенных механизмов материю в иную реальность**, привязывая событие к невидимому циферблату природы. Мы и сейчас, утратив ту веру, которой верили наши предки, даже не желая того и не задумываясь, чисто машинально, совершаем обряды: ухаживаем и принимаем ухаживания, встречаем и провожаем гостей, участвуем в свадьбах и похоронах.

Обряды пронизывают каждый шаг верующих в православной церкви, мусульманской мечете или еврейской синагоге. И по мере обретения утраченной духовности обряды будут занимать в нашей жизни все большее место, потому что **включение в нас высших духовных центров происходит именно через обряд**.

Конечно, в каждом обряде свои механизмы и действия, свой ритм и свои паузы. Но есть и общие закономерности, свойственные всем обрядам без исключения, то, что работает, как говорят, на вечность.

«Суть обряда в том, — как пишет автор многочисленных работ по обрядам Анастасия Клопыжникова, — что вещественное, здешнее, сегодняшнее — на какое-то ограниченное время и в какой-то мере — приобщается к неведущему, нездешнему, вечному и освящается им. Такое приобщение с трудом постигается рассудком, но и само по себе оно парадоксально и сродни чуду.»

Каким же образом происходит это приобщение к вечному? Как отмечают все ученые, изучающие обряды, это:

выбор подходящего места, его очистка и приготовление,
размещение обстановки и нужных предметов
выбор тех, кто может участвовать в обрядах или посещать их,
и уровень уединения, требуемый для обрядов.

Это и выбор соответствующих инструментов, которые обязательно должны быть связаны с четырьмя элементами-стихиями — огнем, водой, воздухом и землей. Причем, пятым элементом или духом, является человек, совершающий обряд.

Каждая стихия — символ, работающий на невидимом тонком плане.

Жезл (Огонь) — символ желания или намерения. Он концентрирует энергии ритуала и используется в ритуалах вызывания и воскрешения.

Чаша (Вода) — символ интуиции.

Кинжал (Воздух), меч или маленький клинок — символ Ума. Он используется, чтобы сдерживать энергии и создавать символы и знаки.

Пентакль (Земля) — символ тела или физической формы. Он используется для приручения вызванных сил, иногда его заменяли на сосуд с солью и водой.

Вспомогательными инструментами обряда могут быть факелы, благовоения, свечи, колокольчики. Благовоения очищают воздух и устанавливают настроение. Они могут также использоваться для проявления духовных (тонких) сил и проецирования образов. Факелы и свечи традиционно используются, чтобы дать свет и нужный ритм. Колокольчики фиксируют начало и завершение обряда.

Магический священный круг очерчивается движением участников обряда по кругу и происходит всегда по часовой стрелке, благодаря чему происходит накопление и наращивание энергии. Перед окончанием ритуала — тоже своего рода микрообряд, действия, направленные на распределение энергии таким образом, чтобы излишняя сакральная энергия рассеялась, не причинив никому вреда.

Завершающим этапом обряда и ритуала, является, благодарность за помощь высших сил, прощание с ними перед тем, как они вернутся в свои привычные места обитания.

Такова общая схема, инструменты и элементы обряда, которые в каждом конкретном случае меняются. И это зависит от тысячи причин: погоды, ландшафта, участников, предметов и так далее. Поэтому один и тот же обряд в деталях каждый раз может выглядеть по-новому.

Древнейший обряд, проходящий через культуры всех народов мира — Праздник урожая.

Он был и у древних египтян, и у кельтов, и у майя, и у наших предков славян. **Одни и те же действия в обряде, как буквы в алфавите, или даже целые фразы.** Потому что каждый состоит из блоков,

В каждом колоске таится волшебная сила, которая в обряде просыпается

которые должны включаться один за другим, усиливая проходящий по цепи сигнал. В результате пространство электризуется так, что в конце-концов меняет свою структуру, с материальной — на духовную. Но для этого в каждом действии должны были быть соблюдены все детали. Что-то будет сделано не так, что-то будет не соответствовать, цепь разомкнется, и уже вся магия улетучится.

В августе заканчивается **уборка и переработка урожая** пшеницы, ячменя, проса и других зерновых культур, которая началась в июле. Это радостное и важное для земледельцев событие широко отмечалось нашими древними предками по всей Европе. Славянские народы сначала отмечали **Зажинки** — начало сбора урожая, **день первого снопа**. Более пышно отмечали **Дожинки** (Дожынки, Спожинки) — день окончания жатвы, **праздник последнего снопа**. Дожинки выпадали на 7 число святовита (последнего летнего месяца) — это примерно конец августа по современному календарю.

Кельты, германцы обычно 1 августа (15 августа по новому стилю) отмечали праздник урожая Лугнасад (Lughnasadh) или Ламмас — один из самых значимых праздников годового цикла, который всегда проходил с разнообразными игрищами, песнями и плясками. Зажигали на холмах костры и танцевали вокруг них. Главным блюдом на Ламмас являлся хлеб во всех его вариациях, а также фрукты и орехи.

На Зажинки собирание колосьев для первого снопа — тоже обряд

В процесс жатвы язычники вкладывали большой смысл, а последний сноп собирали вскладчину, думая, что в нем находит пристанище «дух зерна» или «дух поля». Этому духу приписывали способность оплодотворяющего влияния на все живое.

В своем фундаментальном труде «Золотая ветвь» английский этнограф Д. Фрезер замечает: «дух хлеба влияет на женщин, отсюда обычай подносить Сноп-Матушку, напоминающий по форме беременную женщину, а также убеждение, что женщина, которая вяжет последний сноп, в следующем году родит ребенка или что лицо, которому достался этот сноп, в ближайшем будущем женится или выйдет замуж.»

В Шотландии Ламмас отмечают до сих пор — это праздник урожая и Матери хлеба, но одновременно это и праздник Бога хлеба, чья жизнь приносится в жертву во время жатвы.

Одна из древних традиций праздника — каравай Ламмаса, который пекут из последнего сжатого снопа. Считается, что в этом хлебе живет дух Бога хлеба. Последний сноп жала группа людей, чтобы никто не мог определить, кто же на самом деле убил Бога, ради богатых урожаев в будущем.

Кроме каравая на Ламмас традиционно мастерят небольших куколок из соломы, которые олицетворяют с собой Боги-

Зинаида Серебрякова. «Дожинки»

ню. Эти куклы обычно сохраняются и после праздника — их вешают над порогами в качестве оберегов.

В дни праздника урожая земледельцы и скотоводы устраивали ярмарки растительной продукцией и скотом, заключали сделки на весь следующий год. И сейчас в первое воскресенье августа во многих странах Европы проходят фермерские ярмарки, на которых показывают животных, торгуют сельскохозяйственной и традиционными поделками, а также развлекаются и играют в различные, в том числе и очень древние, игры.

Философский смысл праздника урожая заключался в **напоминании об окончании жизненного цикла и смерти**. Смерть в старом качестве — необходимое условие возрождения всего живого и начала новой жизни (славянская Златовласка умирает со сбором урожая, чтобы вновь воскреснуть будущей весной).

Фестивальный праздник «Зажинки» — праздник уборки первого снопа — до сих пор проходит и в России, причем, в разных регионах, например, в селе Крохалёво Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа. Гости могут поучаствовать в обряде уборке ржи, познакомиться с коми-пермяцкой кухней и принять участие в конкурсе: на самый красивый сноп, на самого сноровистого жнеца, на самый вкусный квас, на самый оригинальный каравай.

Российский археолог и этнограф Александр Терещенко (1806-1865) в своей книге «Быт русского народа» так описывает **Зажинки**: *«когда поспевают жатва, зажиточный(!) хозяин дает пир своим соседям: угощает водкою и пирогами и просит их помочь ему в собирании хлеба. Многие служат молебны и потом окропляют поля и жнецов святою водой. Хозяин или священник берет серп и делает начаток; первые снятые колосья называются зажинками. Их хранят до будущего года».*

Право начать жатву могло также предоставляться старшей женщине в семье или жнице, известной своим благочестием.

Особой значимостью обладал первый сжатый сноп — его украшали цветами и лентами, торжественно пронесли по деревне и ставили в красный угол. Сноп этот назывался по-разному: Именинник, Зажинец, Пращур, Дед, Прадед и потом неоднократно использовался в различных обрядах.

По свидетельству другого российского этнографа и писателя Юрия Миролюбова (1892-1970), благодаря которому была найдена и дошла до нас Велесова книга, *«Пращур (то есть такой сноп) был изображением Бога и, в то же время, даром Ему. В Колядки, то есть зимой, его носили на вилах от дома к дому и, входя, ребята начинали словами: «Слава Пращуру!»*

Затем пели Колядки. Взрослые же, обмотав Колесо соломинами Пращура, зажигали и гнали горящее Колесо по дорогам, через сугробы, в знак близкой весны и тепла.

Один из элементов Праздника урожая — **Старинный ритуал «завивания Николиной бороды»**, когда расчесывание волос символизирует **изобилие**, волнообразное движение материи, частичек, слившихся в одно целое — волну. Вот почему ведущий обряд волхв должен был обязательно иметь длинные волосы и бороду — символ изобилия. Последний день жатвы, называвшийся «дожинки», понимался как окончание родов земли. Люди пели песни, в которых славили ниву и Бога:

*«А слава Богу до Нового году,
Слава Богу, ниву пожали,
Страду пострадали!
Слава Богу до Нового году!»*

Обряд мог называться и «**завязывание бороды**», когда колося заплетались в одну или несколько кос, и из них получался «сноп-именинник», вокруг которого можно было водить хороводы, посыпать зерном, поливать пивом или сжигать в честь Ильи-Пророка со словами:

*«Мы тебе даем, Илья, эту бороду,
а ты дай нам зерна».*

Верили, что если зерна с «бороды» поест девица — замуж выйдет, если парень — то женится, если баба — то родит, если корова — то понесет.

Какой-то элемент обряда, его символ, мог быть «впряжен» на весь год, чтобы работать на семью, выделяя энергию, сконцентрированную в материале — горстке сжатой соломы, которую старший в семье, сохранив после окончания жатвы, собрав все серпы своих родичей, ею же обертывал эти серпы и, принеся их домой, клал в передний угол до следующего лета.

Еще один элемент Праздника урожая — **обряд кормления стихий**: земли, воды, воздуха и огня, когда в воздухе или на воду разбрасывается зерно или рассеивается мука, проливается пиво или квас, какие-то продукты (яйца, творог, хлеб) закапываются в землю или бросаются в огонь.

Образы стихий могли быть материализованы, то есть сделаны из разных материалов, чтобы и люди с бедным воображением могли на них настраиваться и боготворить их.

Это и было как бы боготворение, позволяющее тут же к этим природным духам мысленно и обращаться через песни, гимны, приветствия, благодарения. Лучшие обращения, возникавшие спонтанно, в момент духовного озарения, запоминались, что-

бы потом стать постоянным сопровождением обряда. Если Дух откликался, и все чувствовали эту мощную возникшую энергетическую связь, Он становился своим постоянным Богом, частью Пантеона.

Роль Богов могли играть ряженые в них волхвы. Поскольку **через ряжение человек обретал новые способности**, отчасти усваивая свойства изображаемого им образа, то, исполняя роль Бога, волхвы приобретали божественные свойства.

На картине художника Юрия Сергеева «Праздник урожая» как раз и передан обряд, когда он в самом разгаре. Здесь традиционно маски и ряженые, как нечто обязательное во всех славянских обрядах, потому что **стирание границы между реальным и горним миром небезопасно** для любого человека, **личина же оберегает**.

И здесь также медведь, тоже своего рода ряженный, только по-настоящему превращенный в животное. У участников вместе со страхом теплилась и надежда — может быть, именно в этом обряде, на празднике урожая, он снова станет человеком...

Ю. Сергеев. «Праздник урожая»

И, конечно, дудки, пищики, рожки, ложки. **В обряде музыки играет огромную роль.** Потому что оживает невидимый духовный мир, а музыка по своей природе неплотна, эфемерна, как мысль, потому и невидима.

Всегда пели песни: «*хлебные, льняные, конопляные*», как перед посадкой, так и после сбора урожая. При этом **не менее важную роль, чем музыка играл ритм**, поскольку у каждого процесса в природе свой ритм, свои частоты, свои волны, и было важно попасть в этот ритм. Тогда и тяжелая работа может делаться легко, весело, быстро, незаметно. При не попадании же в ритм и легкая работа давалась тяжело. Поэтому любой обряд на празднике урожая имеет свой ритм. Поэтому сельские женщины так любят напевать во время работы — настраивая песню, они улавливают ритм процесса, стараются попасть с ним в унисон, и, попав, черпают в возникающем резонансе дополнительную энергию.

Под музыку и в определенном ритме танцует парень, с посохом (руку поднял), он, видимо, ведущий. Хотя он не выделен главным. То, что главного здесь нет (раньше главными в обрядах были волхвы), говорит о том, что этот праздник, начатый им, волхвом, уже идет без него. Обряд уже закончился, ведущий всех «заворожил», а теперь люди уже сами, заведясь и не имея сил остановиться, продолжают «искрить». Обряд ввел их в новый цикл жизни, до следующего праздника.

Этот осенний праздник урожая запомнится на весь год каждому ряженому. И желтым глазом Луны — всевидящим оком Перуна, и живым дыханием святой рощи с деревьями, украшенными вышитыми рушниками-оберегами, и обрядным очищающим костром, через который все прыгали, и запахами душистых трав, которые все время подбрасывал в огонь волхв, и заповедными словами-гимнами Богам, которые все пели...

В празднике-обряде должны обязательно сохраняться все традиционные его **элементы**. Здесь, в празднике урожая, это: **образ урожая** — скажем, Бог или Богиня в виде снопа, украшенного плодами, овощами, злаками, ягодами...,

чествование Богов или Бога, дары в их честь (подарки, единоборства, игры, речи, стихи, песни, хороводы, песни, танцы),

объединение с той или иной стихией, а затем **просьба или мольба** (песни, танцы, речи),

посвящение молодых в знающие,

трапеза или награды,

и, наконец, **благодарность**.

Все европейские средневековые танцы вышли из обряда. Матросский танец *«жига»*, в котором передаются все профессиональные движения матроса, то есть показана профессия. И точно также такие танцы как *«сарабанда»*, *«алеманда»*, *«куранта»*, *«гальярда»*. То есть, какой ни возьми, это — схема обряда. А несколько таких танцев вместе — тоже обряд, но имеющий уже более сложный смысл. Вот почему все сюиты старинной музыки состоят из одних и тех же танцев: *«сарабанды»*, *«алеманды»*, *«куранты»* и *«гальярды»*. **То есть музыка вся состоит из обрядов.**

Та же обрядность — в восточных единоборствах, когда соперники перед боем чествуют друг друга, а после боя друг друга благодарят, и в славянских поединках, например, на современном празднике урожая в славянской общине «Колосвет» под Можайском, где парни бьются на мешках с соломой (символ плодородия), а потом хлопают друг друга по плечу.

Здесь, на картине «Праздник урожая», показан момент **чествования** Богини урожая Макоши, которую играет девушка с длинной косой, одетая в кафтан с длинными рукавами. Именно из таких рукавов в русских былинах и вылетали при их взмахивании разные яства, как из рога изобилия. В честь Макоши играют дудочки, ударяет посохом ведущий, стучат друг о друга ложки и трещат трещотки, задавая ритм.

Республиканский фестиваль Дожинок в Лиде (Беларусь)

Этот ритм уже утомил мальчика с калиной, который перестал плясать вместе со своим «конем» и бредет в очаровании, отправляя в рот горькие и острые ягоды.

Были здесь и **единоборства**. Было и **объединение со стихией**, то есть с землей, когда обнаженные женщины катаются по сжатой полосе, приговаривая: *«Жнивка! Жнивка! Отдай мою силу!»*

В любом обряде может быть сделан акцент на тот или иной элемент, как на главный, например, занавес в театре. Но и другие элементы должны присутствовать, как не может быть корабля без мачты, паруса, руля, снастей. И в то же время каждый элемент обряда — это обряд в миниатюре, в котором есть

и образ,
и поклонение,
и чествование,
и объединение со стихией,
и просьба,
и посвящение,
и награды,
и благодарность.

И когда все это есть и чудодействует, в человеке пробуждается природное начало, он поднимается до Бога. **Любое, самое обыденное действие из нашей жизни, преобразованное в обряд, изменяет и саму нашу жизнь, раскрашивая обыденность яркими божественными красками.**

Вот какие знания надо давать в школе...знания, которые отражают вечные процессы, только в новую эпоху облекающиеся каждый раз в новые формы...Люди, не получая в школе нужные для жизни знания о гармонии жизни, а главное — не проходя через обряд, стихийно проживают не свою жизнь, а чужую. Потому что не включаются высшие духовные центры.

Может быть, именно сейчас и пришло время эти знания сделать доступными для всех. Только **сейчас мы можем уже не только рассказать об обряде, но и объяснить механизмы, входящие в него...**После эзотерических знаний конца XX века, десятилетий увлечения НЛЮ, восточной философией (йога, ушу, фен шуй) ... Изучение всего этого вплотную подвинуло общество к тайным знаниям...

Какой главный вывод? Надо учиться превращать в обряд то, что нам дорого. И учиться этому умению. Учиться испытывать от этого удовольствие. Это не тягостная необходимость, но возможность начать жить духовно.

У источника

Во все времена самые разные священнодействия человека, все обряды и ритуалы, всё, что переводит материю в дух, как правило, связаны с четырьмя стихиями: землей, водой, воздухом и огнем. А с чем, собственно они должны быть еще связаны, ведь мир как раз и состоит именно из этих четырех стихий. И именно **воздействуя обрядом на стихию, можно менять состояние среды**... Это не гипотеза, это доказано многолетним опытом наших предков.

Сакральное значение воды осознавалось людьми еще на заре человеческой истории. Это подтверждается мифологией всех времен и народов. Наши предки боготворили воду как источник жизни, как вечно живой родник, питающий и врачующий не только тело, но и душу. И, чем ближе, понятнее и компактнее был облик воды, тем удобнее было поклоняться ей как божеству. Поэтому все культы воды проводились, как правило, не на берегу океана или моря или даже реки, а у родника или крохотного ручейка, с которого начиналась река. Так работает наше сознание — нам трудно очеловечить океан, но легко наделить человеческими и **сверхчеловеческими** качествами маленький родник.

Почему сверх? Потому что вода — это сила. Философы с древнейших времен спорили: что есть первоначало всего? В Древней Греции, например, Анаксимен из Милета (588-525 гг. до нашей эры) считал первоосновой воздух, Ферекид с острова Сирос (584-499 гг. до нашей эры) — землю, Гераклит Эфесский (544-483 гг. до нашей эры) — огонь, а Фалес Милетский (640-548 гг. до нашей эры) первоначалом всего сущего считал воду.

На самом деле не важно, что является первоначалом — огонь, земля, воздух или вода. Потому что каждая из них, постоянно, на миллионные доли секунды, превращаясь одна в другую, в силу разных причин может стать таким первоначалом. И, если становится, то весь мир, возникший из этой стихии, потом несет в себе ее свойства. Особенно если мы думаем об этом, верим в это, придаем этому значение. Иначе говоря, наполняем стихию своими мыслями и ожиданиями.

Но, если так, если допустить, что вода — первооснова нашего мира, то тогда легко уже поверить, что вода возвышает, укрепляет, очищает, смывает зло, то есть нейтрализует злые силы. С этим связаны многие обряды. Например, ритуальное омовение, которое являлось как бы свидетельством «второго» рождения. Из чего потом сформировалась христи-

анская идея крещения как знак духовного рождения или перерождения человека.

Первые жертвы воде люди стали приносить ещё в палеолите и мезолите. Например, на территории Польши из земли до сих пор бьет родничок, который в течение тысячелетий был предметом такого культа — около него сделано углубление, которое заполнено несколькими слоями каменной кладки. В самом низу, под камнями и слоем ила археологи обнаружили черепки и бронзовую булавку с лебединой шейкой. Источник почитался очень долго — и в эпоху бронзового века, и в римское время, и в период средневековья.

В греческой мифологии есть упоминания про священные родники, которые располагались на горе Геликон. По легенде, от удара копыта коня Пегаса по камню, возник источник под названием Гиппокрена. Геликон был обителью муз, в честь которых здесь был построен храм. В нем стояли статуи всех девяти муз. Родник Гиппокрена обладал чудесным свойством всякому погруженному в его воды сообщать поэтическое вдохновение.

Вообще из поклонений разным стихиям культ воды — самый древний архаический ритуал, который прослеживается у славян с I тысячелетия до нашей эры до современности. Языческие жертвоприношения воде зафиксированы в письменных источниках древних славян. Например, в «Истории войн» Прокопия Кесарийского, где, упоминая главного небесного бога славян, он также отмечает, что *«почитают они и реки, и нимф, и некоторые иные божества, и приносят жертвы также и им всем...»*

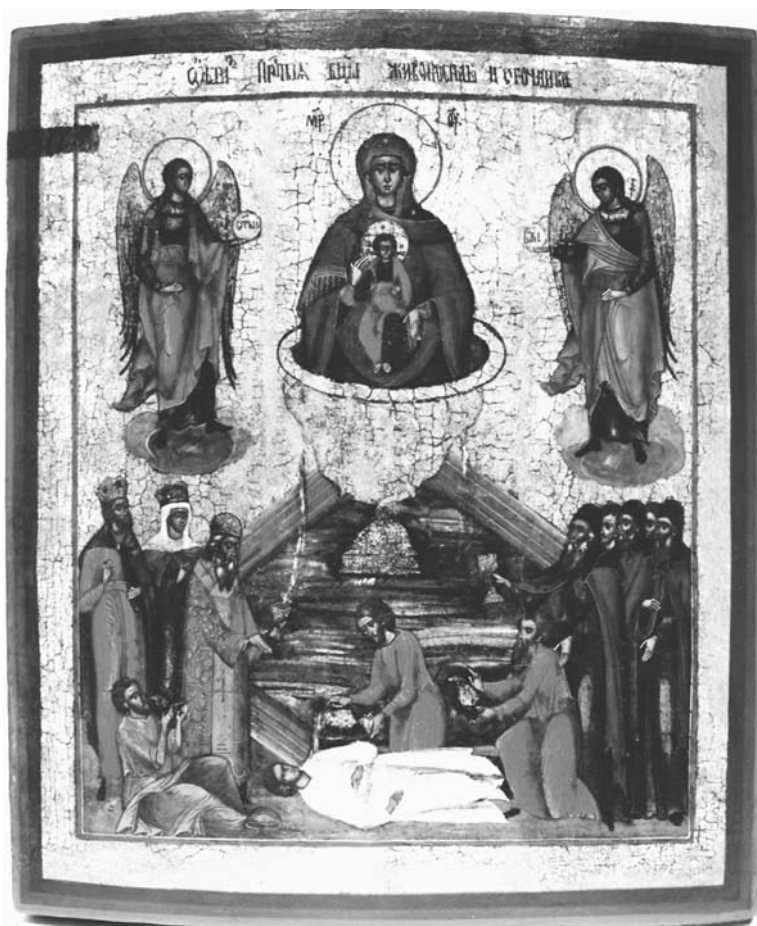
После Крещения Руси к языческому почитанию воды с течением времени добавился христианский мотив — культ Богородицы и святых. Богородица как «Мать-сыра земля» стала символизировать природную рождающую силу — то, на поклонение чему ранее были ориентированы языческие культы. На Руси в житиях легенды о целебных родниках, связанные с теми или иными известными именами русских святых, появляются и распространяются с XIV — XV веков.

Аналогичный процесс происходил и в Скандинавии в связи с введением христианства — многочисленное открытие родников сопровождалось поклонением мощам Олава Святого.

Собиратель русских сказок А.Н. Афанасьев в книге «Поэтические воззрения славян на природу» энциклопедически собрал представления о водной стихии у славян. Он разбивает материал по свойствам воды — плодотворящим, целебным, очистительным и вешим.

Култ воды продолжал существовать и после Крещения Руси. Это связано с тем, что в церковных обрядах и священном предании вода играла одну из главнейших ролей на всех уровнях, от практического до символического. Постоянное использование воды в православном култе (крещение, освящение и использование святой воды) поддерживало священное к ней отношение.

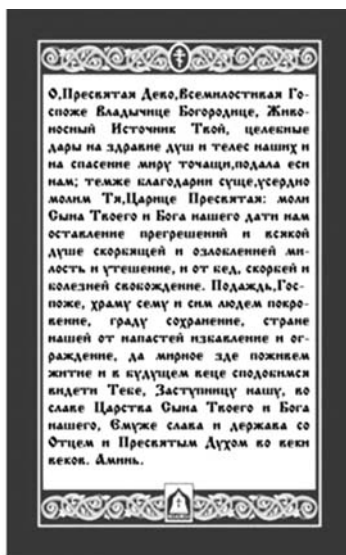
Особенно чудодейственной считалась вода, набранная из родников, источников и колодцев на Рождество, Новый год, Сретение, в Страстной четверг или пятницу, на Ивана Купалу.

Исцеление слепца на иконе «Животворный источник»

О такой чудодейственности благоговейно написала в своем стихотворении «Родничок» смоленская поэтесса Светлана Матузова.

*«За церквушкою старой в лесу,
Родничок есть от Бога.
Не тропинка протоптана тут,
А большая дорога.
Сколько смыл он целебной водой,
Здесь болезней, печалей,
Сколько раз здесь просящие свой
К Богу взор обращали.
И просили в молитве они,
Все у Бога прощенья.
А Господь, слыша эти мольбы,
Посылал исцеленье.
Отходила от боли душа,
К роднику припадая. —
Вера в чудо молитвы, — креста
И Христа, вспоминая.
Свято место намолено здесь,
Здесь молитва веками,
В этом месте незримая есть,
Связь меж Богом и нами».*

Икона «Живоносный источник» с молитвой

Христианские корни почитания источников многочисленны; они почти во всех случаях отсылают нас к Библии, где в Ветхом Завете сам Бог отождествляется с источником: *»Меня, источник воды живой... «* (Иеремия. 2:13). Эти идеи послужили развитию темы воды в Новом Завете, где она ассоциируется уже с Иисусом Христом, а он сравнивается с источником. В книге «Поучения избранных от святого Евангелия и от многих божественных писаний» Иоанна Златоуста говорится: *«Вода живая есть капля поучения Христова, вода жива, благодать есть Духа Святого...»*

Целительные свойства воды — одна из важных характеристик почитаемого родника. Этот эпизод активно осмысливался в Древней Руси, о чем свидетельствует «Слово о расслабленном» Кирилла Туровского, епископа и проповедника XII века.

Стало традицией при открытии новой иконы Богоматери или мощей человека, признанного святым, связывать это событие с открытием родника и его освящением. В этом месте обычно возводятся часовня. Сюда начинают стекаться паломники.

Как, например, появилась икона Божией Матери «Живоносный источник»?

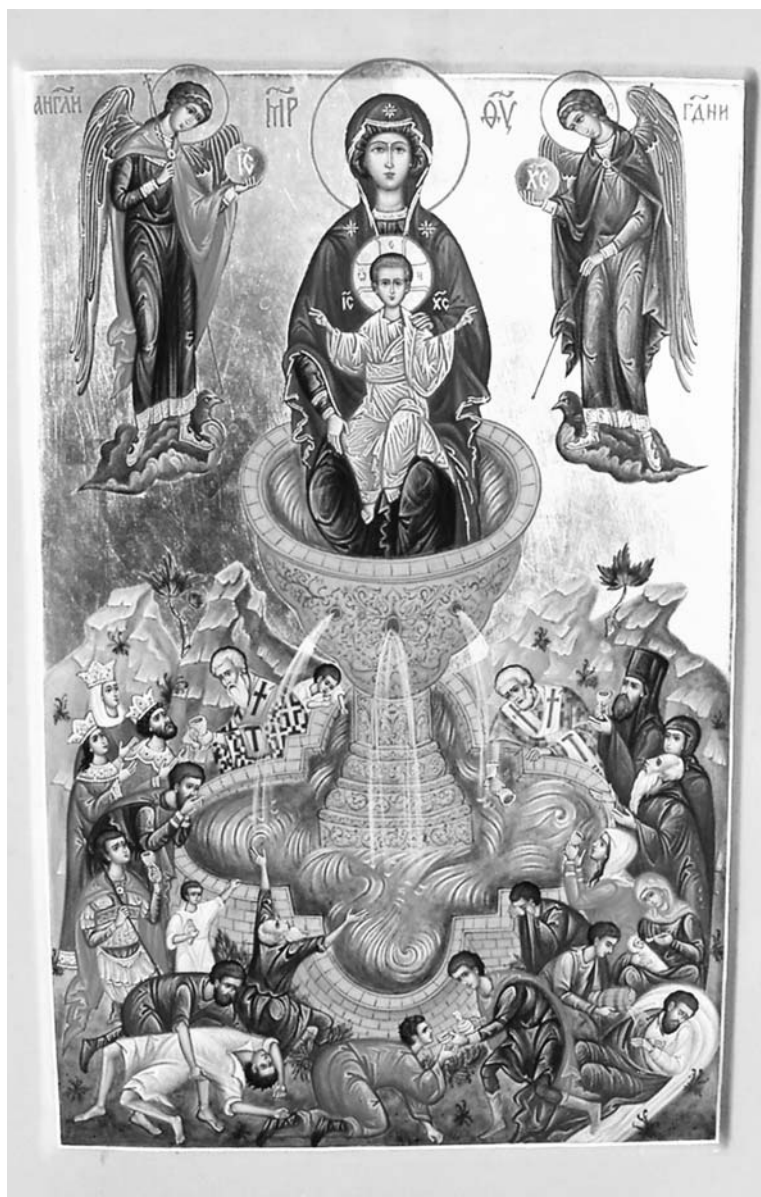
Это было в V веке нашей эры в Византии. В десяти верстах от Константинополя росла платановая роща, посвященная Пресвятой Богородице. Посредине рощи был чудесный источник, о котором знали только местные жители.

Однажды будущий император, а ныне простой воин, Лев Маркелл, помогая заблудившемуся слепцу выйти на тропинку, хотел найти воды для старика и вдруг почувствовал, что не может двинуться дальше. Он огляделся и увидел родник. Тогда он напоил слепца и положил ему тины на глаза, после чего старик прозрел.

Позже, став императором, Лев Маркелл воздвиг около родника храм, посвященный Богородице и назвал его «Живоносный источник». А иконописец написал образ Богородицы с младенцем в чаше.

Известные **современные почитаемые родники уже в полной мере вписаны в церковный круг обрядов**. Они, как правило, уже сопровождаются иконами или крестами, во многих случаях расположены при церкви, часовне или в монастыре; к таким родникам ходят по завету и оставляют у них приношения — деньги, материю, ленты.

Не случайно в словах **родник, родной, родовой, родствен- ный, родичи, родители, родовитый, родословная, природа** один и тот же корень — род. Древний словесный код, пронизываю-

Массовое исцеление на иконе «Животворный источник»

щий прошлое, настоящее и будущее, включающий в себя всю природу и все человечество.

Оставлять какой-либо завет у родника — уже сложившаяся духовная традиция. Например, в Карелии у Кумозера есть небольшой ключ, обросший почти со всех сторон сосновым лесом, к которому издавна приходят не только жители ближайшего прихода, но и из других мест за водой для больных. А за взятую воду люди оставляют рядом с родником или рубашку больного, или лоскуток холстины, или какой-нибудь платочек.

Множество родников вокруг Изборска — например, два при церкви Сергия Радонежского и Рождества Богородицы и один в деревне Малы, в четырех км от города. Они считаются целебными для глаз.

Недавно для паломников и туристов был разработан необычный маршрут — «Родниковое кольцо» России. Он уникален по своим природным, духовным, историческим и другим характеристикам. Более 20 святых целебных источников, 12 монастырей и монастырских подворий, 30 храмов — и все это на кольце в 200 км с хорошей дорогой, с уди-

Ю. Сергеев. «У источника»

вительными по красоте пейзажами. Насыщенность уникальными архитектурными памятниками в этой местности в четыре раза больше, чем по стране. Да и само название таких городов, как Шуя, Палех, Лух, Холуй, Васильевское, лежащих по пути следования, пробуждают историческую память, возвращают к истокам Святой Руси и зарождения самодержавия.

Люди, проживающие в пределах таких святых мест, отличаются от жителей больших городов размеренным, спокойным образом жизни, христианским гостеприимством, житейской мудростью, готовностью поделиться последним... У них добрые улыбчивые глаза, распахнутые души, располагающие к сердечной беседе. Не менее характерное качество для проживающих вокруг святых источников — тяга к активной творческой деятельности. Не случайно все монастыри начинались с источников, с родников.

Источник, ставший святыней, местом паломничества, — это общественное явление, которое складывается на протяжении длительного времени в силу разных причин и усилениями разных людей. Правда, и один человек может открыть источник и поселиться возле него... Почему бы нет, если **любой родничок — праобраз первоначала**, составная часть стихии, которая порождает целые миры... Тем более это возможно сейчас, когда возникло духовное движение «мое родовое поместье». Сейчас, когда у нас пустуют сотни тысяч гектаров заброшенных земель, когда в какой-нибудь российской глубинке можно найти несколько гектаров земли с родником или даже несколькими родниками и там поселиться, обособиться, основать родовую усадьбу, где будут рождаться дети, закладываться традиции...

О таком месте и мечтает в своей картине «У источника» художник Юрий Сергеев. Он видел разные входы-въезды в усадьбы. Одни крупные и громкие, как, например, вход-въезд в подмосковное Архангельское. Это усадьба-праздник, усадьба-великолепие, усадьба-театр, усадьба-величие, усадьба-торжество, и въезд в нее подобен триумфальному шествию, как въезд Юлия Цезаря в Рим по возвращении из Египта с царицей Клеопатрой в качестве пленницы.

А ему больше нравятся входы тихие, скромные, смиренные, как этот, куда не въезжаешь, аходишь пешком. Здесь все наводит на мысли о **покое, смирении, уединении**. Это усадьба-скит, в которой входом служат не ворота, а калитка. Приедут к такому хозяину гости и скажут:

«Ну, брат, ты и забрался! Да как же ты живешь-то на таком отшибе? Мы не то чтобы на карете цугом в 12 лошадей, а даже на маленьких дрожках не смогли к тебе въехать. Пришлось пешком войти...»

А он им в ответ:

«А зачем ко мне въезжать? Ко мне и надо именно пешком входить. Человек — не лошадь, чтобы скакать, и не птица, чтобы летать, он должен двигаться со своей скоростью, то есть ходить своими ногами, спокойно, неторопливо, чтобы видеть жизнь с высоты своего роста, слушать ее, чувствовать ее дыхание и испытывать к ней благодарность...»

И он прав, этот хозяин. Ему нужно уединение, покой. Поэтому ему вполне подходит усадьба-скит, по которой хочется не ездить, а пешком ходить. **Ведь, как и от расстояний, так и от скорости передвижения зависят наши мысли.** Но не только для торможения нашего бега по жизни нужна усадьба-скит.

Русская живопись, как известно, началась с иконописи. А иконопись — это духовное служение. И иконописцы перед каждой большой работой брали какое-то послушание, например, обет молчания, как Андрей Рублев перед «Троицей». Для чего? **Чтобы в душе, как в роднике, набралась чистая вода.** И чтобы смирение взятого обета сохраняло эту воду спокойной. Тогда она будет зеркалом, в котором художник увидит образы.

Для этого и нужна усадьба-скит. Не случайно в названии картины есть слово «источник». Речь идет о духовном источнике — охраняя хозяина от соблазнов мира, усадьба-скит сама превращается в своего рода родник, источник. Хозяин ее здесь набирается духовности.

Жизнь идет уровнями, на каждом — своя скорость. На большой дороге все так и мелькает. А с большой дороги сошел на малую, тут и скорость поменьше. На душе уже спокойнее. А, если ты пришел на погост, там вообще тишина. **Иногда надо вот так вот придти куда-нибудь в тихое место, чтобы притормозить свои мысли.**

Если по жизни движешься очень быстро, ничего не разглядишь. Надо скорость снизить, может быть, даже остановиться. Как врач в фильме Андрея Тарковского «Зеркало», которого играет Анатолий Солоницын, упав вместе с забором, лежал немного на земле, оглядываясь, и сказал: *«Как странно, вот эти кусты, деревья, они никуда не ходят, а все знают, все чувствуют»...* То есть на скорости никогда не поднимешься до мыслей мудреца, на ней все мысли сливаются в поток.

Такая усадьба-скит, как на картине, со скромной узкой дорожкой, почти тропинкой, — это торможение, которое позволяет начать различать что-то из слитной массы. **Когда старцы уходят в скит, они начинают видеть новым, открывшимся медленным зрением.** Поэтому они и знают больше, чем другие. Почему в XIV веке уходили все ученики Сергия Радонежского из монастырей, когда там налаживалась жизнь (то есть опять начинала ускоряться)? Они отправлялись в лес или в пустынь, где не было людей, рыли себе там пещерку в песке и жили в ней. Это была одна и та же схема замедления суетной скорости жизни, заставляющей нас глаза на истинные и проходящие ценности...

Эта не спешащая сейчас никуда девушка, которая приходит сюда, к источнику, она живет неспешно, бережно, пристально...

Конечно, не всем есть смысл замедлять скорость жизни. Иногда, может быть, лучше ее вообще не замедлять, чтоб до поры до времени не задумываться. Если время не прошло, если не время еще что-то разглядеть в своей жизни. Оно придет позже. **Но иметь такое место, куда можно всегда придти и замедлить время, хорошо бы каждому.**

Присутствие рядом источника, к которому пришла девушка, преображает мир. В Евангелии от Иоанна рассказывается о том, что, проходя Самарию, Иисус остановился близ местечка Сихарь, у колодца Иаковлева. Там он встретил женщину-самарянку и попросил у ней воды. Она удивилась, так как иудеи не общались с самарянами, считая их язычниками. Иисус сказал женщине: *«Кто будет пить воду, которую я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную».*

Последняя фраза не случайна. Любой святой источник дает нам воду, «текущую в жизнь вечную». Потому что источник это — духовность, чистота. **Источник как бы показывает человеку, как надо жить: скромно, бескорыстно, всегда быть готовым помочь.** Он как бы говорит: отдавай, не ожидая никакой награды, и тебе зачтется.

Источник сам по себе всегда духовно работает. И набирать чистую воду — это тоже духовная работа. Вот почему и человек после источника приходит домой просветленным, и сам источник после каждого общения сияет светом доброго дела.

Русскому человеку источник нужен как свет, к которому он идет, как корабль плывет на свет маяка. Если нет

физического источника рядом с домом в виде родника, он находит себе источник духовный, приходя в храм к наставнику-духовнику.

Не случайно слово «источник» означает причину явления. Вокруг причины всегда закручивается жизнь. Так и вокруг источника начинают собираться люди, их объединяет похожесть взглядов, как будто источник повернул их мысли в заданном направлении. Люди поселяются здесь, их становится все больше, и вскоре здесь вырастает небольшой город.

Вот почему в любой усадьбе должен быть источник. Он обязательно станет духовным центром, местом встреч людей, способных помогать, и нуждающихся в этой помощи. Он будет очищать пространство и физически (люди пьют воду из него) и духовно (от вашего общения с духовными людьми, приходящими к источнику). А *«чистота сердца, — как сказал кто-то из старцев Киевско-Печерской лавры, — приводит к видению Бога»*.

Источник всегда отдает, поэтому вначале кто-то из людей становится источником для нас, а потом каждый из нас становится источником для кого-то другого. **Так обеспечивается преемственность и проточность человечества, так оно не застаивается, не покрывается тиной, не превращается в болото...**

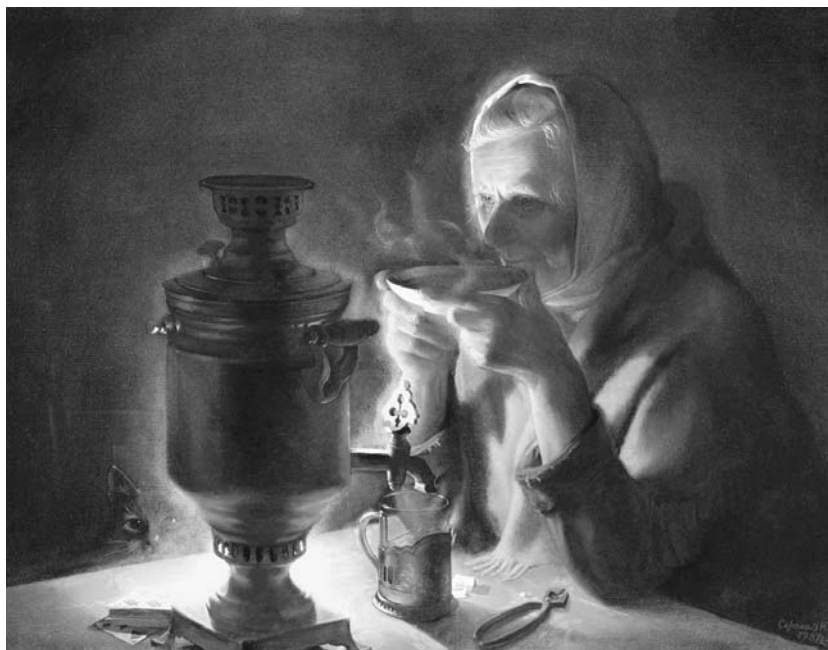
Ожидание

Многие деревенские, те, кто в свое время уехал учиться в город и фактически оторвался от родного дома, узнают в этой бабушке свою маму...

Судьба большинства деревенских матерей — одиночество и ожидание. На первый взгляд это — несчастье, трагедия, а с другой стороны — невидимая духовная работа.

Много лет назад художник Юрий Сергеев уехал учиться в Москву, когда мама была уже пожилая. Правда, каждые две недели создавал ей ощущение нужности — посылал открытку, письмо или фотографию. Но ездить домой...то денег нет, то времени, а то занятость...

Невольно вспомнишь, что человек — существо социальное, и сформировался в общении с себе подобными. А раз так, то, наверное, абсолютно все привязанности и связи каждого из нас нам необходимы, жизненно важны, а в человеческом обществе в целом каждая такая связь как какая-то буква в алфавите. И жив язык, и живо человечество, не превращаются люди

Ю. Сергеев. «Ожидание»

в зверей, пока общаемся. Представить, что нет никого рядом, и как без языка, как в пустоте. Не случайно каждый из нас за всю жизнь обрастает разными связями и привязанностями, которые умножаются, чтобы не чувствовать одиночества... Ведь остаться в тишине с самим собой, когда не знаешь, откликнется ли кто-нибудь, если позовешь, страшно...

Мысль, что ты один и никому не нужен, страшна не из-за чисто реального страха остаться без помощи — в конце концов, есть соседи за стеной, а на худой конец можно и «скорую» вызвать. **Страшно, что всей своей жизнью как будто бы не заслужил, чтобы кто-то хотел о тебе заботиться.** Страшно, когда никто не хочет с тобой общаться. Значит что-то не так в твоей жизни, значит вообще не так жил?

Но, когда нет никого рядом, Бог дает нам в утешение ожидание. В молодости, когда спешишь жить, об этом как-то не думаешь, и ожидание зачастую раздражает. В очереди к врачу, в толпе, которая движется слишком медленно на улице или в метро, в автомобильной пробке. Но с возрастом, когда скорость жизни замедляется, вдруг в ожидании начинаешь находить какой-то тайный смысл, свою прелесть. Как будто **практическая цель** (а именно практические цели заставляют нас спешить) **не дает раскрыться ожиданию во всей его волшебной красоте**, не дает включить наше воображение, напрячь душевные силы, вызывать из глубины сознания светлые воспоминания.

Ожидание — чисто человеческое явление, наша духовная ценность. У насекомых, рыб, птиц, животных тоже есть ожидание, и они могут в этом состоянии быть даже терпеливее нас: например, охотясь, часами, не шевелясь, дожидаться жертвы. А в привязанности домашних животных к своим хозяевам есть даже что-то духовное — известны случаи, когда собаки ожидали своих хозяев по несколько лет. И все же только человек вносит в ожидание чувства и мысли, которые могут превращаться в материальную силу, способную спасти и сохранить близких и любимых.

Например, вся страна в годы Великой Отечественной наизусть знала стихотворение Константина Симонова «Жди меня», переписывала его от руки, передавала из рук в руки, искренне веря в магическую силу заветных слов:

*«Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,*

*Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.»*

По воспоминаниям врачей во время войны во фронтовых госпиталях, раненые солдаты, когда им было особенно больно, читали наизусть «Жди меня».

Можно ли своим ожиданием спасти человека? Масса случаев, которые это доказывают. Даже чисто психологически, у человека в экстремальной ситуации, если он знает, что его ждут, возрастают жизненные силы, и он становится способным всё превозмочь. Во всяком случае, после войны в стране тысячи людей разного возраста и национальностей (Константину Симонову приходили мешки писем об этом) вспоминали о том, что они остались в живых благодаря этому стихотворению. Переписав, они посылали его домой, и ожидание уже образовывало как бы вращающийся магический круг, который и спасал человека.

Действительно, в этих словах «жди меня», помимо простого и понятного всем желания защитить и призыва верить, есть еще что-то такое, что выходит за рамки обыденного. По крайней мере, в годы войны выходило. По мнению некоторых исследователей, например, литературоведа И. В. Какулина, образцом для Симонова могли послужить фольклорные заклинания и заговоры, некоторые произведения русской поэзии Серебряного века.

«Жди меня», — пишет И. Какулин, — *по жанру было похоже на заклинание. Многократное прочтение этого стихотворения само по себе имело психотехническую функцию...*» Феномен этих строчек «Жди меня», вырезаемых, перепечатаваемых и переписываемых, посылаемых с фронта домой и из тыла — на фронт, был в том, что они были как заклинание судьбы, как оберег.

То, что ожидание и вера могут продлевать человеку жизнь, доказывают многочисленные примеры из истории и литерату-

Гобелен «Ожидание» по картине Джона Уотерхауза

ры. Самый известный библейский пример со старцем Симеоном, который прожил 300 лет, не умирая в ожидании встречи с младенцем Христом. *«Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый. И предсказано было ему Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Господа. И пришел он по вдохновению в Храм. И, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое,...».* Евангелие от Луки, гл.2: 25-38. Это легенда, почти сказка, но в каждой сказке есть доля правды.

Каждый день Симеон приходил в храм, **ожидая встречи** с младенцем Христом, стараясь не пропустить эту встречу, быть готовым к ней. И это повторялось десятки и сотни лет, из года в год, из месяца в месяц, из дня в день.

Тем самым это **свое ожидание** одними и теми же действиями, **повторяющимися каждый день**, старец **ненамеренно превратил в обряд**. И обряд защищал его от смерти, продлевал его жизнь.

Правда, Симеон ждал встречи с младенцем Христом не только по своей миссии, по «приказу свыше», как часто бывает

в жизни праведников или святых. По преданию, он был одним из семидесяти двух учёных толковников-переводчиков, которым египетский царь Птолемей II (285—247 до н. э.) поручил перевести Священное Писание с древнееврейского на греческий язык. Когда Симеон переводил книгу пророка Исайи и прочитал слова *«Се Дева во чреве приимет и родит Сына»*, он подумал, что это описка и вместо «Дева» должно стоять «Жена», и посчитал своим долгом исправить текст. Но ангел Господень остановил руку Симеона и внушил ему, что не умрёт, пока не убедится в истинности пророчества пророка Исайи, то есть своими глазами не увидит Спасителя, рожденного от Девы.

Так что Симеон по сути был не только истово верующим, но и ученым, который, услышав версию, захотел убедиться, что это истина. И совершил своего рода научный подвиг, **собственную жизнь превратив в эксперимент ожидания**. И, когда встреча произошла, все свершилось — и истина воссияла, и жизнь-ожидание окончилась. Поэтому в день свершившейся встречи, в феврале на Сретенье, звучит молитва: *«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыка, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое»*.

Точно также долго живут пожилые люди, которые перед смертью ждут завершения какого-то своего дела — напишут книгу, закончится строительство дома, будет выплачен долг, поступит в институт внук, родится правнук, тогда, мол, и помирать можно. Это не просто напряжение воли, но **чудодействие ожидания, как обряда. Ожидание — необходимая движущая часть любого обряда, так же как шарикоподшипник в моторе**.

Возможно, долгожители и живут долго, потому что неосознанно превращают ожидание в обряд и не нетерпение и раздражение испытывают, ожидая, а наоборот, смирение, радость, предвкушение встречи, общения, совместных дел, еды, прогулки, сна. И держит их жизнь на земле энергия ожидания встреч, общения, совместных дел. Кто-то это делает неосознанно, а кто-то сознательно, понимая, что **ожидание это духовная ценность, искусство жизни**. Жаль только, что не учат у нас нигде этому искусству...

Большой Академический Словарь дает толкование ожиданию, как *«пребывание в каком-либо состоянии с расчётом на наступление какого-то события...»* Но часто ведь ожидание бывает без расчета и даже вопреки здравому смыслу. Именно так ждут женщины с войны своих мужей, сыновей, отцов, так ждут матери своих детей, уехавших на поиски взрослой жизни, так ждут влюбленные взаимности, даже когда на взаимность нет надежды. **Это выше расчета, значит это уже не ожидание, а нечто большее**.

Ожидание — это неподвижность, это пауза, это тишина, это молчание, все то, что останавливает наш бег по жизни и заставляет как бы повиснуть в воздухе без опоры, без практических рычагов, которыми мы все время пытаемся перевернуть мир. Это пустота сродни белому листу бумаги, на котором пока нет никаких букв, вакууму, из которого, по мнению физиков, возникают целые Вселенные.

Немецкий писатель Лион Фейхтвангер (1884-1958) как-то сказал, что *«даже самое прекрасное свершение не может заполнить пустоты, которую создало ожидание...»* Но только сейчас мы начинаем постигать, что именно пустота является источником всего, своего рода рогом изобилия. **Именно из ничего рождается все.** А подготавливает это рождение как раз ожидание. Не случайно немецкий мыслитель, создатель «философии надежды» Эрнст Симон Блох (1885-1977), думая о том, как устроен мир, сделал вывод: *«Сквозь мир проходит большое объективное ожидание, часто срывающееся, но все же приближающееся к своему ядру...»*.

Блох развивал тему ожидания в своих трудах *«Наследие этого времени»* и *«Дух утопии»*, чтобы объяснить неожиданный успех национал-социалистического движения. По мнению Блоха, в отличие от социал-демократов и коммунистов, предпочитавших холодный анализ экономических и политических факторов, нацисты сумели обратиться к ожиданиям людей.

И действительно, ожидание пронизывает всю нашу жизнь, оно как ветер надувает паруса наших намерений. Мы **ждем** восходов и закатов, **ждем** первой любви и первой встречи, **ждем**, когда поздней осенью выпадет первый снег и когда ранней весной побегит первый ручеек, **ждем**, когда что-то начнется и когда окончится. Даже сейчас, в компьютерное время, мы **ждем** писем...**Без ожидания любви ее нет и не может быть.**

Как не понимает любви без ожидания Асоль в романе Александра Грина «Алые паруса».

Как не понимает любви без ожидания и Марина Цветаева (1892-1941):

*«Когда я перестану тебя ждать,
Любить, надеяться и верить,
То я закрою плотно окна, двери
И просто лягу умирать...»*

Как не понимает ожидания без чуда поэт Вероника Тушнова (1911-1965):

*«Я перестану ждать тебя,
А ты придешь совсем внезапно...»*

Нам даровано ожидание, чтобы почувствовать и осмыслить жизнь. Поэтому ждать необходимо. И лучше, если не на бегу, не в суете, не в мельтешении, но как бы в духовном вакууме. В собственной ноосфере, очищенной от суеты. А, если в суете, то и получаем нечто суетное. Это две с половиной тысячи лет назад заметил еще Конфуций (551 — 479 гг. до нашей эры): *«Низкий человек суетливо поджидает удачу, а благородный муж с достоинством ожидает велений Неба...»*

Суетливо поджидать и с достоинством ожидать — два полюса одной и той же истины, два варианта поведения, на выбор. Они сразу проясняют, где мы скатываемся с достойной жизни на суетливую. На ожидании. И становится понятно, почему возрастает скорость нашей жизни и нами овладевает суета. Даже на кладбище, где царит одно сплошное ожидание, мы торопимся, смотрим на часы — что-то долго копают могилу, что-то длинные говорят речи, что-то долго не идет священник. Потому что некому объяснить нам, что это все важно и нужно, чтобы остановилось беличье колесо жизни, в котором крутится тело, и душа, выскочив из него, вдруг расправила крылья. И тогда высокие сферы притянутся вместе с небом. И ангелы спустятся и замрут за спиной, увидев, что можем мы теперь слушать духовным слухом и видеть духовным зрением.

Асоль

Для каждого из нас, особенно для творческих людей, такое состояние необходимо как воздух. Хотя бы для того, чтобы осознать, что бежишь, и хоть на время остановиться. Когда надо творить, как-то реализоваться, а кругом все время дела (обязанности, быт, работа), кругом все время люди (семья, сослуживцы, пассажиры, прохожие). И многие стараются построить себе какой-то **закуток покоя**, чтоб раз в две недели или хотя бы раз в месяц, как минимум, побыть отшельником, философом. Есть люди, которым ожидание нужно постоянно. Не найдя его на земле, отчаявшись, они могут уйти в монастырь, в скит. Но и тем, кто уходит в монастырь не от отчаяния, а осознанно, по вере, им тоже **нужно уединение и ожидание — чтобы общаться с Богом.**

В уединении, как правило сопутствующем ожиданию, тоже есть свое волшебство. Вот и бабушка на картине Ю. Сергеева сидит, и в сознании ее перебираются самые обычные действия. Утром, не торопясь, она встала, взяла три полешка и одно за другим уложила в печурку. Взяла кусочек бересты, запалила ее, и...полешки занялись. Качнулась стена воздуха, он потеплел, запахло стенами, полом, потолком. Через запах, через теплый воздух они, эти стены, пол и потолок, как будто поздоровались друг с другом или даже обнялись. Наполнила водичкой самовар, вскипятила...Наливала чай вначале в чашку, потом в блюдечко. И каждое последующее действие не могло быть без предыдущего, а предыдущее — без следующего. **И в этом последовательном продвижении ожидания великая тайна жизни.**

«Чтобы прочувствовать эту деревенскую идиллию, — вспоминает художник Юрий Сергеев, — я писал эту картину в полутьме, так что было трудно различать оттенки красок, с чадящей керосиновой лампой и мерцающими по углам дедовскими сундуками. Под монотонный стук ходиков и ворочание ветра в трубе...»

Для русского человека, в силу его традиционного коллективного мышления, уединение это чаще не творческий самоанализ, а ожидание чего-то светлого, как неизбежен восход солнца, это мысли о последовательном ходе жизни, о простых привычных вещах и привычных действиях, сменяющих друг друга. Он и живет, как думает. И все продолжается. А еще он думает о других, о своих взаимоотношениях с людьми, как-то они там все? А еще о том, что «все мы грешные, все бываем не правы, несправедливы...Надо помолиться, а то и сходить в храм, покаяться...»

То есть одним людям уединение необходимо для творчества, для новых идей, образов, проектов. А кому-то, как вот этой бабушке, уединение помогает **создать поле ожидания**. Да, это не дом, который можно построить, не дерево, которое можно посадить, и не ребенок, которого можно родить и вырастить. Но это **духовная ценность, которая может совершить чудо, изменить ход вещей**.

Для чего? Чтобы посмотреть на собственную жизнь со стороны. Когда находишься внутри жизни, то есть целиком в делах и в окружении людей, разве что увидишь? А теперь у тебя в руках — чаша Бытия, ты пьешь из нее свою жизнь и пытаешься понять, зачем жил твой род, зачем вообще приходит в этот мир человек. Вопросы, которые нам так трудно задать себе в обыденной жизни, которые мы так долго себе не задаем. И тогда Бог помогает нам их себе задать...через уединение и ожидание.

Ожидание — это особое состояние мыслящей материи. **Каналы наших мыслей и чувств выстланы ожиданием, они движутся по нему, как кровь по кровеносным сосудам**, а мы не придаем ему значение. Ожидание — это духовная ткань, которая все связывает, как связывает планеты, находящиеся на расстоянии миллиардов световых лет, наша мысль. Трагедия жизни в том, что в суете нельзя, невозможно искать главное в жизни, стремиться к нему и ожидать его, только в ожидании...

В ожидании снега

Из бабушкиного сундука

Воспоминания из детства светят нам потом всю жизнь. Художник Юрий Сергеев хорошо помнит, как мать часто показывала одну шаль бабушки, редкую, очень дорогую, бережно хранимую, осторожно извлекала эту шаль из старинного сундука. Удивительным казался и сам этот сундук — в нем и мыши с молью и червячки никогда не заводились, и вещи были как новые...Каждую можно было часами рассматривать, столько на ней было всяких интересных деталей и украшений...

Сундук сам по себе не просто деревянный ящик. Это **магический символ бытия, благосостояния, благополучия, мира и покоя, передаваемых из поколения в поколение.** По форме похожий на древнеегипетский саркофаг, в котором было, как в матрешке, несколько копий, одна в другой, в середине

Ю. Сергеев. «Из бабушкиного сундука»

скрывавших мумию фараона, он и по смыслу был хранилищем самых заветных ценностей. В каждой гробнице помимо саркофагов были украшенные оберегами и заклинаниями **сундуки** с загадочными амулетами и дорогими предметами культа и быта.

У древних греков и иудеев сундук также считался вместилищем тайн, открываемых только посвященным, как, например, сундуки в обрядах в честь Диониса или Деметры или ковчег, в котором хранились скрижали Завета иудеев. В Китае в сундуках хранились самые священные реликвии или предметы, хранящие дух предков.

Сундук стоял практически и в каждом русском доме и являлся своеобразным хранителем домашнего уклада, семейного быта и уюта. Ещё В.И. Даль (1801-1872) в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» писал, что *«сундуки и коробы — коренная русская утварь»*.

Вот и здесь тоже преемственность: жемчужовый кокошник-шишак, который бабушка показывает внучке, он передавался по наследству, ему лет двести или больше, так что его носила бабушка этой бабушки, а, может быть, и бабушка той бабушки. Он украшен еловыми, сосновыми и кедровыми шишками (символ силы каждого дерева), которые опутаны нитками с жемчугом.

Это же надо изобрести такое, да еще придумать удивительный орнамент... И в то же время этот кокошник, передающийся из поколения в поколение, уже оброс легендами, стал почти волшебным, как былинные скатерть-самобранка, ковер-самолет или сапоги-скороходы. Так же как шапку-невидимку надеваешь и становишься невидимой, так и кокошник-шишак надеваешь и становишься...царевной-лебедушкой.

И еще одно чудесное свойство бабушкиного сундука с нарядями — что оттуда ни вытащишь, тут же вспоминается какая-то связанная с этой вещью история. Прямо сундук сказок и легенд, **история целого рода**.

Например, такая...

«Мне моя маменька, — рассказывает бабушка внучке, — отдала этот кокошник со словами: «Шишки-то на нем волшебные. Если тебе приглянется парень, на посиделки надень его, и парень тебя сразу полюбит, у него откроются на тебя глаза». В этом кокошнике я и вышла к венцу. И, когда он меня впервые в нем увидел, я ему еще больше понравилась. А потом мы прожили вместе всю жизнь».

Внучка удивляется: *«Ой, правда, бабушка? И даже я, такая конопатая, буду красавицей?»*

**В XVII веке бабушкин сундук мог быть
похож на терем**

«Оденешь, — говорит бабушка, — и будешь. Самое обычное женское лицо может быть и совсем незаметным, а вдруг преобразится, так что все рот откроют. Это зависит от того, есть в женщине **достоинство** или нет. Достоинство, понимание своей цены, и делает русскую женщину красавицей. А кокошник ей в этом помогает. И вообще женское достоинство — это целая премудрость.»

Много о достоинстве еще рассказывает

В таком сундуке хранилось приданое невесты

в этот вечер бабушка. О том, как молоденькие девчонки сейчас стремятся показать себя и выходят на люди, накрашенные как снеговики на святах, о том, как мало в них женственного, как мало женского достоинства, так что никакой русской красавицы в них не увидеть.

«А любую из вас, — говорит бабушка внукам, — одень в красивый русский сарафан, в кокошник, прямо Василиса Прекрасная... Потому что украшали себя женщины не вещами, а знаками достоинства. И эти знаки выстраивались на женщине в ряд или даже в круг... Они подчеркивали достоинство, окружали его ореолом. Еще вчера это была девчонка с голыми пятками, а тут вдруг все увидели у ней и лебединую линию шеи, и точеный подбородок, и чистый высокий, почти царственный, лоб... Может быть, искусство обряда одевания в том и состоит, чтобы в женщине выстроить достоинство?»

Бабушка права, раньше было так, а сейчас? Сейчас разве что на торжественным приемах женщины облачаются в длинные платья, подчеркивающие их достоинство... Между тем как в каждой женщине есть свое достоинство, и одна ситуация его проявляет и подчеркивает, а другая наоборот, сводит на нет... Почему и сказка «Золушка» с намеком — **каждой женщине от замарашки до принцессы всего один шаг, каждая может быть одновременно и золушкой и принцессой**. Надень на нее грязный фартук, мятое платье, запачкай ей лицо и руки — будет золушка. А умой, надень бальное платье и хрустальные туфельки — будет принцесса.

Выходит, что бабушка достает из сундука не просто наряды, а **знаки достоинства**. И очень жаль, что эта мудрая традиция уходит в прошлое. Уже в шестидесятые годы XX века считалось модным отказываться от прошлого, выбрасывать старые вещи на помойку. А, кто надевал их, того поднимали на смех... Как поднимали на смех тех, кто затыгивал старые народные песни... Все деревенское уже считалось оживающим, не годящимся для новой современной жизни... Это наша трагедия, что мы в 60-е годы отказались от своего национального богатства — своих традиций, обрядов, обычаев, своей одежды. Ценности, которые копились столетиями, мы разом отправили на свалку. Музейные работники, ездившие по деревням и собиравшие предметы крестьянского быта и одежду, удивлялись, как спокойно некоторые сельские жители отдавали им содержимое родовых сундуков вместе с самими сундуками...

Почему? Потому что громогласно провозглашалось, что все эти бабушкины сундуки и бабушкины наряды — это архаика, носить это стыдно, это хлам, от которого надо избавляться, на

помойку его! И люди бросали в печки прялки, которым было по 200 лет, ткацкие станки, похожие на храмы, берестяные короба, в которых хлеб мог лежать неделями и не плесневеть, кузова, теса и корзины, с которыми их бабушки ходили за грибами и за ягодами...

Да и сейчас, в молодежной среде престижность народного искусства почти нулевая, и те, кто что-то знает с детства, какую-нибудь песню или частушку, стесняется это исполнить. Надо быть такой, по-хорошему упертой, как наши современницы, директор театра русской песни Надежда Бабкина, да молодая певица Пелагея, чтобы не обращая внимание на общественное мнение, петь народные песни...А большинство стесняется.

Поэтому вот этим девочкам на картине важно поставить достоинство, чтобы ничто им потом не мешало гордиться своей русской народной культурой, этими же сарафанами и кокошниками. Именно бабушка должна им сказать: *«Вы не знаете, какой красотой вы обладаете. Будут вам говорить, что все это — старая рухлядь, не обращайтесь внимание. Или говорите в ответ: это самое ценное, что есть у нас в жизни.»*

Увы, тех бабушек, которые раньше были, сейчас практически уже почти и нет. Точнее, физически, как мамы мам или пап, они, конечно, есть, но для детей практически малодоступны. Сейчас, когда вокруг них целая индустрия развлечений (телевизор, театры, выставки, музеи, кино, экскурсии), им уже хочется пожить для себя, и на внуков и внучек остается мало времени. Не потому что они не хотят — сумасшедшая жизнь закручивает и за собой тянет. Остановить бы эту гонку..

Не так давно Украина отключила Крым от электроэнергии, как говорят, *«нет худа без добра»*, и бабушки «вспомнили», что у них есть внуки. Они стали с ними проводить свободные вечера, и оказалось, что это приятно и интересно для обеих сторон. Но кто отключит электроэнергию от всей страны, от всего земного шара? Чтобы бабушки всех стран и народов **вспомнили о своем истинном предназначении**, о том, что не родители, которые крутятся, как белки в колесе, а именно они должны передавать все духовно ценное, что накопили в жизни, своим внукам и внучкам. Ведь почти все творческие люди, в том числе и гении человечества, получили толчок к развитию своей фантазии именно от бабушек...

Да, наша национальная трагедия в том, что мы в массе своей не осознаем то ценное, что в нас есть. Не ценим его. Нам никто не говорил и не говорит, что **смысл жизни — это продолжать линию своего рода**, а значит надо изучать эту линию, копаться в прошлом. Нам никто не говорил и не говорит, что **продолжать**

линию рода можно только будучи связанным с ней кровными узами: вещами, фотографиями, памятью. Нам никто не говорил и не говорит, что, храня старые вещи предков, мы через них держим эту связь, и тем самым из прошлого идет к нам подпитка, поток энергии, подсказки, что делать в этой жизни. **И это бесмертие!** И наоборот, обрубив все связи, мы становимся похожими на судно в море без руля и без ветрил, влекомое разными течениями неизвестно куда и для чего. Нам никто не говорил, что если не общаться с родственниками, можно просто потерять себя, то есть утратить то **родовое начало, которое дарит нам наше предназначенье.**

А законы бизнеса требуют обратного. Деньги нужно вкладывать в дело, значит общение с родственниками может вызвать расходы — этому надо помочь, тому, другому. Чтобы этого избежать, надо обрубить все родственные связи. То есть бизнес разделяет людей, обрубает все корни. И как растение без корней может засохнуть, так и человек без корней теряет энергию, род его истощается, становится «худым» и вскоре исчезает.

Так что такой вот **родовой сундук** с бабушкиными нарядами и старыми вещами — как бы это ни странно звучало, **не только наше прошлое, но и наше будущее, потому что несет в себе, сохра-**

Старинный сундук может украсить и современный гостиную

няет энергию рода. Не хватает энергии, открыл такой сундук, достал расшитый рушник, подержал в руках. Полюбовался, вспомнил деда, маму, бабушку, спел какую-то мелодию из детства, и пошла энергия, подпитался от родового древа.

Потому бабушка этим девочкам и говорит: *«Это не простой сундук, а волшебный ... Вот вы живете самостоятельной жизнью, у каждой она будет своя, и вам всегда будет необходимо открывать этот сундук и прикасаться к...кокошнику, к сарафану, к бусам, к... роду. И пойдет энергия от ваших бабушек...»*

Об этом же пишет в своем стихотворении Валентина Гурбалиева:

*«Открываю бабушкин сундук,
В ожиданьи сердце замирает,
На мгновенье, позабыв все вдруг,
Окунуться в прошлое желает.
Шаль с кистями, вышитый кисет,
Старая, с щербинками, шкатулка
Вмиг проносят нас сквозь толщу лет,
В прошлое свершается прогулка.
С фотографии тех давних лет
Смотрят мне в глаза родные лица,
В них вопрос: «Ну, как вы? Всем привет!»
Благодатный свет от них струится...»*

В крохотном городке Каргополе Архангельской области на одном из фестивалей по народным промыслам, где шла речь, между прочим, и о родовых сундуках, я познакомился с местным писателем-краеведом Юрием Ивановичем Кимаевым. Мы подружились, так что потом, каждый раз, приезжая в Каргополь, я останавливался у него. Как-то за чаем мы вспомнили о домашних сундуках. Оказалось, и у Кимаевых есть такой сундук. Хозяйка Глафира Ивановна, сначала стеснясь, но потом все более охотно, бережно стала выкладывать на стол и на лавки его содержимое:

золотошвейный головной платок, изготовленный монахиней Успенского девичьего монастыря;

нарядный шерстяной красный платок с синими шелковыми полосками и кистями со всех сторон, купленный на ярмарке у купца более ста лет назад;

большой атласный плат с шёлковыми кистями;

расшитые полотенца для украшения икон;

праздничные утиральники с орнаментом;

вышитые подзоры для кровати;

льняную юбку, вытканную способом «каamelёночка» в виде прямоугольничков, с рисунком, вышитым по подолу шерстяными нитками;

сплетённые дядей из бересты лапоточки, ношенные в детстве.

три именных тканых пояска с надписями. На одном из них выткана дата — 1874 год со словами:

*«Дни веселы настают,
часы радости текут,
нежно пташки воспевают,
текущие лета вещают.»*

А на самом дне сундука в плетёной из сосновой дранки «коробушечке» покоилась самая большая драгоценность — жемчужовый кокошник с инициалами бабушки Александры Васильевны. Из 20 крупных зёрен жемчуга на челе собрано солнышко, самый мощный славянский оберег. Наушники выложены бисером и жемчугом. Цена такого кокошника в свое время была запредельная.

В этой же коробушечке в маленьком холщевом мешочке — семена льна: предки Кимаевых были не только хлебо-робами, но и льноводами...

К сожалению, вместе с деревнями из нашей жизни уходят и сундуки. Виновата разрушающая нашу культуру западная легкая философия: где бизнес, там и Родина. Чтобы

А в спальне сундук — страж покоя

бизнес успешно развивался, человек должен легко менять привязанности, бросать прежнее, пусть и дорогое, и легко начинать новое, бросать дом, вещи, переезжать совсем в другой район, даже в другую страну, если там выгоднее жить. Отсюда и **обрубание всего, что привязывает**. Нам это не нужно, а оно проникает. И успешно — многие уже не привязаны к земле, они уехали из деревни, а в городе земля им не принадлежит. И из дома их могут выселить, если что-то будет строиться. Им просто дадут другую квартиру. А то что стирается память, кого это волнует?...**Вместе со старыми вещами люди отказываются от памяти, от своего духовного начала.** От того, что они сами продолжают, чьим являются продолжением.

Правда, эти отрицаемые нашим обществом духовные ценности не сдаются, сопротивляются. Деревянные сундуки не ушли в сказочное прошлое. Те, кто понимает, что мы можем потерять, не сидят, сложа руки. **Сундуки сейчас стало модно оставлять среди современной мебели, даже делать их центром интерьера. Каприз ли это моды или интуитивное понимание, что первичные ценности должны быть в нашей жизни?** Наверное, второе, потому, что мода это и есть интуиция.

Открыть бабушкин сундук — это распахнуть дверь в мир тайн

Во всяком случае, в Москве на улице 1905 года недавно открылся антикварный магазин «Бабушкин сундук», а в Интернете появился целый сайт с таким же названием, где можно войти в эту тему, оценить ее, посмотреть, что было и что где есть, прикинуть, как вписать старинный сундук в современную городскую квартиру.

Будет такой сундук в квартире или в доме, и тогда что мешает все значительное и важное (не только вещи, но и мысли и чувства в книгах, письмах, записках) в него складывать? За всю жизнь накопится столько замечательного, что это действительно будет сундук чудес... И с каждым новым экспонатом этого домашнего волшебного ларца-музея в семье будет добавляться несколько хороших слов на эту тему, хороших мыслей, хороших чувств...

Старые письма

Новый год это не только чудеса, новогодняя елка, запах мандаринов, шампанское под звон курантов и праздничные хлопушки. Это еще и поздравления. Раньше это были новогодние письма, телеграммы, поздравительные открытки. Сейчас, когда появился Интернет, а с ним и возможность общаться по электронной почте и по скайпу, эта замечательная традиция (письменно поздравлять друг друга с Новым годом и говорить всякие приятные слова), к сожалению, уходит в прошлое. Но, к счастью, не для всех. Люди, живущие в глубинке, и не имеющие компьютер, или не умеющие с ним обращаться, до сих пор пишут письма и посылают друг другу поздравительные открытки на Новый год.

Недавно, разбирая антресоль, я наткнулся на целую коробку таких старых, накопившихся за много-много лет новогодних писем и открыток от родственников, друзей и знакомых. Перебирая их и вглядываясь в написанные разным почерком строчки, я вдруг поймал себя на мысли, что, может быть, все благополучное в моей жизни отчасти произошло благодаря добрым словам и пожеланиям, в том числе и заключенным в этих

Кто-то все выбрасывает, а кто-то бережно хранит

посланиях. **И вообще, может быть, все хорошее в нашей жизни происходит главным образом от энергии добрых слов и пожеланий, высказанных в наш адрес людьми — родными, близкими, друзьями, знакомыми...** Они вселяют в нас энергию, побуждающую действовать, защищают от злобы, зависти, порицания, несправедливых слов, брошенных случайно или обдуманно...

Действительно, почему бы нет, ведь **Слово имеет огромную силу**. Не случайно при встрече мы говорим друг другу «здравствуй!» или «здравствуйте!», а при прощании — «до свидания!». Не случайно при заключении брака не только в ЗАГСе, но и в церкви от нас ждут слова «да» и только тогда продолжают церемонию. Не случайно в старых, сейчас, быть может, кажущихся наивными, деревенских письмах вначале перечислялись приветы и пожелание здоровья от всех родственников и только потом речь шла о каких-то делах или событиях.

Мы над этим не задумываемся, но **доброе слово сопровождает нас всю жизнь**, а когда этих слов человеку с детства никто не говорит, он ожесточается сердцем и начинает ненавидеть людей и саму жизнь.

Особенно много добрых слов — в письмах, потому что написать письмо это уже нечто не повседневное, а душевный порыв, когда чуть-чуть привстаешь на цыпочки и к чему-то тянешься душой...

«Старые письма» — это одна из картин художника Юрия Сергеева, которой он хотел привлечь внимание к этой замечательной и, к сожалению, уходящей традиции.

«Из всех писем, которые получал,— вспоминает художник, — я отбирал самые интересные, умные или простые, но написанные искренно, с душой, и раскладывал по книгам своей библиотеки. Потом уже и забыл про какое-то письмо, а открыл книжку — оно там. Еще раз перечитаю, поволнуюсь, порадуюсь.

Сам я, как раньше писал письма, так пишу и теперь, причем, от руки. Несколько лет назад, когда был в Венеции, купил там чернильницу, разноцветные чернила и настоящие гусиные перья, сувенирные, именно такие, какими писал Данте. К письмам придумываю шуточные заголовки..».

На самом деле это только на первый взгляд писать письмо — пара пустяков. Нет, не стучать по клавиатуре компьютера, а писать слова своей собственной рукой. Многие от этого уже вообще отвыкли. А некоторые писатели, несмотря на то, что имеют компьютеры, до сих пор так и продолжают писать от руки, причем, нередко не шариковой ручкой, а простым карандашом. Наверное, потому что **помимо мозга думает и сама рука, и даже наши пальцы**.

И потом, что тоже очень важно, очень существенно — **в письмах от руки есть почерк**. Это индивидуально. Это то, что характеризует человека, передает его темперамент, его характер. Это то, что зажигает в нас творческий огонь, **переводит личность в Слово**.

А кроме того **существует и старинный ритуал бумажного письма**: взять лист бумаги, заварить чайку, сесть поудобнее, включить спокойную любимую музыку, затем медленно, с паузами, писать, запечатывать в конверт, опускать в почтовый ящик, потом ждать ответного письма, получать его, вытаскивая из почтового ящика, распечатывать, читать...

Необычное волнение испытываешь, начиная писать письмо, когда перед тобой чистый белый лист бумаги. Это как **поле, которое ты должен засеять**. Что-то на нем взойдет? Чистый белый лист бумаги требует соответственного состояния души. Если вы раздерганы и взъерошены, ничего не получится. Может быть, поэтому особенно хорошо пишутся письма хрустальной осенью или в тихий зимний вечер, когда в природе царит умиротворение.

Да, сейчас есть Интернет и о старых письмах можно много почерпнуть там. Люди рассказывают, делятся своими впечатлениями, вспоминают. Например, так:

Целая эпоха скрыта в этой стопочке писем

«Разбирала сегодня шкаф и нашла записки, которые много лет назад писали мне в роддом... Слезы в три ручья, так все нахлынуло сразу... Такие письма трогательные!!! Деловые и по существу письма от мамы, пронзительные от папы, нежные и заботливые от мужа, от сестренки, от друзей...

Некоторым письмам суждено войти потом в любовные романы

И сразу все вспомнилось... И как муж сказал, что дочку будут звать только Машей (а не известно было, кто будет девочка или мальчик), и как я ему звонила, когда поехала в роддом, а у него было ночное дежурство, я — поехала рожать, он в панике — не знал, что ему делать... И как папа всю ночь не спал и ходил из угла в угол по кухне, когда я рожала...

А письма мужа... Сейчас наши отношения как-то упростились что ли... Какая-то нежность ушла, возможно, перешла в другое качество... А тут — такие письма... В общем сижу и плачу... Как жаль, что сейчас есть телефоны и не надо писать письма...

Или так:

«Очень люблю старые письма. Наверно, потому что когда у меня плохое настроение, я беру старые письма и открытки, теплые и нежные и перечитываю. Я погружаюсь в те старые, давно решенные и пройденные проблемы. Мне сразу кажется, что любую проблему можно решить, что всё на свете мне по плечу, раз мне всё было по плечу тогда.

Потом, из тех людей, которые когда-то писали мне письма, некоторые теперь обо мне уже забыли, а тогда, они радовались, огорчались, делились впечатлениями, скучали без меня. Как и теперь в своих посланиях они как будто ещё со мной, радуются, огорчаются, делятся впечатлениями, скучают без меня...»

Угроза творческому началу в нас со стороны цивилизации в том, что нам все больше благ преподносится на блюдечке, уже готовыми и упакованными. Так удобнее, так комфортнее. Но для души это убийственно, потому что Творца из нас вытесняет

**Когда-то каждый конверт запечатывался
именной печатью**

**У знатных особ были конверты
с фамильным гербом**

дела, наконец, сядишься за письмо. То есть получается, что **ритм нашей сегодняшней повседневной жизни быстрее, чем нужно для писем. Но разве это нормально, когда мы живем быстрее, чем нужно для души?**

Часть мировой литературы (особенно русской) построена на письмах (романы в письмах) и дневниках. По письмам отдельных людей, зачастую, не выдающихся, а самых рядовых, историки дополняли (дополняют и сейчас) для себя картину той или иной эпохи, портрет той или иной исторической личности. То есть **письма всегда были частью мировой культуры.**

Для американца или даже европейца утрата привычки писать письма, может быть, не так трагична, как для русского характера, с его инертностью, мечтательностью, созерцательностью, размеренностью и непрактичностью — качествами,

пассивный потребитель. А **чистый лист бумаги непредсказуем и приглашает творить.** Соприкасаясь с непредсказуемым, мы погружаемся в себя, в бессознательное, в тот творческий космос в нас, который соединяет нас с Богом...

Для писем наша современная жизнь стала слишком быстрой. Иногда собираешься написать письмо, проходит неделя, вторая, а никак не получается — жизнь тебя все время как бы сносит. И только проснувшись утром в воскресенье, **не успев набрать привычную скорость** и осознав, что куда не надо бежать и срочно делать какие-то неотложные

которые именно в письмах замечательно развиваются и тренируются. Эти качества определяются нашей природой, ландшафтом, огромными, почти без границ, просторами, в которых мы живем. Практичность же это всегда — границы, поэтому **практичность нас корбит, даже оскорбляет**. Нам претит сама мысль писать письмо только с какой-то практической целью, про наследство, имущество или деньги. Другое дело писать его просто так, о том о сем, между прочим, чтобы просьба или конкретный вопрос не торчали наружу, а возникали как бы случайно, непреднамеренно... Уж кажется, как конкретно пишет Татьяна Ларина письмо Онегину, а начинается как будто вообще ни о чем: *«Я вам пишу...чего же боле, что я могу еще сказать...»*

Старые письма не просто переносят нас в прошлое. Они **показывают**, какими мы были много лет назад, **какие у нас были замечательные планы, какие чистые мысли, как интересно мы чувствовали**. По жизни мы меняемся для себя незаметно, успевая привыкнуть к каждому изменению и потому не осознаем трагичность и необратимость некоторых перемен. А здесь, увидев себя сразу, спустя несколько лет, вдруг видишь, что безвозвратно ушло, а что появилось нового.

Что-то мы в своих поступках не понимаем. Думаем: где были мои глаза, как меня угораздило... А считаешь старые письма, и становится все ясно — вот почему угораздило. Ведь с возрастом начинаешь читать между строк, **даже почерк уже о чем-то говорит**. Смотришь на такие привычные раньше буквы, и словно видишь их впервые. Оказывается, буква **а** всегда так странно жалостно жмет к букве **н**, а буква **т** всегда почему-то стремится отклониться от буквы **и**, как от врага. Значит в этом почерке буквы ведут себя именно так, то есть отражают характер своей хозяйки.

О старых письмах романтически писал, сидя в своем любимом плетеном кресле на берегу моря в Коктебеле и перебирая такие письма, поэт Максимилиан Волошин:

*«Я люблю усталый шелест
Старых писем, дальних слов...
В них есть запах, в них есть прелесть
Умирающих цветов...
Я люблю узорный почерк —
В них есть шорох трав сухих,
Быстрых букв знакомый очерк
Тихо шепчет грустный стих.»*

Не странно ли — мы разгадываем кроссворды и шарады, не имеющие к нам никакого отношения, а в собственной жизни у нас к закату накапливается столько неразгаданных кроссвор-

дов и шарад. Пылятся они в виде старых писем в ветхих сундуках под кроватями или в коробках на антресолях и чердаках, а нам в них разобраться все недосуг.

Трагедия нашего общества, нашей нации, нашего народа в том, что отрубалось прошлое, и **люди, боясь репрессий, сжигали все свидетельства знатной, достойной или тем более выдающейся жизни своих предков**, в том числе и письма. Сколько погибло в огне замечательных слов и историй, на которых в семьях могли бы воспитываться целые поколения! Разве что стались только безобидные открытки с похожими друг на друга поздравлениями, но зато с родным почерком близких, старательно-аккуратным или наоборот, романтически-взбалмошным.

Да, **наша национальная трагедия в том, что мы в массе своей не осознаем то ценное, что в нас есть**. Не ценим его. Нам мало кто говорил и говорит, что **смысл жизни — это продолжать линию своего рода**, а значит надо изучать эту линию, копать в прошлом. Нам мало кто говорил и говорит, что продолжать линию рода можно только будучи связанным с ней кровными узами: вещами, фотографиями, старыми письмами, памятью. Нам никто не говорил и не говорит, что, храня старые вещи предков, мы через них держим эту связь, и тем самым из прошлого идет к нам подпитка, поток энергии, подсказки, что делать в этой жизни. **И это бессмертие!** И наоборот, обрубив все связи, мы становимся похожими на судно в море без руля и без ветрил, влекомое разными течениями неизвестно куда и для чего. Нам никто не говорил, что если не общаться с родственниками, можно просто потерять себя.

Письма не сразу стали исчезать из нашей жизни. Вначале привычку писать письма начал вытеснять телефон. Часами выбалтывая по телефону потребность в общении, мы постепенно разучились писать письма. А потом наступающие на нас с Запада практичность и стремление к комфорту привели к тому, что теперь по мобильнику мы посылаем друг другу СМСки, а в магазине выбираем подходящие понравившиеся нам открытки-шпаргалки с готовыми забавными рисунками и фразами и, добавив две-три собственных, посылаем в конверте как письмо. Но это **на самом деле не письмо, потому что над ним не потрудились душа**. Да и СМСку письмом вряд ли можно назвать. Правда, дальнейшее развитие технического прогресса и коммерциализация жизни, возможно, вновь вернут нас к почти забытому эпистолярному жанру, как к витаминам, которые не хватает душе.

Письмам отведена в нашей жизни особая роль — фиксировать высокие или добрые порывы души, когда хочется сказать что-то

возвышенное или просто хорошее или пожелать что-то доброе. О том, что письмо это нечто особенное, что это особое состояние души, говорит то, что даже те люди, которые никогда не писали писем, влюбляясь, начинают их писать. Их побуждает к этому все лучшее, что дал нам Бог, что спит в каждом из нас и пробуждается, когда мы любим.

**Все что осталось от парижского романа.
Ничто. И все**

И, наконец, бумага...у человечества с бумагой особые отношения. Лист бумаги, когда мы его касаемся, читая ли, или начиная писать, как будто проводит электрический ток. Общение с ним — некое волшебство. И бывает, что еще ничего не прочитал, а только взял в руки письмо, а уже догадываешься, что в нем. Или, собираясь написать, берешь в руки лист бумаги и вдруг возникает мысль. Как будто бумага вводит тебя в коридор времени. В котором нет прошлого и будущее, а все едино...

Бумага — более живой и естественный носитель информации, чем компьютер. Она имеет вид — может быть белой, желтой, розовой, на ней какой-нибудь вензель своего времени, к ней прилагается конверт, на котором тоже какой-то рисунок и марка с картинкой. Бумага пахнет. Она шуршит, ее можно потрогать, погладить и даже попробовать. **Это все включает самые разные наши чувства**, когда мы в процессе, то есть когда отправляем письмо и получаем его.

Художник, рисуя картину «Старые письма», думал, к чему в первую очередь привлечь внимание зрителя? И его как будто осенило — к рукам бабушки. И действительно, когда смотришь на ее руку, такое ощущение, что она только что бессильно выпустила из пальцев лист бумаги, ушла на время в себя... Процесс пошел! Началось это **путешествие в себя**. Внучка и кошка это почувствовали и потрясены начавшимся на их глазах процессом — они свидетели начавшегося путешествия. А девочка вдруг разом увидела картину всей своей будущей жизни, которая перед ней на миг приоткрылась...

У нас у всех зрение предметное, сиюминутное, пространственное. Когда же мы вдруг видим целую эпоху, это значит включился другой уровень сознания, оно расширилось. Как глаз в школе быстрого чтения начинает охватывать все большую часть листа, так же растет и наше объемное зрение, мы охватываем все большее временное пространство, то, что глазами и не охватишь. Так и бабушка, все это увидела. А у внучки с бабушкой связь прямая, как у всех родственников, которые как приемники, настроены на одну волну. И перед ней тоже стали всплывать все образы, которые возникают в сознании бабушки...

У каждого из нас в душе есть свои старые письма. Дверь в этот мир заброшена и покрылась пылью, как дверца в волшебный театр в каморке старого Карло в сказке о Буратино. И ключ от этой двери, возможно, лежит на дне пруда, где живет черепаха Тортилла. Но приходит время, кто-то находит этот ключ и эту дверь и открывает ее. И снова начинается сказка...

Ю. Сергеев. «Старые письма»

Вещи из домашнего музея

У каждого из нас дома есть старые вещи. Если в нашей городской квартире залезть на антресоль или в кладовку (а на даче или в сельском доме — в подвал или на чердак), то месячного отпуска не хватит — разбирать все, что там насобирали! Да и когда разбирать...

У родителей, конечно, нет времени, они работают, а вот у бабушек и дедушек....Представим себе, что однажды внучка говорит бабушке: *«Бабушка, а давай мы с тобой очистим кладовку, а то лыжи уже ставить некуда.»*

И залезают в кладовку и начинают доставать. Раскладывают, что достали и прикидывают, что можно выбросить... Внучка держит в руках какой-то старый альбом и говорит: *«Бабушка, давай вот это выкинем.»*

Бабушка смотрит, начинает листать...И вспоминает:

«А-а-а, это же ведь альбом моего профтехучилища. За мной тогда, (а было это лет 50 назад), Виталик ухаживал и подарил он мне этот альбом с карандашом. А я ему сказала: «Дурак ты, зачем мне твой альбом с карандашом? Ты лучше бы мне мороженое купил!» А он: «Сказала бы, а то я вижу, что ты огрызком карандаша пишешь на каких-то листочках» «Ну ладно, — говорю, — раз уж купил. Буду туда писать». И вот он, этот блокнот, там столько всего интересного, если начать разбираться. Как же его выбросишь?»

А внучка: *«Давай, бабушка, дальше разбираться, мне интересно!»*

И до вечера бабушка, сидя с внучкой перед старыми коробками, один только этот альбом и листает с внучкой и все рассказывает ей, рассказывает...

А потом она берет в руки старую игрушечную шарманку... Крутит ручку...Дрын-дрын-дрын-дрын-дрын...Не вспомнить уже, откуда дед ее принес, кажется, с какой-то ярмарки. И на Новый год, когда разыгрывали подарки, эта шарманка досталась ей, шестилетней девочке. Она огорчилась, а все вдруг именно этой шарманкой заинтересовались, и она стала центром внимания. А один мальчик даже предложил ее поцеловать...Нет, и эту шарманку-развалюху тоже не выбросишь... Память...

До позднего вечера бабушка с внучкой просидели и вроде много чего пересмотрели, а на самом деле почти ничего не успели перебрать. А потом внучка бабушку стала просить: *«Бабушка, а давай вытащим еще что-нибудь старое, ты так*

интересно рассказывала...Я и не знала, бабушка, что ты такая интересная...у тебя такая жизнь была...может, и мне кто когда шарманку подарит...»

Да, наткнешься как-нибудь вдруг на все эти старые вещи и подумаешь: как все это занимательно. **Ведь ощущение времени — это для нас другая реальность, дверь в иное измерение.** И проникать в эту реальность можно через разные двери восприятия, кому что ближе и комфортнее: через зрение, слух, обоняние, осязание, вкус...Это целые миры со своими законами...Проходите в эти двери в другое время и берите там то, что вам нужно...всегда высокое, потому что низкое в эти двери нашей памяти не проходит.

...С художницей Катей Гандуриной мы познакомились в московской галерее «Славянский Дом» по Гончарной набережной. Окончив факультет прикладного искусства текстильного Института, она не стала художником по тканям, но, начала рисовать. А, как прикладник, заразилась интересом к вещам, восхищаясь их мудрой простотой и информацией разных эпох, которая может молчать, молчать, а потом вдруг развернуться, как свиток древнего пергамента.

Много живет на Севере, путешествует по далеким оконечностям российской земли. Ее картины завораживают атмосферой синих далей, изумрудных лугов, северных домов-крепостей, сложенных из неохватной толщины бревен, где живут немногословные и даровитые русские северные люди.

В небольшом уютном зале галереи как бы раздвинулись стены и пахло свежим ветром и тишиной. Старые рыбацкие сети и утварь деревенской избы шагнули с полотен в галерею, перемешавшись с тонкими красками севера, яркими закатами и восходами, туманами и снегами, создавая грустный образ уходящей от нас северной сказки.

Каждый год Катя вместе с друзьями приезжает в старинную маленькую северную деревню (когда-то большую и зажиточную), где у нее с мужем свой дом, на берегу большого озера, купленный двадцать лет назад. Причем, это не просто жилище, а еще и домашний музей крестьянского быта, экспонаты которого собирались годами, бережно и с любовью.

«Нам достались подгнившие хоромы с протекающей крышей, — рассказывает Катя, — Пока мужчины ремонтировали крышу и меняли венцы у дома, женщины и дети знакомились со старинными туесами, подойниками и огромной деревянной ступой, в которой летала, наверное, местная баба-яга.

Северный дом напоминал заколдованный замок с паутиной, скрипящими половицами и тайнами старых кованых сундуков.

Катя за самодельным (соседа рук дело) столом

Так начиналась коллекция старинной деревенской утвари, того, что посчастливилось спасти от разрушения: прялки, горшки, снегоступы, утюги, многое другое и даже старинный рюкзак.

«Вообще идея дома на севере, некой базы единомышленников, — продолжает свой рассказ Катя, — витала давно. Это было необходимо нашей команде — группе соседских, своих и деревенских детей. Менялись маршруты, подрастала команда, менялись рыбаки и художники, но оставался привитый дух взаимопомощи, локтя и любовь к нашим корням, далекой северной старине.

Северная деревня

Сокровища старого быта

Если серьезно, говорить о своей коллекции я не люблю. Боюсь, деревенские не поймут, осудят. Ну, какой у нас музей, так, береста да колобашки разные. И хранить все эти экспонаты мы с мужем сначала не умели. Помыли, например, бочки, поставили на чердак, так они рассохлись. Оказывается, дерево хранится при определенных условиях — только в сырости. А с другой стороны, грязное быстрее истлевает, разрушается. Поэтому старые вещи мы отмываем от грязи в озере и притаскиваем в дом. Видим: валяется утюг, спасти надо. Ведь проржавеет весь, как не взять. И тащишь к себе в сарай.

Наш дом с высокой крышей это местная достопримечательность округи. Он привлекает художников, туристов с реки Сума, местных рыбаков, и, конечно, хозяина — домового, живущего в темном углу за печкой, и всегда остающегося в одиночестве зимовать в занесенной снегом деревне.

Их дом-музей

Такие подойники, как здесь (их у нас штук шесть или семь), я видела только в музее в Вологде: чистые, белые, один другого больше. А молоко хозяйки процеживали по-деревенски: в носик засовывали длинный, елочками, мох. Недавно мы нашли боchoнок для пива — хоть сейчас делай пиво по местной деревенской технологии.»

Бабушкин (соседки) сундук

Особенно потрясли Катю с мужем кованые гвозди. Такой красоты они давно не видели. Аккуратные четырехгранники валялись вместе с подковами по всей деревне. Лошади-то кончились в одно лето — колхоз переехал в другую деревню, а там вскоре началась перестройка, и лошади оказались не нужны. Так и пропали — кого волки съели, кто в болото угодил, кто из леса не вернулся. Только старинные гвозди от них и остались.

Одними из первых экспонатов музея стали сундуки, которые достались им вместе с домом. Потом у соседской бабушки они выпросили сундук, сплошь оклеенный бумажками, этикетками начала века. Вначале не знали, что с ним делать. Все ветхое, бумажки отклеиваются, рвутся, пыльное все. Как зафиксировать, лаком что ли покрыть?

Любовь к сундукам у Кати давняя. С тех пор как в Москве огромный бабушкин сундук (ее приданое) полетел на помойку вместе с резным буфетом (ну, как же — ведь тараканы!), спокойно пройти мимо таких сундуков она не может. Вот почему здесь их так много: плетеных и кованых, с отделениями и без, длинных и коротких, больших и маленьких. Трудно определить их возраст, наверное, начало прошлого века, если по картинкам.

Отдельная тема — предметы деревенской утвари. Это миски, мисочки, плошки, а самое красивое — это «масленник».

«Мы, — признается Катя, — выпросили его у бабы Шуры, той, что «за река» (местное выражение) живет. Долго сидели, чай из самовара пили, ну и заговорили о старой посуде. Тут и выносит она изумительной красоты горшок с носиком. Всю жизнь в нем масло сбивала. Вот, говорит, «коровы большие нет, дети в городе, пусть у тебя будет».

Берестяной рюкзачок

Туески, утиг, бочонок для пива

Во всей этой деревенской посуде поражает многообразие форм. Никаких повторов, все разное. Красивые оттенки коричневого с патиной времени. Конечно, все — ручная работа. Старые ухваты, лопаты; совки и прочая домашняя утварь тоже часть дома.

«Все это, — сетует Катя, — от нас, к сожалению, уходит, если уже еще не ушло, и очень хочется затормозить время и хотя бы что-то сохранить».

Многие сейчас ищут по деревням старинные прялки. Самая замечательная прялка, оказывается, валялась в этом же доме на чердаке, покрашенная дикой голубой краской. Когда отчистили, оказалась резной, с остатками росписи, красоты необыкновенной.

О редчайшем берестяном рюкзачке Катя рассказала грустную историю. Напротив их дома жил мастер-столяр.

Дом сам себе построил, мебель для себя смастерил. А потом, так и не найдя себе пары, уехал из деревни. Дом без хозяина на Севере не жилец. Сначала протекает крыша, гниет потолок, и всё рушится. Так было и с этим домом — умирал на гла-

зах. И тогда Катя с мужем произвели в нем ревизию. Во время кое-что вытащили — вскоре рухнул потолок. Нашли стулья и старый стол, колыбель, три старых безмена, а еще вот эту самую удивительную старинную вещь — берестяной рюкзачок, которому лет-то не так много, но неизменную форму свою он сохраняет, возможно, 200 или даже все 300 лет. Он, по мнению Кати, настолько самодостаточен и совершенен, что украшает все ее выставки, гармонируя с картинами и старыми вещами.

«Это деревня, — говорит Катя, завершая свою экскурсию по домашнему музею старинного крестьянского быта, — с удивительным северным духовным укладом, выверенным размеренным бытом, поражает нас, суетливых горожан, простой логикой жизни. Поэтому мы и приезжаем каждое лето сюда пожить: гулять по окрестностям среди медведей, волков, рысей и росомх, ходить по грибы и ягоды, смотреть на восходы и закаты, что-то рисовать для себя и находить в этом во всем некий медленный смысл жизни, утраченный в городах.»

Дом Кати с ее домашним музеем старинных вещей для разрушающейся деревни — как маячок света и тепла. Впрочем, почему только для деревни. И для Кати, и для ее мужа, и для всех, кто о нем узнает... Маячок света, потому что все увеличивающаяся скорость жизни незаметно переключает нас с глубинного восприятия и постижения жизни на поверхностное, когда предметы и даже люди проносятся мимо, как картинки за окном летящего неизвестно куда поезда, летящего в никуда. Как в одной из бардовских песен:

Керосиновая лампа, челнок, пестик

*«Надышусь ли белым светом,
Нагляжусь ли я на небо?
Жить спешу, а следом, следом,
Все уходит в небыль, в небыль...»*

А старые вещи замедляют наше падение в никуда. Стремясь везде успеть, все посмотреть и попробовать, мы ни на чем не останавливаемся и тем самым падаем в Лету, реку забвения. А, когда всматриваешься в старую вещь, берешь ее в руки, время как будто останавливается, замирает, и тогда какая разница — жив ты еще или умер, ты прикоснулся к вечности, к бессмертию...

У Кати, впрочем, и не только у нее, здесь открывается другое зрение, рождаются новые ощущения, как будто впервые приходишь в этот мир, удивляешься ему, открываешь его заново. И, чтоб он не исчез, хочется остановить его, оставить для себя, хотя бы на картине или в записях. И она рисует или записывает...

«Когда, мы впервые приплыли в эту деревню, нас встретило стадо. Четыре коровы, бык, телята, овцы важно шли через мост, Мы попили парного молочка, посидели, прислонившись к теплым бревнам дома и... решили остаться.

Через год у нас здесь был свой дом, и мы узнали, что у Селюгиних корова-затейница может и в лесу заночевать, и в речке поплавать. У Ольги Андреевны самое вкусное молоко, а соседка Серафима Степановна с коровой причитками разговаривает и знает, как заговорить ушиб.

Скоро зима, мое время. И снег, белый снег, тысячи оттенков белого, которые хочется понять и ласкать взглядом. Настроение белого, белое звучание, музыка света. А. потом — весна.

Весной меня сбивает с ног синий цвет. Вернее, сначала он белый, а потом — синие окна в красных болотах, облака ультрамариновые, талая вода, солнечный ветер в лицо.

Другой цвет — желтый, едкий, терпкий, он пришел ко мне недавно. Он вибрирующий, нахальный, это цвет подсолнухов, золотой, неуловимый, почти оранжевый.

Зеленый — мой любимый цвет. Это цвет травы в овраге, неба на закате, вкуса, лимона в январе...

Здесь у меня есть свое персональное озеро. Состояние белой ночи, когда ты сидишь одна на острове посреди огромного озера. Солнце неслышно идет где-то, прячась за холмами, вокруг тебя. Огромные облака разноцветными кучами гроздятся на небе и как прожектором высвечиваются ярко-розовым, желтым цветом те из них, которые видны солнцу. Где-то кричат гагары...

Это очень странное ощущение, когда плаваешь вечером, вода теплая, можно плыть, как хочется и куда хочется. Вода внизу черная и, как зеркало, отражает все краски неба, и ты совершенно одна на ближайшие полсотни километров вокруг. Деревня пуста, и огромные северные дома смотрят на тебя маленькими оконцами.

Говорят, раньше в озере водились русалки и водяные. После захода солнца деревенские даже за водой не ходили, чтобы не беспокоить водяного...»

Думаю, что у старых вещей мы можем многому учиться. Умению медленно жить, бережно относиться к прошлому, к традициям, к тому, что создано чужими руками, до нас. Умению радоваться привычному. Ведь оно, это привычное, потому и стало таким, что притесалось к нам, притерлось, подошло. А отчасти, потому что и мы подошли к нему, притесались, притерлись.

Так где же ум, когда выбрасываем? Чтобы заново тратить время на притирание и привыкание? А когда же жить, то есть делать в своей жизни что-то значительное, то, что предназначено тебе, твоему роду?

Точно также и с человеком. Сейчас, чем кто быстрее живет, тем быстрее меняет вещи, привязанности, близких людей. Не во времени дело, в воспитании. **Быстро ищем, быстро теряем. А в душе то, что быстро, не задерживается.** Она живет не поверхностно, как тело, а объемно, познавательно, с эхом в прошлое и вопросами к будущему. **Значит для души надо замедлять нашу жизнь.** Хотя бы для души. И это замедление может происходить не только в храме или на кладбище, где мы проникаемся уважением к загадочному для нас миру, а дома, около старых вещей, а еще лучше — около домашнего музея, где собраны фотографии предков, какие-то вещи, письма, документы. Это не бумага, не тряпки, не дерево, а то, что способно остановить наш сумасшедший бег в никуда. В каждом доме должен быть домашний музей. Надеюсь, со временем так оно и будет.

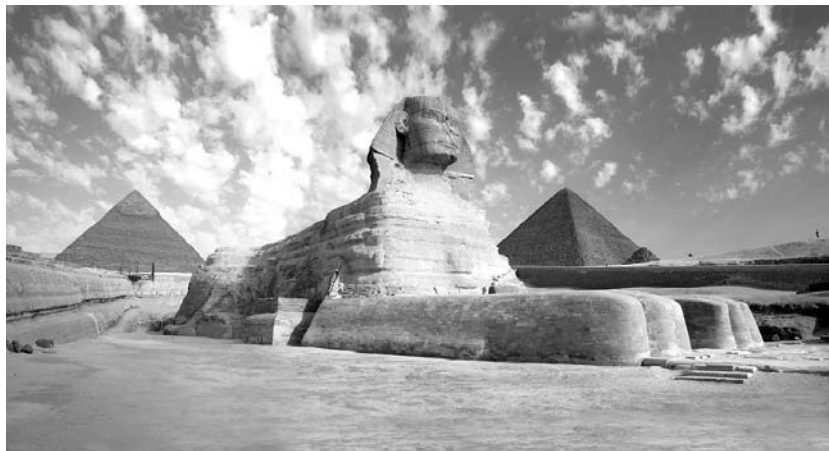
Двери нашей памяти

Мы ездим на экскурсии, ходим в музеи, на выставки и попадаем в... другое время. И, раз нам хочется ходить туда, смотреть, видеть, думать, значит нам это другое время нужно... **Каждому из нас нужно другое время...**

Интуитивно мы чувствуем, что **время — это ценность, которая всегда может понадобиться и поэтому ее надо накапливать, как деньги...**

В древнем Египте 5 тысяч лет назад строили храмы и гробницы. Для чего? Для мертвых. И это отдельная тема. А для живых — чтобы сохранить время. Ощущение другого времени, вообще **ощущение времени, позволяет чувствовать, что что-то есть за этой жизнью.** Человек без этого не может. Ему обязательно надо верить, что что-то есть за этой жизнью. Потому что жизнь наша суетна. Даже, выходя из дома в уравновешенном состоянии, мы тут же чем-то как бы сминаемся. Автомобиль, спешащий человек. Другая скорость жизни сминает нам душу. А, когда душа сминается, то ощущение времени, а значит и ощущение, что за этой жизнью что-то есть, уходит. И тогда жизнь становится поверхностной, плоской.

Почему? **Потому что без чувства времени** (а оно возникает, когда на нас дышит будущее или прошлое) **высокое не востребовано, и наша бессмертная душа томится,** высокое в ней не включено, а ей это нужно, как нужна мотору большой мощ-

Пирамиды были сейфами времени, а Сфинкс — его хранителем

ности работа на больших оборотах. Когда высокое в нас включается, мы и в других людях начинаем видеть это высокое.

С древности люди догадывались об этом и потому, наверное, пытались окружать себя знаками времени: архитектурой, старыми вещами, сувенирами, талисманами. Скажем, какой-то кулон, передается из поколения в поколение. Почему? Потому что это не просто красивая вещь. Он несет в себе дыхание прежних поколений. Родные, близкие из других времен, они для нас всегда рядом. Просто не проявляют себя, пока мы их не зовем. У нас с ними прямая связь через вещи, воспоминания. Не думаем — связь не работает. А через предметы эта связь включается.

Скажем, вы приходите на кладбище, смотрите на надпись на камне, имена, фамилии близких, смотрите на их лица, на цветы, чужие или принесенные вами...А, когда мы сами что-то делаем для времени, идет уточнение настройки на нужное время. И начинает работать канал восприятия. Вы вдруг начинаете вспоминать детали, которые были, казалось бы, вообще забыты или, как вам казалось, вы вообще об этом не знали. И, как правило, это хорошее, потому что в нас высокое работает, оно вытаскивает (раз одна волна) то же высокое и из прошлого (хорошие умные разговоры, хорошие светлые воспоминания), а мелкое, суетное, оно отключено. И в итоге мы уходим с кладбища в просветленном состоянии души и мы благодарны сами себе, что пошли, что включились.

То, что в наших бывших помещичьи усадьбах, большая часть которых сейчас или превращена в музеи или разрушается, в том же Архангельском — это та же **попытка владельцев окружить себя носителями времени — высокими символами бытия**, вышедшими из рук лучших мастеров того времени: архитектурой (внешне и внутренне), ландшафтом, скульптурой, картинами, мебелью, предметами. И хозяину уже умирать не страшно, потому что если даже у него не было времени заниматься детьми и внуками, свою высокую работу за него потом будут делать эти символы высокого.

В Архангельском, например, собраны скульптуры великих людей всех времен и народов. Вот в какой компании растут дети! Когда к князю Н.Б. Юсупову в XVIII веке приезжали гости, то прежде всего он водил их по аллеям парка и показывал: здесь у меня Древний Египет, здесь — Древний Рим, а здесь — Древняя Греция. То есть каждый раз при таком показе та или иная эпоха притягивалась, оживала, все ценности этой эпохи всплывали и обогащали человека — дыхание другого времени. К трапезе гость уже был приподнят, торжественно настроен. И тосты за столом за культуру только усиливали этот настрой.

**Дом на набережной — целая эпоха, пласт времени,
жизнь нескольких поколений**

Но и в нашем времени много символов другого времени. Любая экскурсия в прошлое...Скажем, Дом на Набережной, советская эпоха, собрание всего лучшего, всех тех идей, которыми жили наши родители, дедушки и бабушки. И экскурсовод, женщина, которая родилась в этом доме в 1932 году, уникальный человек, живой свидетель времени! Это все равно, как если бы мы пришли в Пушкинский музей, в египетский зал, а к нам бы вышел писец Манефон, историк фараона, которому пять тысяч лет, в придворном платье, с медным стилем и восковой дощечкой в руках, сел бы в позу лотоса и начал скрипучим голосом рассказывать историю фараонов Древнего Египта. Фантастика!

Эта женщина, свидетель истории Дома, ребенком слышала, как хлопали ночью двери, когда забирали людей, как рыдали женщины. Когда приезжали новые жильцы, это было целое событие. Сейчас это не событие, потому что люди разобщены, у большинства сейчас отдельные квартиры, а главное — с детства не воспитывается вот это чудо коммунистической общности, одна из главных ценностей социализма и коммунизма. В социализме главной ценностью провозглашалось общее, общественное и только потом личное, частное. Но такое понимание ценностей социализм не изобрел, а взял из древних цивилизаций (Греции и Рима), где общественное ставилось выше личного.

Социализм ведь одна из высших стадий общественного развития. Не построили — не значит, что идея была плохая, просто время не пришло. Поэтому при советской власти ребенка воспитывали так — **главное это общественное, надо жить не для себя, а для общества.** Были октябрята, пионеры, комсомольцы, была интересная жизнь, если она шла не формально, не для галочки. И было ощущение общности, причастности к чему-то большому.

Помню, как в октябрята меня принимали, было торжественное чувство. Все стояли полукружочком у доски по 5-6 человек, и нам пионервожатая

Кто не помнит этот старенький телефон пятидесятых

Типичный письменный стол тридцатых годов

прикалывала значки. Ну, событие-то микроскопическое, ерундовое, муравьиное, а для маленького человека огромное. Какая ему разница, что для всех это малозначимо? Для него-то это важно! Он сейчас приобщается к какому-то огромному целому, и это ощущение, потом умножаясь, сложится в убеждение, что наша страна самая лучшая, а наш строй самый справедливый, что надо что-то делать полезное для этой своей страны. Он не знает еще, что будет, но ощущение, что это что-то большое и важное, что это — часть чего-то большого целого, есть.

А прием в пионеры... Меня первый раз, например, в пионеры не приняли, потому что жил в интернате для трудных детей (мама со мной не справлялась какое-то время, устраивала свою личную жизнь и отдала в такой интернат), и мы с ребятами на чердаке устроили дымовушку, так что чуть чердак не загорелся. Интересно же было! Ну что там Интернат... все стандартное: кровати в ряд, комнаты на 6-8 человек, одинаковые серые одеяла, столы в столовой... четырехугольник двора. Старались как-то разнообразить жизнь... Вот, думаем, подожжем, мужики, хорошо... все горит... Кстати, это тоже общественное мероприятие — я не один поджигал. Было чувство локтя. Это не то что успокаивало, вдохновля-

Такие абажуры висели чуть ли не в каждой советской квартире

ло! Помните, песня: *«Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...»* Пафос, патетика... Нас всех застучали, пожар потушили, а в пионеры всех решили не принимать. Вобщем переживали. Не то, чтобы считали, что теперь вся жизнь сложится... Хотя одна девчонка в нашей мальчишеской компании считала, что все жизнь кончилась, в пионеры теперь уже никогда не примут. А потом меня уже принимали через три месяца, в день пионерской организации, как исправившегося, и это было еще более торжественно... Так что нет худа без добра...

То есть ощущение общности это была непреходящая ценность, и наш экскурсовод по дому на Набережной эту общность впитала с детства. И видела, как что-то менялось... Как сталкивалась иногда эта общность в душе с пониманием, что невозможно так жить. Как в фильме «Завтра была война» по повести Бориса Васильева, тридцатые годы, перед войной, столкновение матери и дочери. Когда дочь собралась идти на кладбище хоронить покончившую с собой одноклассницу, а мать, как и учительница, ей запрещала, говоря, что *«если партии нужно, то на все можно пойти, но только не против партии»*.

Во время экскурсии вспоминаю Виктора, дядю моего отца, инженера по цементу, который бывал за границей и видел со стороны, что у нас происходит. Говорил, что надо из страны уезжать, что строится не советская власть, а что-то другое. А дед и отец не верили, что что-то может быть плохо: *«Что-то не то говоришь. А что репрессии, так разберутся...»*

И в Доме на Набережной многие так думали... Ведь никто не сопротивлялся, когда приходили за человеком, даже военные, которые многое знали... Знали, что за ними придут и покорялись... Я задаю этот вопрос экскурсоводу, она отвечает: *«Никто, все покорялись, покорно ждали»*.

Почему покорно ждали? Потому что была в людях вот эта самая общность, принадлежность к стране, к государству, готовность к общей участи — если все так, то и я. А, если я против, что значит против всех? То есть мешало то самое коллективное чувство, которое было воспитано детским садом, школой. В детском саду ведь тоже было все это: общие занятия, песни, маршировки... То же воспитание общности... сопряжение своей судьбы с обществом... И это сращивание происходило на каждом этапе жизни...

Человек — градусник времени. Он переживает семь этапов жизни, каждое со своими делениями... И на каждом этапе происходит переплавление в душу всех впечатлений. И для советского человека представить себя вне общества, своей страны...

было равносильно самоубийству... Куда я тогда? Кто я тогда? Куда все, чему учили? А Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин... Это были святыни...

Одна дама начинает вспоминать, как кто-то из ее близких (когда забрали отца) написал Сталину, так забрали и его...

Не хочу сейчас, даже в связи с Домом на Набережной, говорить о тягостном и тяжелом, потому что страдания играют какую-то свою тайную роль в нашей жизни, о которой мы не знаем. Некоторые мыслящие люди, например, Достоевский, считают, что страдания, как ни странно, нас совершенствуют. Почему? Наверное, потому что они тоже что-то высокое в нас пробуждают. Печаль от сочувствия, сопереживания. В состоянии печали мы очищаемся. Потоки слез омывают душу. Поэтому один из великих философов древней Греции Гераклит был печальным и провозглашал печаль как лучшее состояние души. Поэтому если вы печалитесь, не думайте, что это плохо, что вы себя разрушаете. Вы себя очищаете.

Вспомните, как в природе бывает после грозы или даже после дождя. Вначале он идет, стучит, плачет. А потом все словно умыто. Чистота, кристальность. Все краски сверкают. И тишина. И выходишь, воздух особенный, запахи невероятные или это мы так чувствовать начинаем (обретаем способность). Вот что значит очищение! Природа уподобляется зеркалу, в котором она себя вдруг видит, рассматривает. Так и человек, в тишине и паузе видит себя в зеркале собственной души, видит то, что не видел раньше.

Любое возрождение (и в средние века и в начале XIX века) это было возрождение высоких идеалов, поэтому обращались к Древней Греции. В Древней Греции наряду с комедией была и драма и трагедия. И в Доме на Набережной жизнь зачастую кончалась трагедией (все сломано, конец). Массы людей репрессировано (30 процентов из 800 жильцов), половина была расстреляна. И отчасти Дом на Набережной — срез нашего советского общества, хотя здесь все-таки были верха: политические, экономические, культурные. Они были на виду, и репрессии прежде всего касались их. Чем глубже человек в толще народа, тем в большей безопасности.

Особая тема — вещи, **образы времени**. У каждого из нас дома есть старые вещи. Если в нашей городской квартире залезть на антресоль или в кладовку (а на даче или в сельском доме в подвал или на чердак)...(пауза) все хорошо: а там полно!

По этому приемнику ловили запрещенные голоса

Вот и здесь, в Доме на Набережной в одной комнате собраны такие старые вещи, с разных квартир. Кто-то принес старый немецкий приемник 30 годов, на котором он ловил немецкие марши. Войны еще не было, немцы были еще наши друзья. Оказывается, наши военные немцев обучали во всех родах войск.

Я смотрю на все эти вещи и думаю: как все это интересно и удивительно. Ведь **ощущение времени — это для нас другая реальность, дверь в иное измерение.** И проникать в эту реальность можно через разные двери восприятия, кому что ближе и комфортнее: через зрение, слух, обоняние, осязание, вкус... Это миры со своими законами... Иногда мы входим в эти двери и впитываем, берем там то, что вам нужно для души... всегда высокое, потому что низкое **в эти двери нашей памяти, как ни странно, не проходит.**

Верность — ключ к будущему

Когда родителей спрашивают, какими бы в будущем они хотели видеть своих детей, большинство отвечают одно и то же: *«хорошими людьми»*. Когда мудреца спрашивают, каким бы в будущем он хотел видеть своего ученика, он, как правило, отвечает: *«гражданином»*. Только если родители под понятием «хороший человек» понимают «добрый, сердечный, внимательный к другим людям», то мудрец под понятием «гражданин» имеет в виду то же самое, а еще такие социальные качества, как обязательность, чувство долга, патриотизм. Но какие качества надо воспитывать в ребенке, чтобы из него получился хороший человек и гражданин?

Одно из самых основных качеств — верность. У всех народов это качество, зародившись в глубокой древности, прошло через всю историю, сохраняя силу и жизнеспособность на протяжении тысячелетий. В Китае, например, категория «верность» (чжун) всегда была частью государственной идеологии. **Среди главных качеств, которыми должен был обладать гражданин, верность занимала главенствующее положение.** Именно это качество китайцы считали основным при осмыслении путей самореализации личности, а потом, позже, в учебе, на государственной должности, в семье.

Лебединая верность — симметрия

Об этом говорится в до сих пор востребованном трактате «Книга о верности» («Чжун цзин»), который был написан еще 18 веков назад ученым и поэтом Ма Жунем (79 — 166) в период с 147 по 166 год, когда автор занимал должность наместника области Наньцзюнь (нынешняя провинция Хубэй).

«Верным, — читаем мы в этой книге, — называют того, кто сохраняет свое сердце цельным. Все, что составляет основу государства, разве не исходит от верности? С помощью верности можно привести в согласие правителей и подданных, умиротворить страну, растрогать духов Неба и Земли. А что же тогда говорить о людях?»

Верность начинается с отдельных людей, проявляется в семье, находит наивысшее воплощение в государстве и везде соблюдается одинаково. Источник верности заключается в человеке, ее продолжение — в семье, завершение — в государстве. Когда человек целеустремлен, множество благ стекается к нему; когда семья сплочена, то родственники живут в согласии; когда государство едино, десятки тысяч людей пребывают в мире...»

В еще недавно существовавшем Советском Союзе верность тоже считалась одним из основных качеств порядочного человека и гражданина. Но сейчас у нас капитализм. А при нем верность ценится только на словах, а на деле не ценится вообще. Почему? Потому что суть капитализма — прибыль, а верность этому мешает. Любое дело в капитализме — это механизм извлечения прибыли. Чем быстрее оборот, тем больше прибыль. И верность в этом смысле — препятствие для прибыли, она мешает быстрее оборачиваться капиталу. Выгоднее для прибыли сменить жену, меняем. А верность этому препятствует. Выгоднее сменить дело, которым, может, занималось несколько поколений твоих предков, и ты это дело бросаешь (предаешь) и берешься за другое.

Предательство — естественный механизм капитализма. Как говорит один из героев рассказа американского писателя О'Генри: «Боливар не вывезет двоих». «Кинуть» в капитализме — следующий шаг после смены дела, которым занимался, предательство партнеров, с которыми работал. Потому что при предательстве разрушаются границы, и предавать потом все легче и легче.

Почему говорят, что капитализм ломает все понятия, все убеждения? Потому что выгода оказывается сильнее. Тебе предлагают 300 процентов прибыли, только надо вложить. Ты говоришь: «У меня все в деле». А тебе: «У тебя же вон сотня лежит». Ты: «Это мне надо отдать». Тебе: «А ты не отдавай. Отдай потом. А сейчас важнее прибыль!»

А о чем нам кричит со всех сторон реклама?

«Купите новую машину, купите новую квартиру, заведите новую жену... Приходите к нам. Мы вас научим, как забыть старые связи. Самая большая ценность — это сама жизнь. А люди меняются. Сегодня у вас одна жена, завтра другая, послезавтра третья. Дом тоже... Чего вы привязались к старому дому? Ну, прокладывают дорогу, вас выселяют, так чего огорчаться? Дадут другой, лучше прежнего... Сколько вам дают в качестве компенсации, 300 тысяч? Да вы на эти деньги купите три дома. А вы переживаете... Предки здесь похоронены? Да это всего лишь камни и земля. ...В конце концов, их можно перезахоронить. У вас на новом месте земли полно. Нужна именно та земля? Три машины этой самой земли перевезем... вместе с вашими предками в гробах и их камнями... Церковь привычная? Да на новом месте будет другая... Деньги есть, все решаемо...»

Народ поглощает эту рекламу, и не замечает, как меняются его мысли, как меняется общественное мнение, как формируется **безобидная внешне, но страшная по сути философия капитализма**. Не понравился муж, не понравилась жена, ну и что? Разошлись, выбрали других. Свои дети не рожаются, потому что, когда была возможность, хотели пожить для себя, а теперь поздно, ну и что? Ничего страшного. Деньги есть — нет проблем. Не рожаются свои, можно брать детей из детдома. Не понравилось — отдали, взяли другого. Капитализм убивает любовь. Ему любовь не выгодна. Ты любишь что-то, а тебе надо завтра все это бросить и бежать в другое место за прибылью...

Все просто и легко, встретиться с человеком, расстаться, завязать отношения, порвать отношения. Какой там долг, какие обязанности, какая верность... У Теодора Драйзера в «Американской трагедии» как раз показано, как развращающе капиталистический город действует на сознание, на нравы... Шаг за шагом все угрызения совести героя, убившего человека, становятся все приглушенней. Радужная перспектива и выгоды нового положения оправдывают все. Если б эта история произошла в деревне, где все друг друга знают, и ничего не скроешь... Все бы знали, что она с ним гуляла, она беременна, и надо жениться. А в городе делай что хочешь, никто с тебя не спросит... Не случайно Шукшин все фильмы свои ставил об этом... В том числе и свой первый фильм «Твой сын и брат»... Сам Шукшин родился и жил в алтайской деревне Сростки, а потом подался в город... Сам вроде бы стал носителем нового легкого отношения к жизни... Годами преодолевал в себе деревенскую основательность. И сам же

всю жизнь чувствовал свою вину перед деревней, за то, что не сохранил ей верность, бросил ее, подался в город. И всю жизнь снимал фильмы о деревне...потому что чувствовал свою ущербность — мол, здоровый мужик, ему бы пахать и сеять, а он ерундой занимается...кино снимает...Ему остается бы на своей земле, там, где его корни, а он уехал и приезжает к матери раз в сто лет...

Капитализм требует постоянного переключения. Бизнес — это переключения. Сейчас ты занимаешься одним, завтра — другим. Многие наши соотечественники уезжают в США, Германию или другую страну специалистами, а там со временем становятся торговцами или менеджерами, кем угодно. Потому что выгодно заниматься тем, что выгодно...

К сожалению, верность становится помехой для жизни не только из-за капитализма. Еще и из-за уплотнения потока новой информации. Мы живем в XXI информационном веке, когда на нас лавиной постоянно накатывается новая информация. И верность в этом смысле начинает мешать, поскольку тормозит приход нового, заставляет нас сомневаться, анализировать, сравнивать, угрызаться муками совести.

Впрочем, не только верность мешает прибыли, ей мешают и все другие вечные духовные ценности: любовь, долг, уважение, дружба, любовь к Родине, патриотизм. Потому что духовная ценность это то, что вне прибыли. Например, любовь к матери, к детям. А если это мешает прибыли? Капитализм учит: прочь эти устаревшие чувства!

Между тем, как масса ценностей в мировой культуре держатся на верности, на том, что традиции передаются из поколения в поколения. Чтобы появился такой гений, как Бах, нужно было целое поколение его предков — музыкантов Бахов. Предки — это ценность. А верность — это дорога предков. Верность родовой линии. **То, что не купишь за деньги.**

На верности держится не только человеческое счастье, но и стойкость народа в трудные периоды истории. Скольким бойцам в годы второй мировой войны помогали стихи Константина Симонова «Жди меня»:

*«Жди меня, и я вернусь. Только очень жди.
И пускай наводят грусть желтые дожди.
Жди меня, и я вернусь, всем смертям назло.
Тот, кто не дождался, пусть, скажет: «повезло».
Им, не ждавшим, не понять, что среди огня.
Ожиданием своим ты спасла меня».*

Это все о верности. Как и знаменитые строчки песни «В землянке» Алексея Суркова: *«Бьется в тесной печурке огонь,*

*На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...
Пой гармоника вьюге назло,
Зaplутавшее счастье зови!
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.» ...*

Верность — это вечные ценности. Как вера. Как вече. Как слово великий. Как имя Вера. Ве — один из трех богов в скандинавском эпосе, которые убивают великана Имира (хаос) и из его тела, предвечной субстанции, сотворяют мир.

Вечные ценности противоречат прибыли и выгоде, то есть сиюминутному.

Поэтому и говорят: *«Настоящее — оно бескорыстно. Настоящее искусство начинается там, где нет выгоды».* И действительно, когда ты что-то делаешь для, это уменьшает величие сделанного. Потому что маячащая на горизонте прибыль изначально как бы обрубает линию, по которой идет ток. Она убивает бесконечность. А верность продлевает.

Представьте, что вы художник и хотите нарисовать грустное милое женское лицо. Так оно у вас в сознании существует в вечности. Потому что вы его не опускаете никуда, ни в какие рамки, схемы и соображения. А, когда ты что-то делаешь за что-то, уже сама мысль — это канат к земле.

И в этом плане почему собаки верные, а люди — нет? У собаки нет соображения денег, она этого не понимает. Нет прерывания цепи. Поэтому у ней вечная привязанность.

Верность — это цельность и высота, несминаемая суетностью. Почему, например, у лебедей такая верность, что, если погибает кто-то из пары, то за ним и второй умирает. Потому что лебеди не суетливые, величавые птицы. У них чистая, возвышенная жизнь. Утки в отличие от лебедей многосуетливые и неразборчивые. Лишь бы набить живот и найти лучшее место для кормежки...Как формула капитализма. Лебеди же, наоборот, с достоинством несут в себе некий идеал изящества, благородства. Несут не рывками, не эпизодами, а постоянно. Неудивительно, что это постоянство переходит в верность.

Мы должны возродить слово «Верность», прояснить, показав важность этого явления, его духовную составляющую, ощущение ценности, то, что в глубине...

Если спросить человека, который всю жизнь работает на своей земле и никуда не уезжает, почему он не хочешь в город? Живет тут, понимаешь, в своем Закудыкино, не надоело? Что тут видишь, работая комбайнером, кроме трактора своего?

И услышишь в ответ: «А это моя земля. И я на ней работаю. Если я не буду ей заниматься. И никто не будет. Или кто-нибудь будет, да не так. Или позанимается и бросит. Я не хочу, чтобы мою землю предавали. Я ее люблю...»

Вот тебе и верность. Когда ты любишь, ты не хочешь предавать. То есть **верность — это часть любви, следствие любви, сама любовь**. Если ты кого-то или что-то любишь, то ты этому и верен. **Верность — это свойство Бога**, потому что его суть — порядок и все на своих местах. Дьявол же наоборот, все ставит с ног на голову. И потому его суть — хаос и неверность.

Почему религиозные браки долгие, зачастую на всю жизнь? Потому что в любой религии с детских лет воспитываются такие качества, как терпение, смирение, прощение, верность. ...Только не самость, не эгоизм. А капитализм наоборот, стимулирует развитие самости...Урви момент, приди первым, насладись, а там хоть потоп...А почему в религии воспитываются духовные качества? Потому что религия — это мир вечных ценностей, начиная с Бога, самой высшей ценности, самой большой ценности, которую осознал и осмыслил человек. **И религия это высшая духовность и наука о самом ценном.**

Искусство, как и религия, проявляет то высшее, что есть в нас. Поэтому так много в искусстве религиозных сюжетов. Поэтому и верность — один из вечных сюжетов искусства. Как изобразить верность? На ум сразу приходит величественная

сцена у знамени полка, клятва верности, вдохновенные лица бойцов...Таких картин много. Наверное, потому что в нашем сознании масса понятий имеют свои трафареты, типичные образы. Скажем, милосердие — сострадательные глаза медсестры в больнице, бедность — нищий на тротуаре с пустой шапкой вверх дном, подвиг — бросок грудью на амбразуру дзота или подхватывание падающего знамени, верность — любящие глаза матери или любимой, провожающие сына на войну.

Но есть тихое и нетипичное прочтение образа, как, например, у фламандца Питера Брейгеля в картине «Падение Икара», когда главное событие почти не видно, так, только всплеск ноги от почти уже ушедшего в воду Икара. Так и здесь у художника Юрия Сергеева на картине «Верность». Главное не бросается в глаза, сразу не привлекает внимания, оно почти незаметно. Не верность Родине под фанфары с поцелуем знамени при большом стечении народа или клятва у тела погибшего в бою товарища, а одинокая старость в забытой

Ю. Сергеев. «Верность»

Богом деревне. Понятие верности преподносится через самую обыденность, самую простую прозу жизни...И в этом есть свой смысл — через величие и пафос понятие воспринимается поверхностно, поскольку поднято над жизнью. А через самую прозу жизни — глубоко, истинно, поскольку погружено в нее, растворено в ней.

«Эта старушка, — говорит художник о своей картине — для меня символ верности. Прожила здесь всю жизнь и осталась верна деревне, не предала ее, как многие. Все из этой деревни уже уехали, дети, внуки. Звали и зовут ее в город. А она осталась и не хочет уезжать.

На первый взгляд кажется, что маленький человек со своей маленькой жизнью незначителен, даже ничтожен. Кажется, вроде и жизнь этой старушки прошла впустую, потому что некому ей передать свои знания, свой жизненный опыт, свою любовь. Но она упрямо сохраняет верность всему старому и привычному: этому вот сараю, этой лавочке-завалинке, этой сирени, этому полисаднику, этим вот собакам...И в этом она цельный человек, в этом ее стержень — верность до конца...»

Художник прав — цельность и верность понятия взаимосвязанные. Цельные люди, как правило, и хранят верность, потому что живут не плоско, только настоящим, но и объемно, то есть прошлым и будущим. Эта незаметная сельская бабушка, может быть, не подозревая это и не думая об этом, не сиюминутно живет, а в постоянном контакте с предками. И линия ее рода таким образом не прерывается. Ей, правда, некому пока эту свою верность, передать, разве что только двум этим собакам...Но, оставшись одна в заброшенной деревне, она дарит ни много ни мало как жизнь своей деревне...

Верность — это когда по тебе текут живые токи связи со всем твоим родом, с твоей землей, с целым миром...И ты черпаешь в этом силы, чтобы не прервать эту связь. То есть **верность это и проточность**...потому что через тебя текут все токи, ток рода, ток всех твоих предков...Не прерывая этот поток, ты не замыкаешь цепь, поддерживая тайную работу духовной машины жизни... Поэтому и говорят, что с родственниками надо общаться, иначе себя потеряешь. Того себя, который не только ты сам, но и весь твой род...

Кажется, что эту деревенскую бабушку все покинули, бросили. И она может, иногда, когда тяготит одиночество, сама себе говорить: *«Моя жизнь кончена, я никому не нужна...»* Но она — по сути единственное связующее звено с прошлым. Человек и сам уже об этом не думает, а сам собой является таким связующим звеном. Осколком прошлого.

Она сейчас держит весь свой род. Ее внуки, уехавшие в город, спохватятся, когда она умрет, приедут на ее похороны. И все начнется заново. Потому что они поймут, осознают. Они будут сидеть около ее дома, поднимать стопки на поминках и говорить, говорить...

«По сути-то она была носителем наших родовых ценностей, а мы этого не понимали...Она-то была у нас правильная, последовательная. Она не объясняла, а просто жила.»

«И все звала нас собраться, хотела нас видеть всех вместе...А мы все живем непонятно как. для чего...Мы думаем, размышляем, стремимся все успеть...И... не стремимся друг к другу....»

«Да, каждый живет своей жизнью...А друг другом и не интересуемся...»

«Но все-таки хорошо, что мы собрались. По сути она нас соединила. Если б она не умерла, мы бы все и не встретились и не вспоминали бы сейчас наш род, наших предков, и не начали думать, что что-то надо делать...»

«Да, братицы, если откровенно, то мы уже не только не стремимся друг к другу, но и если кто приедет, так испытываем раздражение: мол, здравствуйте, приехали. Занимайся им теперь...И так себя ведем, что гость потом скажет себе: «Больше сюда ни ногой...» А она, когда кто приезжал, всегда была рада...»

«Это верность роду. Неосознанное стремление продолжать связи, а не обрывать их...А городское чувство, воспитанное городом, это стремление к независимости... И получается, что когда к тебе кто-то приходит или приезжает и приносит что-нибудь, ты сразу думаешь: «Ну вот, и я теперь должен что-то подарить...»

«А она просто приносила, дарила. Не ожидая ничего взамен. И не боялась, что ей тоже надо будет что-то принести. Ну и что? И принесу...»

«Как возник замысел? — рассказывает художник. — Для меня эта тема очень важная и с точки зрения творчества, потому что без верности, мне кажется, не реализуешься, и как творческая личность. Верности к чему? Прежде всего, к месту, где ты родился, к твоей малой Родине, к твоим корням. Любая творческая жизнь должна быть построена на верности. Профессия художника, говорю я своим студентам, мстительная. Если ты ей изменяешь или допускаешь что-то корыстное, например, прельстишься большими деньгами или пожалеешь денег (на раму, на краски), она этого не прощает, сразу отомстит.

Вот эта бабушка, она гнет свое, сохраняет все свои привычки и привязанности. Несмотря ни на что. Она как бы говорит: «хоть затопите мою деревню, я все равно буду жить здесь и никуда не

Верность — хрупкая опора счастью

поеду!» Она хранит верность своему дому предков, своему очагу, своей малой родине. Я думал: как может пахнуть верность? Может быть, как сирень?

В этом доме умерло три поколения до нее. Смерть через всплеск эмоций закрепляет верность. Да и предки, похороненные здесь же, поддерживают нас, хотя мы этого не замечаем.

Можно было, конечно, нарисовать ряд привычных ценностей: речушку, церквушку, березку, маленький домик с палисадником, колодец... Но зачем придумывать, если есть реальность... Я взял реальную бабушку, которая жила в соседнем селе Пречистая гора. Это ее двор. Это она идет с ведрами. Всю жизнь работала в совхозе простым полеводом.

Когда я ее впервые увидел, меня поразило, что у нее на плече прямо-таки яма, четкий прямоугольник, как вырезанный пилой. Дельтовидная мышца за многие годы смялась, сплющилась так, что заостенела, стала костью. Это от коромысла. Потому что там колонок с водой нету. И ей приходится без конца ходить с коромыслом и ведрами к речке или к колодцу. Но она все равно вслед за детьми и односельчанами в город не поехала...

Что одна делает? хлопочет по хозяйству. У ней сад и огород, которые нужно все время поливать. А водопровода нет. У ней — птицы и животные, о которых надо заботиться. Она и заботится. Может, курам несет воду, может, собакам, может, поросенку. Может, моет полы и несет хозяйственную воду...»

На самом деле неважно, куда и кому несет она воду. Важно, что эта сельская бабушка привыкла носить эту воду так же, как, наверное, мифологический могучий титан Атлант — держать небо на своих плечах. Привыкла до того, что мышца на ее плече превратилась в кость. Разница в том, что Атлант уберет плечо, и небо упадет, мир рухнет. А бабушка уберет из-под коромысла плечо со страшной своей выгнутой мышцей-костью, и мир не рухнет. Он рухнет, если все такие вот сельские бабушки, одновременно уберут свои плечи и бросят коромысла с ведрами. Он рухнет, потому что рухнет порядок, **упорядоченный ход вещей, порядок действий, повторяемых такими бабушками из поколения в поколение, на чем и держится мир.**

Капитализм завихряет и ускоряет мир, заставляя его в погоне за прибылью крутиться все быстрее. И это сумасшедшее движение в никуда (прибыль сама по себе ничто, абсурд), все больше лишает все наши чувства естественности: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Мы уже хотим смотреть на мир через очки 3Д, хотим слушать его через наушники, вдыхать его через парфюм, пробовать его не в чистом виде, а через сочетания сталкиваемых вкусов (дыня с рыбой или мидии с ананасом), касаться его через вибратор.

Молодые и даже зрелые, закрученные капитализмом люди, ища какой-то свой путь, чтобы выделиться, делают себе разные татуировки (в том числе и безобразные и устрашающие), разрезают кожу и вставляют туда самые разные предметы: бритвы, шарики, спицы, кольца. Некоторые даже раздваивают язык, чтобы он стал похож на змеиный, набивают его булавками, как подушку. Последний крик такой моды — укол в глаз и впрыскивание прямо в глазное яблоко черной краски, так что на зрачке возникает подобие татуировки. И все это для того, чтобы завтра ты пришел, и все сказали: *«О, какой он новый и клевый!»*

Они это делают от нечего делать, от того, что именно они свободны и вправе, как сами считают, распоряжаться собой и своим временем, как им захочется. В то время как деревня воспитывала коллективное мышление, преданность, верность месту, где родился, люди думали не только о себе, но и об общем благе. И потому всегда были заняты. В данном случае **верность наполняет жизнь человека чувством рода, преемственности всех дел своих предков, заботой о своих потомках.** Даже просто верно ждать — это тоже непрерывное занятие, занятость, которая на духовном плане нарабатывает роду прочность, надежность, преемственность.

Мы не думаем о том, что развитие, прогресс при всех своих плюсах и перспективах, а также скорость современной жизни

отклоняет человека от естественной оси (труд на земле, семья, дети, общественная жизнь), склоняет нас к извращениям, а простота и естественность кажутся уже примитивными. Мы не замечаем, как и наши тонкие духовные чувства (юмора, справедливости, печали) от скорости жизни теряют естественность, искажаясь до безобразия. Погоня за прибылью, которой одержим мир, все предметы и явления заставляет терять образ, отчего потом все возникающие образы и правила, расплываются и растекаются до бесформенности, до безобразия..

Техногенный капиталистический город отчуждает человека от живой природы и труда в ней, и делает труд механическим и бессердечным. Потому что в деревне все делаешь сам, и все что-то делают, а слово «надо» включает сердце. Ты это видишь в голодном взгляде собаки, в мычании коровы, в пiske цыплят. Над твоей духовной палитрой работает природа: бередают чувства туман, ветер, жара, облака, дождь. Побуждение к труду связывается с движением сердца. А цифры в компьютере в офисе...они ничего не включают кроме мозгов.

И эта деревенская бабушка с ее упрямой верностью прежней жизни оказывается едва ли не единственным островком сопротивления скорости, от которой мы сходим с ума...

Разумного человека может удивлять, что до сих пор не нашлось пока государства (за редким исключением), где правители, сами будучи из деревни, поставили бы просто перед собою цель — поддержать деревню с ее здоровой, правильной и природной жизнью, **привлечь внимание к деревне, как идеальной форме жизни на планете, где дети бы росли в живой природе.** О чем это говорит? О том, что люди в массе своей пока еще этого не понимают. По крайней мере, на уровне государств и правительств. Понимает только небольшая часть. Например, писатели-деревенщики, такие как Платонов, Шукшин, Астафьев, Белов, Распутин. Если даже найдется президент какого-нибудь государства, который на сессии ООН встанет и скажет о деревне, которая повсеместно вымирает, о традициях, которые безвозвратно уходят, ему возразят: мол, это процесс необратимый, ничего тут не поделаешь...Давайте, мол, еще по пещерам будем скорбеть...

Будут создаваться условия, так чтобы в деревню захотелось возвращаться, и люди начнут возвращаться. Не в ту деревню, куда через горожан, прессу, радио и телевидение уже проникают городской цинизм, городская идеология, где все уже почти городские. Траву уже не скосят, площадку всем миром уже не сделают. А, когда к соседям обращаешься за помощью, говорят: *«Таджиков найми, пусть они тебе сделают!»* Нам нужно

восстанавливать прежнюю деревню, где ритм жизни, неторопливый и размеренный, не нарушает все циклы нашей жизни, не искажает наше ощущение времени и тем самым позволяет растить детей в окружении живой природы здоровыми и адекватными людьми.

Дети в окружении живой природы — эта идея должна овладевать обществом в целом, всем населением Земли. Тогда будут включаться и духовные центры. И верность будет. **Верность, она оттуда же, из нашей связи с природой, которая приучает все делать в срок и одно за другим.** Верность человечества временам года сформировала нашу психику, и, благодаря этому, мы свою жизнь подчиняем определенному порядку, откуда и понятие «порядочный человек». Не будь этого, мир превратился в хаос, а люди — в хищников, рыщущих в поисках наживы...

Праздник верности в России превращается в традицию

Ангел благородства

Если признать, что театр отражает жизнь, то наша жизнь становится похожа на сумасшедший дом.

Взять, например, наше святое святых — Большой театр — где режиссер Дмитрий Черняков, выпускник российской Академии театрального искусства и многократный лауреат премии «Золотая маска» «переосмыслил» оперу «Руслан и Людмила», перенес действие.... в бордель. Причем, суд отклонил иски оскорбленных зрителей. Или еще более скандальный спектакль «Евгений Онегин» литовского режиссера Римаса Туминаса в театре имени Вахтангова, всегда считавшемся храмом культуры, где артисты на сцене справляют нужду, блюют, а няня Арина Родионовна превращена в старую проститутку, содержавшую когда-то сексуальный притон, и курит марихуану. После чего, как высказался один из зрителей: *«люди с традиционным восприятием будут просто опасаться идти туда еще на что-либо.»*

Однако есть еще у нас театры, в которых светло на душе, после которых не остается чувства гадливости и омерзения, как будто ты попал не в храм искусства, а провалился в выгребную яму, и не возникает сомнения, все ли у тебя в порядке с головой. Например, историко-этнографический театр, где прошла премьера пьесы почти забытого сейчас русского драматурга А.Ф.Крюковского (1840-1911) «Сверх комплекта», поставленная главным режиссером театра Михаилом Мизюковым.

Как написано об этом спектакле в старинной Санкт-Петербургской программке: *«Это веселая комедия, переделана из немецкой пьесы «Mauerblutchen», в которой рассказывается о старом холостяке-ворчуне, задумавшем жениться на молодой девушке...»* Вечный, широко распространенный и очень удобный сюжет для комедий и комических опер, таких, например, как, «Служанка-госпожа» Джованни Перголези (1710-1736) или «Пимпиноне» Георга Филиппа Телемана (1681-1767).

На самом деле, несовременная, можно даже сказать, старомодная пьеса «Сверх комплекта», намного шире этой узкой темы про старого холостяка, спектакль не столько об этом и не только об этом...

Ведь эту историю можно рассматривать и как попытку **вырваться из привычного круга жизни** и дать себе надежду на счастье. Если не попробовать, то всю жизнь можно потом упрекать себя, что не воспользовался шансом изменить будни, которые стали рутинными. Да и представится ли потом еще когда-ни-

**До влюбленности жизнь старого холостяка проходила
в препирательствах с экономкой...**

...и с компаньоном

будь такой шанс? И человек бросается в новую жизнь со своей новой решимостью и со всеми своими старыми страхами и сомнениями.

И это уже любопытно, потому что **интересно, как это происходит и чего это стоит**. И это актуально, потому что в своем выборе мы сейчас более свободны, чем в прошлые века, когда человека в его попытке изменить жизнь сковывали по рукам и ногам традиции, обычаи, экономика, когда нельзя было, например, развестись, поделить квадратные метры или уехать в другую страну. Вот почему сейчас столько курсов и семинаров на тему «Как улучшить свою жизнь?», «Как обрести счастье?», «Как прожить именно свою жизнь, а не чужую?».

То есть тема близкая каждому из нас, потому что **все мы закручены в этот самый круг жизни** в своих буднях и вырваться из него очень трудно, зачастую мы себе, даже, если можем, это просто не позволяем. Тем более, это трудно было сделать раньше, когда при попытке вырваться, на тебя обрушивалось еще и общественное мнение.

К тому же попытка вырваться меняет привычный ритм жизни, и она начинает идти совершенно в другом ритме, с искрами и завихрениями. Именно так это происходит в спектакле, когда в этот вихрь новой жизни вовлекаются все окружающие — типично чеховская круговерть с интригой, забавными сценами и неожиданными поворотами.

Интересна пьеса еще и тем, что как раз показан момент (конец XIX века), когда психология женщин стала меняться и они из домашнего существа, призванного ублажать мужа, становятся самостоятельными единицами, которые должны уметь позаботиться о себе. И на то есть причины, демографически, экономические, социальные...

Как объясняет одна из героинь пьесы Ольга:

«По последним статистическим данным мужчины и женщины в России находятся в самых неправильных отношениях между собой, то есть мужчин на целый миллион меньше, чем женщин; прибавьте к этому, что часть мужчин не решаются жениться за неимением средств содержать жену...наконец, есть и такие дрянные эгоисты, которые предпочитают оставаться холостяками, чтобы обезопасить себя. Изволите видеть: комплект мужчин, желающих жениться, далеко не отвечает комплекту девиц, желающих выйти замуж, а потому поневоле множество женщин остаются сверх комплекта.»

Или как говорит другая героиня Варя, тоже девушка на выданье:

«Скучно вечно прогуливаться с невидимым ярлыком невесты, ищущей жениха. Обидно быть выставленным товаром на жизненном базаре и очень понятно, что каждая из нас ликует, когда, наконец, вычеркивается из списка предлагаемых товаров...»

И все же это не серьезная психологическая или социальная пьеса, а комедия. Поэтому здесь все герои вызывают симпатию, подлецов и злодеев здесь нет. Никто здесь ни над кем не измывается и никто никого не унижает, как у Ф.М.Достоевского. И подлинной трагедии ни с кем здесь не происходит. Наоборот, все ситуации выглядят забавно, комично, как у раннего Чехова, когда еще он был Антошей Чехонте, — веселым, еще не грустным и не полным раздумий и сомнений...

Да и год написания пьесы — 1896ой. Как раз то самое время. И как у Чехова в его пьесах есть нелепые герои, нужные для каких-то тайных комических пружин действия — Чебутыкин, Епиходов, Гаев — так и здесь есть такие герои — молодой Владимир Окуркин, отставной чиновник средних лет Михаил Семенович Кудрышев, пожилая экономка Степанида...

Кстати, и веселая музыка во время спектакля помимо повторяющегося вальса А. Грибоедова очень напоминает музыкальное сопровождение ранних чеховских инсценировок, без песен и танцев, но по сути своей похожих на его водевили «Медведь», «Юбилей», «Предложение». Здесь песен и танцев тоже нет, поэтому водевилем спектакль назвать нельзя. И тем не менее на сцене царит (это чувствуется) именно чеховская атмосфера ранних его рассказов: это и водеvilьная музыка, и пререкания героев (компаньонов), как в игре в теннис, и комические персонажи, и комические ситуации.

Например, такой эпизод...В конце XIX века (впрочем, точно так же и во времена А.С.Пушкина, и во все времена) было комично, когда пожилой человек женился на молоденькой. Считалось, что он отчасти тронулся рассудком. Вот почему, когда один из владельцев фабрики обоев 56-летний Петр Петрович Вирилин увлекся молоденькой Ольгой и собрался на ней жениться, его компаньон Афанасий Иванович Мотылев стал к нему особенно внимателен, как *«с безнадежно больным, от которого отказались все доктора...»*

Благодаря всем этим деталям и механизмам спектакль получился нескучным, легким и воздушным...

Но главное в другом. **Пьеса «Сверхкомплекта»**, как ни странно для комедии, еще и *«о бескорыстной любви, которую нельзя променять ни на какие деньги...»*, как написала в откликах в Ин-

**Старый холостяк прислушивается к возникающим в нем
чувствам**

**Брак по расчету — именно то, что вначале устраивало
и Павла и Варю**

тернете одна из зрительниц. В то же время она и **о благородстве, а еще и об альтруизме**, потому что, как заметил другой зритель, *«разве не благородно уступить право на личное счастье, да еще и искренне радоваться этому чуждому счастью?»*

И, хотя действие пьесы происходит явно не в романтическом месте (на фабрике обоев) и сюжет (два вечно спорящих друг с другом компаньона, Афанасий Иванович Мотылев и Петр Петрович Вирилин, собираются поженить своих детей — дочь Варвару Мотылеву и племянника Павла Вирилина) закручивается на, казалось бы, сером бытовом, житейском уровне, но **основанное на расчете благополучие уступает романтическим чувствам**, охватившим героев.

А все из-за того, что на фабрику на должность бухгалтера и экономиста, устраивается 18летняя Ольга, дочь бедного отставного чиновника Михаила Семеновича Кудрышева. Для конца XIX века, времени расцвета эмансипации и борьбы женщин за свои права, вполне типичный шаг не обеспеченной, не имеющей приданое девушки, желающей помочь своей семье и вообще завоевать свое достойное место в обществе. Оказавшейся, как она сама говорит «сверх комплекта» (вот откуда название пьесы), то есть в числе тех женщин, которых по статистике больше чем мужчин.

К несчастью (или к счастью, иначе не было бы никакой интриги), в нее влюбляются оба Вирилины, и дядя, и племянник. И оба вопреки здравому смыслу. Ну ладно влюбился бы только племянник, который в свои тридцать уже начал жить по расче-

Оказывается, Ольга и Павел любят друг друга

Ольга готова пожертвовать своим счастьем

ту, собравшись было выгодно жениться на девушке без любви зато с хорошим приданым... Но, как говорят, бес в ребро ударил и его 56 летнего дядю, который вдруг дал волю всем своим мечтам о личном счастье.

Не случайно пьеса «Сверх комплекта» начинается, сопровождается и заканчивается слегка грустным и все-таки оптимистическим вальсом А. Грибоедова. Она немного похожа на его знаменитую комедию «Горе от ума», где приехавший в московский дом Фамусова Чацкий будоражит и сбрасывает все местное общество. Так и здесь, появившаяся на скучной обойной фабрике Ольга закручивает спокойную и даже отчасти рутинную обывательскую жизнь в яркий круговорот событий, следующих одно за другим и меняющих одну ситуацию на другую, что держит зрителя до конца спектакля в радостном, дразнящем, неослабном напряжении..

И не то, чтобы Ольга намеренно создает это напряжение, совершая скандальные эпатажные поступки, тем самым привлекая к себе всеобщее внимание через скандал, как многие это делают в наше время. Нет, время-то тогда как раз было другое, строгое и скромное, как и поведение девушек. Степанида, например, старая экономка у Вирилина, когда ее называют женщиной, поправляет: *«Я не женщина, я девица»*. То есть тогда, в конце XIX века, женщине на старости лет не стыдно было признаться, что она девица. Даже лестно было напомнить об этом другим. Сейчас наоборот, даже среди девушек, не говоря уже о дамах, не принято признаваться в своем девичестве. А в распутстве наоборот, признаться не только не стыдно, а наоборот, даже *«прикольно»*.

Нет, Ольга ведет себя тихо и скромно, как некий идеал. Или как ангел. Ну да, как бы из ниоткуда появляется ангел или очень положительный герой, и все в соприкосновении с ним начинают меняться. Известный сюжет в мировой литературе, который позволяет посмотреть на жизнь под новым углом (например, так появляются Штольц в романе И. Гончарова «Обломов», князь Мышкин у Ф. Достоевского в романе «Идиот» или Лука в пьесе М. Горького «На дне»).

Именно с Ольги, которая пошла на службу ради своей нуждающейся семьи и согласилась выйти замуж за пожилого человека, **началась повальная серия благородных поступков**. И именно из-за Ольги как от солнечного света, как, цепная реакция, везде и во всех начинают происходить положительные изменения.

Во-первых, меняется атмосфера на фабрике: все дела приведены в образцовый порядок, бумаги написаны высоким штилем и каллиграфическим почерком, молодые конторщики перестали отлынивать от работы, наоборот, желая завоевать

внимание хорошенькой девушки, теперь работают не покладая рук. В результате чего фабрика процветает.

Во-вторых, старый ворчун и заядлый холостяк Петр Петрович Вирилин с удивлением обнаруживает, что в нем, как в какой-нибудь опытной кадке в оранжерее, распускаются молодые побеги нежных чувств, и он начинает жить как бы заново, дав волю своим надеждам на счастье...И он же потом, узнав, что его невесту любит его племянник, причем взаимно, отказывается от женитьбы на ней в пользу племянника.

В-третьих, Павел Вирилин, племянник Петра Петровича, влюбившись в Ольгу и зная, что она решила выйти за дядю, подавляет в себе свои чувства и соглашается на брак по расчету.

В-четвертых, Варя, дочь Афанасия Ивановича Мотылева, компаньона Вирилина по фабрике, согласившаяся было уже на этот умственный брак с Павлом, узнав, что Павел любит Ольгу, отказывается от брака с ним, освобождая его от каких бы то ни было обязательств.

Возникает вопрос: что же это творится, что это со всеми происходит? Какое-то повальное благородство, прямо эпидемия...Петр Петрович Вирилин, удивляясь всем этим событиям, говорит, что всеми, по крайней мере, им и его племянником, овладел демон благородства. На первый взгляд действительно, демон, недаром ведь говорят, что дурной пример заразителен. А с другой стороны, благородство — свойство, скорее ангельское, чем демоническое. Значит **всеми овладевает** не демон, а **ангел благородства**. И это тоже по-хорошему заражает, в этом тоже, можно сказать, **рецепт развития благородных чувств**. То есть соверши кто-то один благородный поступок, и другим тоже захочется сделать то же самое.

Один из немногих, если не единственный исследователь этого свойства нашей души, австралийский философ Джон Пассмор (1914-2004) так писал о благородстве в своей книге «Способность человека к самосовершенствованию»:

«Благородство — это определенный моральный кодекс, по которому нужно жить, это свойство присуще человеку, живущему по так называемым «золотым» правилам, главное из которых можно добавить к основным библейским заповедям: «С людьми нужно поступать так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой». Благородство это уважение к людям, умение жертвовать своими интересами и душевная щедрость.

Во все времена благородство рассматривалось как важный компонент во взаимоотношениях с людьми. В современном мире этому явлению также есть место: практически каждый человек хотя бы раз в жизни прощал кому-то обиды, уступал что-то свое, помогал тем, кто в нем нуждался.

Общество разделилось — расчет или благородство?

Экономке Степаниде снова есть о ком заботиться

Даже сегодня, в наш циничный век, это качество все еще оценивается по достоинству. Если верить, что человечество становится лучше, то с каждым новым поколением благородство будет все более востребованным».

Так что, **поднимая тему благородства, уже только одним этим пьеса заслуживает внимания**, особенно на фоне нашего практического и рационального века, когда партнеры по бизнесу или политике заказывают друг друга, мужья и жены легко меняют жен и мужей, когда многие не только не отказываются от личного счастья ради другого человека, но наоборот, буквально выцарапывают это счастье у других, думая в первую очередь только о себе...

Все мы знаем, что сейчас сплошь и рядом пожилые мужчины женятся на молоденьких девушках, глуша в себе голос совести, спрашивающий: *«Тебе-то хорошо, а каково ей?»*. Сейчас и молоденькие девушки сплошь и рядом выходят за пожилых мужчин, не позволяя или даже скорее не утруждая себя спросить: *«Разве ты не обманываешь его и себя? Ведь не успеешь оглянуться, как начнешь ждать его смерти и желать ее...»*

Так что **спектакль в этом смысле как бы возвращает мозги на место**, наводит в них порядок, какой имел место, когда еще был Советский Союз, и в школах детям помимо знаний закладывали понятия о добре и зле, о порядочности, чувстве долга и прочих высоких гражданских чувствах, в том числе и о благородстве. Мало того, **спектакль показывает, в каких условиях все эти чувства могут к нам возвращаться...**

Это сейчас важно, потому что что-то происходит с нашим искусством, в том числе и с театром. Раньше он, как и Пушкин, *«чувства добрые лирой пробуждал»*, а что же теперь? Теперь режиссерам важнее выразить себя и чем-то привлечь внимание меценатов или спонсоров к спектаклю и к театру. Поэтому теперь они самовыражаются как только могут, перенося действие и в баню, и в бордель, и на помойку, и в сумасшедший дом, заставляя при этом актеров переодеваться на сцене, драться и ругаться матом. То есть, превращая спектакль в рекламу, пробуждают у зрителей чувства не добрые, но низменные.

Думая об этом, можно еще и так понять смысл названия пьесы «Сверх комплекта»: комплект — это современный набор душевных качеств, в которых нет места совести, порядочности, благородству, чувству долга... А здесь у героев пьесы и у коллектива Историко-Этнографического театра все это есть... Сверх комплекта...

Золотошвейки

Мужчина во все времена был добытчик и защитник, а женщина — хранитель семейного очага. Поэтому, если для нашего сознания вполне привычен образ мужчины с копьем или мечом, то женщина часто изображается с пряжей, шитьем или рукоделием. Это как бы символ мирового порядка. Мужчина устанавливал этот порядок, а женщина создавала полотно и наносила на него образы, которые хотела сохранить и закрепить. И такой образ женщины, как правило нравится мужчинам.

Помните у А.С.Пушкина:

*«Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, -
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..»*

Не случайно же «Сказку о царе Салтане» он начал именно такими строчками:

*«Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком...»*

Или вот его знаменитые и такие привычные нам строчки:

*«В светелке, распевая, дева
прядет, и, зимних друг ночей,
горит лучина перед ней.»*

А что сами женщины думают о рукоделии? В 1839 году, спустя 13 лет после этих строчек поэта, в стихотворении «Недоконченное шитье» младшая современница Пушкина и его поклонница («боготворю его всегда») графиня Евдокия Ростопчина (1811-1858) написала:

*«Для женщины час скромных рукоделий
Есть час спокойствия, молчанья, дум святых».*

Именно вот это самое «дум святых» не хватает нашим современницам, крутящимся по жизни как белка в колесе. Все надо успеть и везде надо успеть — на это сейчас нацеливает и мужчин и женщин возрастающая с каждым годом информативность мира, насыщенность информации на единицу времени. А в спешке тут не до «дум святых». И только рукоделие приводит женскую душу в состояние мира, покоя, позволяет вернуться к мыслям о вечных ценностях.

Так было всегда, и это отражалось в искусстве. Ни одно жилище во все времена (от пещеры каменного века до царского дворца) невозможно представить без декоративных украшений, в том числе и вышивок. Как неотъемлемая часть укра-

шенного быта вышитые изделия не только разнообразили жизнь, но и создавали особую творческую атмосферу.

Рукоделие, как и всякое творчество — это, конечно, процесс загадочный, на грани чуда. Им управляет не только логика, но и еще и не познанные пока нами законы природы. Бывает так, что мастерица и замысел имеет, и мастерством достаточным обладает, и материалы у нее все есть, а работа не идет. Хоть убейся, хоть лбом об стенку расшибись, как иносказательно

Василий Тропинин (1776-1857). «Золотошвейка». 1826 г.

говорят, но и в каждом иносказании есть своя доля правды. Потому что за тупиком следует озарение. Дойдет она до предела, до отчаяния, сама себя замучает, и вдруг, когда уже, кажется, никакого просвета впереди, никакой надежды, как молния ударит, озарит сознание идея, то самое недостающее звено, которого не хватало...

Почему так, что происходит? Тайна сия великая есть. Может быть, душа наша, чтобы создать что-то прекрасное, должна стать как чистый лист бумаги, то есть очиститься от накопивше-

Каждый золотой листочек требует тысячи стежков

У каждой мастерицы свои узоры

еся житейской пыли, как очищали раньше перед новым плаванием моряки свою каравеллу от налипших на нее за предыдущий рейс ракушек да водорослей. Вот так же и творческие муки и отчаяние, как духовный пожар воспаляют душу и сжигают все наносное...

А еще для рукоделия нужно смирение. Между тем, как любой художник должен быть импульсивным, страстным, иметь характер, который проявляется через строптивость, гонор, даже гордыню. Все эти отрицательные производные таланта могут иметь место. Но не для процесса творчества, а для творческого горения, для творческой энергии. Сам же процесс должен быть свободен от этих всплесков. Тот же принцип чистого листа бумаги.

Загадочное явление, когда материальное вдруг переходит в духовное. Трудно уловить момент, когда это происходит и за счет чего. Но, когда это случается, от произведения искусства как будто исходит невидимый свет, преображающий все вокруг, позитивно влияющий на людей...

Издавна Русь славилась искусством вышивания: в простых избах, в царских и боярских мастерских, в монастырях занимались женщины вышивкой, рукоделием. Настоящие искусницы шили не только шелком, но золотом и жемчугом, создавали роскошные облачения для царей, знати и духовенства.

Это кропотливейший труд — на один квадратный сантиметр изделия приходится больше сотни стежков. В итоге, во всей вышивке их — несколько миллионов. «Ягодка», «копытчко», «городок», «хлопчик» — мастерицы знают 120 типов швов. Вот только принцип для них один — все золотые и серебряные нити должны остаться только на лицевой стороне работы.

А вышивать мастерица должна только с молитвой. Так оно всегда и было, золотошвеи шили как совершали обряд. Многие так делают и сейчас. Входит иголочка — они произносят *«Господи»*, выходит — говорят *«Благослови»*, то есть на каждый стежок просится благословение Бога.

В наших музеях русской старины часто можно увидеть чудесной красоты покрывала, вышитые золотом, о которых экскурсоводы с гордостью говорят: *«А вот это вышивала и подарила такому-то монастырю постриженная в монахини Соломония Сабурова, первая жена князя Василия III, или Евдокия Лопухина, первая жена Петра...»*

Художник Юрий Сергеев увидел подобный покров в музее Сергиева Посада. Узнал, что в маленьком Торжке есть золотошвейный промысел, съездил, посмотрел, понаблюдал за мастерицами. И загорелся написать картину. Тем более, что из художников на эту тему никто ничего не писал.

Сюжет подсказала Библия — эпизод, где Богоматерь в руках держала икону. А, когда увидел в одном владимирском селе в деревянной церкви старый подсвечник с двуглавым орлом (точку отсчета, искорку), понял: пора браться за кисть.

Перед нами мастерская золотошвейного дела в женском монастыре. Здесь царит атмосфера большого сосредоточения, потому что эта работа требует концентрации, похожей на пламя свечи. Девушка только что сняла с пальцев сделанную работу — Оранту (молящуюся богоматерь в окружении ангелов) и, скромно потупя взор, показывает наставнице.

В этой кропотливой уединенной работе помимо смирения и терпения еще и духовный подвиг. Это удивительно, потому что человеку не дано **подвигнуться, замахнуться на духовное.** Человек — материальное существо. Как Бог говорил Адаму, изгоняя его из Рая: *«Будешь ползать в прахе и есть прах»*. А тут прикоснуться к божественному.. Не дано. Но удалось. Подвиг, почему и говорят **«подвигнуться»**, то есть подвигнуть себя на другой уровень, подвинуть себя вверх.

Ю. Сергеев. «Золотошвейки»

Все вроде пока шло обычным порядком. Пришла наставница, девушка ей показывает свою работу. Наставница сейчас что-то ей подскажет. Будни, ничего выдающегося. И вдруг наставница, рассматривая работу, оторопела — она увидела, что произошло нечто очень важное, **совершилось чудо — девушка соткала божественное, сотворила Богоматерь.** И наставница, чувствуя, что и в нее уже проникает божественная благодать, потрясена, поэтому и буквально вцепилась в раму (это видно по правой руке). И как бы говорит про себя: *«Девочка, ты не понимаешь, что ты сделала...»*

И действительно, самому-то мастеру или мастерице это, может, и не дано вначале увидеть, понять, что вышло из-под его рук. Как в фильме А.Тарковского «Андрей Рублев», когда Данила Черный на все сомнения и муки Андрея говорит ему: *«Да ты посмотри, ты сам-то понимаешь, какую красоту ты сотворил! Ты же божественное сотворил!»*

В самом деле, поразительно: когда мастер или художник начинает, перед ним — самые прозаические материалы: нитки, ткани, проволоочки, ленточки, клубочки. И из этой мишуры вдруг появилось нечто божественное. Как у Анны Ахматовой:

*«Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...»*

Это замечали, об этом говорили и писали многие художники-классики: М.Нестеров, В.Васнецов, И.Билибин. Даже авангардисты, например, В.Кандинский: *«Истинное произведение искусства возникает таинственным, загадочным и мистическим образом».*

Как из обычного материального вдруг рождается духовное? Это всегда чудо и происходит оно повсеместно, едва ли не с каждым из нас. **То есть духовное растворено в материальном мире, заложено, запроектировано в нем, и человек, как инструмент Бога, своим трудом освобождает духовное, воплощает его, подобно Творцу. Почему и говорят, что мы созданы по образу и подобию Божью. А значит способны творить.**

Но дух, проявляясь, начинает одухотворять и все вокруг. Вот вторая девочка, до сих пор у нее была зависть к работе подруги, корысть, мысли типа *«чем я хуже этой, ей просто повезло, что наставница благословила ее на такую работу, а меня нет, ей все внимание наставницы, а ко мне нет...»*

Теперь и в нее начинает проникать **благодать, идущая от вышитой иконы.** Она с удивлением обнаруживает, что ей уже и злиться нечем, да и не хочется совсем. Наоборот, на нее нисходит смирение, благолепие, умиротворение. Она начинает благоволить перед иконой, как перед святыней.

Без духовных чувств (смирения, благоговения, благодарности) внутри нас не родится духовное.

Одна молодая послушница жалуется другой: «Наша настоятельница все мне не дает и не дает покров шить. Я уже и на огороде две недели работала, и на хоздворе навоз разгребала, а все не допускает. Даже спросила у ней: «Матушка, когда же разрешите вышивать?» Молчит».

Девушка не понимает, что идет подготовка, накапливание в ней смирения, терпения. Не понимает, что материальное в материальном (низкие чувства при низкой работе) не приближает к чуду. Но если в материальном возрастет духовное (при тяжелой работе светлые мысли), значит с рук человека в материальные вещи будет перетекать духовность. То есть все, что мы делаем в жизни обыденно, обыденным и будет, чуда не жди. И наоборот, **если мы что-то делаем благоговейно, получается чудо.**

Золотошвейное дело учит упорству — начал работу, доведи ее до конца. А еще золотошвейное дело учит привычке трудиться долго. Некоторые Покровы вышивали несколько десятков лет. И не считали, что жизнь проходит. Вот чего нам не хватает — смирения и терпения. Между тем как становление любого дела, реализация любой цели, любой идеи — это 8-10 лет. Становление той или иной науки — 20 лет.

Духовное редко, как невиданной красоты цветы. Преобладает, к сожалению, обыденность. Вот и здесь, на картине, на заднем плане суета сует, идет будничная жизнь — другие монахини рассматривают образец или заготовку, планируя новую работу. Там духовного еще нет, оно пока скрыто в замысле, поэтому и позы и жесты персонажей будничны и обыденны. Испытать потрясение от рождающегося чуда им еще предстоит.

В принципе чудо (как переход от материального к духовному, превращение одного в другое, когда материя структурируется) запрограммировано во всем. Шьет мастерица, шьет, шьет и вдруг — бах, «вспыхнуло», **количественное через повторы переходит в качественное**, по невидимой цепи начинает пульсировать невидимый ток. Почему в золотошвейном деле это происходит? Потому что для всего нужен настрой, обряд, как служба в храме, где все чудеса (например, исцеление, мироточивость икон или проступание ликов святых на стенах) происходят после службы.

И в творчестве тоже нужен настрой, нужен обряд, как в храме, начиная с благословенья батюшки. В храме вообще все делается с благословения. Нельзя, значит нельзя. А можно, значит уже создана предпосылка для чуда, для перевода части материи в энергию.

Почему такими успешными (заложили основы всей нашей отечественной промышленности и торговли) были все старообрядцы (купцы, промышленники)?

Потому что они все чтит традиции. Когда ты повторяешь то, что делали твои предки, ты совершаешь обряд. **Повторение одних и тех действий** (в работе, в быту, в еде), **благоговейное отношение ко всему, что делаешь, терпение и смирение — вот что предваряет чудо.**

Для того, чтобы произошло одухотворение, то есть чтобы в материальном проявилось духовное, не обязательно оказаться в монастыре, не обязательно заниматься золотым шитьем, не обязательно, чтобы это было 28 августа, День Успения Богоматери, которой посвящена работа, или 12 июня, Духов день, когда Христос, убеждая апостолов в своем воскресении, ниспослал им сошествие святого Духа, или 14 октября, День Покрова Пресвятой Богородицы, который как правило чаще всего вышивают золотшвейки. Главное — наше состояние души, а внешние факторы только такому состоянию способствуют. Каким оно должно быть? В первую очередь — светлым, чистым от низких помыслов, кротким и умиротворенным, то есть таким, какое возникает у золотшвейки, не спеша вышивающей образ Богоматери.

Одного священника в Духов день спросили:

«Батюшка, а что означает «быть не в духе?»

Он ответил: *«Когда нас одолевают разные заботы, мы «не в духе», то есть забываем о Боге, о том Свете, которым он является и который он зажег в нас. Этот свет горит в нас, когда мы вспоминаем о нем. **Быть в духе значит быть в Свете, значит помнить о Нем.**»*

Этикет в раме

Есть вещи в жизни, через которые проявляется душа, суть человека — слова, поступки, пение, танцы. В каждом таком проявлении свой ритм, свои движения, свой узор, свои интонации. Какой ритм нашла в старинных танцах Наталья Кайдановская, об этом она и сама, возможно, специально не задумывалась. Потому что свое призвание, как и многие талантливые люди, нашла по интуиции, прислушиваясь к себе. А в итоге вышло так, что то, что делает она, не делает никто...Как это выглядит?

Когда смотришь на них, возникает знакомое волнение, как будто стоишь перед картиной эпохи Возрождения... Небольшой танцевальный зал, его высвеченное прожекторами пространство, так что **танцующие оказываются как бы в золоченой раме**. Они в традиционных костюмах того времени: на дамах — роскошно орнаментированные платья до пят, на талии перехваченные ажурными поясами; мужчины — в обтянутых трико, изысканных камзолах, коротких «дуэльных» плащах и мягких бархатных беретах.

Так выглядят танцы эпохи Возрождения, которые представляли такими, как их танцевали в Европе в то время, в XV — XVI

Приглашение на танец — целый ритуал

веках. А поставила их на сцене московского музея-усадьбы Останкино хореограф, балетмейстер Большого театра, руководитель Ансамбля старинной музыки и танца при Московской консерватории «Time of Dance» Наталия Кайдановская. Ее программы — часть традиционных летних вечеров старинной музыки в театральном зале Шереметьевского дворца.

Нередко бывает так, что значительное событие происходит тихо, камерно, и никто его не замечает. В самом деле, казалось бы, что значительного в том, что **в залах бывших дворянских усадеб вновь звучит старинная музыка**, донося до нас вместе с впечатлениями от интерьера и предметов быта отзвуки других времен, другой культуры, а кавалеры и дамы вновь начинают разговаривать между собой языком танца? Языком, который уже утрачен. Ведь, как ни странно, сейчас даже профессиональные хореографы, ставя танцы к историческим фильмам, больше полагаются на свою интуицию и воображение, поскольку переводов трактатов по старинным танцам у нас нет, по крайней мере, не было до тех пор, пока за них не взялась Кайдановская.

*«Первый трактат Туано Арбо «Оркезография» 1588 года, — рассказывает она, — мне дали мои друзья-музыканты. Хотели увидеть, как выглядят те танцы, которые они играют. Позже другие трактаты я нашла в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. Там описан каждый шаг, каждый жест, каждый поворот головы. Например, у Фабрицио Карозо целая глава посвящена тому, как надо снимать и надевать во время танца берет. Или в описании танца **куранты** у Арбо есть такие ремарки: мужчина подтягивает чулок, поправляет блузу и идет просить прощения у дамы. А в танце **гальярда** кавалер «теряет» даму, потом*

Наталия Кайдановская

ее «ищет»... *А гавот, например, танцевался так: все вставали в круг, а посередине — какой-нибудь мужчина. Потом он выбирал женщину из круга, целовал ее, и уже она вставала в круг.»*

— **Вы перевели трактаты, а что было дальше?**

«Стала репетировать со студентами балетмейстерского факультета ГИТИСа. На первых занятиях они были немного зажатые, смотрели в пол, им казалось, что старинные танцы надо исполнять медленно, с опущенными глазами. Но углубление в трактаты показало, что наряду с серьезными есть веселые танцы с прыжками, кружениями, играми, которые как раз больше соответствуют эстетике Возрождения.

— **Вы ставите классические танцы, отражающие свое время, как, скажем, отражают галантный XVIII век картины Антуана Ватто. То есть каждый танец мог бы служить своего рода путеводителем по эпохе. Может быть, есть смысл рассказывать о каждом танце перед его исполнением?**

— *В Останкино на Шереметьевских вечерах сотрудник музея иногда дает пояснения по старинным инструментам, исполняемой музыке и танцам. Танцы действительно отражают состояние общества и со временем видоизменяются.*

Например, аллеманда (старинный немецкий танец), хороший танец, приблизительно с 1575 года получивший развитие в Германии и отличавшийся от устаревшей тогда паванны

Каждая дама видит себя на месте царицы бала

(«раване») простой ритмикой в народном духе, во времена И.С. Баха почти так же устарела, как торжественная павана во времена Г.Шайна (1586-1630).

Сарабанда (старинный испанский танец) в XVI веке тоже был медленным, плавным и торжественным, в XVII веке стал достаточно быстрым, а еще через столетие приобрел трагический оттенок.

Куранта (старинный французский танец), наоборот, в XVI веке была быстрой, в XVII стала более спокойной, а в XVIII ее уже считали старомодной, как и аллеманду, более популярным стал гавот. Мы даже собирались сделать с Александром Суэтиным, руководителем ансамбля «Орфорион», отдельную программу «Время сквозь призму одного танца».

— Жаль, что у нас до сих пор нет театра танцев со своим помещением и своей труппой, который и был бы окном в историю: в Древний Египет, Древнюю Грецию, Древний Рим, Средневековье, эпоху Возрождения, век Просвещения. Музыка отражает эпоху как зеркало, но танец может сделать это зеркало еще более отчетливым. Неужели вас не посещала мысль создать такой театр?

— Конечно, была такая мысль. Но где взять деньги, где найти директора? Такой театр требует роскошных декораций и костюмов, нужны танцоры. А артисты Большого театра, с которыми я репетирую, очень заняты — утром у них репетиции, вечером — спектакли. У многих еще и семьи. Те, кто приходит, это энтузиасты, работают из любви...

Что ценного в том, что Наталья Кайдановская возрождает старинные танцы? Скептик скажет: «Эка невидаль — единичное воссоздание забытых изысканных аристократических движений, жестов, поз...» Но есть и другая точка зрения, высказанная зрителем, пожилым преподавателем предмета «Мировая Культура» в одном из частных лицеев, с которым мы разговорились в зале после программы.

— «Это ни много ни мало как возрождение духовности, — сказал он, — потому что красота и изящество, внимание и бережность к человеку не могут войти в память тела, не пройдя через сердце, не став частью души. Только словами тут ничего не сделаешь. А как вы думаете, почему новые русские посылают своих детей учиться в старую Европу? Чтобы они помимо престижных профессий получили там представление о хороших манерах, которые у нас, к сожалению, под давлением информации вытесняются из образования и воспитания».

Если мужчина забывает, как он должен вести себя по отношению к женщине, а она не знает, как вести себя с мужчиной, напоминая ему о том, что он — мужчина, их отношения становятся безличностными и бесполовыми, что сейчас и происходит.

Соревнование в галантности

Когда движения созвучны, вспыхивает пламя единения

Отсюда термин «унисекс» — бесполость, от которой уже начинают лечить людей психологи. Потому что счастье — это не только творчество, но и гармония взаимоотношений.»

Вот на какие мысли наводят старинные танцы, возрожденные Наталией Кайдановской на сцене Шереметьевского дворца в Останкино.

Действительно, такие танцы — непреходящая ценность, потому что человечество состоит всего-то из мужчины и женщины. И именно мужское и женское начало начинает вытесняться в наше время специальностями, социальными ролями, политическими статусами. Мы это чувствуем, поэтому неосознанно возрождаем рыцарские турниры и клубы средневековой культуры.

С другой стороны танцы Средневековья и Возрождения были не только азбукой отношений между мужчиной и женщиной, и изучение этой азбуки просто развивало, но и игрой, в которой каждый из партнеров примеривал на себя ту или иную роль. Своего рода развитие гибкости ума, возможность в танце примеривать на себя социальные роли.

Наконец, все старинные танцы (алеманда, куранта, сарабанда и жига) со временем стали музыкальными кирпичиками нового жанра — сюиты XVIII века, стали частью нового языка, который нам еще предстоит расшифровывать. Любую французскую сюиту Баха теперь можно ставить в театре в виде маленьких пьес-танцев, и каждая, в зависимости от видения режиссера, будет иметь свое лицо.

Кайдановская возрождает старинный танец, открывая целый забытый мир, язык тела, а главное — куртуазный (учтивый, рыцарский) танцевальный диалог между мужчиной и женщиной, который, как картину, можно заключить в раму и любоваться, чтобы не забывать. Низкий ей за это поклон.

Но помимо забытого этикета танцы эпохи Возрождения — это дверь в такое необъятное космическое пространство, как танец, а приобщение к танцу — это приобщение к ритмам Вселенной.

Танцевальный ритуал во все времена входил в священные культы народов мира. В Древнем Египте, например, был **астрономический танец жрецов**, который изображал гармонию небесной сферы, ритмическое движение небесных тел во Вселенной.

Уникальный феномен танца возник из потребности человека выразить чувство сопричастности окружающему миру. Не имея математического образования, человек все равно чувствовал, что все, что существует во времени, подчинено ритму и движению по кругу.

У каждой дамы — своя роль: неприступная, игривая, учтивая

За кем будет последнее слово?

Великий естествоиспытатель и художник, писатель и инженер, музыкант и композитор Леонардо да Винчи (1452-1519), живя при миланском дворе герцога Людовико Моро, устраивал празднества, в которых в сопровождении написанной им музыки танцы граций сопровождали движения небесных сфер по разным орбитам, таким образом доказывая взаимосвязь танцевальных движений с космическими ритмами.

Жан Жорж Новер (1727-1810), великий хореограф, в чей день рождения, 28 апреля, ежегодно отмечается во Франции Международный день танца, подобно семи нотам в музыке, искал семь основных па в балете, которые могут выразить основные состояния души.

А философ-мистик, композитор, писатель и путешественник Георгий Гурджиев (1866-1949) использовал в своей практике танцы, воспроизводящие древние сакральные мистерии, которые он видел в своих путешествиях по Африке и Азии. Его ученики двигались вокруг гуру подобно планетам, обращающимся относительно светила, расположенного в центре, исполняя «вращающийся танец суфиев».

«Изучая движение небесных тел, скажем, планет Солнечной системы, — говорил Гурджиев. — вообразите, что вы построили особый механизм, чтобы передать зрительное изображение законов этих движений и напомнить нам о них. В таком механизме каждая планета, изображаемая сферой, помещается на определенном расстоянии от центральной сферы, изображающей Солнце. Механизм приводится в движение, все сферы начинают вращаться и двигаться по заданным путям, воспроизводя в зрительной форме законы, управляющие движением планет. Нечто подобное содержится и в ритме некоторых танцев.»

В конце-концов, и жизнь каждого из нас — это тоже танец, простой или сложный, глубокий или поверхностный, красивый или безобразный...Каждый создает свой танец, свою линию судьбы, ищет свой ритм, свои движения, двигаясь по дороге жизни...И, если поинтересоваться, какие танцы танцевали наши предки, то можно почувствовать, что близко нам самим...

Песня — гимн жизни

Песня — это вроде бы просто набор выстроенных звуков. А на самом деле тайна. И начинается она с того, что **любой человек появляется на этом свете с криком**. Младенец кричит, выдувает, выдыхает свою маленькую песенку о том, что появился, обозначает этой песней-криком место, где появился, время своего появления и свою звуковую вибрацию, не похожую ни на какую другую, более точную, чем отпечатки пальцев, или радужная оболочка глаза. Это крик-оповещение, крик-закрепление своего места под солнцем, крик-краска в мировой божественной палитре. Новая краска.

Впрочем, а почему с криком появляется на свет только человек? А птицы? Разве не начинают они сразу галдеть и пищать, едва вылупляясь из гнезда, тоже оповещая мир о себе, обозначая свое место в нем. И потом уже не замолкают, все время поют, прославляя жизнь. Потому что птицы свободны, летят, куда душа пожелает. Кто-то сказал: *«Будьте свободны, как птицы небесные, и у вас будет желание петь...»*

Почему мы и говорим: *«Птицы небесные»*... Потому что сравниваем их с ангелами, которые в раю по нашим представлениям все время поют. Славят жизнь и Бога своим пением. И еще говорят, что птицы — это души умерших людей, которые, будучи людьми, мало пели, а теперь, став птицами, могут это делать с утра до вечера...Один воробей петь не может, он только чирикает. Но, когда их много, они по очереди чирикают и получается — поют. Один замолкает, другой подхватывает. Хор певчих. Поющий куст.

Песня — это вибрация радости. Или восторга. Или счастья. Или благодарности. Особенно возвышена песня-гимн, песня-благодарность или песня-восхваление. Не случайно библейский Давид (1035 - 965 ггдо р.х.), сочинив псалмы, славящие Бога, положил их на музыку и стал пропевать, как молитвы.

Я появился, разве вы не видите

И родилась, сложилась потом одна из великих книг человечества Псалтырь, книга псалмов, песен-восхвалений Бога, которая стала потом настольной книгой многих поколений людей на протяжении столетий.

Песни-гимны, посвященные Атону (солнцу), пел еще 3500 лет назад в Древнем Египте фараон Эхнатон:

*«Прекрасно появление твое
На светло-голубом небесном своде...
Ты — жизнь сама, само живое солнце,
Извечно существующее в нас
И вне нас существующее вечно...
Когда сияешь ты на небосклоне*

Фараон Эхнатон поет гимн Атону (солнцу)

*И щедро сноп лучей на землю шлешь,
То тешится зверье внизу травой,
А каждый куст и дерево любое
Пьянеют от тепла твоих лучей...»*

И точно также люди в разные эпохи и в разных странах, спонтанно, нигде этому не учась, вставали затемно и шли встречать восход солнца. А когда оно появлялось, кричали «ура» и пели гимны...

Гимн-молитва святого Франциска

Песня-гимн близка к молитве. Основные ее элементы — призывание (invocatio) и магическая формула (carmen). А вот составные части этой формулы — эпikleза, то есть священное имя, и просьба. Так что все гимны загадочны и магичны, **все гимны погружают тех, кто их поет, в состояние расширенного сознания, поднимают на самый высокий духовный уровень** — божественный, там, где нет мирской суеты и низких энергий, только свет, любовь, добро.

В мировой духовной культуре гимны к богам являются не только древнейшим памятником художественного слова, но занимают огромное место в религиозных таинствах разных времен и народов. Например, в Древней Греции и Древнем Риме это песни-гимны различным богам и богиням в элевсинских мистериях, на Ближнем Востоке это мистические суфийские гимны Омара ибн аль Фарида и Джалаледдина Руми. В эпоху раннего христианства в Византии это поэмы-гимны Иоанна Дамаскина и Романа Сладкопевца. Лучший пример гимна в эпоху Возрождения — гимн святого Франциска Ассизского к «брату Солнцу».

Или например, гимн нашего поэта Гавриила Романовича Державина (1743-1816):

*«Свод неба, над моей главою
Что с сонмом многих звезд висит,
Вращаясь вкруг земли, собою
Твое веление творит;
В молчаньи движась, исполняет
Земля вся мание Твое,
И вся природа совершает
Тобой течение свое.»*

Песня-гимн и раньше и сейчас один из видов национальных символов, наряду с флагом и гербом. И не только символов, **гимн и сейчас мощный механизм концентрации и проявления национальной духовной энергии, укрепляющей нацию**. Ведь он звучит при всех значительных национальных церемониях: политических, социальных, спортивных, культурных. Гимн каждой страны — уникальное явление культуры, например, британский гимн «God save our Lord the King» («Боже, храни короля»), американский «My Country, 'Tis of Thee», гимн Германской империи «Heil dir im Siegerkranz», швейцарский «Rufst du mein Vaterland», шведский «Du gamla, Du fria» и другие.

Иногда, подобно тому, как в космосе мир от Вселенной сужается до точки, так и песня-гимн сужается до крика. Или внешне звучит как крик. Короткий, как выдох. Хотя на самом деле это тоже песня. Как у Горького:

*«Над седой равниной моря
Ветер тучи собирает.
Между тучами и морем
Гордо реет буревестник,
Черной молнии подобный.
То крылом волны касаясь,
То стрелой взмывая к тучам,
Он кричит, и тучи слышат
Радость в смелом крике птицы...»*

Наверное, если кто-то поет песни и тем более гимны, то он, можно сказать, живет, потому что **каждое живое существо в какой-то момент славит жизнь, не может не славить**. И, когда славит, это настолько высоко и значительно в смысле предназначения любого живого существа, что порой все остальное уходит на второй план. Тетерев, например, когда поет, даже забывает об осторожности, не слышит подкрадывающегося хищника или охотника. Да и масса других живых существ при пении теряют осторожность.

Мужчина всегда был разведчиком и добытчиком, а женщина — собирателем и хранителем материального опыта и духовных ценностей. Вот почему девушки, пока жизнь у них безоблачная, часто напевают про себя и даже вслух — неосознанно славят Бога и благодарят за жизнь и ее радости. С годами и с заботами, к сожалению, все реже. И только став бабушками, сбросив с себя суету и напряжение повседневной скоростной жизни, они вновь начинают напевать. Вначале тихо и даже про себя, а потом уже и вслух... То есть **начинает человек свой жизненный путь с восхваления Бога и прославления мира и заканчивает тем же**. А то что в середине жизни отклоняемся мы все от своего предназначения... так это слабость наша, гордыня, искушения разные. Опять же женщин больше чем мужчин ходят в храмы, это защита, подсказка как жить, каких истин придерживаться...

Крик или песня объединяют нас не только с Богом, но и с миром через звук. Мир все время звучит. Представить только, сколько живых существ на планете одновременно звучат, просто мы многое не слышим. А, когда звучим сами, то тоже станем общим звуком, общей звучащей мелодией мира, как бы растворяемся в этой мелодии прославления и благодарения. И теряем сознание — как можно осознать себя, если растворился... Почему и говорят: *«Заходится человек в крике или в песне...»* И с чем тут сравнятся какие-то преходящие ценности, даже ценность самой нашей жизни...

Потому, наверное, и боль кажется уже не такой нетерпимой, когда мы звучим, поем или кричим. Женщине, когда тяжело

рожает, говорят: *«а ты кричи, милая!»* Она кричит и ей легче. Раньше, когда не было наркоза, воинам при обработке тяжелых ран или ампутации конечностей, советовали кричать или петь. На Кавказе с древнейших времен бытует «Песня боли», которую поют, собравшись вместе, товарищи тяжело раненого воина, которому предстоит операция. Песня потому так и называется, что облегчает боль. В ней зачастую не было слов, но был такой всплеск такой душевной силы, такой печали, что она заглушала боль.

Какую песню ни возьми, из тех, что поют в застолье, есть в ней что-то печальное, невысказанное, несбывшееся. Хотя на первый взгляд слова могут казаться простыми, даже примитивными. Например, знаменитая, миллионы раз перепетая всеми песня:

*«Вот кто-то с горочки спустился...
Наверно, милый мой идет,
На нем защитна гимнастерка,
Она с ума меня сведет.
На нем погоны золотые
И яркий орден на груди...
Зачем, зачем я повстречала
Его на жизненном пути?»*

То есть **песня — это чувственная вибрация не только радости, но и печали**, потому что печаль синего цвета, это пауза. Это **мысли сердца**, которому нужны вопросы без ответа, вопросы Богу. Это уже пространство нашего духа. Недаром в книге Экклезиаста сказано: *«Во многие мудрости многая печаль»*.

Большинство русских песен несет в себе женское начало и большей частью исполнено печали. Женщина как правило поет, как бы пригорюнившись, слегка тоскуя, печалась... Это выше конкретных роптаний на судьбу или конкретных обвинений кого-то, это разговор с Богом. И это, наверное, самая нужная волна, на которой поет душа. Как в знаменитой печальной русской песне, которую полтора столетия назад записал русский поэт Иван Суриков (1841-1870):

*«Я ли в поле да не травушка была,
Я ли в поле не зеленая росла;
Взяли меня, травушку, скосили,
На солнышке в поле иссушили.
Я ли в поле не пшеничушка была,
Я ли в поле не высокая росла;
Взяли меня, срезали серпами,
Склали меня на поле снопами.
Я ли в поле не калинушка была,
Я ли в поле да не красная росла;*

*Взяли калинушку, поломали
И в жгутики меня посвязали.
Я ль у матушки не доченька была,
Уродимой не цветочек я росла;
Неволей меня, бедную, взяли
И с немилым, седым, повенчали...»*

В мужских песнях, как ни странно, та же печаль по несбывшемуся, неосуществленному. Видимо, человеку помимо странствия настоящего нужен еще и простор прошлого. Например, другая, тоже часто-часто пропеваемая в застольях песня:

*«Когда б имел золотые горы
И реки, полные вина,
Все отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна.
Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу.
Тогда свободно и счастливо
С молитвой ты пойдешь к венцу.
Ах, нет, твою, голубка, руку
Просил я у него не раз.
Но он не понял мою муку
И дал жестокий мне отказ.»*

В сказках мечта вначале недостижима, но потом герои каким-то невообразимым счастливым образом осуществляют свои планы и достигают желаемого. В песнях мечта остается реально недостижимой, как радуга над головой. Но, может быть, она такой и должна быть, чтобы освещать жизнь внутренним сердечным светом, как лампада.

Раньше песни пели все. Потому что была деревня. Потому что были **просторы, раздолье**. Была тихая скорость жизни, **паузы**, в которых песне было место, ей было где разогнаться, для нее хватало времени, чтоб набрать дыхания. И песни пели не только на природе — в поле, в лесу, на дороге, на лугу... Пели и дома. На праздники и в будни. Всегда в застолье.

А теперь мы поем все реже. Бабушки уже не поют внукам и внучкам. И те, вырастая, тоже уже не поют песни своим внукам. Потому что уже с внуками не живут. И места в городе для песен нет. И скорость жизни такая, что не до песни.

Искусство всегда либо прославляло жизнь, либо проникалось ее проблемами. В этом смысле песня — интересна для искусства, для воплощения. Ведь когда человек или даже любое другое живое существо поет, это гимн жизни, радость жизни, звучание высокой душевной струны. А, если не поет, то живет ли настоящей полноценной жизнью?

Девушка, тоскуя о любимом человеке, поет:

*«Оживают в ночи все мои желанья,
Я хочу быть с тобой, только с тобой.
И сердечко мое, словно птичка ранняя
Без тебя не поет...»*

Вот и художник, когда видит, что перестают петь песни, что они исчезают из нашей жизни, перестают звучать, начинает беспокоиться, переживать, думать: что же происходит со всеми нами?

«Главное богатство это жизнь. — рассуждает художник Юрий Сергеев, — Но живем ли мы? Похоже, скорее бежим по жизни. Не бегут разве что женщины, точнее те из них, которые, воспитывая детей, проводят целые часы с ними. И это уже не бег по жизни, а все-таки жизнь. Если только взрослые не успели еще стянуть ребенка в свой взрослый водоворот скоростной жизни, когда все время надо куда-то бежать и спешить.

А у мужчин на жизнь уже нет времени. Сказать сейчас прямо на улице какому-нибудь мужику в городе: «Пойдем на луг, соберем цветов, попоем!», он на тебя посмотрит как на сумасшедшего.

Не секрет, что многие мужчины и женщины уже почти живут на работе: в офисах, в грузовиках, в гостиницах, в дороге. Бизнес и выживание вынуждают их так жить.

Ю. Сергеев. «Песня — гимн жизни»

И действительно, живя в офисе, что человек может? Да он даже не может дать душе пищу — уединиться, вдумчиво послушать музыку, выбраться на природу со своими детьми. Он может быть только белкой в колесе, не знающей света Божьего...

И мне захотелось написать картину, которая подошла бы под определение «настоящая жизнь»... Не та городская, которой мы живем, несясь как по замкнутому кругу, а деревенская, в единстве с природой, когда пауза, как вдох... Где герои ликуют от свободы, от простора, от возможности и радости жить... Когда пусть хоть на мгновение, но возникает чувство свободы, осознание, что никто тебя ни в какие рамки не загоняет...

Это место, село Вошня, и там такая красивая долина, похожа на Украину с ее хуторами и огромными холмами. Здесь как будто три страны: и лес, и луга с полянами, и овраги ...Когда сюда приходишь, тут рай. И я иногда думаю, может раем это место и назвать?

Когда я сюда приезжаю, то хочу петь, особенно с друзьями. А в Москве уже не поешь — слишком большая скорость жизни. Поэтому я в Москве живу как в клетке: молча, не пою, жду, когда вырвусь в село...

Этим летом был праздник Ивана Купала. И я попросил всех соседей по селу принести песенники, что у кого есть, и все принесли. И мы так душевно пели... И вот думаешь: «Эта потребность петь, что это такое?»

Художник задает вопрос, а я задумываюсь. И мне вдруг открывается, что песня это не просто звуки, а нечто божественное. Это пропускание необыкновенных слов, положенных на музыку, через себя, как это пытался делать 500 лет назад немецкий монах Мартин Лютер. Он с детства пел мальчишкой в хоре и уже тогда задумался: а, может быть, это Бог приходит ко мне через музыку и божественное слово. Это высшее — **приобщение к Богу через песню...** И Лютер подумал, что звук соединяет небо и землю. **Через песню на землю спускается небо...** Он открыл для себя, что пропевание текстов священного писания помогает ему отгонять искушающего его беса, доставляет неизъяснимую радость, высшую из всех испытанных им раньше. И он подумал: а почему бы не научить этому и других людей? Из всех глав Библии лучше всего подходили для переложения на музыку псалмы, прямо молитвы в чистом виде! Поэтому именно их он выстраивал как стихи и писал к ним музыку. За ним запела вся средневековая Европа.

«В деревне — продолжает художник, — петь даже уговаривать никого не надо, сами поют. И слова вроде не учат, никто их не учил. Генная память что ли... Что-то, видимо, записывается на детскую память, когда слышишь за столом, как взрослые поют... «По Дону гуляет...», «Пчелочка золотая...»

Даже тогда, когда деревенские становятся городскими, давно уже уехав из деревни в город, и в них почти уже выключается все природное, деревенское, несмотря на это, все равно они, их дети и даже внуки сохраняют в душе нужные для песни деревенский простор и способность **медленно жить**, останавливаться, делать паузы. Что ни говори, а какие-то образы детства мы навсегда сохраняем в памяти и выносим во взрослую жизнь, как бы она ни менялась. Например, когда тебе шесть лет и ты лежишь в июльской траве на спине, а вокруг тебя цветы, одуряющие запахи, какой-то живой гомон или приятный шум маленькой **невидимой жизни**: кто-то шуршит, кто-то стрекочет, кто-то тоненько свистит... **Природа сама все время поет песню-гимн, прославляющую жизнь**, и в деревне, где бы ты ни был, ты ее услышишь. А в городе...там тоже своя песня, но это не гимн жизни, это страшный гимн безжалостной машине, разрушающей жизнь...

И вот, когда деревенские выбираются в сельскую местность, в отпуск ли, на выходные или просто, когда уже не могут оставаться в городе, тогда в них все деревенское природное мгновенно включается.

Когда я писал картину, то вспомнил эпизод, когда внуки из города приехали к родственникам в деревню на каникулы. Не какие-то там идеальные герои, стройные, с духовными лицами...Нет, самые обыкновенные, даже, может быть, уже и бездуховные, как часть современной городской компьютерной молодежи.

И вот, выйдя за околицу прогуляться, они оказались в поле. И буквально опьянели от всего: от запаха цветов, от красок, от звуков, от пения птиц, от облаков...

Как у Владимира Высоцкого в песне про нейтральную полосу, о том, как два офицера, наш и турецкий пошли на нейтральную полосу за цветами для своих приехавших к ним невест, и что из этого вышло:

«Пьян от запаха цветов капитан мертвецы,
Ну и ихний капитан тоже в доску пьян.
Повалился он в цветы, охнув по-турецки,
И, по-русски крикнув что-то, рухнул капитан...
А на нейтральной полосе цветы
Необычайной красоты...»

И вот точно также и эти дети города от всего этого рая-раздолья точно оглохли и ослепли и повалились в траву. А девчонка потом вскакивает и поет от избытка чувств. ...Ну, не могла не запеть, не влиться в общий хор... Не готова была, и традиции все уже город из души вымел, так что осталась одна пустота и шумы всякие, но включилась как-кая-то струна души и зазвенела. И это что-то глубинное, древнее. Ведь до сих пор священные гимны еще сохранившихся в Африке и в Южной Америке первобытных племен состоят всего из двух-трех фраз, беспрестанно повторяемых, с незначительными изменениями...

*Я себе представляю, как эта девушка лежала, как эти мальчишки, слушали, как кузнечики стрекочут, как птички на дереве поют, листья шелестят под ветром, как в траве кто-то шуршит ... **Ведь все в природе по-своему поет...** И человек в состоянии восторга или переполненности души поет ... Даже у кого слуха нет, и тот... Вот и запела...*

*Так уж мы устроены, что когда нас переполняют чувства, нам хочется говорить, кричать, петь. И такая потребность возникает от общения с природой. Она что-то говорит, и мы хотим ответить. Внешне-то она как будто молчит, но на самом деле она всегда звучит. **Даже облака только на первый взгляд плывут по небу молча, на самом деле они разговаривают, но не звуками, а образами, меняя свои формы.** И листья вроде бы молчат, но это до первого ветра...*

Как-то я ехал на трамвае в Новый год, и вдруг кто-то запел. А постепенно и другие стали подтягивать. В итоге весь трамвай затянул. Пассажиры заходят, чужие, каждый со своими проблемами и заботами, а на лице у них вдруг улыбка появляется... Значит что-то в этом есть, первичное, изначальное, то, что выше места, времени и обстоятельств, то есть географической принадлежности, эпохи и занятий. И нельзя, чтобы это было потехой, утрачено...

*Надо это первичное, природное, что у нас было, возвращать в нашу жизнь... И надо, чтобы женщины пели, потому что женщина отвечает за обряд, она несет традиции. **И, если об этом не говорить, это уйдет совсем...***

Я согласен с художником. Перестав петь песни-гимны и просто песни, мы утрачиваем религиозность, магию жизни, обратную связь с Богом (или Высшим разумом). А без этого жизнь уже не будет чудом. И тогда человек перестанет ее ценить, будет искать отраду в удовольствиях и не захочет размножаться. Что сейчас и делается в атеистической компьютерной Европе.

Да и кто теперь объясняет современному, перегруженному знаниями человеку тайные механизмы жизни? Сейчас все всё знают и один другого норовит научить. Так что, собравшись (в Думе, в правительстве, на митингах, в застолье), не слушают друг друга, перебивают. Ты — слово, тебе — пять, а ты — десять. А почему? Потому что песни петь разучились, почти и не поем их уже. Даже гимн страны нам лень выучить, слушаем, молча, глядя, как кто-то еще пока поет. Потому что нам просто говорят, что надо бы петь, но никто не объясняет, что это **растворение в нации, что это вливание себя в реку страны, что это принятие в себя энергии Отечества, энергии всех россиян.** А через другие гимны — и энергии всех людей мира. Когда же в тебя входит весь мир,

Песня — душа народа

в тебе воцаряется мир, потому что всё в тебе, а не против тебя, потому что нет врагов, а все другие — это ты сам.

Как эта девушка на картине запела, вливаясь во всеобщий хор природы, в котором каждая краска — не вызов и не угроза, а часть общей картины, общей палитры. Услышал же этот хор 600 лет назад монах-иконописец Андрей Рублев и написал «Троицу» выразив свое чувство смирения и согласия...

И все же не все так безнадежно. Да, деревня наша, где всегда пели, умирает. А с другой стороны возрождается, потому что люди начинают осознавать, что город медленно убивает душу, ожесточая, высушивая ее, что единственный выход — жить семьей и воспитывать детей в окружении живой природы, где поле, лес, река, все завязано в общую гармонию, где каждый маленький голос вплетается в общий хор голосов, так что и не захочешь, а запоешь. И они пытаются переехать в деревню, пусть пока частично, поселяя туда на все лето родителей и оставляя с ними детей, курсируя между городом и деревней, стараясь больше бывать на природе.

А кроме того, растет число храмов и монастырей, где в воскресных школах детишек с малолетства приобщают к пению и молитвам, которые являются маленькими гимнами. Они вынесут привычку петь и молиться в свою взрослую жизнь и будут передавать эти навыки другим.

Песня объединяет человека с миром, с другими людьми, поэтому она была частью жизни советских людей, строящих социализм, когда общее было дороже частного, государственное важнее личного. И с легким сердцем вся страна пела в пятидесятые-шестидесятые годы:

*«Легко на сердце от песни веселой.
Она скучать не дает никогда.
И любят песню деревни и села.
И любят песню большие города.
Нам песня строить и жить помогает.
Она как друг и зовет и ведет.
И тот кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!»*

Или:

*«Широка страна моя родная
Много в ней лесов, полей и рек
Я другой такой страны не знаю
Где так вольно дышит человек...»*

Наверное, в этом было что-то очень ценное и что-то очень ценное есть и сейчас, раз до сих пор мы испытываем по этим песням ностальгию...

Музей забытого вкуса

Музеи бывают разные. Есть и такие, где собирают, хранят и даже развивают ...забытые вкусовые ощущения.

В подмосковной Коломне, где есть уголки, которые выглядят так же, как и сотни (!) лет назад, таких музеев аж целых два: Музей пастилы и Музейная фабрика пастилы. Музей пастилы находится в доме 13а по Посадской улице. А музейная фабрика — в доме 4 по Полянской, в трехстах метрах от Музея, на старинной Молочной площади.

До сих пор любой желающий мог не только увидеть 26 сортов знаменитой коломенской пастилы, но и отведать некоторые: ванильную, миндальную, смокву, с дамасским розовым маслом, клубничную, черничную, брусничную, апельсиновую, малиновую, грушевую, смородинную, абрикосовую, тыквенную, сливовую, ореховую, шоколадную и даже «хмельную» (пастилу с хмелем раньше употребляли как похмельное средство). А теперь, с открытием фабрики, можно и поучаствовать в процессе пастильного производства по технологиям XIX века: вымыть яблоки в барабане Рейса, вынуть из них сердцевины с по-

Войдя в музей, вы видите радужную коломенскую пастильницу и столик с разными видами пастилы

мощью сердцевынимателя, протереть и уварить в котле Цемша яблочное пюре, взбить мутовкой пастильное тесто, высушить его в особых камерах русской печи.

Древнее русское лакомство известно с XIV-XV веков и изобретено именно жителями Коломны, как они сами утверждают, истово в это веря. И их вера не беспочвенна — яблок в коломенских садах всегда было так много, что коломчане вполне могли рано или поздно задуматься: как же их сохранить? И додумались. Стали яблоки запекать в печи, потом мягкую массу мешать с медом, заливать тонким слоем в формы и подсушивать в той же печи. Полученные пластины, будучи скрученными в рулон, могли потом лежать на полке годами и не портиться. Отсюда и старинное название «постила», то есть нечто посланное. А, поскольку свои слова мы забываем, а иностранные усваиваем, то в начале XIX века наряду с другими модными терминами прижилось французское слово «пастила».

Первое коломенское пастильное заведение купца Шершавина было открыто в 1735 году. Он то и прославил коломенскую пастилу на всю Россию. Знаменитые ржевская и белевская пастила появились позже, в середине XIX века. Поклонницей воздушной коломенской пастилы была даже Екатерина Великая. Дорого было пастильное лакомство и не раз использовалось оно для обмена вместо денег. Например, сибиряки меняли по два мешка кедровых орехов всего лишь на полкило пастилы. А в 1852 году, на коломенском посаде появилась пастильная фабрика купца Петра Карповича Чуприкова с собственным садом и плодохранилищем. К сожалению, после революции про пастилу здесь все забыли.

Автором идеи возрождения традиции производства коломенской пастилы можно считать Романа Словацкого — коломенского писателя и краеведа. В своей статье «Символ города: Коломенская пастила», опубликованной в газете «Благовестник» (№ 10 за 2007 г.), он обратился с призывом к коломенским предпринимателям: *«Взялся бы умелый предприниматель, возобновил утраченное производство, и свое имя прославил бы на всю Россию, и родной город возвысил бы. А мы, коломенцы, вместе с гостями нашими, ели бы да нахваливали!»*.

И призыв этот не стал гласом вопиющего в пустыне. В то время уже шла работа над проектом «Ледяной дом: русские потехи от Ивана Лажечникова». Перечитывая роман Лажечникова «Ледяной дом», автор проекта Наталья Никитина открыла для себя образ коломенской пастильницы, которая представляла Коломну на торжествах императрицы Анны Иоанновны:

«Вот человеческий лик, намалеванный белилами и румянами, с насурменными дугою бровями, под огромным кокошником в виде лопаты, вышитым жемчугом, изумрудами и яхонтами. Этот лик носит сорокаведерная бочка в штофном, с золотыми выводами, сарафане; пышные рукава из тончайшего батиста открывают ее. Голубые шерстяные чулки выкалывают ее пухлые ноги, а башмаки, без задников, на высоких каблуках, изменяют ее осторожной походке. Рекомендую в ней мою землячку, коломенскую пастильницу».

И возникла у Никитиной мысль воспроизвести для праздника «Русские потехи» образ коломенской женщины той эпохи. В самом деле, почему бы не пастильница? А, если так, то как может существовать пастильница, да и город Коломна без пастилы? Недаром говорят, что когда идея носится в воздухе, она приходит в голову не одному человеку. Параллельно с Никитиной проект Музея коломенской пастилы вынашивала другая коломчанка Елена Дмитриева.

Рядом было садоводческое хозяйство с селекционными яблочными садами и хранилищами яблок. Оставалось только найти подходящий кондитерский цех, заказать технологию на основе особенностей старинного производства, изготовить партию продукта, упаковку и предложить на пробу коломенскую пастилу на празднике города.

Первым предприятиям, к которому обратились, была легендарная московская фабрика «Ударница». Но там ответили, что не изготавливают продукцию под чужими брендами и разрабатывать новую технологию им неинтересно и экономически невыгодно. Да и как делать пастилу по старому рецепту, ведь современная пастила по ГОСТу существенно отличается от коломенской пастилы.

После безуспешных обращений на разные кондитерские предприятия стало очевидно, что рецепт надо искать самим, самим же и просить какое-либо предприятие общественного питания попробовать это сделать в своем цеху. К счастью, такое предприятие нашлось совсем рядом.

Начались поиски рецептуры. Производство трудоёмкое: в старину крепостные девки в течение двух суток взбивали лопатками яблочное пюре до белопенного состояния, нагнетая воздух в пастильное тесто, которое становилось всё более белым и воздушным. Готовность проверяли, ставя на палец столбиком. Если столбик не падал, значит пастильное тесто готово для сушки.

В такой вот печи и высушивается коломенская пастила

После сушки пастилы ее нарезают вот таким валиком

Разобравшись по старым книгам да рецептам, в чем секрет коломенской пастилы, стали экспериментировать в домашней лаборатории — на кухне. Сначала ничего не получалось: то пересохнет и выйдет не пастила, а яблочные чипсы, то получается вязкая, как ириски, то слишком сладкая, то кислая.

А как формировать? Пробовали заливать в обычные формы для выпекания — не сохнет, размазывать на деревянный лист — тоже, сушить малыми порциями — нет товарного вида.

Наконец нашли в литературе упоминание про пяльцы — деревянные (только из ольхи) рамки с тканью. Получился ровный, хорошо высушенный, мягкий, нежный, в меру сладкий пласт пастилы.

А как резать? Обычным ножом — сминается край. Решили применить ломтерезку — колесо с ручкой и зубчатыми краями, как при Чуприкове.

Высушенные пласты пастилы, тщательно натертые сахарной пудрой, стали легко нарезаться на порционные брусочки. Так и получился новый хорошо забытый продукт — коломенская пастила с тонким, нежным ароматом, своего рода яблочный «бисквит». По форме и составу она действительно напоминает бисквит, только в ней нет ни капли муки.

Наняли восемь кондитеров, и дело пошло.

Пастила готова, но во что ее укладывать, как оформить упаковку? Нашли оригинальную этикетку коломенской пастилы, выпускавшейся на последней пастильной фабрике Чуприкова, и небольшое производство в городе Люберцы по изготовлению подарочных упаковок, где все делается вручную и малыми партиями.

Очень долго искали мастера, который сделал бы по старым чертежам работающие механизмы. Никто не брался, хотели уже заказывать в Италии. А потом, не за тридевять земель, а здесь же, в Коломне, нашли Антона Якушева — умельца, художника, кузнеца и энтузиаста. Теперь именно его механизмы и показывают туристам.

Параллельно с производственной историей шла работа по **воссозданию образа коломенской пастильницы**. Что такое штоф, кокошник лопатой, какого вида были сарафаны, рубашка? По энциклопедии русского костюма и по описанию и схематичным рисункам восстанавливали весь костюм. Нашли мастерицу, выбрали ткань, пуговицы, тесьму, кружево и многие другие мелочи, сшили экскурсоводам кринолины. Но как этот образ и продукт представить коломенцам?

На улице с лотка не подходит, следовательно, в помещении. Решили флигель усадьбы Лажечникова задействовать. Так и появилась легенда — коломенская пастильница потчует гостей оригинальной коломенской пастилой, угощает душистым цветочным чаем и рассказывает секреты изготовления старинного лакомства.

Наталья Никитина и Елена Дмитриева нашли чертежи специальной русской печи для сушки пастилы, заказали копии старинного пастильного инвентаря XIX века, хранящегося в фондах Политехнического музея, а француз-славист, которому в наследство досталось с полсотни предметов русской медной посуды и кухонной утвари XIX века, подарил их будущей пастильной фабрике.

Место для музея было выбрано удачное — напротив белокаменного храма Николы на Посадах, похожего, кстати, что символично, на белоснежный торт бэзе (по аналогии с белопенной пастилой) здание бывшей лавки сладостей купцов Сурановых. Ее вместе с образом коломенской пастильницы упоминает в романе «Ледяной дом» писатель Иван Лажечников.

Открытие музея состоялось в январе 2009 года, в рамках проекта «Коломенская пастила. История со вкусом». Проект стал победителем V грантового конкурса музейных проектов «Меняющийся музей в меняющемся мире» 2008 года, проводимого благотворительным Фондом Владимира Потанина. Одно из условий — не просто истратить полученные деньги, а чтоб музей потом жил на самоокупаемости. Поэтому здесь и пастила продаётся (все сорта можно купить только в музее), и заказы на нее принимаются, и все экскурсии театрализованные, так что туристы едут отовсюду.

Суть проекта «Меняющийся музей в меняющемся мире» в том, что **сегодняшний музей должен быть интерактивным, то есть все знания вы получаете вживую, не только погружаясь в другую эпоху, как в театре, но и трогая вещи руками, пробуя что-то и на вкус.** Да и информация меняется. Сейчас, например, вы слушаете старинные романсы за чашечкой ароматного чая, дегустируя различные сорта вкусной пастилы, приготовленной по восстановленным старинным рецептам, завтра вам рассказывают о церемонии купеческого чаепития в Коломне, а в планах — новая программа, посвященная масонству.

В 2010 году проект был поддержан и Фондом региональных социальных программ Вагита Алекперова «Наше будущее».

В музее есть, на что посмотреть и кроме самой пастилы. Все платья и костюмы сшиты по старинным лекалам, взятым

из модных журналов XIX века. Игруют не актёры, а музейные сотрудники, которых обучили сценической речи, осанке, «погружению в образ», — совсем другое впечатление, чем комментарии обычного гида. Интерьеры выполнены в стиле XIX века по описанию интерьеров в произведениях Ивана Лажечникова. А первым «музейным экспонатом» стала яблочная пастила, изготовленная по рецепту №151 из поваренной книги 1874 года графини Софьи Андреевны Толстой.

В маленьком уютном дворике пахнет сеном, соломой, яблоками и бабушкиным сундуком с кружевами. В самом музее на окнах — резные наличники, стол с кружевной скатертью. Со стены с портрета улыбается румяная коломенская пастильница. Начинается своего рода музейный театр — на пороге появляется радушная хозяйка! В ее доме, наполненном ворохом дамских штучек, царит атмосфера покоя, прерываемая порой заливистыми трелями канарейки. Приглашая своих гостей на Коломенский чай, она подает диковинную пастилу и заводит неспешный разговор. За чашкой чая можно услышать и о страшных опустошениях монголами Батыею, и об Иване Грозном, как смерч пронесшимся по Коломне со своими опричниками, и о коломенских масонах, что собирались за этим столом, о древних яблоневых садах и диковинных яблоках архиерея Никиты, о кладе, найденном в буфете и тайных письмах, о знаменитых соседях Борисе Пильняке и Иване Лажечникове, ну и, конечно, о Коломенской пастиле.

Да и можно ли вообще этот музей назвать музеем? С традиционными витринами, сухой нумерацией и скучными подписями в одну строку...Здесь просто дом XIX века, где барышни в тургеневских платьях порхают мимо вас по торговой лавке и гостиной комнате, демонстрируют инструменты для изготовления пастилы, поят гостей чаем и угощают разными видами пастилы собственного производства. В клеточке чирикает (несомненно, купеческая!) канарейка, архаичный сервант звякает графинчиками с настойками, тут и там валяются коробочки с разной пастилой, а граница времен, как выразился один из посетителей. — *«бесцеремонно задвинута за уютный скрипучий диван».*

Идея проста: *«Трогайте, пробуйте историю на вкус!».* Здесь все — по-настоящему. Фотографии на туалетных столиках — из фамильного архива купцов Сурановых, интерьеры комнат «подсказал» в своих книгах Иван Лажечников, «прейсь-курантъ» музея увлекает легендами и остроумными находками.

Вот апельсиновая пастила «Дезире» в шоколадных крошках, созданная в память безумной любви юного Лажечникова к дочери парижского модиста. А ведь даже хотел жениться — начальство не позволило.

Вот смоква — любимая пастила Достоевского, которой он запасался, проезжая через Коломну в свое имение.

Вот хмелевая пастила «Трезвость» с забавной рекламной брошюрой 1909 года и признанием: *«Я страшно пил вино, а теперь я ем пастилу «Трезвость»*. Быстрее всего у музейщиков расходуется именно эта пастила. Чудом нашли старинный рекламный буклет. Восстановили рецепт продукта, который должен лечить от алкоголизма. Как выяснилось, секрет «Трезвости» — в хмеле. В старину хмельным напитком людей выводили из запоя, погружая в сон. *«Когда в продаже появилась такая пастила, к ним стали поступать звонки с просьбой продать как лекарство»*, — говорят музейщики.

А в сентябре 2011 года при музее заработала фабрика пастилы. И расположилась она не где-нибудь, а в одном из подлинных зданий Конфектно-пастильного заведения купца Петра Карповича Чуприкова (1843-1916) — главной коломенской фабрики пастилы, основанной в 1852-м и закрытой в 1918 году. Так историческая справедливость восторжествовала — пастила окончательно вернулась домой, в Коломну.

У музейной фабрики, как в свое время у фабрики Чуприкова, тоже нет конкурентов. Она занимала целый городской квартал — пять производственных корпусов, плодохранилище, общежитие для рабочих, обширный хозяйственный двор, подсобные помещения и собственные сады с разными сортами яблок. Пока здание одно, но зато «с хозяйством» — как и в былые времена, при фабрике есть сад, где выращивают особые, «пастильные» яблоки — кисловатые, с очень плотной мякотью.

Поскольку сад тоже музейный, летом по нему водят экскурсии. Театрализованные и весьма познавательные: садовник «Мелентий Кузьмич» — выпускник Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, одетый в поддевку и сапоги, охотно делится своими научными и житейскими знаниями по части яблоневодства и яблокохранения. Например, о том, что сохранять яблоки лучше всего в сене — они остаются сухими, не гниют и в достаточной степени соприкасаются с воздухом. Или о том, что размеры ящиков должны быть для каждого сорта строго определенными, иначе говоря, оптимальными, так яблоки сохраняются дольше. Зимой Кузьмич вешает в помещении яблочного склада. Речь садовника до-

брожелательна, но витиевата и причудлива как у героев пьес А.Островского. *«Да, кто ж это вам такое сказал-с, драгоценнейшая вы наша!?»* — обращается он к одной из экскурсанток, — *это местный сорт «скрижапель», а не штрифель какой-нибудь, с вашего позволения-сссс! Его так просто не укусишь-с — дубовая кожа-с!»*

Потом, при входе в первый цех промывки яблок и удаления сердцевинки, в дверь буквально залетает и растягивается на полу мальчишка-подмастерье в переднике. Он нес корзину с яблоками и теперь ползает, собирает их по полу. И слышит от мастера: *«Что ж ты Ванька, несуразный какой! Летаешь как чумовой, вот и спотыкаешься...»*

Мальчишку только приняли на работу, и он еще не освоил лифт подъема яблок из подвала или ему пока его еще не доверяют — иностранная техника все-таки! Вот и таскает яблоки на себе. Здесь же стоит агрегат Ремса с барабаном для промывки яблок. Размеры барабана, заметьте, по-немецки точные, как раз, чтоб яблоки не бились. И тут же машинка (сердцевыниматель) для выдавливания яблочной сердцевинки.

А затем вас ведут по цехам фабрики, следующих по порядку в соответствии с технологией производства, не меняющейся 250 лет. Это цеха:

**О местных коломенских яблоках для пастилы рассказывает
садовник Мелентий Кузьмич**

протирки яблочной мякоти в пюре,
уваривания этого пюре в особом котле,
взбивания уваренной массы в пастильное тесто,
разливания его по формам
и, наконец, сушения в русской печи.

Во всех этих цехах прямо на ваших глазах работники творят **таинство — преобразование зеленых кислых коломенских яблок в пастилу**. Из разговоров между собой работников, которые из своего XIX века вас на первых порах как будто и не видят, вы узнаете, чем сейчас живет Коломна, какие цены на яблоки на рынке, в какие страны идет в этом месяце коломенская пастила, зачем пастильную массу вымешивать двое суток без перерыва, как работает сердцевыниматель, какие работы выполняли малолетние рабочие (срывали яблоки с веток да вынимали сердца из яблок). Что, чем тверже мякоть яблок, тем пышнее получается пастила, что ни сито, ни посуда, ни ложки для взбивания не должны быть металлическими, что, если надо сделать пастилу пышной, то при взбивании яблок следует добавить немного взбитых в пену яичных белков.

Наконец, вас заметят и предложат попробовать собственно-ручно перетереть яблоки в пюре, взбить пастильную массу особыми мешалками (движения сродни добыванию огня сухим прутиком), уварить в котле под чутким руководством пастильника и выложить в устланные пергаментом формы. После чего поставить на просушку в печь, кстати, тоже сложенную по архивным чертежам. Идет речь и об особенностях технологии.

О том, например, что настоящая пастила появилась, когда яблочную мякоть начали взбивать, для придания окончательному продукту пышности. Кроме того, яблочная масса, насыщенная мелкими пузырьками воздуха лучше высыхала. И продукт стал вкуснее. Процесс взбивания мутовками яблочной массы — долгий и трудоемкий. Зато настоящая пастила не только хранится до двух лет(!), но и легко возвращает свою форму и вкус, если пересыхает. Стоит положить высохшие ломтики в комнату с нормальной влажностью, как через некоторое время пастила возвращает пышность и свежесть. Кстати, когда-то многие любили «выдержанную» пастилу, то есть когда она начинала засахариваться через полгода — год.

В кабинете хозяина фабрики «купец Петр Карпович Чуприков и его супруга» поздороваются вежливо, расскажут о своем купеческом роде. На стенах кабинета, кстати, висят фотографии той самой встречи Николая II на коломенском вокзале. А еще — свод правил внутреннего распорядка фабрики Чуприкова, небезинтересное чтение.

Вот она, коломенская пастила 26 сортов

Ну и, конечно, дегустация пастилы. В Малиновой гостиной накрывают стол, наливают чай, угощают пастилой, рассказывают истории о ней. Заводят музыкальную шкатулку, стоящую на отдельном столике; она вызывает ностальгическую мелодию о старых временах, об императорском дворе, о купеческой Коломне, яблоневых коломенских садах, о яблоках в подполе фабрики, аккуратно уложенных рядками в специальные ящики.

При фабрике, как и при Музее, тоже есть своя лавочка пастилы. Ее ассортимент несколько иной, чем в магазинчике Музея. Ибо музейщики производят два вида русских пастил: рыхлую (белковую и безбелковую) и плотную пастилу. Рыхлая получается в результате взбивания яблочного пюре с сахаром и (или) белками и высушивания пастильного теста в специальных формах. Плотная не взбивается, а уваривается с сахаром на пару, после чего тесто высушивается тем же способом. В магазинчике при музее больше представлена воздушная, «рыхлая» пастила, но здесь нет, например, смоквы, то есть безбелковой, которая есть в фабричной лавке...

Музей забытого вкуса... Но это и музей забытых запахов, ведь каждый сорт пастилы пахнет по-своему. Это и музей забытых образов, забытых звуков, забытых прикосновений, потому вместе с восстановлением коломенской пастилы вернулось и все, что было с ней связано: образы, звуки, запахи, вкус. И таким образом **история предстает**

перед нами не просто познавательное, но живой, нежной и притягательной. Такой, которой можно дорожить, которую можно уважать, частью которой можно себя почувствовать.

Мы ломаем голову: как воспитывать патриотизм, чтобы дети любили страну, в которой родились, уважали предков, традиции? А не надо ничего придумывать. Надо просто изучать, как все было, и восстанавливать театрально, как бы проигрывая кусочки прошлой жизни. Именно жизни, а не истории. Любить можно только живое. И дорого нам может быть то, в чем есть жизнь, часть нас самих.

Будет время, когда все музеи станут театрами, и в них будут разыгрываться живые сценки, как живые иллюстрации к картинам, мебели, вещам. Мы услышим, о чем спорили в гостиных времен Пушкина, Тургенева, Толстого, какие книги читали вслух и как читали. И мы почувствуем, поймем, почему русская литература стала частью мировой. И нам станут дороги эти споры, эти чтения, наша история и литература. Мы будем пить тот чай, тот кофе, угощаться той самой пастилой, и это будет дополнительной настройкой на ту культуру, которой мы хотим дорожить.

Завершается экскурсия в конторке, где директор производит расчет с работниками

Отечественный музей до недавних пор в нашем представлении был чем-то мертвым, как мумия в саркофаге, как запах прошедших эпох, когда за стеклом — высохшие экспонаты под номерами, под ногами натертый паркет, выдаются войлочные тапочки на тесемках, а на стульях по углам сидят строгие смотрительницы, надзирающие за тем, чтоб никто ничего не трогал и говорил только шёпотом, как в знаменитом монологе Аркадия Райкина «В греческом зале». А теперь музей становится машиной времени, в которой мы путешествуем по эпохам, оказываясь свидетелем другого времени, а, если есть желание, то и участником.

И таких музеев становится все больше. В Москве открылся музей «Экспериментаниум» на Бутырской улице, дом 46/2, где все можно пощупать руками, подвигать, испытать на прочность — например, создать молнию в плазменной шаре Николы Теслы, поуправлять установкой, производящей смерч, померить жилет беременной женщины.

В той же Коломне недавно появился еще один подобный музей — «Арт-коммуналка», передающий атмосферу типичной советской коммунальной квартиры 40-50 годов, где длинный коридор с таким узнаваемым общим черным телефоном и исписанной стеной, лыжи, санки и велосипеды на стенах, в кухне на веревках сушится белье, а у плит с кастрюлями соседки, выясняющие отношения. Там могут угостить мурцовкой (вода, черный хлеб, репчатый лук и подсолнечное масло) и морковным чаем, поговорить про происки империалистов в Конго и наши успехи в космосе...

Одно притягивает другое, другое — третье, и мир становится объемным и живым. Поэтому еще и **важно показывать отдельные элементы культуры в соединении с другими, с пластами жизни, в которых они были вплавлены.** И в этом плане в Коломне не сидят сложа руки.

В сентябре обычно празднуется день города. Среди увлекательных событий — книжный фестиваль «Антоновские яблоки», который объединит писателей, музейщиков, художников, садоводов-любителей и поэтов. В этом году он будет особенным, потому что во дворе пастильной фабрики Чуприкова сотрудники литературных музеев разобьют сад русской словесности, а коломчане специально к этому дню приготовят всевозможные домашние вкусности, в том числе, конечно, местную пастилу. Одно дело

— просто говорить о Достоевском, и совсем другое — при этом пробовать «смокву», сорт пастилы, который приводил его в восхищение...

История, бережно восстановленная материально и театрально, становится живой. Когда театрализованная экскурсия по музейной фабрике пастилы закончилась, я решил (просто так, неосознанно) сфотографировать старинное длинное зеркало в пустой прихожей, заполненной такими же старинными вещами. Потом, когда посмотрел фотографию, обомлел — в зеркале мелькнул облик солидного человека из XIX века! То ли это был садовник Мелентий Кузьмич, а, может быть, и сам владелец фабрики купец Петр Карпович Чуприков. Похоже, что он, занятый как всегда делами, меня не заметил...

В длинном фамильном зеркале иногда мелькает призрак купца Петра Чуприкова, владельца фабрики

МЫСЛИ О ВЕЧНОМ

Слово «Мысль» — не обычное, не обыденное, не затертое. Мы почти не используем его в быту. Впрочем, как и сама мысль, явление вроде бы не материальное. Хотя, если признать, что мысль это электромагнитный импульс и всплеск энергии, то любой физик скажет, что вполне материальное. Но все относительно.

До сих пор принято считать, что мысли возникают или создаются в нашем мозгу. Так мы привыкли думать. Однако уже есть теории, предполагающие, что мысли возникают не в мозгу, а в нервных узлах и окончаниях, которые разбросаны по всему телу. А раз так, то получается, что мы можем мыслить не толь-

Ю. Сергеев. «Мысли о вечном»

ко головой, но и телом. А, если учесть, что мы сами наводим вокруг себя разные поля, то значит и мыслим уже этими полями, то есть пространством, выходящим за границы тела. Мало того, человек способен переносить свои мысли на предметы и тогда уже как бы мыслить этими предметами. Некоторые психоаналитики даже предлагают такие тренинги для разгрузки психики. Во всяком случае, сколько бы мы не говорили о мыслях — она все равно будет для нас тайной за семью печатями...

Древние так вообще считали, что мысли существовали всегда, а человек только наталкивается на них как на воздушных медуз и обволакивается ими. И начинает думать о том, на что только что наткнулся. Но, если это так, то кто-то ведь разбросал этих «медуз», так что они то и дело попадают на пути, так что невозможно с той или иной не столкнуться...

Каждый, кто начинает думать о мысли как понятии, лишь двигается вокруг нее как вокруг шара, не приближаясь к центру. Об этом говорят самые разные записи в Интернете на тему «мысль» в виде целых теорий или отдельных высказываний (мыслей). Например, таких:

«Существует одна формула мысли — это Единство...»

«Мысль не говорит всё... Она держит паузу, чтоб осознать Путь...»

«Человек не рождается готовым для мысли: он готовится к ней, и чтоб создать внутренний баланс, ему надо найти свое дыхание во Времени...»

Да, конечно, бывают мысли примитивные: поесть, выспаться, придти, уйти, подвинуть диван. Бывают тоже бытовые, но более высокого порядка: прогуляться, познакомиться, спеть, подумать, перевесить полки для книг. Бывают мысли еще более тонкого плана: образы, мелодии, события.

Но есть и **мысли высшего порядка**, которые посещают нас не часто, например, те, которые приходят во время богослужения. **Это мысли о вечном, о высоком, о духовном, о божественном.** Они могут быть неконкретными, без формы и границ, они могут быть чем-то едва ощутимым, почти неуловимым, но именно они могут заставить нас волноваться намного сильнее, чем мысли ощутимые, уловимые и тем более четко осознаваемые.

Эта картина художника Ю. Сергеева «Мысли о вечном» может украсить кабинет любого мыслящего человека. Она как бы говорит: *«Оставь все сиюминутное там, откуда ты пришел».* Картина настраивает на высокие мысли...

Ведь **в юности, пока мы не озабочены жизнеустройством, мы всегда думаем о чем-то важном, о самом важном для себя, ищем точку приложения. Кто-то даже мечтает осчастливить**

человечество. Но потом нарастающий ком жизненных проблем отодвигает эту мечту. Человек забывает о том, что считал когда-то для себя самым важным, и тем самым уходит от себя самого, не реализуется как личность. Бывает так, что, только прожив всю жизнь и уйдя на покой, он вспоминает, каким был в молодости, о чем мечтал, какие ставил перед собой задачи. Но уже поздно, жизнь-то прожита.

«Позировал мне для этой картины, — вспоминает художник, — натурщик Иван Иванович, человек очень простой, но ищущий интересных людей, книголюб. Он и в натурщики-то пошел, чтобы окунуться в мир искусства. Его очень угнетала проза жизни, мысли о том, что все суетится, а для вечности ничего не делаем. «Вы меня рисуете, восклицал он, и вместе с картиной я вхожу в историю...»

Ну как объять необъятное?

Бывают и мысли высшего порядка

У многих тихо происходит главная трагедия жизни — нереализация себя, нераскрытие своих способностей, своей индивидуальности. Ведь школа не способствует этому раскрытию, потому что с талантливым ребенком надо заниматься, ему надо уделять намного больше внимания, чем другим. В конце концов, и самому педагогу нужно иметь талант, чтобы заметить талант в другом. Значит нереализация большинства обрекает на нереализацию и следующие поколения. Даже среди представителей творческих профессий (архитекторов, ученых, инженеров, журналистов, художников, писателей) много ли ярких индивидуальностей? Что же тогда говорить обо всех остальных?

Большинство добившихся чего-то в жизни (чинов, должностей, положения в обществе) в какой-то момент с горечью осознает, что по большому счету похвастаться-то нечем — тот огонек, та догадка о собственном предназначении, теплился одно время в душе, казалось, что со временем он разгорится, а он погас. И тогда, в момент такого горького прозрения, не утешает и достигнутое благополучие, и здоровье, и даже любовь близких. Сколько людей ушло в бизнес из профессии, но как бы успешно ни складывалась их жизнь, нет-нет, да и кольнет воспоминание о том, кем мог бы стать, если бы не конвейер жизни, не стремление, а затем и привычка зарабатывать больше и больше...

Если бы было у нас все время перед глазами напоминание о высших ценностях, которыми мы грезили в юности, в пору юношеского максимализма... Оно поднимало бы нас над суетой жизни на тот уровень, на который всегда взлетает юность и с которого нас стаскивают бытовые заботы и мелкие страсти.

Большинство людей о вечном не думает, потому что эти мысли, как говорят, *«на хлеб не намажешь»*. Жизнь заставляет все больше решать сиюминутные вопросы. С точки зрения практической пользы вечное для нашего тела не нужно.

Например, такое абстрактное понятие, как «правда», думает ли о ней кто-нибудь? Да единицы. Такому человеку говорят: *«Какая тебе правда нужна? У тебя тупая работа, нет семьи, нет друзей, вот тебе правда, а ты про правду какую-то толкуешь.»*

Вот Егор из повести Бориса Васильева «Не стреляйте в белых лебедей». Типичный чудик, думающий о вечном: о природе, о муравьях, о траве, о деревьях, о ветре, о солнце. Ездил за шкафом в город, а купил там двух лебедей. Жена ему говорит: *«Ты что же сделал, пропащий?»* А он отвечает: *«Так это ж лебеди»*. И больше сказать ничего не может. Потому что для него вечное очевидно, он видит его в тех же лебедях. Окружающие не видят, для них красота не аргумент, она не приносит практической пользы. Чего же им тогда объяснять, раз они не видят...

Людей, думающих о вечном, не так много, это — философы. Платон, деля людей на три основных группы (рабочих, солдат и философов), считал, что философов потому очень мало, что природе трудно творить нечто отличное от всего остального. Штучные экземпляры. Каждый шаг — новый опыт.

Люди, которым приходят мысли о вечном, очень трудно живут. Они зачастую чувствуют себя среди других белой вороной. Им трудно с противоположным полом.

Они говорят о звездах, о небе, о загадочных явлениях, но у партнера это вызывает лишь тревогу... Зато **собственная непохожесть на других, вечное витание в облаках и негативная реакция окружающих** дают больше поводов для мышления, для осмысливания. Когда нам хорошо, мы не мыслим, лишь блаженствуем. Но когда все не так, и даже сами мы не такие, это уже трагедия. Сказка Г.Х.Андерсена «Гадкий утенок» об этом.

Мысли о вечном — это поиски корней. Человек, настроенный на поиски корней, везде докапывается до сути. Детям мы говорим: «Надо учиться», а на их вопрос «зачем?» отвечаем: *«чтобы жить на свете было интересно»*. Но говоря так, мы редко задумываемся, что под этим подразумевается. Дело в

Дети думают о вечном чаще, чем мы, взрослые

том, что понятие «жить интересно» пока еще не признано у нас общественной ценностью. Хотя сами дети считают именно интерес главной ценностью. И они правы. Не случайно говорят: *«Устами младенца глаголет истина»*. Детское сознание еще не искажено ложными умопостроениями, поэтому истинные ценности жизни выявляет безошибочно. Но общество еще к этому не готово, оно все еще решает проблемы выживания.

О том, как научить (а, если не захотят, то и заставить) людей жить интересно, думал еще 2000 лет назад Александр Македонский, учителем которого был Аристотель. Видя, что добровольно никто не хочет избавляться от собственного невежества, Александр решил добиться этого силой, то есть завоевать мир. Вслед за своим учителем Аристотелем он во всем искал первопричины. Сам поднимался под небеса в корзине, привязанной к воздушному шару, наполненному теплым воздухом. Сам опускался на дно морское в стеклянном колоколе. В каждой завоеванной стране посылал людей собирать образцы флоры и фауны, тканей и минералов, обряды и обычаи, чтобы сравнивать, квалифицировать и делать выводы. Чтобы в конечном счете понять — **какую роль среди других народов призван сыграть каждый народ**, в том числе и его собственный народ — македоняне...Мысли о вечном...

Вечное — это то, что не лежит на поверхности, что не видно как мы видим стол, стулья или картину на стене. Вечное — это понятия, которые двигают жизнь, хотя их руками не потрогаешь, да и не определишь одним словом, уже хотя бы потому, что каждый вкладывает в понятие свой смысл. Например, доверие, взаимопонимание, любовь, долг, честь, совесть, истина, правда, доброта...все это понятия, с которыми мы знакомимся с детства, а осмысливаем всю жизнь, на каждом ее этапе открывая какую-то новую грань. Правда для 6-летнего мальчика это совсем не то, что считает правдой 16-летний юноша, и не та правда, о которой знает опытный 46-летний мужчина, и не та правда, которую постиг 76-летний старик...

Вечное позволяет всю жизнь думать об одном и том же и видеть, насколько удивительна жизнь, если в простом и привычном каждый раз можно открывать бездну нового и неизнанного. **Но, если бы не было людей, думающих о вечном, кто бы напоминал нам о нем?** Когда эти люди удаляются от мира (их называют отшельниками), в душе их воцаряется гармония. Сами-то они прекрасно знают, насколько важно все, о чем они думают. Зато со стороны теперь уже никто не говорит им, что все их мысли ложны и наивны, что жить надо реальностями и не морочить другим голову.

Но, изменяясь в своих проявлениях, вечное остается неизменным, как идеал, как символ всего лучшего, что мы вкладываем в понятие. **Наивысшее из всех понятий — Бог, то есть все прекрасное, сосредоточенное в одном, только свет и ничего темного.** Человеку, верящему в Бога, жить намного легче — в его мыслях, даже если вокруг грязь, много света, настолько много, что его хватает не только ему самому, но и другим. Вот почему во всех умных книгах говорится одно и то же: *«Возлюбите Бога и вам приложится»*, то есть возлюбите свет и сами будете источником света.

Вот и писать хочется не о сиюминутном, а о вечном, чтобы, сколько бы ни прошло времени, а это было бы интересно читать людям и в 3000-м, и в 5000-м, и в 10000-м году. Ведь в этом случае как бы охватываешь собой не 100, 300 или 1000 лет, а вечность. То есть пронизываешь собой вечность. Разве это не заманчиво?

В парке прадеда

На ком держится жизнь? На людях, которые продолжают традиции, линию своего рода. Ведь все мы живем одними и теми же истинами и ценностями:

семья,
дом,
любовь к детям,
уважение к старшим,
могилы предков,
земля, на которой родился...

Не будет преемственности, все рухнет, рассыплется. И во что мы все превратимся? В перекати-поле без корней, которое катится как бы само, куда глаза глядят, под любым порывом ветра...

Вот именно, что само. К разрушению, к своей гибели все движется как бы само, без каких-то усилий. А вот, чтобы создать, чтобы создать что-то ценное, чтобы удержать ценности, для этого нужно прикладывать и силу воли, и энергию, и дела какие-то конкретные.

Революция 1917 года, как и всякая революция, многое разрушила. Как в песне:

*«Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем...
Мы наш, мы новый мир построим...»*

Но и новый мир, чтобы не развалиться, должен опираться на традиции. Об этом говорит вся история человечества.

Раньше на Руси, да и потом в России, самым добросовестным и ревностным защитником и продолжателем традиций был царь. А древо жизни любого государства состояло из ветвей-династий, живущих так же, как жили их предки, то есть сохраняющих традиции. В их домах висели **портреты родителей, дедов и прадедов**, которые **работали, соединяя времена** в одну линию — из прошлого в будущее.

Теперь у нас нет царя, практически нет и династических семей с родовыми домами в помещичьих усадьбах и портретами предков на стенах. Что же, выходит, некому теперь возрождать, если они разрушены, и сохранять, если они есть, традиции, на которых держится жизнь?

Повод для оптимизма все-таки есть: и некоторые усадьбы силами наших равнодушных соотечественников возрождаются, и среди молодежи есть патриотически настроенные юноши и девушки, желающие сделать что-то полезное для страны, для возрождения наших традиций..

Да, материально, чтобы восстановить сейчас бывшую помещичью усадьбу, нужно в среднем несколько миллионов или даже десятков миллионов евро. Но культура — понятие не только материальное, но и духовное. А в духовном плане любое движение души человека, направленное к свету и добру, уже и есть шаг вперед.

Картина «В парке прадеда» художника Юрия Сергеева, посвятившего свое творчество русской традиционной культуре, как раз об этом. Современная девушка, студентка, зная от бабушки (та слышала это от своей бабушки, а та — от своей) о славных традициях своей фамилии, приехала в бывшее имение семьи, и, гуляя по парку, присела отдохнуть под 400-летним дубом, который помнит ее предков. Начало осени, начало учебного года, урок семейной истории...

«Почему под дубом?» — поясняет она, — Потому деревья помнят все события, пока живут, а для дуба это несколько столетий. Общение с таким деревом равносильно общению с родовым деревом, которое существует в нашем сознании и соединяет поколения через память.

Ю. Сергеев. «В парке прадеда»

Человек может быть бессмертен уже сейчас, только не физически, а духовно — в памяти знавших его людей. А, если уже не осталось людей, помнящих его? Бессмертие наших предков хранят деревья.

Например, вот этот дуб, которому несколько сот лет. Стоит к нему прислониться, как идет информация. И не случайно я сижу, прислонившись к этому дубу. Прикоснувшись к родовому дереву, я становлюсь тоже звеном в родовой цепи.

Этих звеньев может быть десять, а может быть, и несколько десятков. Потому что носителями родовой информации являются и люди, и деревья, и животные. Все имеет память, даже вещи, не говоря уже о растениях и животных.»

Понятно, что девушка не просто приехала в усадьбу своих предков, но перед этим многое узнала, заинтересовалась, читала разные книги. Так что теперь будет, как она сама говорит, «*наполнять своими мыслями окружающее родовое пространство*».

И это вполне серьезно. Чтобы родковая цепь была живой, чтобы по ней, как говорится, шел ток, человек должен наполнять звенья информацией, чтобы каждое звено как бы говорило: я — часть рода, часть этой фамилии.

Здесь, на картине художника не случайно и породистая собака, и породистая лошадь, и породистая девушка. Дело не в породе (в нашем современном отношении к этому слову применительно к человеку, увы, присутствует ирония), а в преемственности рода. **У людей осознание себя частью рода проявляется в чувстве собственного достоинства, которое они сохраняют.** Вещи тоже проявляют информированность — слушаются своих и не подчиняются чужим. А наполняет все звенья информацией человек, мы все: думая, разговаривая, записывая.

Последнее время мы все больше говорим о родах, о династиях, о необходимости преемственности культуры. В самом деле, если человек никому ничего не передает, весь смысл его жизни исчезает, его жизнь оказывается бесполезной, пустой. Зачем жил? То есть что-то ценное из поколения в поколение надо передавать. Но как, через что?

Не у всех есть в роду знатные предки. Тем более не у всех есть усадьба предков, куда можно приехать и придти на родовое кладбище (семейный родовой некрополь) или прислониться к родовому дубу, помнящему еще твоих прародителей.

Но в каждом доме, конечно, есть **заветные вещи** (шкатулки со старыми письмами, амулетами и талисманами), личные вещи предков: чайные ложки, крестики, ладанки, расчески, ручки.... Они играют огромную роль в воспитании детей, пото-

му что бабушки рассказывают внукам и внучкам истории этих вещей, и **вещи наполняются светом**.

Может быть, поэтому **вещи рода имеют особую структуру. Они как заговоренные**. И потому, наверное, дольше живут.

Традиции рода тоже — их искореняют, а они живут, как хрен, как репей, как живучий сорняк. Но разница в том, что **сорняки выживают сами, а родовые традиции надо пестовать и развивать**. Без людей и их усилий все зачахнет. Поэтому в идеале в каждом доме должна быть пусть не комната, но хотя бы шкаф, сундук, ящичек, хотя бы шкатулка памяти предков, куда можно было бы время от времени заглядывать.

«Мне всегда совестно, — говорит художник Юрий Сергеев, — выбрасывать старые вещи, старые, дорогие мне письма. Я их расковыряю по своей домашней библиотеке. Как интересно: потом возьмешь книжку, откроешь, а там письмо с искренними живыми голосами из душевного прошлого. Благодаря этой выдумке у меня сохранились все письма мамы ко мне в мои годы учебы в институте.»

Главное — передача духа. Дом живет, пока в нем есть дух или душа. Почему и разрушается сам собой дом, когда из него выселяются последние жильцы. Точно так же и усадьба. Но, чтобы передать дух, надо, чтобы дух осел в чем-то, например, в том же доме. Для этого надо вложить в дом много сил, нервной энергии, своих мыслей, чтобы дом обрел духовность. Это как зарождение жизни... чтобы оно произошло, нужно стечение многих обстоятельств, совпадений, соединение многих усилий...

Эта девушка в парке своего прадеда несет в себе **ген знатного рода**, но уже только через кровь, только на уровне подсознания — в сознании ничего нет, внешне за два-три поколения забыты все аристократичные привычки. Предстоит длительный процесс возрождения родового сознания.

Это задача для всего нашего общества. **Порода** нужна для страны, чтобы был **народ**, а не стадо. И породу надо улучшать. Каким образом? Через возрождение **родовых традиций**, через восстановление **родовых имений**, в которых земля, сады и рощи с простыми и особыми (священными), как вот этот могучий дуб, деревьями, пруды, дома (если сохранились), не говоря уже о вещах, несут в себе родовые гены. Здесь сам воздух наполнен невидимыми идеями, разговорами, мыслями, чувствами в разные годы живших здесь людей. Это не меньшее (если не большее) богатство, доставшееся нам от предков, чем фамильные драгоценности или недвижимость. Вопрос в том, как уви-

деть это духовное богатство, почувствовать его, научиться считывать и распознавать эту спрессованную за столетия информацию.

Может быть, все просто: человек, приехавший в такое имение, вскоре произвольно начнет пропитываться духом усадьбы, ему в голову начнут приходить присутствующие здесь мысли и чувства, он начнет испытывать новые для себя ощущения, откровения... Достаточно просто здесь жить, ходить по этим тропинкам, смотреть на зеркало прудов, прислушиваться к шелесту листвы, пению птиц...

Волшебство родового имения в том, что все, что в нем есть (дом, два флигеля, часовенка, пруды, парк, аллеи, гроты, дорожки, тропинки, беседки) это необходимые буквы одного алфавита, одной родовой азбуки. Их ровно столько, сколько нужно, некое оптимальное число, которое отслежено и отработано веками. Как и количество деревьев, высаженных в определенном порядке и в разном сочетании представляющими собой разные геометрические фигуры: треугольники, квадраты, ромбы, круги. Круги особенно важны. Не случайно все священные действия в древности происходят на полянах, вокруг которых по кругу растут деревья. Эффект от этих действий значительно сильнее, если деревья не просто образуют круг, но и высажены относительно друг друга на одинаковом расстоянии, как деления циферблата часов, что создает какой-то резонанс с обитателями усадьбы. Вся усадьба живет как гигантские часы, в которых каждая деталь на своем месте, как буква в алфавите.

И именно через человека, происходит последовательное включение всех букв, человек становится проводником, соединяющим все эти разрозненные звенья в одну цепь. В один прекрасный день в цепи возникает искра, и по ней устремляется ток!

Представим, что после очередной прогулки по парку прадеда девушка снова присаживается у старого дуба, к которому сходятся все энергии усадьбы, и, прислонившись к стволу, вдруг чувствует свою причастность ко всей этой красоте. В ней начинает просыпаться родовая память — то, что растворено в крови каждого из нас и может всплыть в сознании от единичного потрясения или от постепенного **воздействия родового алфавита усадьбы.**

В легендах о несметных сокровищах, зарытых бывшими владельцами в своих имениях, обязательно упоминается какое-нибудь старое огромное дерево, под которым обычно и находится клад. Нет дыма без огня — в каждой легенде есть какой-то материальный прототип. На самом деле подобное **ста-**

Каждая усадьба — своего рода батарея родовой энергии

рейшее дерево является самым сильным звеном цепи, и контакт с ним открывает доступ к родовой информации. Это и есть родовой клад, только духовный. А это для сохранения, продолжения и совершенствования рода, фамилии, династии намного важнее, ценнее, чем сундук с золотом...

Почему мы не ценим то, что люди считали ценным на протяжении тысячелетий? Культ «священных» деревьев встречается практически у всех народов мира.

«Отождествление дерева и божества — писал французский этнограф Жак Бросс(1930-1996), — привело к появлению священного леса, который стал своего рода алтарем не только у древних греков, римлян и кельтов, но также и персов и многих других народов Азии, Африки, и Америки. Друиды, жрецы древних кельтов, поклонялись священным деревьям, как могучим «духам природы». Лес стал прообразом храма, где колоннами служили стволы деревьев, а христианские церкви и сегодня напоминают его своими сводами, полумраком и мягким, радужным светом, струящимся сквозь витражи»

Все древние цивилизации мира прошли через веру в так называемое «Космическое дерево» или «Древо жизни» — символ всего живого. Люди верили, что «Космическое дерево» связывает в единое целое три главных мира — царство Богов (крона), царство людей (ствол) и подземный мир — царство духов (корни). «Космическое дерево» считалось центром Вселенной, осью Мира, связующей дорогой между царством Богов и царством духов.

Жрец-друид у священного дуба — «древа жизни»

Со временем с «Древом жизни» стали отождествлять наиболее старые, величественные деревья, растущие непосредственно рядом с человеком и доступные для поклонения, в первую очередь — дубы. Наши предки арии, как и кельты, считали дуб символом высшего бога, Солнца или Неба. Дуб долговечен, его листва была защитой, он давал пищу, его древесина использовалась в качестве топлива, дуб был наиболее выносливым и живучим существом из всех, каких люди знали...

А еще дуб считается деревом мира, то есть смиряющим все страсти.

Если все битвы как правило происходили на равнине, в чистом поле без всяких деревьев, как бы в наказание людям за, что истребили всю растительность, так что не перед кем было уже благоговеть и склонять голову, и зачинщики войны всегда не лесные люди, а пустынные, равнинники, степняки, то здесь наоборот, у подножия именно такого вот священного дуба наши предки заключали перемирие, склонив головы под зеленой кроной. Потому что **дерево — чудо жизни, символ ее чудесного устройства с его кроной (небом), корнями (землей) и стволом (мостом между небом и землей)**. Оно сразу включает в нас мысль, напоминает человеку о его высоком предназначении, амбиции остаются где-то внизу, у собственного подножия. Не случайно у таких деревьев собирались советы старейшин — мелкие личные страсти уступали здесь место мыслям об общем благе. Потому и считается дуб символом рода, что не о себе и даже не своей семье возникают мысли возле него, но о всем своем роде, о том, что могу сделать я полезного для него...

Если родовая память возрождается в русских усадьбах, которые мы, наконец, начинаем повсеместно восстанавли-

Каждое родовое поместье имеет свой магический смысл

ливать, о чем же тогда беспокоиться? Есть о чем. Из общества планового социализма мы буквально за считанные годы перенеслись в общество стихийного капитализма. Родовая память, родовые традиции мешают бизнесу, поскольку приучают человека цепляться за прошлое, дорожить им. А бизнес жесток — если выгодно бросить одно дело (пусть даже, если это дело всей жизни) и заняться другим, приходится бросать прежнее дело, как бы это ни унижало и ни оскорбляло. **Бизнес вынуждает отказываться от родственных отношений, от моральных принципов, от чего угодно, только не от прибыли.** То есть родовые традиции — это духовность (мысли, чувства, привязанности), а бизнес эту духовность может в любой момент растоптать, и, как правило, растаптывает.

А без традиций, без духовности человек превращается во временщика, родства не помнящего. Ему ничего не дорого, он готов поменять и променять все на что угодно, если это выгодно.

Бизнес создал уже свою разрушительную философию и свою психологию (надо жить конкретно и сейчас), которую внедряют школы бизнеса под названием школы успеха, растущие как грибы. И, если эта философия и эта психология победит, мы станем роботами. Мы оглохнем и ослепнем для прошлого и будущего. Мы перестанем быть **живым звеном в живой цепи рода, а потом и в живой цепи природы.** И она страхнет нас с себя, как чешуйку кожи, высохшую и теперь уже ненужную...

Рай-усадьба

Почему стоит не только **возрождать русские помещичьи усадьбы**, но и зарисовывать и описывать их, сохраняя всё именно так, как было задумано владельцами? Потому что **каждая усадьба — это идеальная форма собирания духовной энергии**, которая влияет на нас, воспитывает, настраивает на позитивные созидательные действия. Не случайно именно дворянские усадьбы были основой всей нашей отечественной культуры. В них создавалась атмосфера особой духовности, в которой как бы сами собой возникали разные виды искусства: музыка, живопись, поэзия, самобытная архитектура.

Так и задумывалось, чтобы картины-виды такой идеальной усадьбы, последовательно открывающиеся зрению людей, пробуждали в них светлые и творческие мысли. Своего

Ю. Сергеев. «Усадьба Ольгина Мыза»

рода рай-усадьба. В традиционных русских рай-усадьбах всё было направлено на пробуждение чувства красоты и духовных устремлений...

Сама природа в усадьбе — это идеальный сад Бога, подобие райского сада, полного символов. Каждое дерево, каждое растение — свой знак в общей гармонии, своя буква в усадебном алфавите. Белые стволы берёз, как и белые стволы колонн, рожают чувство устойчивости, прочности и устремленности вверх. Липы в подъездных аллеях во время весеннего цветения навевают своим благоуханием мысли о райском эфире. Акацию сажали как образ бессмертия души. Для дуба, который традиционно на Руси ассоциировался с силой и вечностью, отводили целые поляны. Плющ, как знак бессмертия, причудливо обвивая деревья в парке, породил потом целое направление в искусстве — модерн. А камыши у воды символизировали единение. Даже трава виделась символом обновления материи, увядающей и воскресающей.

Родовая усадьба — это не просто загородный дом и прилегающая к нему земля, но и **духовный родовой альбом**, в котором собраны и запечатлены самые различные события жизни семьи. Будничные заботы, праздники, семейные торжества, повседневные занятия, родовые традиции — всё это бережно сохранялось и проходило сквозь века, напоминая об истории рода.

Усадьба — малая родина человека, где жило несколько поколений его предков. В наше время это понятие практически утеряно, потому что мы живём в городских квартирах, являясь горожанами во втором или третьем поколении, разве что выезжаем за город на приусадебный участок, который назвать родовой усадьбой язык не повернётся.

Сам усадебный дом и прилегающие к нему строения — это продолжение окружающей природы. Потому что хозяева усадеб при их обустройстве приглашали знаменитых ландшафтных архитекторов, даже выписывали их из Англии, Франции, Голландии. И те изучали местный ландшафт, для того чтобы встраивать в него будущие постройки так, чтобы они стали неотделимы от вековых деревьев, парков, от каскадных прудов, от холмов, кустарников и лугов. Уклад усадебной жизни был так же тесно связан с природой, земледелием, охотой, родовыми обычаями и жизнью крестьян.

Русская дворянская усадьба, если к ней присмотреться, это, как шахматная доска, на которой у каждой фигуры своё место и своя задача, размеренное и упорядоченное пространство, где каждая клетка — мерность. А мерности в пространстве так же

выстраивают жизнь, как мерности во времени (часы). Отсюда свой ритм жизни в каждой усадьбе, свои традиции — что и когда делать...Почему и говорят, что мерности делают жизнь упорядоченной, а упорядоченная жизнь делает человека порядочным.

Типичный пример, как зрительный ряд выстраивает человека. Одна женщина поехала отдыхать в Египет и попала в храм Карнак:

Усадьба Мураново. Вид из прихожей на анфиладу комнат

«Встала, — вспоминает она, — и увидела одновременно все эти 24 колонны, выстроенные в ряд, у меня как будто внутри что-то стало вытягиваться и выпрямляться. Только что ругалась и препиралась с погонщиком верблюда, который тащил буквально силой покататься, а потом, видя, что я не могу слезть, требовал денег в два раза больше, чем просил раньше. И к храму я подошла душевно помятая, вымотанная, разлохмаченная. А храм, эти его колонны, меня каким-то образом распрямили, приподняли...»

Любая педагогика озадачена тем, **как человека выстроить**. Чтобы он мог быть членом общества, то есть хотел что-то полезное сделать для людей, сумел подчиниться и сделать не то, что ему хочется, а то, что надо для общего блага.

Каждая русская усадьба это череда мерностей. И так задумано, что открывается она с какой-то определённой точки. Например, усадьба Баратынских и Тютчевых Мураново...

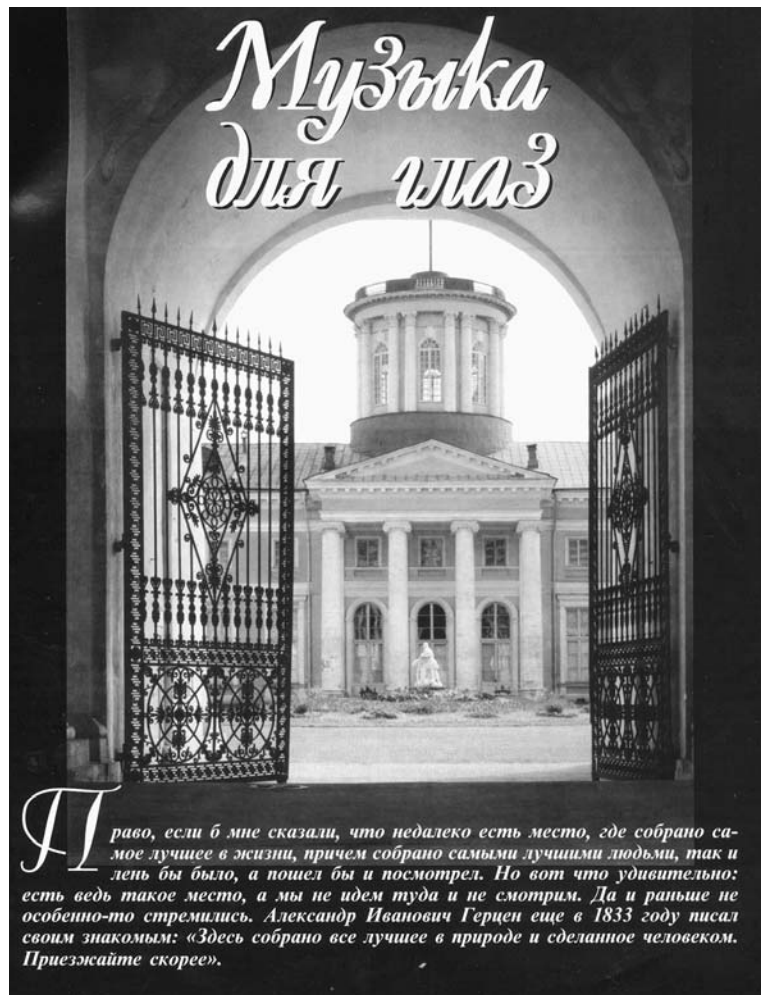
«Взбираемся на холм, — пишет в книге записей один из посетителей, — и за ним неожиданно, за прудом, как Дюймовочке на верхушке цветка, открывается усадьба... У подножия трёх холмов, за широко раскинувшимся лугом, возвышается дом-замок... с башенкой и бельведером, увенчанным шпильми и реющими над ними флагами... Крыша замка, словно составленная из многочисленных ромбиков, усиливает ощущение сказочности усадьбы, словно по мановению волшебной палочки возникшей здесь, в Дмитровском уезде... Эта анфилада комнат, открывающихся взгляду одна за другой по прямой линии, как система магических зеркал, как символ бесконечности...»

Мерности в усадьбе... Как композитор Иоганн Себастьян Бах в каждом произведении собирает всё лучшее и выстраивает строгое последовательное геометрическое идеальное пространство, так и рай-усадьба собирает в себе всё лучшее и выстраивает. **Рай-усадьба тоже своего рода музыкальное произведение, которое отлаживалось тысячелетиями** (со времён Древнего Египта, с усадеб фараонов и знатных вельмож) со своими размерами, длительностями, мерностями, своим ритмом...

Что было в такой усадьбе Древнего мира, какие мерности? Храм Солнца (как высшего проявления жизни и силы) или Луны, обязательно сады, лестницы, переходы, перепады, какие-то гроты, беседки, подвалы. Это алфавит усадьбы, музыкальные ноты усадьбы, которые создают усадебную музыку.

Моцарт мог бы написать музыку на тему усадьбы, так как его музыка сплошь состоит из мерностей, больших и малых, нарастающих и убывающих. Могла бы иметь такую свою музыку рай-усадьба Архангельское, так как в ней сплошные мерности, но она ещё ждёт своего композитора.

Кстати, Архангельское, именно такая типичная рай-усадьба, которая открывается как ворота в храм знаний... Сквозь решётку этот храм знаний сразу виден. Лестница на пути к совершенству, по обе стороны фигуры прошлого мраморные сфинксы или львы, — как символы предыдущей древней мудрости, прежних эпох. Одна фигура печальна, как будто она оплакивает свою ушедшую эпоху. На любой аллее своя геометрия, свои мерности, всё выстроено геометрически. Вот ко-

Право, если б мне сказали, что недалеко есть место, где собрано самое лучшее в жизни, причем собрано самыми лучшими людьми, так и лень бы было, а пошел бы и посмотрел. Но вот что удивительно: есть ведь такое место, а мы не идем туда и не смотрим. Да и раньше не особенно-то стремились. Александр Иванович Герцен еще в 1833 году писал своим знакомым: «Здесь собрано все лучшее в природе и сделанное человеком. Приезжайте скорее».

Парадный въезд в усадьбу Архангельское

лоннада, представляющая собой ряд мерностей, как ряд знаний, связанных между собой в единое целое.

Все входы с колоннами в разные здания, как входы в храм. В усадьбе знаний такими и должны быть все здания — храмами. Так раньше и было в хорошей помещичьей усадьбе: львы на воротах, фигуры вдоль главной аллеи и по всему парку, мерности деревьев, как в священных рощах.

Мерность лужаек, мерность скульптур, мерность клумб с геометрическими фигурами (треугольники, квадраты, полукруги, круги). Вот мерности ограды, сквозь которые видна лаборатория на крыше (а скорее всего — обсерватория).

В храме Архангела Михаила свои мерности — купола. Они двигаются вверх по восходящей, показывая нам, какой должна быть духовная жизнь человека — восходящий путь к вершинам. В эзотерике в духовности всегда именно так понималась жизнь человека. А сейчас? Если она и понимается как путь к восхождению, то куда — в президентство, банки, фирмы, советы директоров... Хотя по большому счёту человек выстроен Высшим Разумом так, чтобы двигаться по пути к совершенству, к Богу... чтобы учиться всю жизнь...

В каждой усадьбе был храм. Если сейчас в какой-то усадьбе храма нет, это результат разрухи, упадка, атеизма. Именно их

Усадьба Архангелское. Беседка разума

разрушали прежде всего, начиная со сбрасывания колоколов. Арки, выходящие на храм с разных сторон. Вот дорога к святым воротам. Вот мерности гротов и аллей.

Лестница, как символ ступенек, ведущих в небесный храм. Точно так же как в доме Пашкова, в усадьбах Николая Львова, его собственной и спроектированных им. В каждой усадьбе были такие лестницы, но что сохранилось? Разве что в Архангельском, где чудом сохранилось почти всё. Именно здесь мы можем видеть, как оно было! Это единственный дошедший до нас полный комплекс всех необходимых усадебных мерностей. Почему и назвал все постройки в Архангельском архитектор Пьетро ди Гонзаго (1751-1831) *«музыкой для глаз»*.

Усадьба-рай... Идеальная усадьба и должна быть таким «раем», который не только облагораживает душу красотой, но и вдохновляет на созидательную работу, на то, чтобы что-то сделать, что-то добавить к этой красоте... Скажем, белая беседка, окружённая сиренью, а в ней белый столик со стульями, разве не вызывают желание уединиться, присесть, вдохнуть все эти июньские запахи, задуматься, взять в руки книгу из детства, мечтательно полистать, вчитаться в отдельные строки или написать что-то?

Вообще, наверное, как мерность рождает творчество, так и любой творческий человек тяготеет к мерности, потому что творчество — это тоже чередование мерностей. Если ты узнал что-то впервые, то протягивается какой-то мостик к другой информации, от той — к следующей и так дальше. Подобное притягивает подобное. И усадьба мерным расположением своих частей это тяготение пробуждает.

«Может быть, — говорит художник Юрий Сергеев, автор картины «Усадьба Ольгина мыза», — следует и интерьер дома обустроить так, чтобы он был интеллектуальнее, чем мы, чтобы можно было расти, тянуться к чему-то более высокому... Главное, чтобы всё работало на духовность, а не делало нас только потребителями. Нам всем с детства не хватает знаний «искусства жить на земле»».

Усадьба «Ольгина мыза» Юрьев-Польского уезда, родины художника, когда-то стояла здесь, на берегу озера. Потом исчезла. Озеро питали родники, которые в конце XX века иссякли, отчего озеро начало мелеть. Почему исчезла усадьба, почему иссякли родники?

Конец XIX века в России — время бурного развития промышленности, строительства городов и железных дорог, а для этого в первую очередь нужен был лес. Он нещадно вырубался, а земля распахивалась. Вырубили лес и вблизи озера, дождевые

Усадьба Останкино. Вид с вертолета

Усадьба Архангельское. На одной аллее с великими

воды понесли в него смываемую с полей почву, и озеро вскоре заилилось, родники забились.

До 1980 года от усадьбы ещё оставалось единственное напоминание — деревенский дом на краю береговой кручи. Его купили дачники и жили в нём летом. Но позже дом разобрали и перевезли в другое селение. Принадлежал он семье Петра Ивановича Баранникова, который мог ещё рассказать об усадьбе «Ольгина мыза», потому что до 1917 года выполнял разные работы по найму в усадьбе, был вхож в барский дом, хорошо знал её планировку и всех её обитателей. Увы, ни дома, ни Баранникова уже нет.

«Ольгина мыза» уникальна тем, что располагалась на озере, а в Юрьев-Польском уезде озёр раз-два — и обчёлся. Да и вообще усадьбы, расположенные на берегах озёр, по пальцам можно пересчитать. Например, небольшая деревня в Кенозерье рядом со Свиным озером под названием Мыза. Возможно, на этом месте когда-то тоже стояла большая красивая усадьба.

Уникален и искусственный насыпной холм, вдающийся в озеро мысом или «мызой». Такая усадебная планировка на вдающихся в озеро или море искусственных или естественных возвышениях встречалась раньше на берегах Балтийского моря, в странах Запада. Её и применил на этой земле немец (фамилию его история не сохранила), управляющий князя Голицына. Он насыпал холм высотой в пятиэтажный дом, в середине холма выкопал пруд (там и сейчас цветут белые лилии, живущие только в чистой воде), а за ним — ещё один пруд, с островом и беседкой.

Немец выращивал белую и чёрную смородину и делал из них вино, которое продавал во Францию (это напоминает вишни из чеховского «Вишнёвого сада», большие, сочные, вкусные, которые возили в город продавать). Усадьба была названа в честь его жены Ольги, которую беременную не довезли живой до Юрьева-Польского — по дороге она умерла.

Представление о том, что усадьба — праобраз рая — «места вечного блаженства, замечательного по красоте и плодородию», было распространённым. И каждый владелец или управляющий хотел создать свой маленький рай — идеал Науки Жизни, каким он его видел. Каким же?

По детальной планировке немца-управляющего «Ольгиной мызой» усадебный рай должен был представлять собой работающую машину для глаз, для слуха, для обоняния, для жизненной пользы и состоять из небольшого бора, поляны, гладкой и зелёной, системы прудов с островами и беседками и сахарного берёзового леса. Что он и осуществил.

Перепады ландшафта в усадьбе, архитектурные сооружения — это как ноты в музыке, как стихи. Взгляд, двигаясь по ним, входит в определённый ритм. Вот почему сказал великий Леонардо да Винчи (1452-1519), что *«поэзия — это живопись, которую слышат, а живопись — это поэзия, которую видят»*.

Сколько усадеб, столько и вариантов рая, поэтому каждую интересно изучать. Вот, например, как представлял себе рай-усадьбу дядя царя Николая II Константин Романов.

«Мечта любого человека на планете... — писал он, — это красивый вид из окна на маленькую церквушку, на белую веранду; тропинка, уходящая в рощу или в парк. Анфиладой комнат я прохожу в библиотеку с гравюрами старинных усадеб, сажусь в кабинете с портретами предков, с видом на большую клумбу с цветами. Сидя на балконе, я люблюсь маленьким прудом с мостиком».

По представлениям Афанасия Фета, усадьба это тоже белая веранда, балкончик, на который можно утром выйти, пруд с рыбками, а ещё лавочка у пруда, яблочный и грушевый сад, беседки, болото с квакающими лягушками, запахи сирени, акации, черёмухи, перепревшей осенней листвы, летней устоявшейся прудовой воды...

Каждая усадьба действительно строилась как модель земного рая, этим в чем-то напоминающая монастырь... Храм, часовенки, погост, диковинные растения, цветы, плоды, которые выращивали не для того только, чтобы ими насыщаться, но и для того, чтобы любоваться... В Пюхтинском монастыре в Эстонии, например, до сих пор капуста растёт как цветы...

Впрочем, понятие о красоте и целесообразности у каждого своё. Кто-то из медиков, кажется, Пирогов, сравнивал дворянскую усадьбу с телом человека. Скажем, сердце усадьбы — это главный дом, печень и почки — баня и каскад прудов, сосновый бор — лёгкие, аллеи — кровеносные сосуды...

В конце концов, каждый из нас имеет право на свой прообраз рая как идеального места для жизни. В этом смысле, чем наше жилище, будь это квартира или дача, не тот же рай земной, который мы обустраиваем по собственному представлению о рае? Только вот усилий этот рай иногда требует таких, что не всем они под силу. Легко ли было, например, здесь, в усадьбе «Ольгина мыза», насыпать искусственный холм?

Возможно, мыза была насыпана после войны 1812 года, когда пленные французы разбирались по имениям и трудились на самых сложных и тяжёлых работах. Например, здесь же, не подалёку, в Ярославской губернии, в селе Смоленское, после 1812 года пленные французы выкопали большой пруд, а посреди пруда на острове вырос помещичий дом дворян Свиных.

Кстати, жители села Смоленское, оставшись без работы, нашли выход — своими руками построили 63-метровый мост, соединивший остров с селом, обустроили это место и теперь тут культурный центр, готовый к приёму гостей и туристов.

Было бы что обустраивать...

Усадьбы «Ольгина мыза» уже нет, но в книгах, в статьях и на рисунках остались фрагменты этого маленького рая в Ополье, который когда-нибудь, будем надеяться, кто-то из потомков Голицыных возродит. Вот и захотелось художнику написать прообраз этой усадьбы, создать живописный документ для тех, кто потом будет возрождать эту усадьбу.

На первом плане круглый пруд с белыми лилиями. Потом гряда с белой лесенкой. Затем второй пруд — с островом. На нём беседка, возле которой стоит дама с зонтиком. За двумя прудами — конюшня. Что-то утрачено безвозвратно (например, веранда с деревянным полом, колонны), к счастью, пруды, как были, так и остались.

Когда в первые годы Советской власти некоторые бывшие усадьбы отдавали под детские сады, то, видимо, понимали, что усадьба-воспитатель, усадьба-учитель благотворно будут действовать на подрастающее поколение. Тем более что в усадьбе всему отведено своё место: здесь — можно Богу молиться, здесь — радоваться, веселиться, вот это место — для игр... а здесь — место для работы. И у каждого ребёночка — свой цветочек, своя грядочка, свой кролик...

Лучше поздно, чем никогда, — сейчас у нас наступает осознание, что деревня нам нужна, хотя это никому не выгодно, что для воспитания детей не достаточно асфальта, стен и крыши над головой, нужна природа: земля, вода, животные и растения...

Мы разработали массу программ по ликвидации неперспективных деревень, не понимая, что даже неперспективная деревня — это вклад в воспитание... Всех великих людей вырастила деревня... Это образование без книг, образование жизнью, школа жизни... Ушинский говорил: *«Все университеты мира надо перевести в деревню»*. Деревенская усадьба может восстановить целостность человека, утраченную в результате жизни в городе.

На картине художника Ю. Сергеева «Усадьба Ольгина Мыза» перед нами на террасе сидит крепостная девушка, которая пришла из соседнего села с поручением к барину. Дожидаясь, когда он придет из города, она уснула — образ нашей русской усадьбы-рай, которая как бы спит, ожидая своего хозяина. Он придёт и, зная законы ландшафтного искусства, восстановит усадьбу — свой прообраз рая на земле

Альма Матер

*Почти стенограмма встречи 7 июня
2012 года, когда раз в пять лет мы,
выпускники 1977 года, встречаемся на
факультете журналистики МГУ*

Студенческие годы — это веха в жизни. Почему и не только помнятся всю жизнь, но и считаются высшей ступенькой лестницы духовного развития. Все программы-максимум на жизнь задаются здесь. Здесь возникают догадки и делаются открытия, которые потом определяют жизненный путь.

А.С.Пушкин, да и другие лицеисты, всю жизнь считали День Лицея 19 октября главным праздником для себя. Студенческие годы многие всю жизнь вспоминают с ностальгией, признавая, что **это были лучшие годы жизни**. Университет бывшие студенты всегда называли ласково и возвышенно «Альма Матер» (от латинского «alma mater», буквально — кормящая мать).

Потому что нет еще презренной прозы жизни и соблазнов низких выгод, но есть наивная вера в справедливость, пока еще нераскрытые способности, нераскрученный потенциал.

Почти весь наш курс у входа на факультет

И, если кто-то с досадой говорит: «*Какие у меня были идеи! Какие проекты! Какие перспективы!*», то это именно о студенческих годах.

Да, время летит стремительно. Прошлая наша встреча была, казалось бы, совсем недавно...года два назад, ну, максимум, три. А прошло, пролетело пять лет. И так мало мы успели сделать. Хотели к следующей встрече иметь уже в компьютере все группы с фотографиями каждого и какими-то текстами. Чтобы при представлении групп не только рассказывать друг о друге, но и что-то читать и что-то показывать. Но, если и удалось собрать какие-то фотографии, разложить их по группам, но в каждой группе примерно половина лиц так и не нашлась.

На этот раз была круглая дата для всех — 60-летие факультета журналистики МГУ, так что пришел даже ректор МГУ В.А.Садовничий. Сказал, что **главное в профессии журналиста — любить Родину и хотеть сделать для нее что-то полезное.** Воспитанные в советских традициях, именно это и мы все тоже вынесли во взрослую жизнь.

А наш любимый декан Ясен Николаевич Засурский подчеркнул другое — **интересы современного журналиста должны быть разносторонние, чтобы, берясь за тему, хотелось в ней разобраться.** Простая на первый взгляд, но, если вникнуть, то интересная мысль...

Издавания, где мы работали

Один из первых студентов факультета, выпускник 1952 года Марк Розовский (сейчас он режиссер театра «У Никитских ворот») как всегда вспомнил нечто интересное. Оказывается, в 50-е годы они, студенты, чуть ли не бастовали, добиваясь, чтобы на факультете ввели такие предметы, как машинопись и стенографию. А мы, изучая эти предметы 20 лет спустя, еще ворчали: *«зачем, мол, это надо...»* И, что отгадно, многие в этот день говорят о М.В. Ломоносове, который по сути был настоящим журналистом, воплощая в себе требования Садовниченко и Засурского. В самом деле, что такое его ода «На взятие Хотина», как не любовь к Родине и гордость за нее? А «Гимн стеклу»? Реклама, глубокая, конструктивная, да еще и патриотическая!

Я смотрю в зал, где собрались выпускники факультета разных лет, все поколения журналистов, начиная с 1952 года... Какие умные, интересные лица. Работали или и сейчас работают в газетах, журналах, на радио, на телевидении. В целом это лицо нашей журналистики. Как на картине Ильи Глазунова «Россия. Сто веков», где он нарисовал лица русских святых за 1000 лет православия. Без газет, журналов, радио, телевидения теперь вообще невозможно представить себе жизнь. Жутковато радостно мне смотреть в этот чудозал...

И вот мы уже снова, как и пять лет назад, в ресторане Дома журналиста, но уже только наш курс, все, кто смог прийти на встречу — чуть больше 50 человек, немного меньше, чем пять лет назад. Впервые для нас повесили большой экран, потому что теперь есть что показывать, есть зрительный ряд. И я взял с собой ноутбук, в котором уже три года для всех открыта папка «Факультет журналистики МГУ.1977 год» и постоянно чем-то пополняется..

Теперь можно уже говорить о группах, показывая лица. И поэтому, если пять лет назад было устное, без зрительного ряда, представление только двух-трех групп, то теперь мы прошлись по всем пятнадцати. И каждую свою группу представляет староста группы или тот, кто пришел на встречу и сейчас захотел это сделать.

И, представляя группу, каждый делится своим самым сильным впечатлением. Валя Вепринцева, например, рассказывая о моей 112-й группе, делится радостью: *«Из Израиля приехала Ира Мигдаль, с которой мы не виделись 35 лет»*. Эльдар Абдуллаев, вспоминает, что именно они на факультете устраивали капустники. А Петя Федоров признается: *«Не все помню, так как ставил рекорды журфака по прогулам»*.

Они говорят, а я открываю папки в ноутбуке, проецирую на экран, и появляются лица. К сожалению, не всех. Но это зависит

Минута молчания

от нас. Надо просто в каждой группе задаться целью — собрать все фотографии, чтобы потом на следующей встрече, говоря о ком-либо из наших однокурсников, мы могли его видеть.

Это важно, потому что не всех каждый из нас знает по фамилии и даже по имени, а лица мы помним. И, слушая рассказ, глядя на лицо, кто-то что-то сможет добавить: случай ли, эпизод, разговор...

Уже по традиции каждый раз на наших встречах мы вспоминаем о тех, кого уже нет с нами. Вот и на этот раз староста курса Лариса Корнеева напоминает: *«Первый тост за тех, кто ушел...»*

Мы все встаем и слушаем стоя.

На экране лица наших ребят и девочек, а Лариса перечисляет:

«Лена Левина (101 группа), Таня Костко (102 группа), Галя Калинина, Гена Корж, Анатолий Седов (103 группа), Олег Киясов (104 группа), Олег Котов (105 группа), Люся Первова, Нина Пряхина, Володя Фофонов, Кенжик Жапобаев, Саша Каширин, Сережа Кривцов (106 группа), Шамиль Маликов (107 группа), Айсе (Галя Элюшева), Света Заика, Таня Ахломова, Сэм (Саша Ячменев) (109 группа), Таня Мещанская, Слава Якушев, Игорь Дедов (110 группа), Андрей Николаев (111 группа), Надя Григо-

рьева (112 группа), Леша Волков (113 группа), Алеша Ганюшкин, Ариф Алиев, Миша Карпов, Толя Рыбаков (114 группа), Если кого не вспомнили, они нас простят. За всех за них, за тех, кого мы помним. Светлая им память. Они нас видят, прощают, Простим и мы им все. Мы их любим, мы были вместе...»

А потом звучит отрывок из радиопередачи Ксюши Лепановой «Частная коллекция». Она вспоминает студенческие годы, свою переписку с практики с друзьями — Сережей Бару, Толей Рыбаковым и Ильей Толстым. Озвучивает их письма. Это грустное признание в любви к нашей юности, наивности, чистоте, какой-то трогательной беззащитности перед временем. **Теперь мы с каждым годом это ощущаем все острее.** Я листаю на экране подходящие фотографии и жалею, что нет **фотографий с практики.** Конечно, они где-то есть. Может, лежат в семье Сережи Бару (он сейчас в Новой Зеландии) или у близких Толи Рыбакова (его, к сожалению, уже нет в живых). Может, кто-то из нас позвонит, напишет письмо по обычной почте или по электронной, они откликнутся и что-то пришлют...

Жаль, что при звучании того или иного имени и фамилии, мы не видим лица, глаза — нет фотографий. Не нашли, да и не искали. В церкви тоже, когда читаются записки «О здравии» или «Об упокоении», нет зрительного ряда, но там все намолено, там есть традиции, там вертикальный энергетический столб, духовный мост к Богу, там обряд, когда одни и те же действия, повторяясь, усиливают настройку на иномир. Но и у нас каждые пять лет все почти повторяется, все как и раньше. **Тоже уже что-то вроде обряда.** А фотографии при звучании имени это целый всплеск одномоментных воспоминаний.

Представляете, если все мы, пятьдесят с лишним человек, глядя на лицо однокурсника, вспоминаем его...какой это поток энергии, какая мощная радиоволна...**Какой она вызывает резонанс и ответный поток информации — из нашего земного мира, где пока еще живы родные, близкие, друзья, знакомые этого человека, и из того мира, куда ушел этот человек, а нас там пока еще нет...Резонанс, который питает и наше информационное поле.** Поэтому, надо, еще раз думаю об этом, **надо собрать все фотографии, какие у кого есть.** Чтобы на следующей встрече мы видели всех, кто ушел от нас и кого мы помним...

Да, наша встреча моментами чуть похожа на обряд, на службу в храме, когда батюшка говорит проповедь к сегодняшнему дню, потом читаются записки о здравии и об упокоении, потом идут исповедь и причастие, потом общая молитва с просветленным духом и словами благодарности... Вот и здесь, на встрече, кто-то говорит (и за столом и высту-

пая у микрофона) о сегодняшнем дне (своего рода проповедь), кто-то кому-то кается (исповедь), кто-то говорит всем *«спасибо, что мы есть, что собрались, что мы — журналисты настоящей школы, что мы — курс»* (благодарность), кто-то поднимает тост, а все поднимают бокалы (причащение). **Типичный волшебный механизм обряда, когда одни и те же повторяющиеся действия и слова как бы наводят ток в электромагнитном поле.** Пространство электризуется нашими речами и действиями. А, поскольку мы говорим друг другу только хорошее, оно все пронизано **невидимым** духовным светом, хотя физически в ресторане полумрак. Вот, наверное, почему многие из нас с такой радостью и внутренним трепетом ждут пять лет этой нашей встречи. Об этом и говорит Наташа Ломакина (110 группа):

«Я так ждала этой нашей встречи, как когда-то встречи с самым любимым человеком...Хотелось посмотреть на всех вас, обнять, поцеловать, напиться вот этим вот общением...еще на несколько лет вперед. Для меня эти наши встречи — что-то очень ценное. Сегодня так хочется знать о каждом, как он живет, что у него, как творческие дела, как личная жизнь. Поэтому, ребята, рассказывайте немножко о себе. Это то, что мы можем дарить друг другу...»

Чтобы не быть голословной, Наташа говорит немного о себе. Увлечлась в юности радио, потом телевидением. После МГУ поехала на Камчатку за романтикой. И было за чем — многие годы работала, получала удовольствие. Пока не свели на нет региональное телевидение, оставив только новости. *«Осенью возвращаюсь в Москву. А Камчатка останется удивительным воспоминанием. И, пока я там, приглашаю в гости. Приезжайте, покажу МОЮ Камчатку.»*

Фотографии, которые Наташа показывает, действительно фантастические. Облака вокруг жилых домов прямо в городе, как НЛО, висают напротив окон...

Стало уже традицией (тоже своего рода обряд) зачитывать на наших встречах послания из других городов и стран от тех, кто хотел приехать, но не смог. Но иногда это просто письма из личного архива, которые мы писали друг другу на практику в другие города или с практики. Вот и на этот раз Лариса Корнеева (а присылают все эти послания чаще именно ей, как заводиле всех наших встреч) зачитывает письмо от Татьяны Полуэктовой (111 группа), которая сейчас живет в Сыктывкаре, занимает там важный пост (зам председателя телерадиовещания). А письмо с воспоминаниями из 1973 года, с картошки:

«Татаринова (наш преподаватель по древнерусской литературе) сказала, что наш курс — самый лучший. На картошке мы с Вепринцевой, Захаровой, Чепрасовой и Кульковой работали на кухне под руководством бабы Веры и Мостового. Это было что-то. Вставали в 4 утра, чтобы накормить народ и так до самого вечера...»

Традицией наших встреч стал и тост за Ларису Корнееву. И хоть она сама и скромничает, напоминая, что инициатором нашей первой встречи выпускников был Леша Шедченко, но мы знаем, что вся черновая работа по организации встреч лежит на ней. Она всех обзванивает (и не один раз и не только по Москве и по стране, но и за рубежом), кому-то пишет, кого-то просит, чтоб позвонили, она договаривается насчет ресторана, она принимает народ у себя в редакции журнала «Легкая атлетика», где работает, она собирает всю информацию и больше чем кто-либо другой все о всех знает и все помнит. Все так или иначе выходят на нее, поэтому и я, если надо напомнить всем, чтоб приносили фотографии и что-то писали для нашей будущей книги о курсе, я звоню именно Ларисе. Наверное, потому что ей до всего и до всех дело. Типичный советский человек в лучшем своем проявлении. Как в знаменитой песне советских времен:

*«Забота у нас простая,
Забота наша такая,
Жила бы страна родная,
И нету других забот.
И снег, и ветер,
И звезд ночной полет,
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет.»*

Поэтому Володя Мехонцев (сейчас он работает в пресс-центре Мэрии Москвы), поднимая тост за Ларису и вручая ей огромный букет роз, не открывает Америки, перечисляя все ее заслуги, но вызывает всплеск всеобщей симпатии. Это симпатия именно Ларисе, всплывшая на аплодисментах и криках *«мы тебя любим!»*. Тоже уже обряд, ритуал. А Лариса в свою очередь называет всех, кто ей помогал. Например, Валю Антонову, которая проделала огромную работу архивариуса: выстроила всех по группам, расставила около каждого телефоны и координаты, собирала и сканировала фотографии, составила общий список нашего курса (все 237 человек) по алфавиту, так что теперь легко быстро найти любого, даже тех, кто после первого курса куда-то перешел. Или Валю Вепринцеву, которая многих тоже обзванивала, разговаривала по душам.

Еще один тост произносит Виктор Мостовой, тем более, что народ, заморив червячка, слегка приложившись и наговорившись, немного успокаивается, так что уже становится почти слышно тех, кто просит слова:

«Иногда я сам себе говорю: «Какое счастье, что мы все учились в этом знаменитом Университете, в нашей Альма Матер. А кто нас учил...наши преподаватели, они думали не о себе, но о стране, о нас, студентах...И, благодаря этому, все мы здесь состоявшие-ся личности, каждый в своем — мастер. Спасибо им всем. Спасибо Татариновой, которую мы сегодня поздравили. Спасибо и тем, кого нет, Кучборской, Бабаеву...и многим другим. И теперь, когда я уже 25 лет преподаю, мне жалко моих студентов, потому что это я им преподаю, а не те великие педагоги, которые нас окружали. Давайте скажем им спасибо и выпьем за тех, кто ушел, а те, кто есть — будьте здоровы! За наших учителей!»

Народ за столами, видимо, начинает вспоминать преподавателей и какие-то интересные связанные с ними эпизоды. Так что, если в этот момент кто-то и хотел что-то добавить, взять слово из-за общего шума невозможно. Я в этот момент думаю о том, что, поскольку у нас нет Стентора (один из любимых героев Кучборской, греческий воин, участник осады Трои, обладавший громоподобным голосом, по крайней мере, достаточным, чтобы перекричать наш зал), надо бы завести что ли колокольчики. Их звон напомнит, что коровы пришли с водопоя, и надо послушать, что делать дальше. Мне, например, Лариса дала слово, но попробуй его возьми! Хотя все в этом мире когда-нибудь кончается. Стало потише. И я говорю о главном:

«Сегодняшняя наша встреча должна стать эпохальной, потому, что за прошедшие пять лет у нас созрела идея — сделать книжку о нашем курсе. И мы начали потихонечку собирать фотографии и тексты. Раскачивать всех нас трудно, творческие люди — они такие, чем человек глубже, тем труднее его раскачать. Книги еще нет, но есть идея, которую надо обсуждать. Схема такая:

1. Уникальность или особенности нашего курса. Кто мы, что мы и откуда. Уникальность и особенности каждой группы.

2. Какими мы были студентами, где и как жили и учились. Наши зачеты, экзамены, рефераты, курсовые, дипломы

3. Наша практика на разных курсах

4. Наши педагоги

5. Кто кем стал, творчески и семейно.

6. Наши дети

7. Взгляд в будущее.

Под эту схему и надо собирать материалы. Уже в компьютерере создана папка «Факультет журналистики МГУ, 1977», где

все разложено по полочкам, где все наши 15 групп с фотографиями. Но хотелось бы, чтоб по каждой группе были фотографии всех наших однокурсников. Хотелось бы записать все голоса, чтоб каждый что-то сказал в микрофон. Глядя на знакомые лица, слыша знакомые голоса, мы будем легче вспоминать нашу студенческую жизнь. Через глаза или зрительный образ, через звук, как через дверь,ходишь в другое время.

Работая в журнале «Природа и человек», я 20 лет наблюдал и изучал аномальные явления (чудеса и загадки природы) и пришел к выводу, что духовный мир существует реально, он — такая же реальность, как и материальный мир. И те, кого уже нет с нами, они есть. И те, кто просто не пришел (свобода воли), они тоже среди нас. Они связаны с нами нашей памятью (лица — перед глазами, имена — на слуху), какими-то эпизодами, которые у нас сидят в подсознании, а мы о них не помним. И все это вместе — мы, это наш мир. Как В.Вернадский говорил, что вокруг планеты Земля существует ноосфера — мыслящая структура в форме кольца, вращающегося вокруг Земли, как кольцо Сатурна. Это мысли и чувства (а, может быть, только мысли) всех людей, которые жили на земле и живут сейчас. Это и наши мысли.

Тоже самое — духовное пространство нашего курса. В нем все мы, в том числе и те, кого уже с нами нет, и те, кто просто не смог прийти на нашу встречу. Это пространство живо нашими мыслями и чувствами. Нынешними и теми, которые приходят с воспоминаниями. Воспоминания пронизывают время. Поэтому надо вспоминать и записывать то, что вспоминается. Как правильно сказала Наташа Ломакина «Надо рассказывать о себе, чтобы мы лучше знали друг друга». И что-то из записанного присылайте нам для будущей книги курса. Фотографии, тексты, хоть две-три строчки. Не целую эпопею, не роман, не трактат, а то мы, как творческие люди, сами себе будем придумывать отговорки, чтоб не писать. Сколько я уговаривал Олю Плавинскую написать свой творческий портрет. Она долго не могла собраться, говорила: «Да, кому это нужно?». А когда все-таки написала, получилось интересно. И не только мне, думаю — всем.»

За столами произносят тосты. Некоторые выносят их на общий микрофон. Например, за то, чтобы через пять лет мы снова собрались. Почти как у Окуджавы:

«Как хорошо, что все мы здесь, сегодня собрались...»

Это тоже повторяющая каждые пять лет фраза, как звуковая мантра, как молитва, она закрепляет наше состояние душевного тепла и комфорта, нежности друг к другу. Нежность, о которой впервые сказал Сэм пять лет назад.

Волшебное студенческое время...по потенциалу, по открывающимся возможностям, конечно, волшебное. Да, если б не МГУ, разве бы я, например, открыл для себя испанца Лопе де Вегу с его геометрией развития чувства, немца Новалиса с его поиском голубого цветка, Бальзака, писавшего ночами в горячей ванной и двадцатью чашками крепкого кофе...А рукописи, которые мы читали в ротонде библиотеки на втором этаже, работая над дипломом...А мысли и идеи, которые носились в воздухе, проскакивая в разгоряченное сознание. как стрелы сквозь огонь...В нас была **студенческая энергия взлета**, когда ты еще не знаешь низких истин и не знаешь себя, и столько надежд, а впереди вся жизнь! И еще не было в этих духовных поисках тех житейских забот, которые потом опутывают нас, когда выходим во взрослую жизнь...

Толя Драган, помню, увлекся Лениным еще на втором курсе и стал читать его собрание сочинений, все тома, том за томом. Не впустую — писал вначале реферат, потом курсовые, потом из всего написанного выстраивал диплом. Цель была фантастическая — понять, как формировался Ленин, человек, повлиявший на ход истории, как вообще формируется сознание общественных людей, ставших вехами мирового развития, как журналистика помогает превращать мысли в искры, воспламеняющие людей. Он купил где-то по дешевке все 55 томов сочинений Ленина и таскал по очереди все эти тома с собой на лекции, на семинары, просто брал с собой везде, куда шел. Когда я говорил ему, что это здорово, это замечательно, это удивительно, что он, как Рахметов, готовит себя для каких-то больших дел...Об этом пока никто не знает, а потом все удивятся...Он смущался, краснел и бормotal что-то оправдательное: *«мол, ничего особенного, это ж интересно!»*

Волшебное время...Видимо, мы и сейчас, спустя 40 лет, несем в себе флер этого волшебного времени, в душе оставаясь теми, какими тогда были, что-то шелкает в душе, и то время оказывается рядом с нами. То состояние, та студенческая энергия взлета, которая была у всех нас 40 лет назад и которая вновь наполняет нас сейчас, когда мы встречаемся. Это магнетизм, это притяжение нашей молодости, наших талантов, наших возможностей. Поэтому, наверное, мы собираемся каждые пять лет. **Внешне на встречу друг с другом, а внутренне, тайно, невидимо, на встречу с собой, с тем юным и вечным в себе, что не стачивается жизнью, не замыливается бытом, не ослабляется творческими неудачами, не уничтожается ни временем ни пространством.**

Не случайно кто-то, поднимая очередной тост, говорит: *«В нас что-то есть, это и отличает наш курс. Если человек приезжает на эту встречу с Сахалина или с Камчатки, за тысячи километров, значит внутри нас что-то есть...»*

На эту фразу откликается Наташа Ломакина, ведь она приезжает на наши встречи с самой Камчаткой:

«Я вас люблю, мои друзья, я вас люблю любовью нежной. И каждый раз готова возвращаться сюда, чтобы сказать вам эти слова. Я жду этих встреч, вы не представляете, как. Сердце стучит, не останавливаясь. Смотрю на вас, улыбаюсь, узнаю ваши глаза, ваши улыбки, ваши лица. И вижу вас теми двадцати-двадцати трехлетними, какими вы были тогда, яркими, красивыми, молодыми. И, когда кто-то говорит: «Я боюсь приходить на встречу, потому что мы изменились», не верю. Я не боюсь приходить на наши встречи, потому что, если ты любишь человека, ты его всегда будешь видеть таким, каким ты его знаешь, помнишь и хранишь в своем сердце... Я вас всех храню в своем сердце. Иногда, может быть, забывая чье-то имя или фамилию, но, когда здесь встречаюсь с вами, все это вместе соединяется... И это так волнующе, так прекрасно...»

Я добавляю к Наташиным словам:

«В Великом Новгороде есть церковь Успения на Волотовом поле, которая во время Великой Отечественной войны была почти полностью разрушена. И реставраторы, копаясь среди обломков стен, собирали кусочки фресок, десятки тысяч маленьких кусочков, а потом их раскладывали, смотрели, что к чему подходит, и некоторые фрески восстанавливали целиком. Титаническая работа. А, когда их спрашивали, почему вы такие довольные, они отвечали: «Вы не представляете, какое это счастье, когда на пустое место встает найденный кусочек, и видишь уже не крошечный фрагмент, а часть изображения. А уже по ней догадываешься о целом.»

Так же вот и у нас. Чем больше мы будем восстанавливать целостность всех нас, вспоминать тех, кто ушел (это тоже целостность), тех, кто не смог придти сегодня (и это тоже целостность), обсуждать то, что тогда хотелось сделать в жизни (и это целостность), тем красочнее и полнее будет вся картина, тем живее будет наше сообщество, наш курс»

Чья-то реплика с места: **«Как бы вот это наше единство передать нашим детям и внукам...»** Знаменательная реплика. Значит наша с Наташей мысль о единстве нашего курса дошла, раз захотелось видеть ее в сознании детей и внуков.

А еще я думаю о том, что **единство всплывает в нашей жизни всего несколько раз, когда создаются коллективы, и потому помнится всю жизнь.** В семье, в детском саду, в школе, в Институте,

на работе. И это как повезет — удастся или не удастся ощутить единство. Скажем, в семье в совместном походе в театр или поездке на море, общем переживании каких-то тяжелых моментов жизни. В детском саду, в союзе против нянечки, заставляющей спать после обеда, когда спать совсем не хочется. В школе, в классе, неважно, плохой он или хороший. Всем классом байкотировать тирана-учителя или махнуть всем классом в кино...В командных видах спорта, когда твое и еще чьи-то усилия приводят к победе...В Институте, когда весь курс на картошке или в стройотряде...

В возникновении чувства единства всегда есть что-то объединяющее всех или кто-то объединяющий. И тогда достаточно вспомнить про это что-то или про этого кого-то, чтобы это чувство снова возникло. У нас на вечере этим кто-то оказался декан нашего факультета Ясен Николаевич Засурский. Зная, что выпускники разных курсов празднуют в Доме Журналиста, он заходил в разные залы, зашел и в наш. И мы все бросились к нему, как цыплята или утята к маме, как хотите это называйте, обступили его, стали ему что-то говорить, тормошить, тискать, прижимать, чуть ли не щипать. Всем хотелось с ним пообщаться, поздороваться, сказать ему что-то хорошее. Всем захотелось с ним сниматься. Всех охватила нежность. Ему это бестолковое но радостное мельтешенье вокруг него было приятно, и он улыбался, здоровался, целовал дамам ручку, у кого-то что-то спрашивал, что-то отвечал...

Спроси всех вместе и каждого в отдельности, что это такое, это всеобщее движение, мельтешение и тормошение, как все это назвать одним словом...Не уверен, что сразу бы нашли. Это как золото, которое в Средние века, смешивая разные вещества, искали алхимики, как философский камень, как Чаша Грааля...некая истина, ощутив которую, человек чувствует себя счастливым. А единство именно такая истина, потому что человечество когда-то взлетело над животным миром, ощутив единство и стремясь ради его сохранения научиться общаться, освоить речь. А это уже открыло духовные горизонты, и началась новая эра, человеческая...

Ну почему нас не учат ни в дома ни в школе тому, что **окружающие люди — это часть и ценность каждого из нас, тем более тот коллектив, в котором мы оказываемся?** Ведь проявить себя мы можем только через других людей. Как и Бог может что-то сделать только через человека. Нас сводит вместе не случайность, а Высший Разум, потому что именно мы, именно в таком составе оптимально нужны каждому. Это как необходимые витамины или кирпичики для дома.

С нашим любимым деканом

Нравится пища, даже самая простая, когда есть аппетит, то есть потребность. Раз нам так приятно видеть друг друга, значит у нас есть потребность друг в друге. Разве это не говорит о том, что мы все — те самые витамины, которые Бог приберег для каждого из нас?

Вместе мы — один организм, в котором каждый играет какую-то свою важную роль, как клеточка тела. Но догадаться о своем предназначении через человечество, когда клеточек — миллиарды, очень трудно. Чуть легче, когда масштаб меньше, то есть коллектив. Но, чтобы эта догадка возникла, надо знать друг друга, помогать друг другу, любить друг друга.

Возможность вспомнить наши университетские годы, себя той поры, свои мысли и мечты тех лет — это шанс *«дважды войти в одну и ту же реку»*, хотя и говорят, что это невозможно. Но, наверное, потому и говорят, что не пытаются, **боясь встречи с тем собой, перед которым теперь вроде бы надо оправдываться.**

А не надо. Ведь тот, который был, это не другой человек, а тот же самый «Я», который есть и сейчас. И, если **что-то не получилось в этой жизни, это, возможно, для того, чтобы желание неосуществленного напрягло нашу следующую**, чтобы оно осуществилось там, когда (именно в силу желания) под него уже будут ложиться обстоятельства. Если же оставить желание в юности и больше о нем не вспоминать, то будет ли вообще следующая жизнь? Ради чего нам ее давать, если мы ничего не хотим? Ради наших детей или внуков? Но у них своя жизнь, своя ответственность, свое напряжение прежних желаний...

Писатель для маленького города

Каким должен быть маленький захолустный город российской провинции, чтобы захотелось назвать его своей малой Родиной? Никогда не предполагал, что мне придется задуматься над этим и заинтересоваться, даже ощутить некую привязанность, как будто я здесь родился и жил долгие годы.

А «виновата» моя недавняя поездка в Костромскую область, в маленький провинциальный (7,5 тысяч жителей) городок Макарьев, Костромской области, который никогда никто не описывал. А тут в Макарьеве появилась книга совершенно неизвестного ранее писателя Сергея Чумакова «Жизнь как она есть», описывающая жизнь Макарьева с 1907го (год рождения Сергея) и по 1927ой годы, то есть в самое интересное переломное время, до и после революции. У города появился как бы свой летописец, свой историк. А получилось это так...

У художницы Киры Деминой, о творчестве которой я много писал, так что потом получилась монография «Мельница счастья», долго на антресолях лежали коробки с толстыми тетрадями — рукописями и дневниками ее отца Сергея Чумакова, всю жизнь работавшего в МВД. Она не раз мне о них говорила, но все как-то вскользь, как бывает, когда нас что-то беспокоит, но так, не сильно. А в последнее время, когда здоровье стало сдавать, у ней возник страх: вдруг там что-то важное, а кроме нее с этими рукописями никто разбираться не будет, выкинут на помойку и дело с концом.

Я ей говорю: *«Ну, так загляните в эти тетради! Если там действительно что-то ценное, так надо этим заниматься. А нет, так просто выкиньте.»* И она заглянула. И начала читать. И поразились, насколько интересно пишет отец, хотя не то что никакого литературного, но даже среднего образования он не имел, только четыре класса начальной школы и различные партийные курсы...

Дала почитать мне. В свою очередь поразился и я — литературный язык, интересные сравнения, меткие наблюдения, прямо-таки сложившийся профессиональный писатель! Об этом и сказал Кире Сергеевне: *«Если хотите, чтобы это все не погубило, отдавайте набирать, потом из всех этих текстов надо делать книги. Если издать их небольшим тиражом, то будет недорого. Вот вам и память об отце.»*

Понятно, что все это надо было еще редактировать, провирать ошибки, потом верстать и отдавать в типографию.

Но это уже дело техники. Готовых к печати рукописей было на шесть книг, и Кира Сергеевна не пожалела ни денег ни сил, чтобы эти книги увидели свет. По два экземпляра разослала в Ленинку и библиотеку МВД, а остальные — по родственникам и всем городам, где жил и работал отец.

И вдруг через какое-то время ей пришло письмо — из маленького городка Макарьева, от директора центральной городской библиотеки Светланы Николаевны Березинской: *«Спасибо вам за книги нашего земляка-макарьеца, писателя Сергея Алексеевича Чумакова. Мы и не знали, что в нашем городе родил-*

ся и жил замечательный писатель. Благодаря своим книгам С.А.Чумаков вновь вернулся уже в печатном слове на свою малую Родину, которую не забывал и о которой правдиво, подробно и самобытно поведал на страницах своих книг. Приглашаем вас на презентацию книг вашего отца, которая состоится в нашей библиотеке 9 августа, в день города, в 16 часов.» А еще пришло несколько номеров местной газеты «Макарьевский вестник» с отзывами о книгах. Значит читают!

Кире Сергеевне уже за семьдесят, проблемы с сердцем, уже давно никуда не выезжает. Предложила поехать мне. Тем более, что книгу её отца о Макарьеве «Жизнь как она есть» я читал и могу себе представить, что она для города и его жителей, какую может сыграть роль в жизни города ...Мне стало интересно.

С одной стороны, интересен мне был этот писатель, Сергей Чумаков, отец Киры, симпатичны его детские простодушие и постоянное желание учиться, развиваться. Благодаря этому желанию он не спился от беспросветности тупой

Герб Макарьевского района

Сергей Алексеевич Чумаков. 1943 г.

жизни, как его сапожник отец и большинство его сверстников, а, можно сказать, поднялся с самого дна, получил образование, профессию, нашел свое место в жизни, в конце-концов, состоялся как писатель. В этом его судьба напоминает судьбу Максима Горького. Симпатичны его патриотизм, стремление приносить пользу своему Отечеству (этому, кстати, и учили нас в советской школе)...

С другой стороны, наша российская провинция — это всегда интересно, всегда что-то для себя откроешь, всегда

да российская глубинка так или эдак повернется к тебе какой-то милой своей стороной, так что защемит сердце.

И потом, ведь **любой наш маленький провинциальный городок — это малая Родина**. Пока есть маленькие провинциальные города (Старая Русса, Переславль Залесский, Юрьев-Польской, Ростов Великий, Старица), которым 500 и больше лет, пока есть наша российская глубинка, есть история, на которой можно воспитывать молодежь.

А еще здесь течет близкая к природе естественная жизнь. Эти города окружены деревнями и селами, они утопают в зелени, через них текут реки, не забытые еще в бетон и закопанные в землю в виде бетонных труб. Здесь еще летают птицы, которых уже не встретишь в больших городах. Здесь одноэтажные, максимум двухэтажные милые старые дома и почти нет высоток, закрывающих солнце и убивающих душу своей серостью и однообразием. Здесь крохотные уютные улочки с узенькими тротуарами-тропиночками вдоль заборов, над которыми на тебя наклоняется черемуха или вишня. Еда здесь более природная и без нитратов, так как у многих свои огороды и сады.

Маленький провинциальный город, с его перепадами высот, оврагами и холмами, ближе к сердцу и понятнее, он **легче**

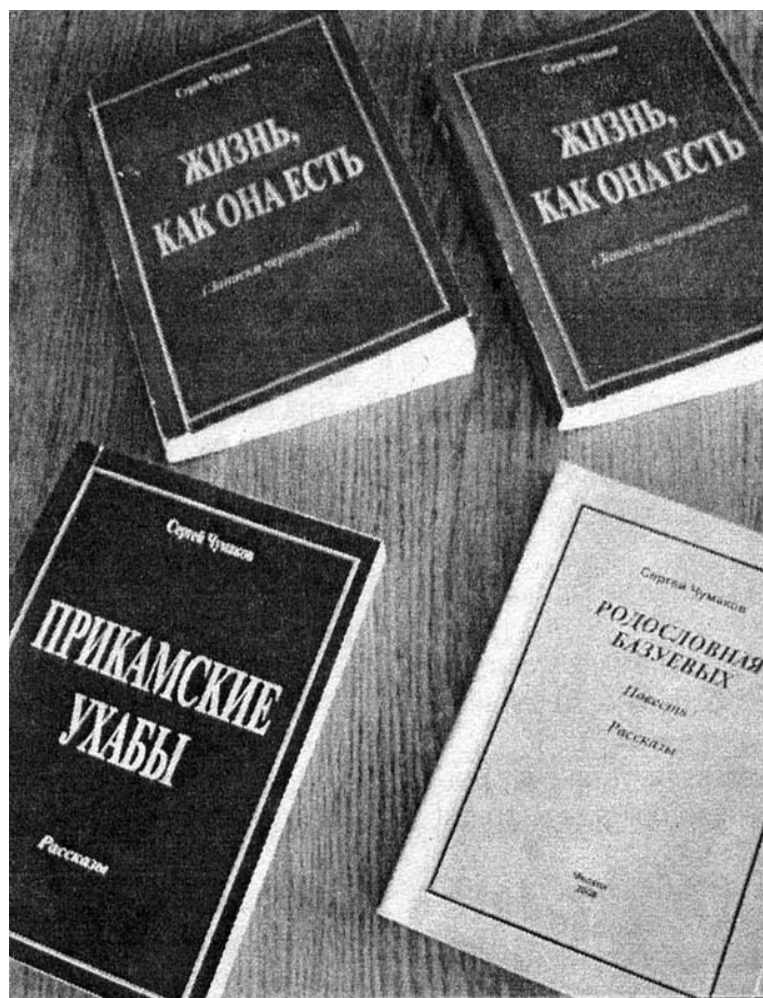
ощущается, как Родина, понятие которой мы в душе обычно сужаем (и правильно делаем) до колодца, березы под окном и знакомой тропинки к речке. Им легче гордиться, его легче любить. **И, если для всплеска любви к большому городу нужно какое-то мегасобытие** (война, какой-то большой праздник, стихийное бедствие), то есть то, что заставляет всех бросать свои повседневные дела и переключать внимание на город, **то в провинции**, где мало внешних событий, и жизнь каждого жителя не так раздербана на соблазны и удовольствия, где эмоции более цельные, **для всплеска чувств достаточно маленького праздника или несчастья.**

Конечно, в каждом городе есть люди, у которых в сердце вместо любви ненависть. Но выплеснуть ее они могут только во время каких-то беспорядков, погромов, бунтов, что бывает очень редко и, как правило, быстро подавляется властями. Поэтому **душа маленького города в большей степени обогащается всплесками любви, нежели ненависти**, что и проявляется в местном патриотизме и в радушии по отношению к приезжим..

А что такое писатель для маленького города? В большом городе писатели растворяются почти бесследно. В мегаполисе их много, они разные, и голос каждого тонет в общем разномастном миллионноголосом общем шуме. **В маленьком городе даже тихий голос писателя может быть услышан и оценен.** Даже не обязательно, если писатель к чему-то призывает. Даже, если просто пишет о себе. А, уж если описывает город, каким он был раньше, показывает его исторически, разве может это остаться незамеченным? Те самые улицы, по которым ты сейчас ходишь, с их старыми, уже забытыми названиями. Те самые дома, которые ты сейчас видишь, с их бывшими владельцами... Какие-то предприятия, какие-то магазины, лавки, трактиры... Храмы, как духовная основа. Разве все это неинтересно? Время разрухи когда-нибудь кончается. Придет время созидать, возрождать то, что было. Тем более, что Макарьев — город и вроде бы обычный русский городок, и в тоже время по-своему необыкновенный...

Сейчас и в библиотеку не надо идти — все есть в Интернете. И перед поездкой в Макарьев я туда, конечно, заглянул. Типичный старинный небольшой провинциальный русский город...

Начало ему положил 90летний монах-пустынный Макарий, из Нижнего Новгорода, который в 1439 году попал в плен к татарам, чудом освободился и, скитаясь по разоренным татарами землям, набрел на пустошь, покрытую лесом, в излучине реки Унжи, притоке Волги.

КНИГИ С. А. ЧУМАКОВА:

- «Жизнь как она есть» в 2-х томах (записки чернорабочего);
- «Жизнь и дела векшинцев»;
- «Родословная Базуевых»,
- «Светлянские будни» (записки опера);
- «Прикамские ухабы»

И *«прииде преподобный и возлюбил место и крест постави и хижину малу на пребывание себе устрои»*. Почувствовал, что здесь источник, с молитвой покопал, «отворил» его, рядом поставил деревянный скит. И здесь же явлена была старцу чудотворная икона Божией матери, которую потом назвали Макарьевской. И потянулся к этому источнику и к иконе православный народ, монахи. И сложился Макариево-Унженский монастырь, о котором слава летела по всей Руси. По славе шли сюда паломники, в том числе и самые знатные, особенно после того, как

Икона XVIII века «Макарий Унженский и Желтоводский»

были явлены мощи святого. К ним **шли припасть, чтобы молить о своих близких, находящихся в плену, помня о чудесном освобождении из плена самого Макария**, веря в то, что получил Макарий от Господа особую благодать помогать всем пленным.

В 1612 году пришла сюда поклониться мощам святого с 15 летним сыном Михаилом, будущим русским царем, и Марфа Романова, чтобы умолять преподобного Макария помочь в освобождении из польского плена ее мужа Филарета. Пришла и тем самым спасла сына от разыскивающих его, чтобы убить, поляков. И убили бы, если б дошли, потому что монастырь не был защищен. Ценой своей жизни спас будущего царя от поляков русский крестьянин Иван Сусанин, заведя их в дремучий лес. Этому событию посвятил потом Михаил Глинка свою оперу «Жизнь за царя». Возникло множество легенд, например, одна о том, что образ Сусанина принял сам Макарий: *«Поняв, что старик их обманул, бросились поляки на него с саблями, а он и растворился в воздухе, как будто его и не было..»*.

Через семь лет, уже будучи царем, Михаил еще раз посетил монастырь, уже с богатыми дарами в благодарность за «спасение Отечества и церкви», после чего обитель стала считаться третьей по значению после Троице-Сергиевой и Киево-Печерской Лавры. Один за другим начали возводиться на ее территории храмы, вначале деревянные, потом каменные:

Троицкий (1670 г.), Макарьевский (1674 г.), Благовещенский с колокольной и трапезной (1680 г.), Никольский (1685 г.), Успенский (1735 г.).

То есть предвестником города был монастырь. Когда к 1778 году из разросшейся подмонастырской слободы и находившегося рядом села Коврова, обслуживающего монастырь, был образован центр уезда, указом Екатерины II Макарьев получил статус города и ему был пожалован герб — два колокола (символ духовного начала, влияние монастыря) на лазоревом фоне.

А еще с незапамятных времен макарьевские леса славились корабельным лесом, и народ здесь занимался его заготовкой и сплавом по реке Унже, впадающей в Волгу. В XIX веке возникла идея провести через город железную дорогу, но местные купцы и лесопромышленники испугались, что «железный конь составит конкуренцию их делу» и скинулись на взятку чиновникам, чтобы железная дорога прошла в стороне от города. В итоге за несколько веков сплава реку засорили топляком, Унжа обмелела и перестала быть судоходной. Дно ее до сих пор устилает многометровый слой бесценной мореной древесины, до которой пока никому нет дела...

К началу XX века в городе уже насчитывалось несколько предприятий: два мыловаренных заводика, два кожевенных, кирпичный, овчинный, пимокатный, сальносвечный, ряд мелких кустарных артелей, магазины, лавки, трактиры, бани. Население составлял в основном ремесленный люд: портные, сапожники, печники, столяры, плотники, кузнецы, жестянщики, пекари и так далее.

В настоящее время Макарьев — это провинциальный городок, люди которого живут в основном за счет торговли. По четвергам открывается ярмарка, на которую съезжаются продавцы из окрестных городов и сел. Главная историческая достопримечательность города — действующий Макарьев-унженский монастырь. Помимо храмов на территории монастыря службы также проводятся в церкви Рождества Христова. Город сохранил старый самобытный облик, имеет звездную планировку, когда все улицы сходятся к центру, где на площади Революции (название сохранилось с советских времен) в окружении уютного зеленого сквера стоит храм Александра Невского 1905 года...

Такая вот предистория...

Только вот добраться до Макарьева не просто. От Щелковского автовокзала ходит ночной автобус. Но спокойно спать в жестком неудобном кресле, трясясь на нем всю ночь по нашим замечательным российским дорогам, наверное, могут только

привычные к трудностям россияне. Просыпаясь на очередном ухабе, я с досадой вспоминал ушлых макарьевских лесопромышленников, увидевших в железной дороге угрозу для своего бизнеса.

Правда, после такой почти бессонной ночи даже пасмурное утро, которым встретил нас Макарьев, показалось не таким уж и мрачным. И планировка города, не менявшаяся с XVIII века, действительно проста и наглядна. От автостанции до центра города всего 15 минут пешком по ровной, как стрела, Первомайской улице. Все главное в центре: здание администрации, краеведческий музей, центральная библиотека, банк, школы, магазины, гостиница. В ней я и остановился.

Старый двухэтажный дом, принадлежавший в прошлом, видимо, какому-то не бедному купцу, судя по типичной для домов XIX века лестнице на бельэтаж и дворе с хозяйственными постройками времен Островского. Сейчас здесь ремонт, а комнату на первом этаже арендует фотоателье. Восстановить бы такой дом со всем его бытом, как филиал краеведческого музея, и показывать туристам. А в комнате, где фотоателье, открыть бы фотографию XIX века, со старинной деревянной фотокамерой-обскурой

Железная дверь XVIII века в соседнем доме

на треноге, большими стеклянными пластинами вместо пленки, ослепительными вспышками магния и артистичным немцем-фотографом с закрученными вверх усами, накрывающимся черным покрывалом и важно произносящим: *«Айн момент-с!»*.

Подобных возможностей развивать туризм здесь много. Рядом такой же соседний дом, возможно, еще древнее — об этом говорит железная, вручную кованная дверь, похожая на средневековый ставень.

Удобств в гостинице никаких, зато номер с кроватью, столом, шкафом и тумбочкой (туалет с умывальником в коридоре) в сутки стоит всего 300 рублей, а окно, как будто ты смотришь с мансарды, выходит во дворик времен художника Василия Поленова (1844-1927). Как будто именно с этого дворика он и писал свою знаменитую картину «Московский дворик». В чем и прелесть маленьких провинциальных городков — некоторые виды как будто застывают во времени и не меняются 100, 200 и больше лет.

По поручению Киры Сергеевны я зашел к ее двоюродной сестре Тамаре Николаевне. Живет в кирпичном двухэтажном бараке в однокомнатной квартире. Ей 82 года, но она еще бодрая, активная, не привыкла жаловаться. Успевает не только все делать по дому (а, когда нет газа, приходится топить дровами или углем), но и ухаживать за двенадцатью могилами родных и родственников. Мы с ней ходили на кладбище, и она мне все эти могилы показывала. Простая русская женщина, тихая, незаметная, всю жизнь проработала бухгалтером в строительном тресте. Вырастила дочь, которая сейчас живет в Сургуте.

С Кирой Сергеевной они виделись всего один раз и то мельком, в 1968 году, когда она приезжала в Макарьев (отец уехал оттуда в 1929 году и больше туда не возвращался). Шапочное, можно сказать, знакомство, хоть и родственники. Но обрадовалась гостью, покормила щами, картошкой с тушенкой, напоила чаем. Предложила показать город. И мы за час обошли почти всю его центральную часть, спустились к реке Унже, не спеша шли по маленьким тихим улочкам. Интересная особенность маленьких российских городов — в любой их точке, чуть пройдешь и обязательно в конце улицы или сквозь листву деревьев виден купол храма и тем более колокольня. Так вот и в Макарьеве.

Зашли в краеведческий музей, где один зал посвящен как раз началу XX века, то есть времени, о котором пишет Сергей Чумаков в своей книге «Жизнь как она есть». Возле швейной машинки «Зингер» лежат инструменты сапожни-

ка, в том числе и деревянная колодка. Такой же вот колодкой чуть что бил по лбу Сергея его отец-сапожник. А сколько таких моментов в книге «Жизнь как она есть», **сплошные словесные иллюстрации к экспонатам музея, картинки жизни**

Деревянная колодка (справа), которой сапожник, отец Сергея, бил его

того времени, пояснения к увеличенной во всю стену старой фотографии центральной площади города 1912 года.

На утро я пошел на эту самую центральную площадь. Здесь должен был проходить праздник, посвященный дню города. Вдоль исторических торговых рядов уже стояли ярмарочные

Почти с любой точки города видна колокольня

столы с выпечкой, напитками, игрушками и сувенирами, книгами местного издательства, брошюрами и календарями. Для выступления руководителей и артистов готовили сцену. Народ потихоньку собирался и в предвкушении лениво расхаживал туда-сюда. Праздное преддверие праздника. Впрочем, так же, наверное, было и 100, и 200, и 300 лет назад в любом нашем российском провинциальном городе. Таким же традиционным оказался и праздник: речи руководителей (глава администрации, глава муниципального собрания, заведомо культуры и т.д.). Говорили незатейливо, просто, но от души, с любовью к городу. Такие же звучали песни:

*«Славься, Макарьев наш дорогой,
Город нам близкий, город родной.
Жизнью неспешной,
Светлой надеждой,
Город, живущий в приволжской тиши,
Город живой православной души...»*

И припев:

*«Макарьев, Макарьев, леса и поля,
Макарьев, Макарьев, родная земля,
Макарьев, Макарьев, так много церквей,
Макарьев, Макарьев, земли нет родней...»*

И это не квасной патриотизм. Не дежурные, а конкретные слова песни и припева показывают, **что тут ценного**. Народ здесь действительно любит свой город. И почему бы его и не любить? Здесь **нет того растаскивающего душу на части многообразия все новых и новых впечатлений, как в Москве. Жизнь бедна на события, но зато идет цельно, собранно, «неспешно»**. Именно в такой заповедной среде, как родники в лесной чаще, могут рождаться и медленно возрастать таланты.

Например, камерный ансамбль «Музыкальные акварели» местного Дома культуры, которым руководит директор макарьевской музыкальной школы Ирина Костерина. Под колокола начали петь гимн Макарьеву. Хорошие голоса, чудесная музыка, впечатление — как будто вся история России проходит перед тобой. Оказывается, слова гимна написал местный поэт Павел Батов (эту фамилию, кстати, взял для своего героя в повести «Светлянские будни» отец Киры Сергей Чумаков, впрочем, Батовых и Чумаковых в Макарьеве много), а музыка Ирины Костериной. И ансамблем руководит, и музыкальной школой, и музыку такую удивительную пишет.

А сколько еще выступало детишек с разными песнями, и тоже — все о своем любимом Макарьеве. Да, это отголосок советского воспитания, вообще советского образа жизни, совет-

ского менталитета, который в провинции все еще живет, но что в этом плохого? **Мы отшатнулись от Советского Союза, от социализма, от общественных ценностей, которые ценились выше личных, а к чему пришли? К культу собственной личности, которая без общественных идеалов потихоньку деградирует...**

Потом был вечер в центральной библиотеке, презентация книг Сергея Чумакова. Как в старые добрые времена, организаторы, видимо, долго готовились: оформили три стенда (обложки всех книг С.Чумакова, весь его жизненный путь по фотографиям из семейного архива, виды старого Макарьева в открытках), сделали документальный фильм о писателе, подготовили чтение вслух отрывков про Макарьев из его книги «Жизнь как она есть». Дали слово и мне.

Я рассказал, как через Киру Сергеевну познакомился с книгами ее отца и предложил пофантазировать, **как можно было бы преобразить город исторически с помощью текстов из книги «Жизнь как она есть».** Ведь там описывается Макарьев, каким он был сто лет назад, упоминаются улицы со старыми названиями, дома и кто в них жил, и чем люди занимались.

Одну бы улицу восстановить, например, Первомайскую (бывшую Дворянскую), хоть в плакатах и афишах, как в соседнем приволжском Хвалынске, где на некоторых улицах стоят большие стенды-картины родившегося здесь художника Кузьмы Петрова-Водкина (1878-1939), или как в подмосковном Боровске, где местный художник Владимир Овчинников перенес на стены города картины старинной жизни, а поэтесса Эльвира Частикова — свои тексты, и превратился город в музей под открытым небом.

Можно и здесь на стены домов переносить старые открытки с видами Макарьева, тем более, что многие дома здесь прекрасно сохранились. Чем не интересная задача для местных художников? А рядом можно было прикреплять доски с текстами из книги Сергея Чумакова. **История стала бы живой и наглядной.**

Например, такой текст...

«Главная улица называлась Дворянской. Она брала начало от нового собора и доходила до бурсы, единственного трехэтажного здания. Дворян у нас не было, улицу назвали, видимо, в честь высшего сословия русского общества и для благозвучия.

Вблизи от центра улицу населяли купцы Кондаков, Хохлов, Шаров и другие. Жили они в верхних этажах своих кирпичных особняков, внизу помещались лавки. Если бы над лавками не висели вывески, извещающие, чем торгует их владелец, то и тогда без труда можно было определить по запаху, кто чем занимается. От заведения Кондакова на версту пахло кожей и дегтем,

Типичные для Макарьева маленькие тихие дворики

Жаль, если эти зеленые улочки уйдут под асфальт

проходя мимо лавки Хохлова, обыватели с наслаждением вдыхали ароматный запах мятных пряников. Последовательно чередующиеся запахи керосина, сдобного теста, постного масла, ванилина сопровождают прохожего до бурсы. Там пахнет ладонном, бурсацкими щами, гречневой кашей и ржаным свежееиспеченным хлебом...»

Глядя на город, каким он был сто лет назад, читая описания этих мест столетней давности и событий тех лет, наши современники будут соединять собой прошлое и настоящее, замыкать историческую цепь, по которой пойдет ток. Так возникает ответственность за все, что ты делаешь на земле.
Без картинок, без образов история мертва.

А тогда уже можно будет и привозить сюда туристов. Для Макарьева, в котором сейчас стоят все предприятия (за исключением ликероводочного и хлебозавода), и не хватает средств, чтобы быстро отремонтировать единственную в городе гостиницу, это был бы неплохой вариант развития района и решение проблем трудоустройства. Масса городов мира сейчас живут в основном за счет туризма, развивая с его помощью промышленность и сельское хозяйство. Но кроме чисто практического значения **оживление собственной истории дает возможность пробуждать чувство патриотизма у местного населения.** Одно дело ты думаешь, что живешь в *«забытой Богом дыре, у черта на рогах»*, и совсем другое — знать, что это **малое величие твоей страны**, заповедная зона, уголок старой культуры, защищающий душу от распада...

Заключением вечера стал фильм о Сергее Чумакове, по семейным фотографиям, документам, письмам, фильм бережный, нежный, до слез. С трогательными в конце стихами поэта В.А.Бредиса:

*«Мы помним все, что было с нами,
Не зачеркнуть прошедших дней.
Укрыться даже за горами
Нельзя от памяти своей...
Но в ней таится наша сила,
Нельзя о прошлом позабыть.
Нам помнить важно все, что было,
Чтоб настоящее ценить.»*

Я шел от библиотеки к гостинице, за спиной у меня остался Макарьевский монастырь, тихий, скромный, почти незаметный, а в сознании засела досадная нотка: что-то важное забыл я сказать на встрече, важное именно для Макарьева. Ну, конечно, про монастырь, который был причиной возникновения поселения, а затем и города Макарьева.

Именно монастырь теперь может помочь городу возродиться через духовный туризм и паломничество.

Монастыри никогда не возникают на случайных местах. Обычно это всегда типичное место силы, какие бывают на разломах земной поверхности, на изгибах рек, где и возникают моменты вращения — торсионы. В таких местах бьют родники с чудодейственной водой, а люди, приходя сюда, ставят храмы, превращаются в святых. Подобное случилось и с 90летним монахом-пустынником Макарием

Раньше так и было по всей Руси: открывали в каком-то месте источник духовной мощи, и тут же вокруг него возникал центр преобразования этой энергии в организующую силу, в центр веры и просвещения. Храмы с их обрядами и ритуалами тут играли роль преобразующих структур. **Каждый храм** (в макарьевском монастыре это храмы Троицы, Макария, Благовещения, Николы, Успения) — **как генератор определенной энергии, в потоке которой человек испытывает высокие чувства: единение, бескорыстие, доброжелательство, благодарность, благотворительность, бескорыстие, смирение.**

Сейчас у нас нечто подобное, только со знаком минус, происходит с нефтью. Открывается месторождение, и тут же вокруг него строятся нефтепроводы, вышки, распределенные центры, офисы, банки. Каждая из этих структур — тоже генератор, но уже негативной энергии, в потоке которой возникают другие чувства: алчности, гордыни, зависти и так далее.

Кроме того, храмы и монастыри на Руси всегда были центрами культуры, традиций, порядка, государственности. **Это каменные книги истории.** Почему ЮНЕСКО и вносит их в списки памятников исторического наследия, которые надо сохранять.

Кому мы обязаны памятью, тому, что знаем о своем прошлом? Конечно, храмам и монастырям, где работали ученые-монахи, а летописцы писали историю края и страны в целом. Здесь были библиотеки, в которых хранились древнейшие бесценные рукописи, все родословные. Храмы и монастыри были святынями, которые держали православную веру, все важные события светской жизни благословлялись священнослужителями. Во времена смут и возмущений нередко именно храмы становились местом смирения нравов, примирения и сохранения единства. И в то же время, благодаря своим стенам, они были оплотом веры, который невозможно было сокрушить.

Из монастырей выходили в мир духовные люди, освещавшие путь другим, напоминавшие о заповедях, о милосердии

и любви к ближнему. В монастырях и простые монахи и старцы-затворники молились и держали своей молитвой нацию, удерживали людей от соблазнов, от жестокости и корысти. Вот почему история Руси и России это лики святых подвижников, бескорыстных молитвенников за весь народ. Не случайно художник Илья Глазунов на своей знаменитой картине «Русь. 100 веков» написал вместе с ликами царей, государственных деятелей и деятелей культуры, лики святых, канонизированных православной церковью. А почему их канонизирует церковь? Да потому что свет от них освещает и будущие века.

Таким святым был и Макарий. Не случайно, пленив его в 1439 году, татарский хан Улла Муххамед не убил пленника, не уморил в тюрьме, а *«по кротости и смирению его»* отпустил. Потому и обращаются к нему так: *«Богоблаженне Отче наш Макарие, светильниче всемирный...»*

Символично звучит и одна из молитв, обращенных к преподобному Макарию и читаемых и сейчас в монастырях и храмах: *«Молим тя, Отче Макарие, светозарною молитв твоих лучею разрешей мрачных страстей наших облак...»*

Монастырям государство сейчас возвращает отобранные когда-то советской властью земли, потому что большая часть российской сельской территории в запустении. Монастыри, получив свои несколько гектаров, разбивают сады и огороды, заводят пасеку, разную живность, обеспечивая продуктами не только себя, но и окрестных жителей. **Вера в Бога и смирение в душе, которые необходимы для жизни вообще и особенно для тяжелого деревенского труда, должны вновь вернуться к русскому человеку.** Чем успешнее будут хозяйствовать монастыри, тем быстрее это будет происходить.

Монастырь старше города почти на 350 лет, и этот самый монастырский дух, эта самая духовная вертикаль, они просто не могли не накладывать отпечаток на местную жизнь, на людей. А иначе зачем было макарьевцам при пяти уже действовавших в монастыре храмах возводить в 1775 году в селе Коврове Христорождественскую церковь, в самом же городе в 1812 году — Ильинскую (кладбищенскую) церковь, а в 1905 году — храм Александра Невского? Причем, если первые два храма могли строиться на деньги меценатов (помещиков или купцов), то на последний собирали «всем миром»... Не случайно на гербе города на лазоревом фоне (цвет возвышенных устремлений) красуются два золотых колокола (символ духовности)... И, как шаг в будущее, здесь же в 1880 году открылось духовное училище, готовившее учителей-педагогов для 28 церковно-приходских школ...

То есть с 1439 года до революции **Макарьев от маленького скита и часовенки над целебным источником разросся до мощного духовного центра, от которого волны света шли по всей России.** С 1919 года, когда монастырь закрыли, и до 1994 года, когда он был возвращен епархии, этот поток света прервался. А сейчас он вновь возрождается, слабо, тихо и медленно, как маленький родник-ключик, когда-то открытый здесь старцем Макарием...

В 1990 году главная святыня монастыря — святыне мощи преподобного Макария, чудом сохранившиеся в запасниках краеведческого музея г. Юрьевца Ивановской области, — были возвращены Костромской епархии, а в 1995 году вернулись в Макарьевский храм монастыря. В 1993 году решением патриарха и святейшего синода монастырь был возрожден, как женский, и все здания возвращены епархии. В 1997 году заново была написана Макарьевская икона Божией Матери, утраченная в годы безбожия, когда в стенах обители размещались машинно-тракторная станция и склады зерна.

То есть монастырь постепенно оживает. В нем уже идут службы, приходят и приезжают паломники. Со временем число их будет расти. Паломнические агентства («Радо-неж», «Китеж», «Паломник») будут включать Макарьев в свои маршруты и привозить сюда целые группы. Как в Великий Устюг приезжают моряки, чтобы поклониться и помолиться Христу ради юродивому праведному Прокопию, устюжскому чудотворцу, чтобы защищал на море от бури, так и к Макарию, как спасителю от плена и неволи, будут приезжать молить преподобного о помощи все, у кого кто-то из близких оказался в беде: в военном плену, в тюрьме или в заложниках, что в теперешнее «мирное» время, когда из-за денег похищают и взрослых и детей, не редкость.

Конечно, сейчас от той всеобщей религиозности, которая царила в Макарьеве 300 или 200 лет назад, мало что осталось. Я сужу об этом по заброшенной и разваливающейся кладбищенской Ильинской церкви, по заметному пока еще запустению в монастыре, который очень медленно восстанавливается. К двум монахиням, которые появились в 1993 году в монастыре при его открытии, добавилось всего восемь. За 16 лет маловато. Но 80 лет атеизма — это четыре поколения. Разрушить легко, а вот воссоздать...

Сергей Чумаков, например, хотя и родился за 10 лет до революции и был крещен, но стал атеистом. Не верящий

уже ни в Бога ни в черта пьяница-отец и недалекая, безграмотная мать...что они могли объяснить? Это не Павел Флоренский, который, имея несколько высших образований, со своими детьми на примере чуда цветка или сложнейшего устройства кузнечика размышлял о гениальности Творца. А мать Сергея, Мария Васильевна после ссоры с хозяйкой дома на глазах семилетнего сына, просила у Бога, чтобы тот ее, то есть хозяйку, покарал. Такой вот мешанский уровень веры. Дальнейшие годы советского атеизма довершили дело. Неудивительно, что, живя рядом с Макарьевским монастырем, Сергей Чумаков не понимал его духовного значения, даже наоборот, считал храмы и монастыри рассадниками обмана и лжекультуры. Об этом же писал во всех своих книгах. Так что не всё из его книг можно брать для воспитания у молодежи гражданской совести, патриотизма. Да и он сам, как мыслящий и творческий человек, если бы не умер в 1963 году, возможно, со временем изменил бы свое мнение о церкви и священнослужителях.

К счастью, мы начинаем прозревать. На недавнем заседании Госсовета и Совета по культуре и искусству в Великом Новгороде губернаторы регионов, и министры говорили о том, что **наши храмы, музеи и заповедники — основа культуры, духовный каркас России, то, чем мы должны гордиться, беречь и возрождать**, что надо их восстанавливать и использовать для воспитания патриотизма у молодежи. А раз так, значит и такие святыни, как Макарьевский монастырь, станут вскоре объектом внимания и властей и чиновников. А вместе с монастырем начнет преображаться и Макарьев. Я в это верю.

Русь из раскопа

Старая Ладога — маленький (чуть больше двух тысяч жителей) городок Новгородской области на берегу реки Волхов, немного южнее Ладожского озера. Почти поселок или большая деревня, о которой многие просто не знают. Между тем отсюда пошла Русь, здесь сел Рюрик, первый князь русского государства, положивший начало династии. Только в памяти у нас со школы Ладога никак не остается, больше запоминаются Новгород и Киев. Так бывает и с людьми — вот человек велик, многие через него дорогу в жизнь обретают, а сам он незаметен.

Тайное величие...

Чтобы приехать сюда, не нужны никакие причины. Как паломничество к святым местам. Разве мы решаемся на это из-за чего-то? Нет, что-то само зреет внутри, и вдруг осознаешь: надо ехать. Хотя внешних событий на Старой Ладоге, и примечательных и просто сенсационных, происходит предостаточно. Недавнее, например, сообщение в прессе о том, что найдена, наконец, могила Рюрика. На что мой знакомый археолог, всю жизнь изучавший древние славянские курганы, усмехнулся:

Дорожный стенд напоминает о когда-то великом городе
Древней Руси

«Да если б даже и нашли, как бы узнали, что это Рюрик? Ведь в IX веке славяне сжигали умерших, причем основательно, до пепла. Сотни курганов уже раскопано, а толку? Хотя сейчас криминалисты даже из пепла, говорят, извлекают информацию... Что же, съезди, посмотри...»

Ладога в IX веке представляла собой крупный северный город-полис — центр международной торговли. И вот, представьте, на этот торговый центр нападают бандиты (варяги): убивают людей, уводят в плен, разрушают все, что построено, забирают имущество, на оставшихся в живых накладывают дань. Что делать? Самое разумное (поскольку варяги — воины-профессионалы) — договориться с кем-нибудь из тех же варягов, достаточно разумным и авторитетным, о защите от своих же. Бандит, ставший защитником, в новой для себя роли начинает меняться морально, уже тяготея вместо хаоса к порядку. Это отчасти объясняет, как Рюрик стал первым русским князем. Постепенное повсеместное превращение бандитов в охранников и привело к исчезновению варягов как явления — они незаметно растворялись в местном этносе, сливаясь с вобравшим их народом.

Старой Ладогу стали называть после 1704 года, когда Петр I заложил Новую Ладогу у самого Ладожского озера. Каждый год раскопок здесь открывает новые страницы истории. Год основания Ладоги, например, до недавнего времени отмерялся «Повестью временных лет»: *«В лето 6379 (то есть 862 года)... срубиша город Ладогу. И седи старейший в Ладозе Рюрик»*. А оказалось, что Ладога по меньшей мере лет на сто старше. Считали, что Ладога IX века — варяжский город, а оказалось, что славяне пришли в эти места раньше; в начале VIII века здесь встала славянская крепость Любша, которую на изгибе Волхова, на горке, раскопал три года назад археолог Евгений Рябинин.

Вся долетописная история Руси фактически сохранилась только здесь, на Старой Ладоге. Почему? Как ни странно, благодаря утрате ею политического статуса центра государства после 870 года, когда Рюрик из Ладоги переехал в Новгород и промышленной деятельностью людей здесь не были разрушены культурные слои. Как говорят, нет худа без добра...

...Мурманский поезд довозит до Волховстроя, а дальше из этого районного центра в Старую Ладогу только один путь — на местном автобусе-экспрессе. Необычен именно этот, автобусный отрезок пути, хотя длится он всего 15—20 минут. Потому что идет вдоль реки Волхов — начала знаменитого пути из варяг в греки, как бы вспять времени, из XX века — в X, IX, VIII

века. Это подтверждается и воочию — в самом центре Старой Ладога на рекламном столбе возле автобусной остановки в глаза бросается дата основания города — 753 год.

И здесь действительно как бы другое время. Таким же, наверное, спокойным и величавым, как и 100, и 500, и 1000 лет назад, был Волхов. В памяти всплывает фраза арабского писателя X века Ибн Даста: *«Река — это жизнь, которая течет сквозь время»*. Здесь, на Ладоге, эти слова обретают новый смысл — вдоль реки концентрируется жизнь людей и застывает, как кольца у дерева.

Или подобное впечатление мне навяли раннее утро, сонная еще река, тихие, пока без людей, улочки, утонувшие в зелени дома? Будь это промышленный город, уже что-нибудь поблизости бы пытело, звенело, шелестело и шаркало. А здесь хрупкая, как жизнь, тишина. И происходит чудо. Маленький прудик у самой Ладожской крепости передает какое-то движение, хотя сразу я ничего не различаю. Но тут же вижу: голова разрезает воду и руль в виде хвоста. У самого берега — нырок... и никого. Видимо, нутрия — норы у нее обычно под самым берегом.

А на реке ни ряби, ни гребешка. И на этом зеркале воды почти у другого берега лодка с тремя пацанами. Свесив ноги в воду, сидят с удочками, о чем-то негромко переговариваются. Разобрать слова трудно, но в этом и прелесть — как будто из тех далеких времен идут эти голоса. Понятность слов, их современность убили бы это ощущение вечности. А так — интонация, она же и 1000 лет назад была такой же... **Похожесть — это коридор сквозь время, та же частота, канал связи.**

Но нет, все изменяет крик *«Подсе-ка-ай!»* одного из мальчишек. И тут же, как по цепочке, где-то рядом завывли два кота. Ну, конечно, вон они, друг против друга, спины дугой, трубой хвосты... И завершает общий звук тонким криком чайка, плывущая над головой на пойманном теплом потоке воздуха. То есть тишина нарушилась, но и в этих звуках некое единство, некая взаимосвязь. Это мир здесь как бы виден и слышен во все стороны, наверное, так же, как и 1200 лет назад.

Город постепенно оживает, открывается музей-заповедник, я вхожу, и моим гидом становится заместитель директора по науке Надежда Ильинична Милютенко. Мы стоим на месте бывшего ладожского городища. Все заросло травой, но ориентир — фундамент церкви святого Клементя, построенной в XII веке и, к сожалению, не сохранившейся.

«Откуда взялась цифра 753? — повторяет мой вопрос Н. Милютенко. — Именно здесь, на земляном городище, в 70-е годы XX века археолог Евгений Рябинин откопал кузницу с двумя десятками уникально (хоть сейчас в работу) сохранившимися металлическими инструментами. Дендроанализ бревна из этой мастерской и дал 753 год. Инструменты сверхценные, одни только клещи-тиски — целое состояние. Мастер, видимо, этот набор всю жизнь собирал, а может, и не он один. Имел дело и со сталью, о чем говорят наконечники стрел, и с цветными металлами (следы бронзовых шлаков). И конечно, если б переезжал или спасался бегством, инструменты в первую очередь взял бы с собой как главную ценность. Не успел — все осталось. Значит, городище подверглось внезапному нападению, хозяин погиб, мастерская сгорела. Кто был мастер? Может быть, скандинав? Об их присутствии здесь говорят Варяжская улица, могильник Плакун на другом берегу Волхова — место массовых захоронений скандинавских воинов, которых, судя по заклепкам, клали в ладьи и сжигали вместе с ними прямо на берегу.

Там же, видите, сопки-курганы. В одной из таких сопок был найден наборный пояс, который и нашу сравнительно недавнюю ладожскую хронологию (753 год) разбивает. Потому что это неволинский финно-угорский пояс из Приуралья. Эти пояса были только до 700 года, позже у нас они не встречаются. А теперь, когда на мысу, где Волхов делает поворот, Рябинин открыл крепость Любшу и раскопал халинскую накладку, тоже из

В дуге Волхов собирает энергию

Приуралья, но еще старше неволинской, стало ясно, что славяне поселились тут раньше скандинавов. А каменные конструкции Любши? Ничего подобного ни в то время, ни позже мы не знаем ни у финно-угров, ни у скандинавов. Каменное строительство в Скандинавии начинается только в XI веке...

Почему для нас так важна Ладога и все эти находки, которые открывают археологи? Мы узнаем, откуда наши предки, что они смогли сделать в тех трудных условиях, в которых жили. Это вырабатывает исторический оптимизм, если хотите, национальную гордость. Ведь у славян не было не только привычных нам электричества, водопровода и канализации, но даже дымоходов (просто отверстие в потолке, и все!). А мы легко произносим: раз нет канализации, то нет и цивилизации. Но какие красивые вещи создавали эти люди в то время. Как изящно сделан и каким украшен орнаментом не кинжал для князя, а простой бытовой нож. Если мы находим обувь, то тщательно сделанную, добротную, красивую, зачастую с вышивкой. Какой технологией производства металла они уже владели, если делали самозатачивающиеся лезвия из пакетной стали! Сваривали три полоски стали, высокоуглеродистую в середину, слабоуглеродистые — по бокам. А ведь полоски, имеющие разную температуру плавления, надо было сварить. Края, естественно, стачивались быстрее, а центральная часть заострялась!

То есть наши предки, живя в трудных условиях, поднимались вверх. И народы перенимали друг у друга все лучшее. Не пришло же в голову славянам, пришедшим сюда в начале VIII века, засесть в землянках, как угро-финны... Они поставили крепость на реке Любша, строили избы. И скандинавам, у которых искусство обработки металла было выше, чем у славян, не вздумалось забыть свои технологии и работать менее совершенными орудиями, какие здесь были. Наоборот, славяне усвоили скандинавские технологии, а скандинавы, в свою очередь, усвоив строительную технику славян, возвели Ладожскую крепость. **И вот через все эти открытия в нас вместе с уважением подсознательно входит стремление двигаться, стремиться так же, как они, вверх. Это актуально именно сейчас, когда в обществе идут обратные процессы...».**

Время в таком интересном разговоре летит убийственно быстро. Надежде Ильиничне Милютенко пора уходить — в музей дел всегда хватает. Но о проблемах нельзя было не сказать. О том, например, что народ здесь сейчас занят элементарным выживанием, в том числе и учителя и краеведы. Хотя в относительно благополучный советский период, конечно, были энтузиасты, разные кружки и при музее и при школах, разумеется, все бесплатные. **Интерес к истории Отечества, считает Надежда Ильинична, нужно воспитывать с детства, а краеведение ни в одной школе до сих пор не является основным предметом...**

Наука требует не останавливать исследования, тем более, что археологами освоено здесь всего лишь 2—3 процента территории. А реальность в том, что археологическая экспедиция Санкт-Петербургского института материальной культуры РАН, возглавляемая академиком А. Кирпичниковым, копает на ладожском городище только в июле — на большее нет денег (из тех, что выделяет на археологию и реставрацию администрация Ленинградской области). Почти все лето ведет раскопки на Любше группа Е. Рябинина, но это уже на деньги, которые дает не государство, а сочувствующие: политики, бизнесмены, деятели искусства, простые люди самых разных профессий. Кто-то помогает если не деньгами, то своим бескорыстным трудом.

«Вам надо обязательно побывать в Любше, на раскопе, увидеть Рябина, — на прощанье посоветовала Н. Милютенко, — не пожалеете. Утром приходите к общежитию, ребята возьмут вас с собой.»

Наутро обычная плоскодонка, вместив в себя рябининский археологический отряд, включая и меня, пересекла Волхов. Отряд — это звучит, пожалуй, слишком громко. Сегодня вместе с Евгением Александровичем Рябининым это реставратор Ирина Воинова, историк Антон Добошинский, журналист Игорь Бедеров, студентка Даша Ефимова и старшеклассник Никита Воинов, сын Ирины.

Что меня сразу удивило, так это скромность, незаметность Рябинина. «Гордость Ладоги», как его называли авторы фильма «Первая столица», — доктор наук, автор пяти книг, раскопавший более 600 сопок по всему Малому Северу, на ладожском городище — три уникальные ремесленные мастерские, а теперь на другом берегу — крепость Любшу, первую каменную крепость Руси, он далек от величия, достойного его заслуг. Дело даже не в простоте одежды — куртке, джинсах, кроссовках, кепочке. Как начальника, перед которым трепещут, его как бы здесь нет. Но все его команды выполняются беспрекословно.

Сойдя на берег, мы пешком отправляемся в двухкилометровый путь до Любши, где заложен раскоп. Мне, правда, грезилось, что мы доберемся туда «морем», то есть хоть кусочек, но пройдем путем норманнов, как на знаменитой картине Н. Рериха «Заморские гости», где прямо на нас плывет их красочно зловещий драккар. В этой картине есть своя аномалия, своя тайна. Ведь Николай Рерих, побывав в 1899 году в Старой Ладоге, не мог видеть крепость Любшу — она тогда была под землей, под частоколом деревьев и усадьбой князей Шаховских. А он нарисовал ее на горке, там, где Волхов делает поворот. Прозрение?

Н. Рерих. «Заморские гости»

Каждое утро в раскопе начинается с плана работ

Курган вещего Олега

На раскопках славянской крепости Любша

Но мы идем не водным, а сухопутным путем — так быстрее. И вот, наконец, раскоп. Что он собой представляет и кто что в нем делает? Это площадка на горке, примерно метров 30—40 в длину и столько же в ширину, в окружении деревьев. Несколько «канав» (пусть меня простят археологи), где все культурные слои видны в разрезе. Бросается в глаза, — большой камень на дне раскопанной площадки.

«Камень-наковальня, — поясняет Антон, — металлоискатель над ним звенит как сумасшедший, потому что частицы металла ввелись в камень за годы работы. Здесь, внутри крепости, видимо, была ремесленная мастерская с кузней. Будь она рядом, в посадке, не успели бы эвакуировать в случае нападения. Литье иковка — большая статья дохода в то время, металлические изделия ценились очень дорого, поэтому мастерская внутри.»

Все распределились по своим местам, у каждого свой участок. Наивно было бы ожидать находки как из рога изобилия — день на день не приходится. Но при мне Даша нашла наконец стрелы, который торчал в стене. Как будто бы скандинавский. О чем это говорит? О неметкости нападавших? Скорее о том, что стрельба велась с воды, с корабля-драккара, раскачивавшегося на волнах. А крепость была разрушена, иначе стрелы бы в стене не торчали.

Выключив металлоискатель, к нашему с Дашей обсуждению находки подключается Антон:

«И славяне и скандинавы сидели здесь рядом: первые — на Любше, вторые — в Ладогге. Но славяне как бы контролировали ворота на пути из варяг в греки — кто превратник, тот и диктует. Скандинавам, естественно, это не нравилось. И они смели крепостцу. Возможно, это сделал Рюрик, прекратив междоусобицу. А если глобально, то долгое время или споры между норманистами и славянистами о том, как формировалось русское государство, кто здесь был, славяне или скандинавы. В результате Рябинин нашел и тех и других: в семидесятых годах на ладожском городище скандинавов, а сейчас на Любше славян. И спор фактически прекращен — были и те и другие...»

Я слушаю Дашу и Антона и всматриваюсь в вертикальную стену раскопа, разрез стены площадью примерно 5—6 квадратных метров. Каждый сантиметр тут можно изучать с микроскопом и делать открытия.

Скажем, вот серый слой толщиной сантиметра три, что это такое? Оказывается, рыба чешуя. Обыкновенная, блекло-серебристая, почти серая. Потереть пальцем, и вот они, три чешуйки, соскользнули на ладонь. Как будто от обычной рыбы, только высохли. Но чешуйкам этим 1300 лет! Это «рыбоеды», как называют археологи живших здесь до славян угро-финнов. Жили в землян-

ках, охотились, рыбачили и ничего примечательного после себя не оставили, за исключением отдельных украшений да вот этой рыбьей чешуи. Но ладони от этих трех чешуек тепло, как будто приобщаешься к потоку жизни, в котором ты сам — тоже какая-то его часть, какое-то мгновение. И без них, без этих финнов, без их VI-VII веков не было бы и нас, потому что **поток один, другого не дано, и каждый миг держит его непрерывность.**

Мне повезло, потому что Ирина Леонидовна Воинова — реставратор, работает больше на храмах и не каждый день ездит в раскоп. Но внешний облик крепостей тоже ее епархия. Она приехала. И здесь именно она может сказать, как выглядела Любшанская крепость.

«Складывается впечатление?» — спрашиваю ее.

«Топографически, сами можете видеть, — говорит она, — ситуация классическая: большая река (Волхов), в нее впадает маленькая (Любша) и на мысу городище. С наклонной стороны, наиболее удобной для нападения, устроен вал подковообразной формы. Человеку свойственно всегда искать оптимальный вариант.

Этот зримый, более поздний вал, насыпанный поверх первоначального, уложен слоями и говорит о другом, более высоком уровне понимания, других конструктивных приемах. Чтобы вал не осыпался, его надо укреплять, потому что глиняные насыпи долго не удержатся. Вот строители и укрепили вал подпорными каменными стенками внизу и повыше. На основании вала были деревянные конструкции, обеспечившие равномерную осадку насыпи и кладки. Мы можем это сравнить с южными городищами. Там своя строительная техника, свой материал, но принципы устройства насыпных конструкций сходны...

Общая площадь крепости примерно 1500 квадратных метров, длина вала 70—100 метров. По верху вала шла горизонтальная площадка метра три шириной и рубленые конструкции-клетки, пустые или заполненные песком или камнем. Сверху — бруствер и что-то вроде боевого хода. В общем, классический вариант — простейшая форма защитных сооружений, в Средней Европе их реконструируют. Но мы все-таки пока многого еще не знаем. Ведь была усадьба Шеховских, а до нее строения XIV—XV веков. Во время войны тут стоял госпиталь, рыли ямы, чтобы мусор убирать. У Шеховских был сад, значит, сажали деревья, тоже копали. Что-то уже безвозвратно утеряно: раз конструкции крепости начинаются зачастую прямо под дерном, то, естественно, что в некоторых местах они были разрушены. То есть, чтобы точно определить облик крепости, нужно вскрывать все городище (и крепость и посад) и разбираться что где... Сейчас только предположения, а для деталей нужна полная реконструкция...»

Несмотря на такое подробное описание вала, мне все-таки трудно представить, как выглядела крепость Любша. Но без деталей и люди все похожи друг на друга. А на Любше последние детали проявятся только тогда, когда археологи докопаются до материка, до фундамента. А это будет еще не скоро. Что-то постоянно дают и находки внутри крепости.

«Что именно?» — задаю вопрос уже Евгению Александровичу Рябину.

«Видимо, были какие-то наземные постройки, — говорит он. — Но о них мы судим не по прямым свидетельствам (их нет), а по косвенным. Например, по скоплению шлаков. Значит, были горн и мастерская. Найдена целая серия бронзовых слитков, тигли. А несколько дней назад я разглядывал остатки шлаков (мы их не берем, это болотная руда), вдруг увидел кусок железа (!) в виде внутренней части горшка. То есть они делали сталь! А чтобы ее сделать, закладывали в горшок железную крицу, выплавляли из нее шлаки и получали сталь. Это что-то новое, потому что для славян этого времени (I половина VIII века) и этих мест (для Вос-

Такой была крепость Любша в VIII веке

Евгений Рябинин на стене крепости Любша

точной Европы) такая технология не характерна. Мои раскопки 70-х годов кузнечной мастерской на ладожском земляном городище говорят о работе со сталью в середине VIII века, но там это делали скандинавы, уже имеющие подобный опыт. А здесь славяне!

Об этом же говорят и другие предметы, найденные здесь за три года: украшения, очень много наконечников стрел, два железных дротика. Дротики вообще редкость для Западной Европы. После того как был откопан дротик, очень похожий на найденный Зорианом Ходаковским в начале XIX века в Олеговой могиле, то мы можем сказать, откуда пришли строители Любши и как расшифровать этнический адрес человека, похороненного в Олеговой сопке, — это западные славяне. Сейчас специалисты изучают новгородские берестяные грамоты, и там, в записях, упоминается так называемое лящевское наследие, то есть и там речь о западных славянах. И еще я нашел аналогию — такую же крепость на севере Австрии, погибшую в конце IX века под ударами кочевников с востока. Такая же стенка, возможно, такие же деревянные конструкции. Если мои предположения подтверждаются, то и строители Любши — тоже западные славяне, пришедшие из Европы. Где они могли научиться навыкам строительства? Это, видимо, соприкосновение с римлянами еще в первых столетиях нашей эры...»

Кажется, так ли уж важно, пришли славяне на Любшу из Западной Европы или из Восточной? Почему для Рябинина это имеет такое большое значение? Почему вообще для на-

Варяжская улица — одна из самых старых на Руси

стоящего ученого какая-то деталь, какое-то слово, какой-то факт иногда кажутся самыми большими ценностями? Потому что последняя деталь, **недостающее звено замыкают круг, и мир предстает единым целым.** Подтверждением этой мысли стал эпизод, завершивший день в раскопе.

Во второй половине дня зарядил дождик, по мере усиления грозящий превратиться в ливень. Деревьев вокруг раскопа много, хотя от сильного дождя они не защита. Но мы успели дойти до одного из строений бывшего Дома творчества художников. Здание было уже разодрано и расхристано — без окон и без дверей, с ободранными стенами и полом. Только крышу не успели утащить, поэтому внутри было сухо.

А у входа на улице валялись вещи, множество вещей, как бы вся палитра того, чем мы пользуемся в быту: посуда, одежда, книги, бижутерия, игрушки, обувь, косметика, бумаги, письма. Для чего все это здесь? В другое время я бы и не задумался над этим. Чего удивляться — уезжая, кто-то выкинул ненужное, и все дела. Но после раскопа эта картина показалась мне имеющей смысл. Эти раскиданные вещи предстали как бы промежуточной стадией между жизнью и тем, что потом, прессуясь в виде культурных слоев, от нее остается в почве, что только что было в раскопе. **Тоже своего рода круговорот бытия, внешне бессмысленный, но имеющий свое тайное, невидимое нам продолжение в другом времени и другом пространстве.** Во всяком случае, я ощутил чувство сопричастности к этим незнакомым мне вещам, как до этого в раскопе было чувство сопричастности с тремя рыбьими чешуйками — всем, что осталось от «рыбоедов» угро-финнов. Это трудно объяснить, но это есть... **Человек — звено времени, соединяющее все случайное, что с ним соприкасается...**

Из 400 находок на Любше за три года 250 открыты в этом году. Антон как неофициальный архивариус вечером, когда мы вернулись в общежитие, показывает каждый предмет, осторожно извлекая его из целлофанового пакетика. 25 корабельных заклепок, причем не использованные, а в виде заготовок! Более 20 стрел, среди них есть кольчужные, пробивающие металл. Дротики, одношипный и двушипный (тот самый, аналог найденного в начале XIX века в Олеговой могиле Ходаковским). Вот крышка литейной формочки из огнеупорного песчаника для тугоплавких бронзы и серебра в отличие от известняковых формочек, годящихся только для легкоплавких олова и свинца. Матрица для изготовления серебряных изделий. Две пряжки с орнаментом. Бусины самых разных форм и цветов. Среди них есть образец и дубликаты, сделанные из более простого

стекла. Или золотостеклянная пронизка — бусина, изнутри окрашенная краской под золото. Подставка под струны музыкального смычкового инструмента, ведь VIII—IX век! Пилка по кости — возможно, самая древняя на Руси пила... **Когда-нибудь каждый из этих предметов станет необходимым звеном в своем информационном круге.** Потом круг замкнется, идея станет аксиомой, и мы поднимемся еще на одну ступеньку по лестнице познания мира.

Я смотрю на все эти предметы и думаю: вот сейчас бы сюда Генриха Михайловича Силанова из Воронежа с его генератором высокой частоты, расслаивающим пространство по времени, и спектральным фотоаппаратом. А с другой стороны, **разве сам человек, каждый из нас, не расслаивает время?** Мысль — скальпель, интерес — энергия, основа — голографичность мира, когда в каждой частице заложена вся окружающая информация. А разве писатель не раскручивает время в обратную сторону?

Сколько еще вопросов висит в воздухе Старой Ладоги... Чем больше находок, тем их больше. В таком случае больше всего вопросов должно быть у имеющего наибольший опыт Рябинина. И у меня сложилось впечатление, что так оно и есть. Ведь я все-таки задал ему тот самый вопрос про могилу Рюрика: действительно ли ее нашли?

В ответ он улыбнулся:

«Могу рассказать анекдотический случай. В начале 70-х Олег Петрович Петренко раскапывал одну сопку в урочище Победище, рядом с Ладожской крепостью. И нашел там сожженные кости человека, по некоторым приметам — военного, а рядом крупное животное. На следующий день была публикация в «Ленинградской правде»: «Сенсация, наконец-то нашли Олега вместе с конем!» Потом археологи разобрались, что это было за животное — камолая корова (без рогов).

И чем же объяснить, что воина сожгли, а корову похоронили так, без сожжения? Не знаю, хотя копаю уже 35 лет, сотни курганов раскопал. Археология — наука загадочная. И где Олег похоронен, где Рюрик, точно никто не знает. Как никто не знает, для чего вообще вот эти сопки сооружались. Зачем такие грандиозные сооружения, которые необходимо было насыпать целой общиной? Вскрываем, а там сожженные кости в среднем 3-4 человек. А недавно один мой ученик раскопал сопку, а в ней деревянный ящик со сожженными костями примерно IX века. А у Нестора есть такое упоминание, что славяне хоронили своих соплеменников «на столбех на путех». «На путех» — это ясно, вдоль дороги, вдоль реки. Сопки-курганы так и идут вдоль Волхова. А вот что такое «на столбех», никто не знает... и я не знаю...»

Это рябининское *«не знаю»* мне нравится. Есть в нем такая типично русская открытость и неопределенность. Вроде слабость, а за ней — сила. Или это признак принадлежности к потоку, который идет через человека и растворяет его уверенность до незнания, когда раньше уверенности всплывают вопросы, чтобы двигаться дальше... Трудно это выразить, но близкое к этому ощущение у меня возникло позже, у остановки автобуса.

Я ждал его и листал книгу А. Кирпичникова «Старая Ладога — первая столица Руси». Рядом оказался худощавый мастеровой средних лет, такой обычный русский человек, каких много. И что тоже привычно — слегка под хмельком. Заглянув мне через плечо и увидев на иллюстрации купол Георгиевской церкви XII века, он сказал: *«О, вот это я работал»*. Но не гордость и бахвальство были в его словах, а скорее удовлетворение. Потом, всмотревшись в картинку, он поправился: *«Не, не я. Я другую церкву крыл, похожую, а эту — другие»*. И как-то виновато махнув рукой, пошел по дороге.

Не от общинности ли это, соборности нашей русской, когда не я, а мы, когда у тебя потребность не выделиться из всех, а приобщиться, почувствовать себя частью? Кто строил Кижи, церковь Покрова на Нерли, храм Василия Блаженного? Русские мастеровые. А Постник с Бармой или еще кто-то, какая разница? Стоит красота, радует глаз. Это не Америка, где важно именно выделиться, даже ничего не умея, лишь бы засветиться, обозначить себя, пусть даже через скандал, гнусность, подлость. Ведь известность там это — деньги. Другая культура. И беда, если мы наше родное утратим, а перейдем чужое: громкое, яркое, кричащее о себе и...пустое.

Я вспомнил об этом в Санкт-Петербурге, когда шел по Невскому проспекту к Московскому вокзалу и на глаза попался плакат — реклама компакт-дисков: двухметровое зеленое лицо девицы-монстра, на котором три рта с зубами (в каждом глазу по рту). Ужас... другого слова не подберешь. И не заметить невозможно. И взять, кроме пустоты, нечего. И еще щиты с подобной рекламой, а между ними попадающиеся группы молодых людей, празднующих, с расслабленными улыбками и пустыми глазами... А в раскопе на Любше совсем другой мир, другой климат, другие ценности... истоки...

Прикоснувшись к истокам Руси, обретаешь для себя точку отсчета, чувство равновесия. И цель жизни возвращается к тому уровню, который мы все себе задаем в юности со всей силой максимализма...

Душа народа

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
ТЕАТР

27 и 28
октября
18.00

**КАК ФРАНЦУЗ
МОСКВУ БРАЛ**

Героико-романтическое представление

*Обратной пистолет, или диндиль русского слабойшего порошка.
Борьба. Соперники после сражения по старому закону должны и должны были бы победить, но не могут победить.
Соперники в России. Контрасты. Противоположности. А что из этого выйдет? Только то, что из этого выйдет.*

Адрес: ул. Рудневой, 3 Заказ билетов: 411-11-35 mgiet.ru, etnoteatr.ru

Афиша спектакля московского историко-этнографического
театра «Как француз Москву брал»

Загадка России, как страны невероятной силы, как бы свернутой в пружину, но мощно распрямляющейся в минуты опасности, когда это действительно нужно, всегда удивляла иностранных военных историков и писателей. Впрочем, почему только иностранных? Наших тоже. Недавно ушедший из жизни замечательный писатель-фронтовик, автор повести «А зори здесь тихие», Борис Васильев (1924-2013) говорил:

«Ни одной страны с таким скрытым запасом прочности в мире просто нет — достаточно вспомнить, что делалось со страной в предвоенные годы, тем не менее, войну она выиграла. История наша так устроена, что мы проигрываем только бессмысленные войны. Если речь идет о выживании страны, Россия проиграть не может в принципе...»

Причину этой силы Борис Васильев видит в XIX веке, когда после 1812 года, по его словам, *«Мы пережили взлет, который переживает каждая нация, когда накопление ее интеллектуального и человеческого ресурса приводит к качественному скачку. Дело даже не в том, что в XIX веке у нас были наилучшая литература и наилучшая музыка; у нас была страна лучшей в мире нравственности, самая патристична страна...»*

Мне вспомнились эти слова Васильева на спектакле «Как француз Москву брал» московского историко-этнографического театра. Театру, на мой взгляд, удалось показать истоки этой самой нашей силы — русское народное сознание. **Удалось выразить душу русского народа**, в самых разных ее проявлениях: в вере, в чистоте, в наивности, в гневе, в великодушии. Причем, не в героических условиях, на поле боя, в дыму сражения, а в самых, казалось бы, невыгодных. Ведь действие спектакля происходит не в 1812 году, а в середине XIX века, и не на поле сражения, а в стенах Измайловской Николаевской военной богадельни, где доживают свою жизнь призреваемые государством ветераны и инвалиды, герои отечественной войны 1812 года. Хотя почему доживают? Живут, работают, занимаются делами, ходят на рыбалку, общаются, шутят, подначивают друг друга, спорят, да еще и разыгрывают народную драму «Как француз Москву брал».

Тем и интересен и велик историко-этнографический театр, кстати, единственный у нас в России, что разные явления и понятия нашей российской жизни он исследует, показывая, представляя нам эту самую жизнь. Причем, в большей степени не через верха, не через интеллигенцию, которая могла осознать себя и мир, и все время это делала в дневниках, в письмах, в журналистике и художественной литературе, в театре, в музыке, в живописи, а через простой народ. Тем труднее это

представление, что народ наш не рассказывает о своей жизни, а просто живет ею. И подсмотреть эту жизнь, воспроизвести ее во всех красках намного сложнее, чем жизнь среднего дворянства или высшей аристократии — мало документов, мало свидетельств, мало описаний.

Поэтому художественный руководитель историко-этнографического театра Михаил Мизюков действует «по вертикали», то есть интуитивно проникает в другое время через точную настройку: музыку, живопись, обстановку, предметы быта, одежду, особенности речи. Это и позволяет ему оказаться как бы в виртуальной машине времени, то есть улавливать волну другой эпохи и, считывая с нее недостающее, восстанавливать всю картину.

Точная настройка на другое время начинается с первых же минут спектакля, когда мы оказываемся прямо в палате Николаевской Измайловской военной богадельни, воссозданной с документальной точностью... Казарменный строгий порядок. Два ряда коек под серыми одеялами с прикроватными тумбочками. Темно-зеленые форменные сюртуки с вышитыми литерами, по-солдатски сложенные на кроватях. Портрет Государя Императора Николая Павловича.

И начинается повествование с зачитывания документов, определяющих, кто может претендовать на место в богадельне, какую призраемые бывшие воины должны носить форму, какие предметы должны быть в палате, какими работами по мере сил могут заниматься: убирать комнаты, чинить собственную одежду, подавать пищу в столовой, мести дорожки в саду, полоть грядки в огородах, ухаживать за садом и клумбами, сушить и убирать сено для прокорма лошадей, нести дневальную службу, работать при водокачке, топить баню, прачечную, чистить конюшню, перебирать картофель, а знающие какое-либо мастерство, могут заниматься оным в особо для того назначенной комнате ...

Два солдата-ветерана, Сидор Поликарпович и Мирон Матвеевич, одетые в те самые форменные сюртуки, неспешно беседуют меж собой о том о сем. О том, кто как сюда попал, об их соседи по палате Афанасии Кузьмиче, который слегка тронулся умом-разумом, караул у портрета Императора несет, часовым себя воображает, кричит: *«Проходи, не задерживайся»*. Беспокоятся, как бы доктор его не увидел при обходе — того гляди, увезут в психушку. Вот вернулись двое ходивших ловить рыбу. Ничего не поймали, но *«лещ вот такой сорвался, завтра уж точно споймаем...»*. Пришел добродушный молодой врач Александр Христофорович, поспрашивал, как у кого со здо-

ровьем, какие проблемы. Чтоб не маялись животом, запретил всем есть зеленые дикие яблочки, что растут рядом с богадельней, да пить сырую воду. Узнав про новоиспеченного «часового», не стал писать рапорт, а своей властью *«снял его с поста»*.

На первый взгляд, самые обычные больничные будни военного госпиталя или Дома отдыха для пожилых людей. Разве что одна особенность: никто из ветеранов по-стариковски не ворчит, не жалуется ни друг другу, ни доктору на плохой уход, некачественную пищу, сквозняки. Наоборот, когда их кто-нибудь об этом спрашивает, шутят: *«Какие наши тут дела, живи, не тужи, да за царя Богу молись, сам помер, а нас не оставил.»*

Температура на сцене резко повышается, когда к одному из инвалидов-ветеранов, Луке Минычу, приезжает в гости из деревни внучатый племянник Павел. Узнав, что на следующий год парню в солдаты, ветераны оживляются — есть что вспомнить и что рассказать, есть теперь кому солдатскую науку преподать, перед кем *«хвост распустить»*... Тем более, что здесь, в богадельне, как они сами о себе говорят, *«такие учителя обретаются — на всю жизнь солдатскую ученья хватит...»* Им важно, *«чтоб эти два-три часа, проведенные будущим рекрутом среди ветхих, изношенных воинов, на всю жизнь остались у него в памяти, чтоб он, поступив на царскую службу, сумел понять свои обязанности и оценить свое звание, чтоб, убегая пагубного соблазна, с успехом избегал бед и напастей, чтоб в делах службы при хорошем поведении был верен, усерден и неутомим»*...

Да и самому юноше интересно.

«Порасспросить больно хочется, — признается он, — вы же вон все туточки герои, бусурмана одолели, мне и не верится, что я с вами так вот запросто... Мне про ту войну послушать-то страх как хочется...»

«Я, внучок, так тебе скажу!.. — наставляет племянника Лука Миныч, — Нашего родного, русского рекрута, доколе он не оботрется, не ознакомится и не примет от старых солдат манеру, поступь и позитуру, без греха можно назвать — не в обиду тебе будь сказано — пустою бутылкою, поэтому от первой встречи рекрута с умным дядькою зависит вся будущая служебная его жизнь...»

Покройница мать моя, которая, знала церковную грамоту и читала Псалтырь наизусть, когда меня в службу отдавала, приказывала: *«Исполни, сынок, свято Христову веру, не измени не только присяге, но и честному слову, люби всем сердцем и всею душою Бога и помазанника Его, государя; думай об Отечестве больше, нежели о своих собственных выгодах, за честь и правду умри!»*

Дурную славу зажить — как пить попросить, в хорошие люди попасть — не скатерку скласть. В огонь иди смело, жизни не береги, это Божье, а не твое дело! Спасай других, коли придется, но не спасайся сам иначе, как штыком и грудью — сохрани, Господи! Лихо прослыть трусом, а там в век свой не отславишься!»

«Присяга, сынок, — добавляет к словам Луки свое слово его товарищ по палате Кузьма Терентьевич, — есть торжественное обещание, данное тобою лично самому Господу Богу. Что же сего важнее?.. Добрый солдат с совестью чистою прямым добродетельным путем идет...»

Для многих из нас, живущих в XXI веке, эти слова, конечно, уже не имеют того значения, но 200 лет назад, когда вся Россия, во всех сословиях, снизу доверху, была верующая, крещеная, молящаяся, крестьяне шли в солдаты, горячо и искренне давая присягу не только царю и Отечеству, но и Богу.

Да и враг воспринимался иначе. Народное сознание всегда преломляло его образ по-своему, сказочно, былинно, упрощенно, намеренно раскрашивая только одной краской, чтоб легче было идти против него. Когда юноша спрашивает у деда о том, какой был, Наполеон, страшный ли, то слышит в ответ:

Кузьма Терентьевич: «Присяга есть торжественное обещание...»

«Пожаловал к нам чернокнижник Бунапарт и привел с собою незваных гостей из двадцати заморских царств. Сила несметная! Плюнуть некуда, коли штыком местечка не очистишь! Попро-буй-ка с колдуном-то поразведайся! Такие штуки выкидывал, что поневоле ум за разум зайдет! Не успеешь одному французу брюхо распороть, а двое перед тобою, будто из земли выскочили! Но великое, сынок, дело Крест Спасителя и святая от нечистых сил молитва! Как призовешь Господа в помощь, как молвишь: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!» Да как дернешь: вперед! — так что твоя и дьяволищина!»

Но такое негодующее и упрощенное отношение к «чернокнижнику» Наполеону у нашего солдата не распространяется на простых французов. К ним оно скорее сочувственное и даже уважительное. «Жаль, — говорит один из ветеранов Кузьма, — что эти французы нехристи и что они у чернокнижника были в лапах. А народ, сказать правду, храбрый: как комары, так в глаза и лезут; в плечах-то не очень они широки, натура тоже заморская, а то не много б мы у них взяли; в колонне, злодеи, идут на наши батареи под барабан, да еще и равняются: один лишь упал, другой примкнул — и как ни в чем не бывало...»

Когда же французы отступают и начинают замерзать и голодать, наш солдат уже не только искренне сочувствует, но и от сердца жалеет неприятеля.

«Пришлось увидеть, — вспоминают ветераны, — и все ужасы, какими бывают обречены и преданы безбожные люди — Бонапарт и французы, злодеи наши. Но не было дня, чтоб мы не плакали, видя несчастья и беды лютых врагов своих. Не родился человек на белый свет!.. Свое горе — от сердца отлегло, а чужое — на сердце упало!

Видишь целый лагерь умерших солдат, а между большими сотнями окостеневших десяток-другой шевелящихся, слышащих наше движение, желающих попросить помощи и пиши, но лишенных уже сил говорить... Они мычат только непонятным гулом... Но как пособить горю нельзя, то и отворотиться в другую сторону, а тут опять те же полузамерзшие, завернутые в юбки, в тряпки и в сырые, содранные с ушных лошадей шкуры; часто видишь, что у шатающегося, без всякой уже мысли, полупокойника шапкою укутана нога, а снятыми с умершего товарища панталонами обернута голова...

Некоторые, собравшись с последними силами, раскладывают огонек, начинают греться — да и сгорят вместе с хворостом и дровами... А у кого есть еще силы, лишь завидят русских, бегут к нам и рады, бедные, как будто своим! Ну, уж этакому-то, брат, от сердца оторвешь, а поделишься чем Бог послал! Да правду сказать: мы-таки редким и отказывали, покуда могли...»

Но по отношению к тем же самым французам русский солдат проникается праведным гневом, когда оскорбляют его святыни...

«Пришли мы в Красную Пахру, — рассказывает еще один солдат-инвалид Лукьян Степанович, — а тут наши наездники дожидаются главной квартиры с тремя французскими курьерами, которых перехватили на Смоленской дороге. Ну! С чем, ты думаешь, эти курьеры из Москвы посланы были за море, в бусурманскую сторону?.. С церковным серебром! Узлодеев не дрогнула рука сорвать ризы со святых икон... Батюшки-светы! Ах они оканные! Ведь уж это, воля твоя, из рук вон! После этого скажи: что у них святого? Пусть оторвут у меня руку, ногу, худо мне будет, а прощу! Но за оскорбление храмов Божьих и за ризы церковные я, брат, с ними ввек не помирюсь!»

И как не прощает наш солдат французам оскорбления святынь, так не может простить себе отступления. Особенно, конечно, оставления Москвы.

«Как же Москву-то оставляли? — спрашивает внук деда. И слышит в ответ:

«Эх, сынок, сколько вон уж годков минуло, а и сейчас вспомнить больно... В тот день мы наших генералов, что уж каждый день привыкли видеть, не узнали... у кого было круглое лицо — вытянулось на аршин, у кого длинное — сжалось в комок. Гадаем, отчего же их так перековеркало?... повсюду на биваках такая сделалась тишь, что шаги муравья слышны, у каждого сердце чуяло что-то недоброе, но как можно было догадаться, что в каком-то Военном, видишь, совете положено сдать родимую Москву без драки и выстрела! Теперь все утешают себя и толкуют, как в набат бьют, что Москва была гроб бусурманам! Пусть оно и так, да перед Москвой-то должна быть наша могила: вот-те и все тут!..

И рассказать трудно, как расставались мы с матушкой белокаменной Москвой... проходя ее родимую, не чувствовали, не видали Божьего света... Опомнились, как услышали команду: «Стой! Налево кругом, кивера долой, на колени!» Полковник, на дрожках всегда за нами следующий, был в это время посреди полка, и началась молитва: Господи, дай Боже сил! Силен еси, Господи, и истина Твоя окрест Тебя. Узри, Господи, праведным горем пораженные сердца наши. Услыши усердную, слезную молитву недостойных рабов Твоих, с христианскою покорностью крест приемлющих, и лучше прекрати жизнь, как щедрый дар неизреченного милосердия Твоего, но сохрани святую Веру нашу, Царя и Отечество; яви нам, Господи, милость Твою и спасение Твое даждь нам...

Ну, уж тут, брат, не только говорить, да и думать было не о чем. Бог испытует нас, грешных, и да будет Его святая воля...»

Слышишь такое и начинаешь понимать, как выстояли наши русские солдаты против «колдуна и чернокнижника» Наполеона, да таких шустрых «как комары» французов, которым к тому же помогали союзники из десятка государств...

Вера в Бога, царя и Отечество, да чистота солдатской души — это понятно и серьезно. Но вот именно в народном понимании всегда бывает, должна быть какая-то и сказочная шутейная причина, которая звучит в устном фольклоре. Так и есть, оказывается, как в сказках да былинах, есть у русского солдата своя «страшная» тайна, свой секрет.

«Вся штука в том, — как говорит один из ветеранов, — чтобы не оборачиваться к неприятелю спиной. Божье сохрани! Убьют! А в спине у нас, у русских сила что-то очень плоха, уж это мы и сами видали! Наш полковник говорил, что при крещении редкий священник захочет коверкать младенца и мазать у него спинку святым елеем, а от того, дескать, задняя часть тела почти у всех у нас от дьявольского наваждения беззащитна! Оно и правда: как начнешь дружно вперед двигаться одной только грудью к бурманам, так и пойдет дело на славу!..»

А еще есть у наших солдат герои-командиры, которые за свою жизнь не трясутся, лезут в самое пекло, зажигая и увлекая всех своим примером...

«У нас в начале сражения, — вспоминает Лука Миныч, — полковника ранили в бок навывлет, человека четыре подбежали было вести его на перевязку. А он кричит: «Вперед!.. Мерзавец, кто будет глядеть на мои раны, смотри на неприятеля и не делай промаха!» Не прошло минуты — дошло до ручной, и, Божье упаси, что тут было! Гром, стук и трескотня... ну, сущий ад крошечный! Нас попятнили назад — и попятнили не на шутку; да и заговорило же сердечушко, закипела русская кровь! Полковник тотчас остерег: «Береги, товарищи, спину...» — и сам, сердешный, в ту же минуту, несмотря на рану, схватил ружье и юркнул прямо к неприятелю... и все офицеры... раз!... И за ним... Ну а наш фельдфебель, как это увидал, кричит: «вперед, ребята, не робей! Грешно и стыдно, коли начальники прежде нас умрут!»... Ну, мы и... нам, грешным, эти сухопарые французики не очень казались тяжелы, на штыке так и пляшут вприсядку...»

Есть еще на войне и крепкая мужская дружба, скрепленная испытаниями на полях сражений. В спектакле эта тема прозвучала, когда в гости к Сидору Поликарповичу заехал его бывший командир, а ныне такой же воин-ветеран Петр Лазаревич. Слезы, объятия, высокие слова...

«Да ты, никак, братец, — говорит офицер бывшему своему солдату, — намерен меня угощать как большого барина?..

Так вот что, я приму твое угощение, буду пить и есть, с тем только, чтоб все со мною за один стол сели. Довольно! Чины в сторону! Долой сорок лет с костей! Сядем по ранжиру, как славные русские солдаты-товарищи, как родственные друзья по молодецкому штыку и по смешавшейся на полях чести крови нашей, как страдалцы, обеими ногами в гробу стоящие, но как герои, врагам все еще страшные, при первой опасности любезному отечеству мечом препоясаться и по первому призывному слову батюшки-царя каменную грудь нашу к стене верных примкнуть готовые...»

Слова на первый взгляд торжественные, высокого, как говорят, штиля. На то и штиль, чтоб выражать высокие чувства, лучшие чувства, которые человек переживает в жизни. Потому и дрожание в голосе, и слезы на глазах, и стеснительность...

Слушаешь, смотришь подобное и вдруг ловишь себя на сравнении таких сцен с современными боевиками, которые каждый божий день навязчиво лезут к тебе в душу с экрана телевизора. Там таких прочувственных душевных пауз, такой работы души, практически нет, там одни действия и рефлекссы, а эмоции, если герои их и испытывают, то примитивные, животные, на уровне низменных инстинктов: напал, догнал, убил, защитился, отомстил. Там торжествуют страх, месть, алчность, жестокость, насилие. Здесь — бескорыстие, милосердие, великодушие...

Кто-то скажет: *«Другое время, другие требования...»* Да, какое бы ни было время, человек-то ведь по сути своей не меняется, как было в нем светлое, доброе, божественное, а вместе с тем и темное, злое, звериное, так и есть. **И в зависимости от того, что в нас просыпается, что нам проповедуют родители и учителя, газеты и журналы, радио и телевидение, так мы и чувствуем, думаем, живем.** Заполонит душу насилие, и будем насильниками, будем пожирать друг друга. Наполнит тебя светом, и будешь ты светиться и дарить тепло.

Тем удивительнее судьба еще одного солдата-инвалида Никтополиона Павловича или Никтоши, как его ласково называют товарищи, которому в спектакле отведена целая сцена. И не случайно. Уж он-то, у кого из-за войны парализованы и руки, и ноги, и тело, так что его теперь возят на коляске, казалось бы, должен озлобиться на жизнь и на весь мир. А он нет, буквально сжав зубы, тренировался ночами, когда все спали, но научился писать, держа перо зубами, и теперь вот пишет стихи... Сами ветераны, насмотревшиеся в жизни всякого, дивятся такой силе духа.

Поэт Никтополион сочиняет стихи

Как звонко мы певали

Вначале сомневаются: *«Бросил бы этот бесполезный труд, Никтоша! Только себя мучаешь...»* А потом восхищаются: *«Экий, ты, братец, упрямец! Каждый божий день...да ведь по многу часов кряду.. Да неужто это ты писал? Ну, уж это и вправду...эдак то и писарь не справит. Вот те и Никтоша...»*

В финальной части спектакля к ветеранам приходит Екатерина Семеновна, вдова благодетеля, генерала Дмитрия Николаевича Белевцова, бывшего директора богадельни, и предлагает в честь годовщины битвы под Бородино провести торжественный вечер, с концертом, оркестром, песнями в память о тех сражениях и героях отечественной войны...И чтобы сами герои о том поведали!.. порассказали, да те песни бы пропели...

После некоторых препирательств (мол, *«герои-то на полях лежать остались...А мы что? Так, остаточки. Да и кому нас стариков слушать охота, мы здесь и так уж друг другу все ласы источили... нечего нового не скажешь. Да и к публике мы не привычные...»*) ветераны соглашаются. И приходит им в голову представить народную пьесу про князя Потемкина, как он к Наполеону в плен попал, как служить ему отказался и был расстрелян, а злодея Наполеона потом простая русская баба на вилы поддела.

И начинается веселый ажиотаж подготовки к вечеру и к спектаклю. Старики переодеваются, гримируются, препираются, подшучивают друг над другом. Один только Лука с его ролью злодея Наполеона чего стоит, когда он то примеривает подушку себе на голову вместо треуголки, то засовывает ее себе под сюртук в виде пуза, то, бешено тараща глаза, смотрит в зал, показывая, как он зол и жесток...

Но и сама народная пьеса — любопытное явление. Она как волшебная шкатулка со многими ящичками, в каждом из которых какой-то секрет. Взять хотя бы повторения и рифмы, когда кто-то из героев говорит одну и ту же фразу по много раз, как, например, Илья-Муромец обращался к своему чудо-коню:

*«Сивка-бурка,
Вещая каурка,
Встань передо мной,
Как лист перед травой!»*

Или Баба-Яга к своей избушке: *«Избушка-избушка, встань ко передом, к лесу задом!»* Или в сказке «Али-баба и сорок разбойников» обращение к скале: *«Сим-сим, откройся!»* Это не просто повторения, а заклинания, мантры, как хотите, назы-

вайте, которые делают простые слова магическими. Но в комическом смысле эти слова-повторы играют другую роль. Например, в этой самой народной пьесе «Как француз Москву брал» постоянно и по любому поводу крик Наполеона «Адъютант!» и мгновенное появление адъютанта с его «Чего изволите, Ваше Величество» играют шутейно-уничжительную роль. Наполеон с этим криком, вздрагиванием, выпученными глазами и пузом из подушки, засунутой под мундир, кажется, ну, полным идиотом.

Та же рифма, зачастую бессмысленных и из другого смыслового ряда слов в народных пьесах превращается в забавную абракадабру. Например, когда Наполеон посылает за придворным лекарем, чтобы тот вылечил древнего старика-гробкопателя, аптекарь произносит целую речь, очень похожую на речи бакалейщиков, рекламирующих свой товар на народных ярмарках:

*«Я есть лекарь,
Искусственных дел аптекарь.
Старик, что у тебя болит?
Голова?
Обрить тебе догола,
Череп снять, зашить,
Он будет опять по-старому жить.
Старик, что у тебя еще болит?
Зубы?
Разбить тебе зубы и губы,
Забить еловую шишку,
Выпустить крови лишку,
А твой нос
Выкинуть на мороз.
Вставай,
да за леченье денежки давай.»*

Вообще в народных пьесах такие комические монологи и диалоги происходят постоянно, и народ в ярмарочных балаганах, где разыгрывались такие пьесы, и развлекался, и потешался, и в то же время проникался патриотическими настроениями. Потому что зло показывалось сатирически, уничтожительно, а добро в конце всегда побеждало. Так вот и здесь, злодей и чернокнижник Наполеон, против которого на российской земле все ополчились (даже женщины), казнит попавшего в плен народного героя Потемкина, не желающего перейти к нему на службу, но сам в финале бежит от преследующей его русской бабы с вилами в руках.

И неважно, что реальный князь Григорий Александрович Потемкин (1739-1791) умер за 20 лет до прихода Наполеона в Россию, и они не могли встречаться. В народном сознании и в народном творчестве временные границы размываются, и герои гуляют по историческим временам, легко переносясь вперед или назад на столетие, а то и больше. Например, былинный Илья Муромец действует в X веке при князе Владимире Красное солнышко, а реальный Илья жил почти на 200 лет позже. В этом смысле фольклор похож на сказки, которые мы рассказываем детям. Тут важна не историческая точность, а четкая окраска (белая или черная) героев, шутливое и затейное повествование с песнями и прибаутками и обязательно в конце победа добра над злом.

Представьте только, что эту народную и наивную пьесу ставили в разные годы не профессионалы, а разные самодеятельные актеры, как вот и сейчас солдаты-ветераны Измайловской военной богадельни. Что-то, конечно, забывали и что-то добавляли от себя. И в целом получалось веселое и оптимистическое народное

Девушки из приюта славословят ветеранов

представление, в котором даже «победное» вступление французов в Москву выглядит комично и обреченно, как в популярной народной песне тех времен:

«Хоть Москва в руках французов,

Это, право, не беда.

Наш фельдмаршал князь Кутузов

Их на смерть пустил туда...»

Сам же спектакль «Как француз Москву брал», поставленный в историко-этнографическом театре, получился глубоким и душевным. Когда слова о Родине, о Боге, о царе, о чести, о душе звучат не перед строем и не под пушечную пальбу, а в дружеском разговоре, то струны в нашей душе звучат в ответ совсем другие: тонкие, нежные, тронутые любовью. Душа народа открывается какой-то своей новой гранью – вроде и слабой, и нежной, и робкой, а с другой стороны – твердой, решительной, негибаемой, готовой стоять до конца... Это не далеко от нас, как что-то героическое и великое, а рядом... Вот почему, наверное, у некоторых зрителей на глазах были слезы... Вот почему в этом театре и после других спектаклей зрители уходят со слезами на глазах...

Наша будущая жизнь

Это движение с каждым годом набирает силу.

По всей России сейчас молодые люди, имея семью или собираясь ее создать, объединяются в товарищества или родовые поселения, с тем, чтобы их дети росли и развивались, как они сами говорят, *«среди живой природы, чтобы учились не по мертвым учебникам, а по травам, цветам, жукам и птицам...»* И в этом своем стремлении они думают не только о себе, но и своей стране, о роли своей страны в судьбе планеты. **Решение жить на природе для них самое важное событие в жизни**, самое значительное из всех предыдущих. И, если в каждой такой семье будет часослов (дневник и молитвенник рода), то такому повороту в их жизни будет посвящено немало страниц. Потому что это не увлечение, не каприз, а осознанное решение изменить жизнь, начать жить так как считаешь правильным.

«Мы, российские семьи, выразили свое желание начать новый образ жизни, основанный на соединении с землей и гармоничном сосуществовании с природой...»

Дорога в Светорусье

Родина должна начинаться, с Малой Родины. Располагая всеми природными источниками жизни, имея родовой дом, традиции, знания своих родителей, человек сможет определить свой выбор и предназначение в жизни.

Земля — это прежде всего источник жизни человека, а не сырьевой ресурс для экономического превосходства. У России уникальная возможность помочь планете, соединить человека с Землей...»

Это из письма будущих «помещиков», жителей создаваемого в Челябинской области экологического поселения «Радомир» Дмитрию Медведеву. И таких писем от подобных поселений со всех регионов приходит на адрес премьер-министра России все больше.

Кто эти люди? Какой такой новый образ жизни они хотят? Каким образом они собираются создать себе Малую Родину? Как могут они помочь планете? Задавшись всеми этими вопросами, я решил познакомиться с одним из таких экопоселений.

Заглянув в Интернет и набрав фразу «экопоселение», вы окажетесь на распутье — по России подобных поселений уже сотни. Какое выбрать? В большинстве из них пока идет процесс становления, то есть земля оформляется в собственность или в аренду, а владельцы пока живут в городах, бывая на своих землях наездами. Главная газета из тех, что освещают жизнь в родовых поместьях, орловская «Родовая Земля», недавно провела опрос среди своих читателей. Выяснилось, что постоянно живет в поместьях сейчас примерно четыре процента владельцев земли. В Свердловской области, например, сейчас наиболее продвинутой по количеству поселений, самым «обитаемым» считается Светорусье, в 120 километрах от Екатеринбурга. Туда я и еду.

Вы сходите с шоссе, и перед вами открывается типично русская картина: дорога, уходящая вдаль всегда по дуге, ведущая как будто в будущее. Вокруг поля, поля, а на горизонте березовая роща. **Спешить не хочется, потому что от таких просторов, такой красоты щемит сердце.** А запахи... так сладко пахнет, наверное, звербой, а вот горьковато пахнет, видимо, только полынь...

Час неспешной ходьбы по этой дороге, и начинаются дома. Но они идут не плотно, как в обычной деревне, а свободно, как хутора. Это и есть родовые поместья поселения Светорусье. Законченные дома пока еще можно пересчитать по пальцам, да и в тех еще предстоит вну-

На части участков вместо построек и садов пока только колышки

Семейная школа — культурный центр

тренняя отделка, а народ живет в баньках и даже палатках. Часть участков пока представляют собой просто поля с колышками, обозначающими границы: самого поместья, будущего дома и других построек, будущего сада, огорода, прудов и так далее.

Меня встречают биолог Полина Этман и журналист Юля Притчина ведут по поселению и рассказывают. В Светорусье уже сорок семей, но это число постепенно растет. Поселенцы — люди самых разных профессий: электрики, психологи, биологи, журналисты, администраторы, милиционеры, строители, банковские работники, программисты, учителя, художники, предприниматели, повара-кондитеры, продавцы, менеджеры. Здесь все навыки востребованы, потому что приходится уметь все делать, быть всем, в зависимости от ситуации. Средний возраст взрослых — 30 лет.

Вначале мы подходим к «Семейной школе» — обыкновенному дому-избе. Ведь на месте Светорусья раньше была обычная деревня, от которой теперь осталось всего несколько строений. В одном из выкупленных поселенцами пустых домов и располагается теперь «Семейная школа». Это организационный и культурный центр Светорусья. Здесь проводят собрания, встречи, тренинги по практике жизни в поместье. Например, тренинг «Возвращение в родовое поместье», о котором организаторы сообщали знакомым из поселений, оставляли информацию в екатеринбургском центре «Звениящие кедры», давали объявление в Интернете, делали рассылку «кедровка». Здесь, в «Семейной школе», проводятся и познавательные игры, цель которых — единение, например, игра «Кто я?», когда каждый рассказывал о себе, кем он себя ощущает, и все проходили своеобразные тесты — через рисунки, разные задания, загадки. Здесь принимают гостей, смотрят фильмы, мамы-педагоги занимаются с детьми уроками и ремеслами. Здесь играют дети, если на улице холодно. Здесь ночуют гости, а также те поселенцы, кто основное жилье пока только строит, но и временное еще не соорудил.

Уже по листам ватмана на стенах можно судить об атмосфере в поселении, о нравах и настроениях. И, если говорить о том, где витает дух Светорусья, то, наверное, именно здесь, в «Семейной школе», где обсуждаются и решаются все самые важные вопросы. Вот, например, чья-то творческая проба пера — лирический портрет Светорусья, такого, каким оно будет через несколько лет:

«Сверху Светорусье выглядит зеленым оазисом, обрамленным с трех сторон живой изгородью шириной около 50 метров, а с четвертой стороны — лесом. Центром поселения является «Семейная школа». Различные мастерские рассредоточены по родовым поместьям.

В поселении тишина и спокойствие, лишь слышны птичьи пения. А ветерок наполняет пространство не только приятной мелодией, но и различными ароматами, эфирами и питательной пылью.

Бывают моменты, когда мы спешим, чтобы встретиться, собраться вместе. Одеваемся в светлые одежды с вышивками, на головах — венки из пахучих трав и цветов. Значимость встреч всегда разная. Например — слиться воедино с энергией людских желаний. Силу коллективной мысли можно направлять на все, что хочется сотворить и с чем интересно взаимодействовать.

Главное для нас, для всего поселения в целом, — жить в гармонии с великой энергией любви. К ней — особое уважение. Своим светом она отражается в лицах, наполняет пространство и струится во вселенские просторы, а затем благодарным светом возвращается на Землю.

Прекрасно Светорусье, только посмотри...

Вглядываясь в глаза, ощущаешь наполненность счастьем, желание жить и изменять условия бесконечно многообразной вечной игры...»

Здесь же на стенах более прозаические документы, наглядно отражающие жизнь поселения: цифры бюджета (сколько и на что потрачено), протоколы собраний, перечень и стоимость работ, которые выполняла та или иная семья. Все наглядно.

За два дня пребывания здесь мне посчастливилось познакомиться Полины и Юли познакомиться и пообщаться еще с несколькими поселенцами — семейными парами, кто оказался в эти дни дома. Это Артем Зингер и Таня Волкова, Салават и Светлана Мавлютовы, Женя Попов и Лена Елисеева, Саша Хуан и Таня Шергина, Игорь и Оксана Сысковы. Все они разные, и по характеру, и по взглядам на жизнь, на свое родовое поместье, у всех разные планы. Разные у всех и участки: у кого с — болотом, у кого — с холмами, у кого — равнина. Поэтому одни хотят в своем поместье сохранить уголки дикой природы, другие — нарыть прудов, третьи — разбить сады и огороды. **Но всех объединяет желание жить на природе, обустраивать мир своими руками, видеть результаты своих усилий.** У всех —

свет в глазах, энергия, интерес к жизни, доброжелательность. Слушать этих молодых людей интересно. Общение с ними убеждает в том, что **живут они осмысленно, неторопливо**, думают над тем, что делают, можно сказать, наполняят мыслями свои действия.

Обычно, когда речь заходит о подобных поселениях, всем интересно, **почему городские жители стремятся к земле**. До сих пор все уезжали из деревень в города, почему же теперь их тянет обратно? Этот вопрос я и задавал в первую очередь моим собеседникам.

Как правило, многие с идеей родовых поместий познакомились по книгам Владимира Мэгре. **Главная мысль — жить в гармонии с природой, творить свой собственный мир** — их и привлекает. Именно она включает в каждом Творца. Так и настроены поселенцы в Святорусье.

«Я два года работал в банке, — рассказывает экономист Игорь Сысков, — составлял договоры. И строительством не приходилось заниматься. Но сам я из деревни, и хотя с родителями жил в городе, все лето проводил у бабушки, в башкирской деревне. Когда появились книги Мэгре, увлекся

Игорь и Оксана пока живут в банке

Игорь и его лисья нора

идеей своего родового поместья, два года читал все, что мог найти на эту тему, а потом ушел из банка, потому что было ощущение, что жизнь уходит, идет мимо тебя. Вроде что-то делаешь, но не главное, не существенное. А тут друг предложил на фасаде поработать — замешивать раствор, красить, штукатурить. Потом не раз брали подряды... С прошлого года, когда стал здесь жить, появилась возможность и подрабатывать. Некоторые сюда наездами приезжают, пока не могут бросить работу в городе, да и заняты там. И у них самих нет времени здесь строиться. Поэтому мы с ребятами собрали бригаду (я, Артем и Артур), и строим таким поселенцам дома. Вот и источник дохода.

Некоторые считают, что для создания своего поместья нужны какие-то невероятные деньги. Но на самом деле, я в этом на практике убедился, все зависит от человека, от его потребностей, а не от суммы. Кому-то нужен дворец, кому-то — небольшой домик 3х3, а кому-то — и бытовки достаточно, чтобы здесь жить и налаживать хозяйство.

Если человек целеустремленный (а такие здесь встречаются), то ему хватит и 10 тысяч рублей, чтобы поставить дом и участок обустроить. Вообще возможности

появляются постоянно, особенно, если ты нацелен, если сформулировал, что тебе надо. И тогда варианты сами собой начинают приходить.

Это как чудо, но это так. **И не надо бояться:** мол, я же этого никогда не делал, наверное, не смогу. **Берешься, по ходу учишься, и все получается.** То есть приобретаешь не только бесценный практический опыт, практические навыки, но, и опыт психологический, когда уже не боишься браться за незнакомое тебе. Важно рискнуть и сделать шаг.

Я начинал, у меня было всего 80 тысяч рублей, и я строил вот этот временный домик и еще сарай, все — за 60 тысяч. И нам с женой Оксаной пока этого достаточно, чтобы жить и параллельно строить капитальный дом («лисью нору»). По ходу постоянно возникают возможности все траты компенсировать, зарабатывая на разных заказах. Причем, без надрыва, без гонки в беличьем колесе жизни за куском хлеба.

Скажем, я месяц строил дом, подустал, и мне теперь больше хочется заниматься чем-то другим, менее напряженным, **чтобы ощутить ритм жизни, почувствовать его.** Потому что, когда ты в напряжении, то ощущение жизни притупляется. В городе это не чувствуешь, а здесь это заметно, особенно, когда вспоминаешь город. Если я ощущаю напряжение, и меня угнетает работа, перестраиваюсь — начинаю смотреть, думать, анализировать: почему, как.

Строя дом, я гнал себя, чтобы закончить его до зимы. А потом подумал: А зачем? Кто меня гонит? И сразу стало комфортно на душе. Стало больше идей в голову приходить. Они и так приходят, но когда ты духовно свободен, не связан по рукам и ногам целью, то их намного больше. **То есть творческий потенциал у свободного человека выше.** Хочется, например, самому собрать сруб и сделать его по старинным технологиям. То есть и по срокам рубки деревьев, и по их высыханию, и по порядку укладки, и прочее. Есть идеи и по художественному украшению дома.

Есть задумка начать писать родовую книгу (история рода, семьи)...оформить ее красочно...Ведь она будет из поколения в поколение переходить...Зимой, когда дела по хозяйству отходят на второй план...тогда и займемся...

Конечно, пришлось себя существенно поменять, прежде всего психологически. **Ведь мы привыкли мыслить так: чтобы жить, нужны деньги.** Есть такая общая для всех установка. Иначе мы себе не представляем. Очень сложно

выйти из этого предела и посмотреть на ситуацию как бы со стороны.

Начиная жить здесь, преодолеваешь в себе барьер города. Пока многие работают там, а сюда только наезжают, у них есть внутренний страх: ничего не обустроено, людей пока мало, как мы сюда переедем? Но сейчас, когда здесь нас становится все больше, этот страх проходит. И потом, слушаешь деревенских, испугаться можно — они тут «вкалывают с утра до вечера не разгибаясь». На самом деле не так уж тут надо вкалывать. Сейчас есть техника. Пахать можно трактором. И полив может быть электрическим. И косилки... То есть погреб я, конечно, буду рыть (овощи надо где-то хранить), пруд я тоже буду копать, огород я тоже буду возделывать, но все это в разумных размерах, чтобы не до обессиливания. Картошку под соломой, грядки — под мульчу(сено), а урожаем какой есть, так и есть... Будем учиться у себя и у других...

Как мы в этом году сделали огород... Убрали дерн, взрыхлили, посадили что-то, плотно прикрыли мульчей. И вначале поливали, а потом об этом поливе забыли... И время он у нас не отнимал, но урожай давал... Вкалывать на нем, чтобы овощи были крупные... А кто сказал, что крупные морковки лучше мелких? Это стереотип — крупное лучше, чем мелкое... Я вот читал, что в яблочке-дичке не меньше полезных веществ, чем в садовом крупном яблоке. Оно потому и маленькое, что сконцентрировало в себе много полезного... А крупное, может, потому и крупное, что в нем все другие достоинства в размер ушли...

Или взять кошение травы... Все скосить, но ведь тогда зимой ветром снег полностью сдувается. А снег нужен, он землю утепляет. А не косишь, и силы не тратишь, и снег удерживается. **Чем плоха высокая трава?** Тем, что комары в ней сидят, и трава деревья глушит... А что такое комары, почему кусают? Деревенских вон не кусают. Надо понять это, и перестанут кусать. А деревья... надо вокруг них обкашивать и все... Весной эта трава за зиму перепреет, и ее уже остается только граблями собрать и вокруг обложить. И сорняки на первое время заглушатся.

Думаю, — подытоживая сказанное, говорит Игорь, — что поселение (сообщество единомышленников) — это огромный потенциал, это сила! Мне кажется, что **когда все тут построятся** (многие пока здесь не живут, а приезжают, работая в городе), **тогда можно будет сделать всем вместе что-то значительное, что-то, способное сделать мир лучше, что даст работу всем...**».

Кто-то, послушав Игоря, может сказать, что философия и эксперименты это хорошо, но реальная жизнь в деревне намного прозаичнее, и проблем здесь немеряно. Так оно и есть. И об этом надо сказать, чтобы не привлекать прекраснотушных и праздношатающихся мечтателей. Правда, поселенцы улыбаются, когда им задаешь вопрос *«Как вы тут **выживаете?**»* Потому что настрой у них оптимистичный и боевой, они хотят здесь **жить, а не выживать**, но это не значит, что жить им тут легко. Кто-то подрабатывает, кто-то урезывает свои потребности, кому-то помогают родители и родственники. Думаю, тем, кто собирается переселиться в родовое поместье, эти монологи будут и интересны и полезны.

*«Приехать сюда и здесь остаться, — говорит Полина Этман, — **больше шансов у тех, кто хорошо перед этим подумал, подготовился.** Ехать без денег, мол, вот я, приехал, это пустой номер. В среднем поставить здесь дом стоит тысяч 400 (рублей). А кроме дома еще и коммуникации: гараж, баня, хозблок, мастерская, пруды, питомники с саженцами, сад, огород... Вообще слишком много сил уходит на обустройство — строительство своего дома, банька или вагончик для временного жилья, огород. У меня, например, все силы ушли на дом. Поэтому нужен материальный задел. Как минимум — тысяч 200, а лучше 500. На эту сумму можно постройться, не считая ежедневного проживания, в среднем — тысяч 5 в месяц на человека (кому-то — 3, кому-то — 7). То есть люди приезжают сюда с готовыми накоплениями или продавая недвижимость. Многие продолжают работать — основной заработок — на стройках, в городе или в области...»*

«Типичный пример, — добавляет Юлия Притчина, — предприниматель из города Богдановичи Игорь Казанцев (Вон у него деревянный замок-коттедж, там все удобства: паровое отопление, горячая вода, рядом — гараж). Он занимается строительством, ему всего 20 минут дороги, ездить на объекты, принимать заказы, а жить здесь. И это вариант, который нам с мужем интересен. Поэтому мы переезжать не торопимся. Пытаемся наладить предпринимательство, которое можно через Интернет регулировать и не зависеть от того, где ты живешь. То есть надо заниматься делом, которое тебе интересно, приносит доход и позволяет содержать родовое поместье. Потому что жить чисто натуральным хозяйством невозможно. Как

Мэгре писал, что идеальное поселение, когда 50 процентов — предприниматели. Даже не только уже имеющие какое-то дело, но главное — имеющие такой ум. Они могут выжить в любых условиях, не потеряются в новой ситуации, которая может тут возникать постоянно. И потом связь с внешним миром должна быть, хотя бы, скажем, ради сбыта урожая.»

Насущный вопрос — **как хозяйствовать?** Не случайно обитатели Светорусья подчеркивают, что не вкалывать и надрываться они собираются на этой земле (что считается нормой для деревни), а жить радостной и полноценной жизнью. Заметно влияние идей австрийского фермера-агрария Зеппа Хольцера, который на своих сотках гектаров в альпийской деревне доказал, что, **если не бороться с природой (что происходило повсеместно до сих пор и повсеместно происходит), а вписываться в ее процессы, учиться у нее, то и усилий нужно намного меньше**, и результаты невероятные. Поселенцы действительно учатся у природы.

«Я — биолог по образованию, — показывая свои грядки, говорит Полина Этман, — и все время экспериментирую с посадками, сажаю морковь, картошку, лук с соломой. То есть сверху нагребая на грядку солому и под нее что-то сажаю. Земля закрыта, не выветривается и не истощается, солома в то же время является удобрением. И не по-

Полина и ее дом-шестигранник

ливаю, не пропалываю, не окучиваю. Хотя, надо признать, когда один раз прополоса, картошка крупнее получилась. И потом легко собирается урожай — разгреб солому, а там чистая хорошая картошка. Но тут есть тонкость: солома нужна без семян. Значит надо скашивать траву, когда семян нет.

То есть надо знать, когда что делать, это экономит силы. Вот для чего нужен народный календарь. А мы многого не знаем. Когда все делаешь во время, и сил меньше тратишь, и урожай хороший. А чуть пропустил, упустил, и все кувырком идет. То есть то, что наши предки давно освоили, мы этот опыт вспоминаем и возрождаем на собственной практике.

Но и от почвы многое зависит. Скажем, на этом уголке огорода у меня все получается, а на другом, при тех же самых действиях, нет. Потому что и почва другая, и климат другой (разная высота, рельеф, а из-за этого и ветер по-разному задувает). То есть каждый участок — уникальный полигон, который надо изучать. У каждого нарабатывается новый опыт. Я вот посадила картошку с соломой и рассказываю, как получается, делюсь. А у Аллы, например, на ее участке такая технология не проходит. Там другая почва. Так и у других...

Поэтому я не подаю свою технологию как нечто новое и подходящее для всех. Пробуем, экспериментируем. Каждому здесь надо становиться агрономом (а также архитектором, инженером, селекционером, садовником и так далее) своего участка. Осваивать агрономические знания через практику. Точно также как дом свой строить или животных разводить.

Сложившаяся традиционная технология зачастую не подходит. У меня вот две козы. Сколько книг перечитала о том, как за ними ухаживать. И из них поняла: я должна вокруг коз своих прыгать. Мне это не подходит. Очень трудоемко. У меня и помимо них дел хватает. Моя цель — как можно меньше сил на них тратить. Я хотела бы устроить такой уголок для коз, чтобы там сама собой росла дикая трава, было укрытие, чтоб они жили там самостоятельно (как у Робинзона Крузо). И через несколько лет, думаю, все это урегулируется. Такой подход у Мэгре выражен одной фразой: «Жизнь сама подсказывает, что нужно делать»...

Когда у тебя 10 или даже 20 соток, ты еще можешь многократно копать, полоть и поливать, как делают все дачники. А когда у тебя гектар (100 на 100 метров), ты

Пруды улучшают микроклимат (самодельный пруд)

Салават и Светлана

физически на нем все это не сможешь делать. Да и земля здесь сильно запущена. У меня, например, на участке разнообразие трав очень скудное, 10 видов травы: осот, пырей, некоторых я вообще не знаю. Вот бурьян, репей, их надо убирать (все заросло), но от них сложно избавиться. Колючки — не подойдет. Хотя корень лопуха можно есть. Моя задача — увеличить это разнообразие. Потому что известно: чем больше разнообразие, тем устойчивее система. Как у человека, чем больше витаминов у него в пище, тем крепче его иммунитет, тем он устойчивее. Вот и на-таскиваю, сажаю потихоньку. Уже около 20 видов травы.

У нас у каждого свои идеи. Например, Алла садит дом. Именно «садит», от слова «саженцы». Высаживаются деревья под будущий дом, скажем, 8 на 8 метров. По углам и посередине она сажает лиственницы и кедры. Это фундамент. Посередине на расстоянии метра она высаживает сосны, 64 штуки. Лет через 50-70 (это внуки уже будут решать, когда) этот лес спиливается (пеньки — это фундамент), лиственницы пойдут на нижние венцы дома. А бревна из сосен пойдут на сруб. У нас-то сейчас дома ставятся на ту же лиственницу или сосну, но эти опоры вкапываются. А здесь деревья сажаются с мыслью, с назначением. Они для этого растут. Они уже на месте. Так же можно «посадить» баню и любую другую постройку. Этого нигде больше нет. Это идея Аллы.

Точно также высаживаются деревья на дрова. Исходя из того, что надо пять берез в год....»

Подобными новыми идеями здесь, в Светорусье, с вами могут поделиться многие, потому что обывателей тут нет, сюда едет народ идейный, творческий. Однако не обязательно производить на своем участке революцию. Можно хозяйствовать и традиционно. Только получается все равно у всех по-своему, в соответствии с особенностями местности. Но тем интереснее...

«А мы, как и все, — говорит Светлана Мавлютова, — хотим лес насадить (он у нас будет с той стороны, где ветер постоянно дует). А вот что только у нас, так это горка с лесом, только у нас такой ландшафт. Мы сами такой участок выбрали. Нам так хотелось — чтоб и горка была и поляна. А под горкой — пруд. И чтоб тут жила всякая живность. У нас тут на болоте живут дикие утки, на речке бобры, в лесу косули, журавли прилетают, нам это очень нравится. Поэтому мы и на доме их нарисовали. Как символ семьи, семейного счастья. Поэтому и поместье свое мы

Артем, Таня и их сын Максим

Лена у экосветильника

назвали «Счастливое». Мы здесь в самом деле ходим счастливые. В городе — нервничаем, бывает, что и ругаемся. А здесь нет. И хорошо работается. Дом вот этот поставили всего за одну осень.

Будем копать пруд, 10 на 20 метров. Запускать туда рыбу, раков разводить. Посмотрим, кто тут хорошо уживается. Копаем ямы для погреба. Неклейкая глина хорошо держит влагу.

За счет чего жить? Салават работает участковым, пока идет обустройство, еще подрабатывает в строительных бригадах. Так что дом украшает сам. Вот арку над дверью, как купол в церкви, сделал, плетение на крыльце.. Я по профессии — учитель музыки. Здесь занимаюсь с детьми музыкой (сейчас — с детьми Полины, а на каникулы — и с другими), веду хор.. Праздники проводим, сценки ставим.

Хочется освоить рукоделие. Пока пробуем плести из соломы. Вот стенки-заготовки для туалета. Он будет из плетенок, в форме шестиугольника, очень необычный. Хочу беседку плетеную сделать тоже шестигранником...Так что почитали книги, начинаем придумывать. Будем плести корзинки.

Все здесь наладится, тогда можно будет сюда переехать совсем. А так приезжаем, когда свободны. Но эту зиму решили уже здесь зимовать. На стол все идет с огорода: свекла, морковка, картошка, капуста. Останутся излишки, будем продавать. Все тут растет хорошо — земля отдохнувшая.

Будем закладывать сад. У нас уже есть питомник. Только дикой травы много, быстро все затягивает. Приходится много триммером (с леской) выкашивать. Электричества пока не подвели, мы пользуемся бензогенератором (на 92м бензине — когда все включено, литра хватает на полтора часа). Хотим поставить ветрогенератор — тут ветер постоянно дует. Поедем в Екатеринбург смотреть, заодно, может, присмотрим что-то еще, например, светильники, на солнечных батареях.

Хотим заводить козочек, пчел (в бортовых ульях)...»

«Я — не городской житель, — рассказывает Артем Зингер, — косить умею, копать, ковать, приколотить что-то тоже. Теперь мы живем огородом. Продаем картошку, морковку. Оптовики предлагают 4-6 рублей, а на рынке в Екатеринбурге она стоит 15 рублей. А вообще спасибо маме, она вложила денежку — помогла купить дом, доски. Будем утеплять дом...

Хотим завести коз, кур, кроликов, заниматься **пчеловодством**. Скорее всего, бортовым. Колода лучше улья, она круглая, из цельной древесины, ближе к природе. И ухаживать целый год не надо. Раз в год брать мед и все. Правда, и меда в колоде меньше. Но мед будет не скоро, лет через пять. А еще планируем заниматься лозоплетением.

Есть разобранная кузня, ее надо восстанавливать. Я уже завез наковальню, разные там причандалы. Кузница в каждом поселении нужна. Некоторые дома тем и отличаются от других, что имеют красивое кованое крыльцо.

Закладываем питомник — сажаем кедры...елочки, пихты, сосны, лиственницы, березки, яблони, акацию...Учимся по ходу, происходит расширение кругозора. Скажем, чтобы пчел разводить, надо читать, разговаривать с пчеловодами... Главное — опыт, все познаешь на практике...»

«Алла с Артуром назвали свое поместье «Таежный склон», — показывает свое хозяйство Лена Елисеева, — А наше с Женей можно будет назвать «**Миллион озер**». У нас то их будет несколько, а кто к нам придет и увидит, потом решит и у себя такие озера создать. В целом со временем и будет миллион озер. То есть этот миллион начнется именно с нас, с нашего поместья.

У нас много ям и бугорков, потому что здесь раньше брали землю, глину. Ровного пространства мало. А нам это понравилось. Потому что это можно обыграть. Скажем холм для альпийской горки уже готов. Можно будет сделать для детей дикий мини-парк, с гротами, горками и рошицами. **Ямы — это уже готовые озера** (пока их дно выложено старыми плакатами из стекловолокна 6х3 метра по 100руб, можно эту же ткань на крышу. Прочная, год лежит в воде и ничего). Штук пять больших, а маленьких еще 25. Одно — самое большое, 30 на 20 метров (только перемычку между этими двумя ямами уберем), выложим дно его глиной. А другие — разных форм. Света с Салаватом будут рыб разводить, а мы не для рыб (мясо и рыбу не едим), а для того, чтобы плавать, а еще для красоты, там будут красивые цветы, кувшинки, камыши. Может, прилетят и поселятся цапли. В таких ямах-прудах сами собой заводятся всякие живности, жучки, мальки, откуда-то сами собой берутся. Видимо, попадают сюда с дождевой водой сверху. То есть сама собой возникает живая среда.

Пруды улучшают микроклимат, напитывают почву. Если они рядом с огородом, его и поливать удобно...Растениям вообще хорошо рядом с водой. Да и травка увлажняет

почву. Лес, когда вырастет, лет через 20-30 (особенно быстро растут березы — почти по метру в год), он будет затенять траву, и она не будет расти такая большая. А так весной купим газонокосилку, будем выкашивать все лишнее. В качестве ограды у нас будут вместе с кедрами елки (Игорю нравятся акация, а нам — елки).

Посадили сад, 70 деревьев: яблоки, груши, сливы, германскую мушмулу. Мушмула — южное растение, но у нас благополучно перезимовала две зимы, несмотря на морозы в 35 и 42 градуса, и теперь взошла. Хотим посадить манчжурские морозоустойчивые абрикосы, персики. Землю один раз вспахал и все, больше ее не надо трогать. Остальное будет вершить природа: червячки, жучки, кроты, землеройки, слепыши.

Сажаем лес. В качестве ограды на границах участка посадили сосны в 2 ряда, ели. Будет небольшой свой лесопарк. Половина — кедры с соснами и елками, а половина — лиственный (березовая роща, дубовая, липовая, орешник). С севера будут дубы и липы. Все будет красиво. Каждое окно будет выходить на клумбу. **И называется будет каждое окно в зависимости от клумбы так: «пионовое», «можжевельное», «астровое».**

Много читаем про дома, дачи, участки, технологии. Если находим что-то для себя новое, интересное, — думаем: как использовать. Например, прочитали про ледники, хотим так же сделать и у себя. Со временем планируем и автономное электричество — через солнечные батареи, через ветряки (ветры тут сумасшедшие — у одних тут даже крышу с дома сдуло) или еще что-то. **Но ветряки надо ставить очень высоко, поскольку со временем здесь будет лес, высокие деревья и ниже их ветра не будет.** Увидели такие маленькие фонари с солнечными батареями и светодиодами вместо лампочки (площади одного фонаря, всего в компьютерный диск, хватает) и купили (они стоят всего по 100 руб). Ночью они обозначают нам дорожки, а днем сами заряжаются.»

«Нам иногда говорят, — добавляет к словам Лены Женя Попов, — Сейчас у вас энтузиазм, планы, а обустроитесь, и незаметно, незаметно дел будет все больше, так что, может, будет некогда выйти даже на закат полюбоваться...

А я думаю, что мы все-таки другие. Наши родители и большинство сельских жителей просто живет и делает все, как принято, как привычно. А мы думаем головой. Во все пытаемся внести мысль. Реализуем разные идеи...

Скажем, помещаем саженцы в пластиковые бутылки... это защита от мышей, которые все, что ни посадишь, сразу подгрызают. Еще год назад тут было море мышей. Идешь, прямо из-под ног врассыпную... Или скажем, совершенствуем теплицы, полив, температуру. Надо было сделать водосборники, а я не сделал, не было времени. И Лене пришлось бегать и постоянно поливать. А следующую теплицу уже сделали иначе, чем первую. И таких усилий она уже не требовала. То есть **всегда можно сделать что-то лучше, экономичней, надо только голову приложить**. Например, у австрийца Зеппа Хольцера особая система прудов. Когда вода накапливается, то перекачивается, вот и дармовое электричество...»

«Я — экспедитор мебельного магазина, — говорит Саша Хуан, — пока работаю в городе ...А сюда мы с Таней приезжаем по воскресным дням. Видите, у нас поместье расположено в низине. Поэтому надо будет делать протоки, осушать заболоченные участки. Но один кусочек, заповедный, обязательно оставим, может, там поселятся журавли. Надо изучать все, что тут растет. Мы многого еще не знаем. Вот, например, местный камыш или, как его здесь еще называют, «рогоз». Его здесь много. У него корни съедобные. Из них можно делать муку и печь хлеб.

Таня предлагала открыть пекарню, но потом вроде решили, что каждый может сам печь для себя хлеб. Думаю, что пекарня все-таки будет нужна. Не только для того, чтобы себя кормить, но и продавать наш светорусский хлеб. Без дрожжей, по древнерусским рецептам, может быть, с добавкой наших трав или перемолотого того же рогоза. Главное — из того, что растет под ногами. **Своя еда — это тоже основа для духовного изменения. Мы должны начать менять свой рацион с купленного чужого на свое, родное, на то, что здесь растет...**

Интересная тут земля — сразу несколько глин. Не так далеко от нас есть рыжая глина. А у нас на участке — белая. В реке — голубая. И у нас **задумка из этих местных глин делать кирпичи**. Можно делать их плотные, тяжелые, из одной глины, а из другой можно делать легкие, с соломой. Я сам пробовал такой кирпич сделать в тазике. Получился вполне сносный, даже пилится пилой. Твори, выдумывай, пробуй...»

«Тут такой простор... — добавляет к словам Саши Таня Шергина, — не то, что в обычной деревне, где забор к забору и все лепится друг к другу...а мне как раз нужен простор. Сюда приехала, прямо ахнула...»

Саша на своем поле рогоза

Важный вопрос — строительство дома. У кого-то дом стандартный, хоть и коттедж, как, например, у предпринимателя из Богдановича. У Игоря Сыскова — «лисья нора», то есть утопленный в землю почти по самую крышу сруб, подобный тем, которые строили в IX-X веках наши предки-славяне. Преимущество такого дома в том, что он лучше хранит тепло, нужно меньше топить. И землю на крышу не надо искать — если копать пруд, то вот она, накидывай, разравнивай, сей потом в нее траву. Покрытая дерном, крыша такого дома сверху практически сливается с травой. Артем тоже собирается такую же «землянку» строить. Хотя, судя по полемике о «лисьей норе» в газете «Родовая земля», все преимущества и недостатки такого дома еще проверять и проверять.

А вот у Полины шестигранник. Спрашиваю: *«Почему такой формы?»* Отвечает: *«Да вот, так захотелось... Вроде как конструкция попрочнее, света побольше, такой дом лучше и дольше держит тепло. Материала на периметр идет поменьше. Правда, такой дом требует больше труда и средств.»*

У Лены Елисеевой с Женей Поповым еще дома нет, живут они пока в «Семейной школе» и достраивают баню, которая тоже получается оригинальной, с необычной крышей.

«Баня будет с жилой комнатой, — поясняет Лена, — Потолки высокие, метра три. И высоко под потолком, там, где тепло, полати...

*Почему необычная крыша с таким покрытием? Это **наплавляемая кровля**. Она как рубероид, но толще, и наплавляется горелкой. Правда, это нижняя часть крыши. Над ней будет еще одна. По деньгам мы пока не тянем, перезимуем и с этой, главное — дождь не страшен. А весной начнем верхнюю. Почему она такой формы? Женя так захотел, ему **неинтересно просто делать, надо обязательно с выдумкой**. Он и туалет хочет сделать в виде теремка, с умывальником, украсить чем-нибудь.*

Мы сначала начитались о том, что баню лучше развернуть на запад, потому что в баню обычно ходят вечером, и чтобы западное солнце светило в окно. А вход лучше делать с юга, потому что зимой оттаивает раньше. И мы так вот дом-баню и развернули. А жилая комната у нас получилась на восток. Чтобы было больше солнца.

Строящийся дом Жени и Лены

А крышу хотели было сделать обычную, двухскатную, но когда стали делать, то увидели, что при сильных ветрах будет холодно. И потом ее вообще может снести. И тогда мы решили крышу скосить. Потому такая и получилась. Может быть, весной на ней, раз широкая ее сторона выходит на юг, и снег будет быстрее таять. Посмотрим. В общем, пока строим, учимся. Так что основной дом уже будем строить что-то умея...»

«Будущий дом (большой, зимний), — добавляет Женя, — у нас будет легкий, удобный, а стены заполним соломенными тюками, которые трактор прессует. Соломы тут полно. И такие соломенные стены почти не ощущаются. Чувствуешь себя, как будто ты на улице. Дом дышит. И он должен быть светлым, застекленным, чтобы как можно дольше не пользоваться электричеством. Оно дорого здесь обходится (только за подключение нужно 70 тысяч). А сверху должна быть башенка, чтобы сверху все было видно. Но такой дом это пока — мечта, он будет позже.»

Понятно, что помимо индивидуальных планов у поселенцев есть и общие, связанные с развитием всего Светорусья в целом. «Семейная школа», как культурный и общественный центр, это хорошо, а что еще? Ведь должна быть какая-то экономика, общий бизнес. В перспективе во всех поселениях планируется со временем продавать для специальных городских или сельских магазинов экологически чистые продукты, выращенные без химии и генной инженерии, бортный мед, а также вещи и изделия, сделанные вручную и с любовью (ткачество, плетение, вышивка). Но, пока идет обустройство все это в будущем. А что можно делать сейчас? Ребята пробовали открыть пилораму, покупали лес (бревна), чтобы пилить его на доски, но у них не пошло. Им продали старое оборудование, и много досок уходило в отходы.

Женя Попов, например, столяр, мастер по дереву, в городе делал нестандартную мебель, мечтает открыть здесь свою мастерскую. Мебель всем нужна. Скажем, делать семейные комоды на заказ, с вензелями и украшениями, которые можно передавать по наследству, из рода в род. А пока (один или с кем-то на пару) заключает подряды, строит, делает ремонт или подражается состоятельным людям мебель собирать. Лена Елисеева, по профессии кондитер и дирижер академического хора, шьет на заказ рубашки и косоворотки с вышивкой. Ей их заказывают по Интернету, где она размещает информацию.

Саженцы кедра требуют любви и нежности

Увлекается плетением макраме, что проявляется в виде симпатичных занавесок у нее на окнах.. По натуре она — не преподаватель, ей, по ее словам, нравится где-то тихо сидеть в уголке и что-то красивое мастерить.

В будущем, наверное, будут еще и другие источники дохода. Например, Артем мечтает о питомнике, где можно выращивать саженцы, в первую очередь, кедр, а потом их продавать.

Общественная деятельность пока здесь проявляется в участии в общих делах: очистке ручьев, реки Малая Калиновка, строительстве замечательного подвесного моста через нее, в обустройстве «причала» — места недалеко от моста, где можно собираться под открытым небом, совместных посадках деревьев, закладках питомника саженцев. Впереди много других интересных дел.

«Несколько участков, там, где болото, — поясняет Полина, — пока никто не берет. Это не природное болото, просто заброшенные земли. Их надо восстанавливать. Будем копать канаву, тогда искусственное болото осушится, и эти участки станут привлекательнее. Их тоже разберут. Зато у нас есть природное болотце, где живут утки, журавли, там мы это болотце трогать не будем. Это у нас будет общественный заповедничек».

Каждое общественное мероприятие проходит в Светорусье как праздник, своего рода ритуал, обряд, в нем участвует много народа, взрослые и дети.

Есть и общественное распределение дел. *«Кто на что вдохновляет людей (появляется идея), — рассказывает Артем, — тот за это и отвечает. Правда, это все добровольно. Мы с Таней, например, — ответственные за озеленение, закупаем на всех саженцы. Если бы мы не захотели, согласился бы кто-то еще. Салават хочет сделать фотоальбом поселения. А Артур ведет летопись.»*

Обязательно у всех, в каждом поместье, предполагается завести пчел, которые, по мнению поселенцев, не только опыляют растения, но и *«обогащают энергетику пространства, структурируют ее, вносят в нее дух упорядоченности»*. Пчелам тут раздолье — цветет черемуха вдоль реки, яблони, трав полно...даже репей цветет. По обе стороны реки — луга...У четырех семей уже есть пчелы. У двух семей — ульи (уже есть мед), а у двух — колоды-борти. Кто-то уже научился делать такие колоды. Хотя лишнего меда (то есть для продажи) пока нет.

Немаловажный вопрос — сосуществование с соседями. На месте Светорусья раньше была деревня, от которой остался только заброшенный пустой дом. Но рядом

Совет старейшин

тоже были деревни, от которых также остались одиночные дома. В некоторых еще живут люди, бывшие колхозники.

«Нам с соседями повезло, — считает Полина. — Мы приехали, познакомились, поговорили с ними, рассказали, что мы хотим. Мы пробовали обратиться к ним в свою веру — предлагали им книги Мэгре. Кто-то отказался, кто-то почитал, правда, ничего не сказали. Тем не менее установились хорошие отношения. Они нам все время помогают. Например, с трактором (у них свой трактор) — привозят нам что-то или постоянно нас вытаскивают из грязи. Зимой здесь грейдером чистят дороги, уравнивают. Потому что, в распутицу, если проехал трактор, то тут такие колеи, что на легковой не проедешь. Мы у них покупаем молочные продукты: творог, молоко, сметану... Помогают они нам и советом, что где найти, куда пойти.

То есть без контакта с местным населением, без их помощи, здесь трудно выжить. В борьбе с ними ничего не получится, потому что тут итак проблем хватает. Хочешь не хочешь, нужна техника. С косой тут все не выкосить. Да и народ, хотя тут у нас собрались не больные, а здоровые молодые люди, пока слабый физически. По сравнению с крестьянами, мы все «еле живые». Нынешняя 70-летняя деревенская бабушка крепче, выносливей молодого город-

Чистка ручья

ского парня. И физически работать не умеем, например, косить. В жару быстро устаем. Даже просто утром иногда встать, когда холодно, и печка уже остыла — проблема! И комары тоже для нас проблема. А местные их и не замечают. То есть, чтобы на земле жить нужно здоровье, выносливость и физическая сила.

Купить трактор совместно мы пока не думали. У техники должен быть один хозяин, а другие могли бы к нему обращаться за денежку. Привези, увези.

Мы у них учимся. Даже решительности: решили — сделали. Без разговоров. Здесь иначе нельзя — за мыслью должно следовать действие.

«Мы, когда камышовская администрация предложила нам эту землю, — добавляет к словам Полины Юля, — приехали сюда (нас было 6 человек), уселись «у причала», там, где сейчас мост и беседка, смотрим: к нам идет женщина с ведром, полным даров: кабачки, помидоры, морковка. Это была Мария с местными дарами. Так и познакомились.»

Помощь местных, о чем говорит Полина, это на первых порах. Со временем, я думаю, поселенцы станут более защищенными. В первую очередь за счет естественной и здоровой жизни в деревне. Они уже и сейчас начинают меняться, психологически и даже физически.

«Здесь в деревне, — говорит Оксана, — на жизнь уходит намного меньше денег, потому что деньги здесь конкретные... Раз в неделю ходим в магазин, купим чего-то на 100 рублей и все. А в городе деньги как правило уходят непонятно на что, ты их тратишь неожиданно, когда что-то вдруг бросается в глаза, и ты это не задумываясь покупаешь. Здесь у нас на двоих нам на месяц хватает две-три тысячи. Заработать такую сумму совсем не сложно.»

«Вода у нас тут вкусная, из родников, а зимой из проруби, — рассказывает Лена, — и мы пробуем разные травы для чая... Пробуем травы для салатов. Год назад я бы корень лопуха не стала есть, а в этом году угостили, мне понравилось... Мы все больше питаемся растительной пищей, она для нас становится все более привычной... В нас меняется микрофлора... В город поедем, что-то поедим городское, а потом приезжаем сюда, некоторое время как бы болеем.»

«С весны, — добавляет Полина, — мы стали пить козье молоко и постепенно перестали есть творог, не хочется. То есть козье молоко такое полезное, в нем вещества, которых нам не хватает. Раньше в городе мои дети на йогуртах и пепси сидели, а тут мы про все это забыли. И нет уже по-

требности смотреть телевизор с утра до вечера. Смотрим хорошие фильмы, час в день.»

*«Если нет мяса, — говорит Игорь, — обходимся без него. Почему не есть то, что растет здесь? Я провел исследование — из 60 растений по меньшей мере половина съедобных. Бодяк, крапива, пырей...И мы здесь пьем травяные чаи на меду. Сахар только на выпечку... Мы привыкли голодать — раз в неделю (пьем только воду). Или в какой-то день едим только сырые продукты: сухофрукты, яблоки, арбузы, овощи. Когда ты занят работой, есть не хочется. И потом ты как бы программируешь себя — сказал заранее: «завтра поголодаем», и организм это запоминает. Уже назавтра легче. И долго есть не хочется. То есть **надо не напрягаться и наращивать материальное изобилие, а поменять что-то в себе...**Скажем, голодать почаще, не один, а два дня в неделю — это 104 дня в год. Сколько еды экономится, сколько времени...Оксана пять часов в день тратит на приготовление пищи, а потом поспать хочется...**Сколько освобождается времени и сил для духовной жизни...**»*

Слушаешь этих вдумчивых молодых людей, и в голову приходят разные мысли, грустные и веселые, оптимистические. О том, что чем больше блага современной цивилизации отгораживают человека от природы, тем сильнее смещаются в его сознании все установки, как в телевизоре с разболтанной настройкой. Наши дети (а у них-то ведь, казалось бы, еще все чувства неиспорченны) уже не могут оценить вкус простой воды и простого хлеба, они хотят пепси и чипсы — отраву для здоровья, с точки зрения медиков. А, отравляя плоть, мы незаметно и отравляем наши мысли, не замечаем, как смещаются в нашем сознании понятия о добре и зле, осознание, что можно и что нельзя, понимание, как жить на этой земле, чтобы она не сгорела под нашими ногами. **Природа, в которую мы начинаем возвращаться через родовые поселения, может вернуть нам утраченные чувства** и поставить на место мозги.

Да, жизнь в Светорусье пока только налаживается: все строится, но еще не закончен полностью ни один дом; все сажают деревья, но еще не вырос ни один сад, ни одна живая изгородь из елей и кедров; все собираются со временем переехать сюда, но большинство пока приезжает сюда наездами...Посмотрим, что будет лет через пять. И все же я уезжаю отсюда с хорошим настроением — ребята не боятся за свое будущее, это не праздно мечтающие без-

дельники, а деятельные энергичные люди, которые хотят не просто жить в свое удовольствие, а осознанно творить собственную жизнь, не причиняя вреда природе. Как говорит Полина: *«У людей здесь высокие цели».*

На прощанье я задал всем один и тот же вопрос:

«Что бы вы сказали тем, кто хочет переехать к вам, в Святорусье, чтобы обрести свое родовое поместье?»

Ответы по настрою оказались на удивление похожи.

Светлана: *«Не надо сильно бояться.»*

Салават: *«Психологически тяжело переехать. Самое тяжелое в любом деле — сделать первый шаг, а потом привыкнешь, и нормально.»*

Артем: *«Если не пытаться, то ничего и не будет. Никто не говорил, что будет легко. Поэтому я для себя решил: как бы ни было мне трудно, я буду что-то делать, потому что я хочу увидеть плоды своего труда. И я стараюсь, меня это вдохновляет, я горю этим.»*

Игорь: *«Когда ты на земле, все книжки живые, потому что их пробуешь на практике...Дом, например, сам продумываешь до деталей...Хочется, чтобы мир стал лучше, чтобы наши дети, глядя на нас, тоже хотели бы творить свою жизнь, хочется чувствовать природу ...И мне наша будущая жизнь видится как возврат к забытой русской культуре. Ведь все уже открыто, наработано до нас. И сельскохозяйственные знания, и быт, и отдых...Когда это знаешь, и живешь оптимально, экономно...Может быть, через нас и таких, как мы, эта культура будет возвращаться.»*

Заключение

Конечно, главная ценность на земле это — сама жизнь, потому что это самое уникальное чудо во вселенной. И именно потому, что это чудо, в нем заложены важные механизмы существования. Они есть и для земли, как планеты, и для неба, и для реки, и для леса, и для огня. Они есть для любого живого существа на Земле, в том числе и для человека.

Но для человека важно ведь не только физическое выживание, сохранение себя живым. **Важно почувствовать себя человеком, прожить достойно, сделать что-то полезное, не только для себя, но и для людей.** Чтобы вспоминали добрым словом. Для этого есть заповеди, записанных на скрижалях (о чем шла речь выше), и есть вечные ценности, записанные в нашей памяти, которые входят в наше сознание с детства и сопровождают нас всю жизнь.

Некоторые ученые, например, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки, Татьяна Петровна Григорьева, участник круглого стола в Библиотеке имени В.И.Ленина на тему «Вечные ценности как путь к согласию и взаимопониманию», считают, что **вечные ценности станут востребованными, когда в обществе восстановится ощущение вечности**, духовной основы, завета, данного Богом, Верховной Душой или Духом Святым, которое, к сожалению, исчезло. По их мнению, человек так и останется неприкаянным, если он не ощутит, что сверх его бытия, сверх этого видимого мира есть мир невидимый, духовный.

Важную роль вечные ценности играют и в выборе нами занятия, которое становится потом основной профессией или любимым делом, что придает нашей жизни высокий смысл.

Многие мудрые люди говорят об одном и том же: *«У каждого человека есть свое предназначение, свой жизненный путь, и, только выполняя это предназначение, он сумеет сделать и свою жизнь радостной, наполненной смыслом и жизнь других».*

Да, в это верить полезно и даже надо, потому что, как показали исследования биографий выдающихся людей, те, кто оставил в истории человечества достойный след, как правило, в детстве верили в свое особое предназначение.

Но то же самое можно сказать и про вечные ценности — **надо верить в их важную роль в раскрытии своего предназначения, в реализации своего потенциала.** Почему, потому что вечные ценности — это лучшее, к чему пришли люди за тысячелетия существования человечества. Эти ценности открыли для себя

лучшие люди в момент творческих озарений, когда у них были включены и работали высшие духовные центры (согласно индийской философии это три верхние духовные чакры в энергетической системе человека:

горловой центр речи Вишудха,
чакра интуиции Аджна и
божественный центр Сахасра).

Точно так же при каждом соприкосновении с той или иной вечной ценностью любой человек тревожит свои высшие центры, неосознанно или осознанно готовит себя к их включению. Включаясь же, они активизируют и предназначение человека. И часто бывает так, что люди, всю жизнь не находящие себя, свои нишу в жизни, соприкоснувшись с той или иной вечной ценностью, вдруг чувствуют в себе склонность к чему-то, чем потом и начинают заниматься, в чем потом находят свое призвание.

Вечные ценности — это результат работы высоких энергий, которые вырабатывали лучшие люди всех времен и народов, потому и отбираются они временем, как самое лучшее, как самое ценное. И в то же время высшие ценности — сами несут в себе эти высокие энергии, потому что такова их вибрация, такова их природа. И прикосновение к ним любого человека как подключение к сети, к источнику энергии...

Лев Толстой писал: *«Когда человек находится в движении, он всегда придумывает себе цель этого движения. Для того, чтобы идти 1000 верст, ему необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими тысячью верстами. Нужно иметь представление об обетованной земле для того, чтобы иметь силы двигаться туда».*

Вечные ценности как раз и дают нам силы двигаться к этой обетованной земле, помогают ощутить, что сверх бытия, сверх этого видимого мира есть мир невидимый, духовный, дарят надежду на что-то хорошее впереди, на то, что наша жизнь имеет какой-то смысл...Поднимая над конкретным существованием, они приобщают нас к вечности, из которой все появляется и куда все исчезает...

Оглавление

Предисловие.....	3
От автора.....	5
Вертикаль крещения.....	12
«Простая жизнь».....	19
Простые вещи.....	31
Простая еда.....	36
В поисках смысла.....	41
Круг жизни.....	48
Вера – доверие себе и миру.....	55
Бог и время.....	65
Храм – корабль спасения.....	73
«Икона – свет изнутри».....	82
Феномен молитвы.....	91
Тайные механизмы Евангелия.....	102
Домашняя книга деда Каширина.....	109
Открывшийся мир.....	117
В край белых облаков.....	127
Два взгляда, два мира.....	138
Далеко-далеко.....	150
Дорога к родовому дому.....	160
Малая Родина.....	183
Здравствуй, Масленица.....	188
Иванов день.....	198
Праздник урожая.....	210
У источника.....	220

Ожидание.....	231
Из бабушкиного сундука.....	240
Старые письма.....	250
Вещи из домашнего музея.....	259
Двери нашей памяти.....	268
Верность — ключ к будущему.....	276
Ангел благодетеля.....	289
Золотошвейки.....	300
Этикет в раме.....	308
Песня — гимн жизни.....	317
Музей забытого вкуса.....	330
Мысли о вечном.....	344
В парке прадеда.....	351
Рай-усадьба.....	360
Альма Матер.....	371
Писатель для маленького города.....	384
Русь из раскопа.....	402
Душа народа.....	418
Наша будущая жизнь.....	432
Заключение.....	460

Свои советы,
восхищение и возмущение,
свои вопросы и ответы,
предположения и предложения,
свои отзывы о книге,
пожалуйста, передавайте автору
по мобильному телефону:
8-909-934-17-08
или по электронной почте:
german155@mail.ru
или пишите на сайт:
герман-арутюнов.рф

Арутюнов Герман Рафаэлевич

Вечные ценности

Подписано в печать 31.10.2017 г.
Формат 60х90 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная
Объем 58.0
Тираж — 200 экз. Заказ №